

Кс

РУССКАЯ
ШКОЛА
КИНО

КИНО

№6

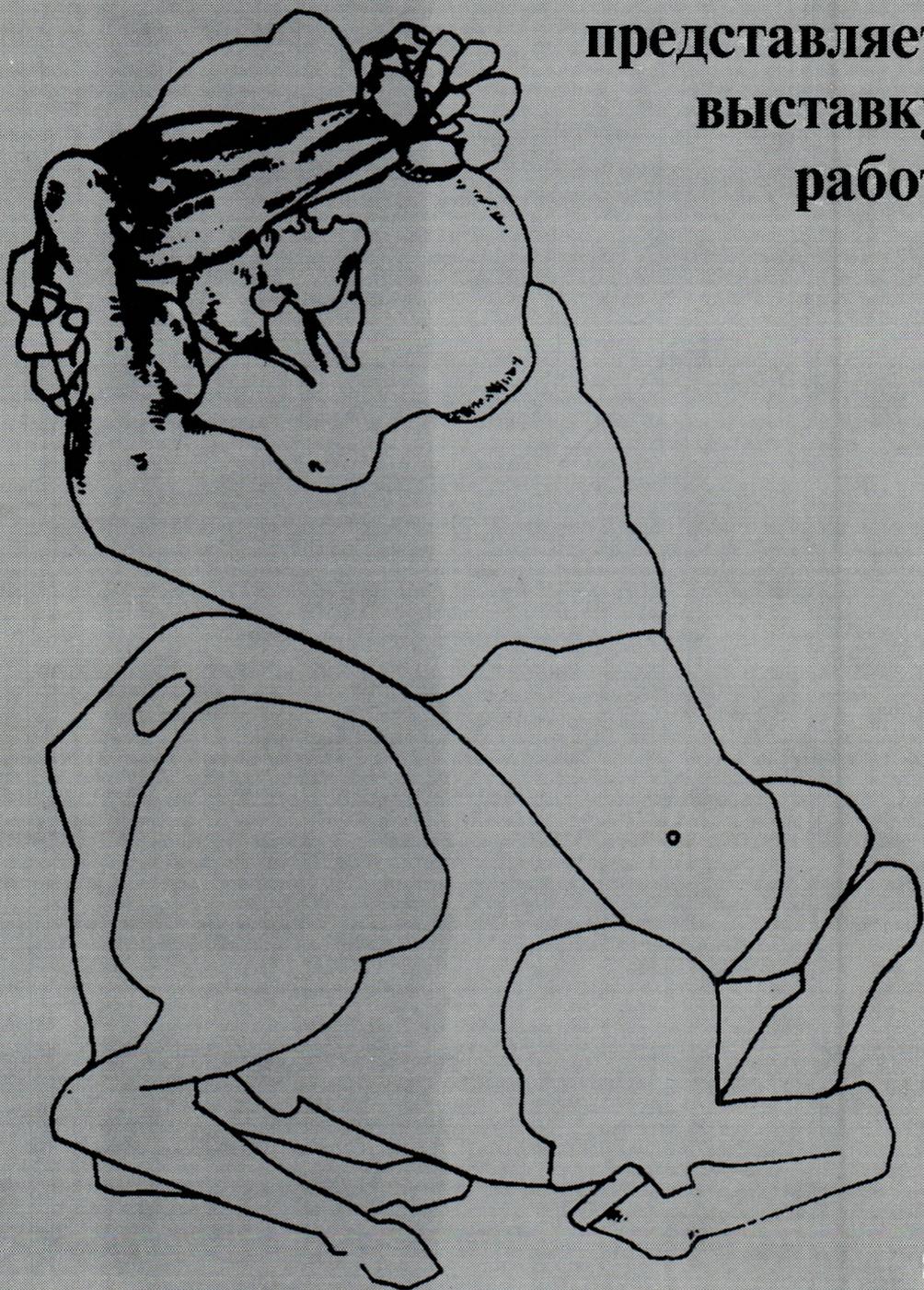
СЦЕНАРИИ

6
95

ISSN 0206-8680

ГАЛЕРЕЯ "ДОМ НАЩОКИНА"

представляет
выставку
работ

Кентавр

ЭРИСТА НЕИЗВЕСТНОГО

№ 6 КИНО СЦЕНАРИИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Учредители:
Комитет кинематографии при
правительстве Российской
Федерации
Конфедерация Союзов
кинематографистов
Редакция журнала
"Киносценарии"

Журнал издается с 1973 года

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

А. Червинский	8	"КОРОЛЕВСТВО У МОРЯ"
А. Беннетт	40	"БЕЗУМИЕ КОРОЛЯ ГЕОРГА"
Ч. Бреккет, Б. Уайлдер, У. Рейш	80	"НИНОЧКА"
А. Сурина	129	"ИМПРОВИЗАЦИЯ"
П. Луцик, А. Саморядов	133	"СКАЗКА О ТОМ, ЧТО МЫ МОЖЕМ, А ЧЕГО НЕТ"
В. Черных	138	"ЖЕНЩИН ОБИЖАТЬ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ"
А. Тигай	144	"ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА"
Э. Рязанов	155	"НИКТО НЕ ХОТЕЛ ВЫДВИГАТЬ"
А. Митта	169	"СТЕРЕОТИПЫ ДРАМАТУРГИИ"
Д. Робинсон	181	"ХРОНИКА КИНЕМАТОГРАФА"

Александр Червинский
в редакции журнала "Киносценарии"
у скульптуры Михаила Шемякина
на выставке галереи "Дом Нащокина"
с книгой Бориса Носика "Мир и дар
Владимира Набокова.
Первая русская биография писателя".

Сейчас кажется, что это было давным-давно: Александр Червинский, вполне благополучный московский кинодраматург, решил резко поменять свою жизнь и переехать в США. Уезжая, Саша завершал свои российские дела: принес к нам в редакцию свой непоставленный сценарий "Ленинградец" и рукопись книги "Как хорошо продать хороший сценарий", часть первая. Мы все это напечатали и стали ждать вестей.

Пришло письмо. Напечатали. Про собаку.

И вот – не прошло и трех лет – Саша Червинский вновь появился у нас в редакции. И не просто так, а с только что написанным – там, в Америке, – сценарием по последнему роману Владимира Набокова "Смотри на арлекинов", роману, который никто из нас не читал, потому что по-русски его не существует...

– Саша, почему вы выбрали произведение, которого никто не знает?

– Совершенно случайно. Просто некий молодой режиссер, теперь живущий в Нью-Йорке, написал мне письмо и предложил прочитать это произведение с некими надеждами, что, может быть, что-то из этого получится.

– Это американский режиссер? В смысле, он работает там?

– Теперь он живет там, так же, как и я. До этого он жил тут, в коридорах киностудии "Ленфильм". Он сам, насколько я понимаю, этот роман не читал, потому что он волокет по-английски довольно слабо. Я более или менее могу на этом языке объясняться, но прочитать этот роман было невероятно сложно, потому что... потому что его написал Набоков. Он писал на английском языке изысканно, потрясающе, вычурно, сложно, остроумно, непонятно, экзальтированно, безумно, странно и не похоже ни на кого. Тем не менее я это одолел и понял, что написать сценарий по этому роману невозможно. Это последний роман Набокова, как бы итоговый роман, и он представляет собой автобиографию вымышленного писателя, альтер эго Набокова, которого зовут не Владимир Владимирович Набоков, а Вадим Вадимович Н. Ну, это вечная набоковская игра со словом и со всем на свете. Это повествование, в котором нет единого сюжета, нет ни завязки, ни развязки, ни характера этого самого писателя, а есть история его пяти или там шести женитьб, – это самоирония Набокова над самим собой. Это все абсолютно неподъемно и невозможно для кино, тем более что в этой книжке практически нет диалогов, есть лишь бесконечные игры поэта с читателем – и, по сути, ничего кроме этого. Игры, игры, игры... Очень остроумно все написано, но юмор этот может существовать только для тех, кто достаточно образован, кто читал некоторые его вещи на английском, которые у нас просто не были переведены, и поэтому они даже не входят в тот обязательный багаж интеллигентного человека, на котором мы все выросли.

Поэтому я отказался от этого дела. А через два месяца, после того как я осатанел там от безнадежных попыток заработать деньги, пытаюсь их делать теми способами, которыми я не владею, наверное, я просто от тоски опять стал думать об этой штуке и неожиданно для самого себя обнаружил себя уже пишущим. Написал за два месяца. К сожалению, никто не может сравнить то, что я написал, с романом – его не существует на русском языке (он не переведен), а это очень интересно. Потому что сценарий имеет сюжет, имеет историю, он полон человеческих чувств и страстей – чего нет в этом романе. Вместе с тем, мне кажется, это первая серьезная попытка сделать Набокова в

кино. И это – Набоков, это все-таки мир Набокова, хотя фильм рассчитан на довольно большое число читателей и зрителей. Мне кажется, что это достаточно трогательный и занимательный сюжет.

– **Вопрос провокационный: вы в своей книжке "Как хорошо продать хороший сценарий" говорите, что автор, когда пишет, должен представлять себе какого-нибудь актера в роли своих героев. Кого вы конкретно представляли, если не секрет?**

– Я... Мало ли, что я написал в той книжке... Это не я писал. Это же американцы писали, я только компилировал. Я редко представляю себе актеров. Думаю, из знакомых актеров в России это мог бы сыграть Олег Меньшиков. Американских я знаю не так хорошо, но думаю, что можно найти актера, хотя просто.

– **Хорошо, не буду больше мучить с Набоковым и со сценарием, потому что читатель сам может прочесть и сам сделать выводы. И поскольку затронули книгу – к вопросу о ней. Нас терзают письмами, звонками – когда выйдет вторая часть.**

– Вы знаете, я не уверен, что она нужна, эта вторая часть...

– **Но люди требуют...**

– ...потому что первая часть вполне достаточна, для того чтобы суметь грамотно написать сценарий. А вторая часть – о том, как его продать, она все равно будет недостаточно правдивой, потому что если были бы такие рецепты, как действительно продать хороший сценарий!

– **Вам уже рассказывали историю, как к нам пришел молодой человек, который написал сценарий, сверяясь, выверяя, просто математически высчитывая там каждый метр, кадр по вашей книге, и продал его за 60 тысяч долларов? А парень не оканчивал ВГИКа...**

– Я даже знаю, что он к вам пришел с бутылкой...

– **С букетом!!!**

– А ко мне он мог бы прийти с бутылкой.

– **Он очень рвался...**

– Я его жду и буду очень рад, если он появится. Нет, вообще-то я думаю, что книжка полезна даже для профессионалов; мне она полезна, потому что с помощью вот этих рецептов можно себя проверять; очень многие вещи могли бы быть лучше, если б человек хоть как-то себя контролировал, а не просто плыл бы по воле волн, по воле чувств, когда пишет сценарий для кино. Вообще все это страшно интересно. Дело в том, что после этих двух лет я понял, что вся жизнь в цивилизованном мире состоит из таких рецептов, понимаете? Там вообще все образование состоит в том, что человека учат не чему-то вообще, а совершенно конкретным вещам. Его учат делать то-то, то-то и то-то... И все образование состоит из правил, которые человек может использовать потом. Для любой вещи, для любого действия, любого события человек должен знать правило, как себя вести – он должен не связываться, он должен бороться, но тоже по правилам... Нельзя ничего делать спонтанно. Скучно. И целая цивилизация основана на этом.

Моя жена учится на медсестру. И вот в самом начале она проходила курсы каких-то помощниц санитарок – это практически те, кто выносит горшки за больными, – но там нужно сдавать довольно толстый учебник по этому делу. И в этом учебнике написано, как подходить к умывальнику, как мыть руки, как надо их намыливать, как вытирать, т. е. совершенно очевидные вещи. Когда человека нанимают в помощники разносить пиццу, то он проходит обучение. Директор показывает ему, как стучать в дверь, как при этом стоять надо, как при этом кланяться, какие слова при этом надо говорить. То есть все профессии, как бы они ни были малы, как бы они ни были огромны, они все состоят из таких топигов – правил, которым нужно следовать. И в результате эта машина – как хорошо смазанное колесо – крутится, она действительно работает. Причем юрист отличается от разносчика пиццы только тем, что он просто знает больше этих правил, понимаете? Он их знает тысячи, а тот знает штук двадцать, но обоим их надо знать. И люди с детства запрограммированы на доверие к правилам, на сознание необходимости им следовать, это как бы общественный договор такой, так работает общество. Потому что, как только кто-то перестает играть в какие-то свои правила, так что-то нарушается, что-то не срабатывает – жизнь становится невыносима. Поэтому, если напишешь сценарий так, как пишут у нас – у кого 29 строчек на странице, у кого 35, а у кого может быть 60, – там это никто читать не будет вообще, потому что все: рукопись книги, научная статья – все должно соответствовать определенному формату. И этому придается какое-то невероятное значение.

Что касается построения сценария, эти абсолютно дубовые правила, которые изложены в моей книжке, как ни странно, помогают, потому что если им не следовать, то возникает подсознательное ощущение затянутости, какой-то неверности, какой-то нестройности. Об этом я пытался в той книжке писать – и вот сейчас проверил на тончайшем материале сценария про Набокова. Проверял по тому же "графику", по той же "синусоиде", о которых писал.

Помните, как описывается триллер в этой моей книжке? Там написано, что где-то перед концом должен быть новый неожиданный поворот, взлет сюжета. В этом сценарии он существует: история вдруг приобретает "сюжетно" эмоционально новый смысл. Не говоря о том, что в сценарии люди встречаются на определенных страницах, умирают на определенных страницах, как им и положено в американских фильмах.

– **Странно – есть ощущение, что написано это на одном дыхании.**

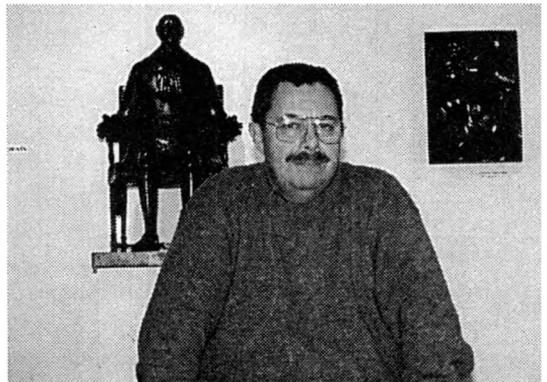
– Известно: все, что дается с большим трудом, легко читается. ...Я еще не знаю, чем дело кончится, потому что сейчас все отправлено сыну Набокова Дмитрию Владимировичу, и его мнение еще не известно.

– **Ну какие у него могут быть возражения?**

– Это очень далеко от романа по сюжету, по сценам. Ближе только по сути.

– **Но там же не указано, что это экранизация романа.**

– Ну, по мотивам... Я надеюсь, он это поймет и почувствует то уважение, с которым я отношусь к его папе. Но бывают очень ревностные хранители...

– Такой профессиональный секрет: там есть стихи по-русски – "Влюбленность"; он и в романе по-русски или это ваш перевод?

– "Влюбленность" написана у Набокова по-русски... Другие стихи я менял.

– Теперь я опять отойду от этого произведения, полагаю, что вы сами им еще живы и полны. Вы сейчас приехали – не вернулись, а приехали – поработать с Ваней Дыховичным. Если не секрет, что за проект?

– Это, что называется, о "новых русских", о богатых людях, но совсем не так, как о них принято острить, разговаривать и т. д. В основе история одного человека, его судьба абсолютно трагическая, невероятная.

– Реального человека?

– Это личная история.

– А как вы вышли на эту тему, идею – Ваня вас нашел?

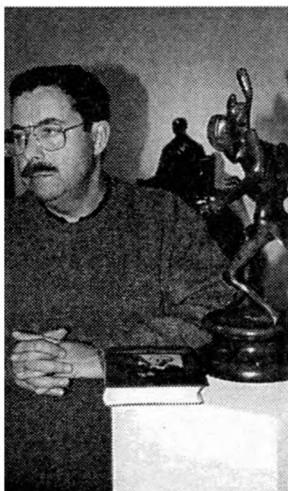
– С Ваней мы уже работали. А с этой историей... Он первым стал мне рассказывать, потому что он сейчас этим занимается и горит... так вот и получилось.

– Пока это стадия сценария, но вы прекрасно знаете, что у нас сложно добыть деньги на постановку. Есть какие-то предположения? То есть можете ли вы найти каких-то людей там или Ваня будет искать здесь?

– Я не умею искать таких людей. И блистательно это доказал с помощью огромного комедийного шоу, написанного мною с Михаилом Мишиным, которое до сих пор не запущено на телевидении, хоть убей не могу понять почему. Кажется бы, все так смешно... Нет, деньги я искать не умею. Но я надеюсь, что удастся найти. Потому что, во-первых, есть иностранные продюсеры, которые этим замыслом заинтересованы. А во-вторых, я считаю, что Ваня очень сильный и с огромной перспективой режиссер, и думаю, что такая картина очень нужна. Так что надеюсь, что может быть совместная финансовая основа.

– А теперь, поскольку вы там уже два года, – что нового у вас случилось в жизни? Не в смысле, рухнул потолок, родился ребенок, собака заговорила человеческим голосом, а для вас – какие открытия?

– Вы знаете, самое интересное, что все это произошло. Рухнул потолок, и родился ребенок, и собака заговорила человеческим языком. Все это случилось. Потому что собака стала понимать каждое слово по-русски, потому что мы там с ней очень тесно общаемся. Я понял, что она понимает русский язык дословно, потому что, когда при ней говорят по-английски, она просто сходит с ума, орет! Ребенок родился в том смысле, что он стал таким, каким здесь бы, конечно, не стал. Он выучил – что для него очень важно – иврит. Важно, что, кроме английского и русского, он еще и его знает. Это как бы восстанавливает исторические и прочие связи, и это замечательно совершенно. Дальше видно будет – уже не мама и не папа, он сам будет все решать, но у него будет какая-то отправная точка. Он уже не в тумане, он знает конкретно, как устроен мир. И в этом смысле главное ощущение последних двух с половиной лет – когда через 2,5 года с прискорбием, конечно, убеждаешься в своих очень приблизительных знаниях об этом мире. Мы здесь немножко преувеличивали свою культуру, что ли... Здесь для нас миром был потрясающий мир русской литературы, великолепный, изумительный, красивый мир, в котором мы были счастли-

вы. Но это совсем еще не весь мир, понимаете?! Есть столько еще ценностей и столько знаний...

Вот понятие счастья – для нас оно было несколько мистическим, непонятным, а там люди работают над этим совершенно конкретно. Там очень много людей счастливых. Быть счастливым не стыдно, как у нас. Вы знаете, у нас всегда нужно немножко извиняться, что тебе хорошо. Чтобы тебя уважали, на вопрос "как поживаешь?" надо обязательно рассказать, что у тебя болит, и т.д. Там, наоборот, нужно быть счастливым, предпринимать для этого конкретные действия, помогать быть счастливым другим – активно помогать, чем занимается безумное количество народа. Вот это все – какие-то новости для меня... У нас идеосинкрзия к этому понятию возникла именно потому, что оно шло от коммунизма. А когда это идет просто от человеческой природы, все может быть очень даже хорошо. Там все население ходит в церкви, синагоги – это такие центры, где они друг другу помогают всеми способами.

– **Это от природы у них или это нажитые правила?**

– Я не знаю, что это такое – природа не природа. Но цивилизация основана на том, что человека воспитывают в необходимости быть социальным животным и очень активно помогать. Идея, что при капитализме человек человеку волк – это самая большая ложь.

– **А где вы живете в Америке – это город или?..**

– Я живу в очень необычном месте. С одной стороны, это город, типичный для американской глубинки, а с другой стороны – здесь находятся национальные лаборатории и заводы, где все эти годы делали ядерную начинку для американских ракет, нацеленных на СССР. То есть то, чего мы боялись, производилось здесь, в одном лишь небольшом городишке. Это был закрытый город, а сейчас он – побратим Обнинска.

– **Конечно, интересно, как вам удается там жить, как-то зарабатывать? Или не стоит этот вопрос?**

– Пока этот вопрос как-то решается. Что будет дальше, совершенно неизвестно. Но я надеюсь, что что-нибудь произойдет... в самый трагический момент.

Интервью вела Марина Сергиенко

**Заколдованный писатель Владимир Владимирович Набоков!
Даже после смерти с ним продолжают случаться неслучайности.**

Не успела рукопись сценария Червинского уйти в набор – явился из Парижа Борис Носик, "собиратель" российской эмиграции первой волны, драматург и автор книги "Мир и дар Владимира Набокова. Первая русская биография писателя".

Борис Носик прочел произведение Александра Червинского и сказал:

– Владимир Владимирович Набоков две трети своей жизни мечтал о кинематографе – писать для

Владимир Набоков. 1923 г.

кино, участвовать в создании фильма... Как рад был бы сегодня Владимир Владимирович, увидев сценарий по мотивам своего последнего романа. И в какую пришел бы ярость... Впрочем, об этом, как говорится, "в следующем номере"...

В ожидании рукописи Бориса Носика, предлагаем вниманию наших читателей сценарий Александра Червинского "Королество у моря".

Александр Червинский

Королевство у моря

по роману Владимира Набокова
"Look at the Harlequins"

Россия. Финский залив.

Шоссе в лесу вдоль берега моря. Время белых ночей. Из окон машины за соснами виден освещенный призрачным светом безлюдный пляж и море, слившееся с небом.

Старинная усадьба. 1995 год. День.

Охранники отворяют узорчатые чугунные ворота, машина въезжает в парк и мчится по аллее, обсаженной столетними липами.

На полянах среди деревьев дымятся костры. В них тлеет мусор последних десятилетий – фанерные щиты с лозунгами, доски почета и оркестровая раковина.

Парк реставрируют. Куски гипсовой пионерки в красном галстуке и синих трусах валяются в траве рядом с постаментом. Афродита, которой предстоит занять ее место, уже завезена, но еще лежит в деревянном ящике, как в гробу.

В конце аллеи – дом, построенный в начале века. На причудливо выгнутом карнизе и кариатидах с сонными, капризными лицами видны пятна свежей штукатурки.

Машина подъезжает к дому.

На заднем сиденье машины – священник в полном облачении. Шофер через плечо передает ему зажигалку:

– Говорил же, опоздаем. Вон уже народ собрался. Хозяин не любит, когда опаздывают.

Священник разжигает кадило:

– Я не виноват, если сегодня все решили освящать. Как сговорились.

– На банкет не надо было оставаться, батюшка. И вообще – там вы казино освящали, а здесь все-таки писатель жил.

– А какой писатель, ты знаешь?

– Великий русский писатель... Фамилия на "Н".

– А ты его, великого, на "Н", не читал?

– У меня семья. Мне читать некогда.

– Если честно, то я тоже не читал, – выходит из машины.

У подъезда дома толпа. Это предприниматели, политические деятели и прогрессивные чиновники с секретаршами и женами, непрременные участники подобных собраний, большей частью люди молодые и очень хорошо одетые.

Толпа расступается перед священником, и он подходит к мемориальной доске, утонувшей в холме из цветочных букетов. Рядом, у микрофона, кучка не очень молодых и не так хорошо одетых интеллигентов.

Перед микрофоном стоит литературная критикесса:

– Друзья мои, ведь еще совсем недавно мы тайком передавали друг другу вывезенные из-за границы книги Вадима Вадимыча. За этими книгами охотилось КГБ. А сейчас они печатаются у нас, дома, в России, огромными тиражами. Вадим Вадимович не дожил до этого времени. А мы дожили.

Литературовед с иронической улыбкой повторяет ее слова на ухо глухому писателю. Тот кивает.

– Это чудо, – продолжает критикесса, –

но мы дожили до открытия мемориальной доски здесь, в усадьбе, где прошло детство этого удивительного художника слова.

В зале на первом этаже усадьбы. Все готово для роскошного приема. Богатая закуска, икра и шампанское. Новый хозяин усадьбы, плотный, очень спокойный молодой мужик, поправляет бабочку на шее метрдотеля:

– Устрицы где?

– Уже несут.

– Это хорошо, что несут. Учти, если чего не донесут, я тебе ноги из жопы вырву.

– Понял.

Хозяин выходит из дома к мемориальной доске. Критикесса у микрофона:

– У меня такое чувство, что сегодня Вадим Вадимович вернулся к нам из своей долгой эмиграции. Он вернулся, чтобы вместе с нами возрождать Россию. Благодаря щедрости нашего мецената, нового хозяина этого дома...

Аплодисменты. Хозяин приветственно поднимает руку, сжатую в кулак.

– Вадим Вадимович, – продолжает критикесса, – вернулся к нам в виде этой замечательной доски...

– Совсем старушка зарпортовалась, – усмехнулся литературовед соседу-писателю.

– Что? Что она сказала? – оживился глухой писатель.

– Что хочет устриц.

– А что, правда устрицы будут?

Хозяин берет за руку свою дочь, двенадцатилетнюю Нелли и подводит к микрофону. Новые аплодисменты. Говорит в микрофон:

– Я впервые услышал о Вадиме Вадимовиче в тюрьме. Мне там пересказали содержание одной его книжки. И она мне так понравилась, что впоследствии я назвал именем ее героини свою дочь. Вот она, Нелли. Выросла. А книжку я так до сих пор и не прочитал. Я решил так – сперва Россию реставрирую, а почитаю потом.

Бурные аплодисменты. Хозяин пальцем подзывает священника.

– А он, что он сказал? – переспросил глухой писатель.

– Что ничего не читал, – "перевел" литератор.

– А мне всё пришлось прочесть, – по-

делился глухой писатель. – Я ж предисловие к полному собранию писал. Скука смертная, доложу я вам, но "Королевство у моря" – очень приятно. Как этот козел жил с девочкой-подростком.

Священник машет кадилом и брызгает на доску святой водой. Все крестятся.

– Кто жил с девочкой? – обернулся литературовед к глухому писателю.

– Автор. Вадим Вадимович... Кто ж еще?

У столов с закуской возникает приятная толкотня. Священник и шофер уже едят. Критикесса рассматривает устрицу.

– Живая. Ужас. – Критикесса глотает и стонет от изумления.

Литературовед дискутирует с глухим писателем:

– Ну, это не доказано, что он про себя писал. Это вовсе не факт.

– Про себя. Эта девчонка была его дочь.

Критикесса видит за спиной глухого писателя хозяина и делает глухому знаки глазами.

Глухой писатель громко реагирует:

– Что вы мне подмигиваете? Хотите сказать, что гению все дозволено? Даже с собственной родной дочерью?

– Чепуха, – заключает литературовед.

– Он всю эту клубничку выдумал для денег. И его можно понять. Он прозябал в бедности и неизвестности. А после "Королевства у моря" мгновенно сделался всемирно известен и даже богат. Особенно когда по книжке фильм поставили в Голливуде.

– Как вам не стыдно! – возмущается критикесса. – Вадим Вадимович никогда ни с кем не жил и не писал ради денег!

– И жил, и писал, – настаивает глухой писатель. – Скажите честно, что тоже его не читали.

– Да побойтесь вы Бога! Я вот этими руками по ночам на своей машинке перепечатывала "Королевство" для самиздата!

Нелли, дочка хозяина, проскальзывает между ними к блюду с устрицами, берет его и уносит.

– Перепечатывала да ни черта не поняла, – упорствует глухой писатель.

– Это вы ни черта не поняли. Потому что это недоступная вам высочайшая поэзия!

– Извините, товарищи, – вмешивается хозяин, – так у него с ней было или нет?

– Нет, конечно, – сказал литературовед.
– Было, – сказал глухой писатель.
– Значит, так, – сказал хозяин: – Я эту доску повесил. И я тут теперь живу. С семьей. Я хочу знать факты.

– Наш Савва Морозов! – всплеснула руками критикесса. – Наш Мамонтов! Наш Третьяков!

– А? Что он хочет? – недослышал глухой писатель.

– Он хочет очистить светлое имя Вадим Вадимыча от всех этих грязных сплетен! – прокричала критикесса.

Нелли с блюдом в руках идет по парку, спускается к заросшему тиной пруду, садится на корточки и одну за другой отпускает устриц в зеленую воду – на волю.

Та же усадьба. 1918 год.

Тот же дом, но владельцы – прежние. 12-летняя Нелли, троюродная сестра Вадима, в желто-черном полосатом платье стоит у окна и смотрит, как 15-летний Вадим на мраморном балконе, озаренном солнцем и окруженном темными купами стриженных деревьев, сидит над шахматной доской. Баронесса, его бабушка, расхаживает перед ним, опираясь на черную трость:

– Я сама далеко не нормальна. Именно поэтому меня так настораживает в тебе эта постоянная угрюмость и вялость. Ты словно спишь наяву. Ты делаешь неуместные, нелепые ходы, словно бы нарочно отдаляешься от успеха. Перестань хандрить! Смотри на арлекинов!

– На каких арлекинов? Где они? – спрашивает Вадим.

– Вот же они! Везде! – говорит Бабушка, показывая тростью. – Повсюду! Деревья – арлекины! Слова – арлекины! Все вокруг – арлекины, клоуны, шуты, проказники. Происшествия и задачки в учебнике – арлекины. Соедини вместе пару слов и картинку – и получится тройной арлекин!

Вадим смотрит на Нелли в окне дома. Выражение ее лица непроницаемо.

Зал украшен изящной живописью и театральными эскизами Бакста и Добужинского, драгоценной мебелью и фарфором. Бронзовые коричневые Венеры, жеманно изогнувшись, держат розовые абажуры светильников.

Два босых полотера с завязанными за спиной руками натирают узорный паркет. Один из них – старый и строгий, другой – молодой деревенский дурачок. Старый следит за дурачком, но, когда он отворачивается, дурачок успевает нагнуться к Венере и лизнуть языком ее соблазнительную металлическую попку.

На балконе Бабушка продолжает беседовать с Вадимом:

– Да, этот мир нелеп и скучен. А ты изобрети свой мир! Играй! Придумай свою реальность! Смотри на арлекинов!

Вадим угрюмо молчит.

Усадьба. Треск моторов и оглушительный лай собак. По аллее к дому мчится, окруженный сворой собак, открытый новенький автомобиль. За рулем машины Мстислав Харнецкий, ученый помещик, дальний родственник Вадима. Рядом с ним на белом лайковом сиденье Благодзе, юный лейтенант с ироническим изломом бровей, и две смеющиеся молодые дамы. Одна из них – Надя, жена Благодзе, другая – Дагмара, жена Мстислава.

Машина останавливается у балкона. Мертвая голова кабана украшена фуражкой Благодзе.

Бабушка грозит приехавшим тростью:

– А известно ли вам, который теперь час?

– Тетушка, – задрал голову Харнецкий, – мы встретили соседа. Он рассказывал про Петербург. Там голод и большевики всех терроризируют.

– Но это не причина опаздывать к обеду.

Благодзе забирает у кабана свою фуражку, надевает ее и отдает Бабушке честь.

В столовой. Монументальный дворецкий, во фраке и белых перчатках, ударом в гонг возвещает, что кушать подано. Стол сервирован фарфором, хрусталем и серебром. Две хорошенькие горничные в кружевных фартучках и повар в накрахмаленном колпаке томятся в ожидании господ. Над столом кружится муха. Дворецкий хлопком убивает ее и прячет труп в карман.

В комнате. Многократно отраженная в старинных зеркалах Дагмара, в театраль-

ном напудренном парике и в очень открытом платье с кринолином, приклеивает к щеке черную мушку. Мстислав подкрадывается сзади, обнимает Дагмару, валит на кровать и задирает жалобно скрипнувший проволочный каркас кринолина. Дагмара брыкается и визжит.

Стена усадьбы, сплошь увитая диким виноградом. Из открытого на втором этаже окна доносится визг Дагмары. Вадим карабкается к окну по приставной лестнице. Лестница коротка. Стоя на цыпочках на верхней ступени, Вадим с трудом дотягивается до подоконника. Визг переходит в счастливый стон. Вадим пытается заглянуть в комнату и уже видит в оконном стекле отражение мужской рубашки цвета семги и женского колена в белом чулке, но тут проклятая лестница уходит у него из-под ног, и Вадим обрушивается с высоты второго этажа в кусты сирени.

Лежа с закрытыми глазами среди пышных бледно-лиловых соцветий, он ошупывает себя, проверяя целостность костей. Убедившись, что все цело, он открывает глаза.

И видит перед собой Нелли. Она черноволоса, смугла и угловата. Огромные темные глаза смотрят на Вадима с особенным их непроницаемым выражением.

– Что ты за мной все время подсматриваешь? – спрашивает Вадим.

– Мне любопытно, кем ты будешь, когда вырастешь.

– Я буду писателем. А ты?

– Художницей, конечно. Как господин Серов. Он писал мой портрет, который висит в бабушкином будуаре. Ты обратил внимание?

– Да. Ты на портрете сидишь как истукан и смотришь на букет сирени.

– Я не просто сижу и смотрю. Я высматриваю цветок с пятью лепестками.

– Это такая редкость?

– Конечно же! Он попадается один раз на миллиард простых, у которых всегда четыре лепестка.

Вадим всматривается в цветы сирени.

– Вот, изволь. Нашел сразу, – отщипывает цветок. – И вот еще один. И вот.

– Тебе поразительно везет. Теперь ты должен их съесть.

– Зачем?

– Кто съест такой цветок – тот всегда будет счастлив.

Вадим кладет цветы в рот.

Опять звучит гонг, зовущий к обеду.

– Теперь, что бы ни произошло на свете, с тобой не случится ничего дурного. Тебе всегда и во всем будет везти. А о чем ты будешь писать?

Вадим пожимает плечами.

– Но это же очевидно, – продолжает Нелли. – Ты всегда будешь писать только об одном – о волшебном королевстве у моря. И о самом себе. Ты будешь королем. А королевы не будет. Королева это всегда скучно. Но будет принцесса. Хочешь, это буду я?

Вадим кивает.

– Ты в меня влюблен? – Она подходит к Вадиму вплотную и заглядывает в глаза. Вадим отворачивается. – Господи, какой же ты еще ребенок. Недаром все наши зовут тебя "маленький кузен".

Вадим жует цветы.

– Ты точно маленький. Ты еще ничего не знаешь и не понимаешь, – и Нелли целует его в плотно сжатые губы. Вадим продолжает жевать. В третий раз звучит гонг.

– Да проглоти ты эти цветы, наконец. Подержи-ка...

Она поднимается и вручает Вадиму подол своего платья, и пока Вадим, вцепившись в подол, прижимает его к своему подбородку, Нелли опускает руку под это полосатое, желто-черное, шуршащее покрытие, и Вадим судорожно глотает волшебные цветы, почувствовав прикосновение ее любознательной руки, устремившейся к совершенно неожиданному месту...

За кадром слышен голос Бабушки:

– Да хоть кто-нибудь из вас хоть раз в жизни явится вовремя к обеду или нет?!

Горячий воздух над кустами сирени наполнен солнечным светом и сверканием бабочек.

Вадим и Нелли смотрят, как замороженные, на жемчужные капли, скатывающиеся с растопыренных пальцев Нелли в траву.

Наступает ночь, и беспорядочные звуки дня сменяются слаженным хором лягушек и деловитым уханьем сов.

Сонный пойнтер выбегает облегчиться на постамент мраморной Афродиты и трусит обратно в дом, где...

...под высокими шкафами библиотеки Харнецкий и Благодзе в окружении бутылок и собак храпят на огромных диванах.

Дагмара и Надя, одетые в кружевные пеньюары, на цыпочках крадутся через библиотеку, поднимаются по резной дубовой лестнице на галерею, увешанную охотни-

чими трофеями, и тихонько скребутся в дверь.

– Ай, маленький кузен, ты спишь?

Две горничные в мокрых рубашках моют на заднем дворе автомобиль, освещенный призрачным лунным светом.

На древней кровати с витыми столбами и золочеными купидонами Дагмара и Надя, нарядив Вадима в кружевную сорочку и парик Лорелеи, целуют и щекочут его. Он терпеливо переносит экзекуцию.

В небе за раскрытым в сад окном разгорается багровое зарево. Надя увидела:

– Смотрите, что-то горит! Неужто у соседа?

– Боже упаси, нет – это где-то очень далеко.

Пока они глядят в окно, Вадим выскальзывает из их объятий и выбегает из комнаты.

Красное зарево отражается в лакированных боках автомобиля. Одна из горничных старательно срезает бритвой кожу с сиденья. Другая отламывает боковое зеркальце и смотрится в него.

В столовой старый полотер и дворецкий вынимают из шкафов и увязывают в простыни фарфор и столовое серебро.

Усадьба. Ночь. Вадим и Нелли сидят на берегу заросшего белыми кувшинками пруда. Багровое небо отражается в черной воде.

– Нелли...

– Ммм?

– Ведь ты ничего про меня не знаешь. Зажмурься.

– Зажмурилась.

– Теперь говори, что ты видишь, когда выходишь из своей комнаты и идешь сюда.

– Вижу мою дверь. На ней сидит ужащая ночная бабочка. Потом вижу зал. Блестит паркет. Балкон. На кресле забытая бабушкина шаль. Аллея. Статуи. Мне кажется, что они шевелятся. Пруд. Кувшинки. Пришла.

– А теперь мысленно повернись назад.

– Мысленно повернулась.

– Иди обратно и опять говори, что видишь.

– Кувшинки. Статуи. Крыльцо. Зал. Бабочка. Ну и что?

– А то, что я на это не способен. Я могу мысленно проделать путь вперед, но когда я мысленно поворачиваюсь назад, я не вижу ничего. Я как бы слепну. При этом мне кажется, что сейчас случится что-то ужасное, непоправимое. Ты не представляешь себе, какое это мучительное чувство. Меня водили к врачу. Он сказал, что это особая, очень страшная психическая болезнь – деменция.

– Нечего хвастаться. Деменция – это самое обыкновенное сумасшествие. Ты просто сумасшедший. Экая невидаль. Плыви за мной!

Нелли сбрасывает платье и входит в воду, раздвигая белые цветы кувшинок. Вадим дрожит от холода и возбуждения.

– И теперь, после того как ты все про меня знаешь, я могу тебе сказать – я тебя люблю.

– Плыви же!

– Я не умею плавать.

– Ну и что? Ты же съел сирень с пятью лепестками. Ты заколдован. Ты не можешь утонуть! Плыви!

Вадим поспешно раздевается, входит в воду и беспомощно барахтается, пытаясь догнать Нелли, но она исчезает в темноте.

Через несколько месяцев. За окнами залы усадьбы – осенний дождь. Ветер срывает с деревьев желтые листья.

Зал темен. Вадим в парадном костюме и галстук скрипит мелом по школьной доске, выводя математические формулы. За кадром звучит его голос:

– Мы забываем, что влюбленность
Не просто поворот лица,
А под купавами бездонность,
Ночная паника пловца...

Аплодисменты, Вадим оборачивается. Перед ним в креслах Харнецкий, Бабушка и Дагмара.

– Отлично, друг мой. Если б не грянула революция, ты бы закончил Петербургский лицей. Но я сделал все, что мог. Как ученый-естественник, я убежден, что для Кембриджа ты вполне подготовлен, и с чистым сердцем выдаю тебе подписанный мною документ, – Харнецкий подает Ва-

дим лист ватмана, исписанный каллиграфическим почерком и украшенный виньеткой из бабочек и цветов сирени.

– Что это? – спрашивает Вадим.

– Твой диплом, – говорит Дагмара. – Текст написал перед отъездом Благодзе, а Нелли нарисовала рамочку. Прелесть, да?..

– Они уже, наверное, добрались до Крыма, – подумал вслух Харнецкий. – Как им, должно быть, сейчас тепло и спокойно.

– Глупости! "Грянула революция" – это фраза, придуманная ради ритма самой этой фразы. У нас еще, слава тебе Господи, ничего не гремит. И я из России не собираюсь уезжать никуда. Боже мой, у меня ведь картошка на плите! – вспомнила Бабушка.

Чугунок с картошкой на столе в темной столовой. Бабушка ударяет тростью в гонг.

По мягкой, засыпанной прелой листвой тропинке, сквозь темный безмолвный лес, обросший плесенью и паутиной, Вадим с рюкзаком за плечами идет вслед за Дагмарой. В руках у них корзины с грибами.

– Если что – мы просто собирали грибы и заблудились, да?.. Лес совершенно как в сказке, да? Ох, чуть не забыла. Возьми его себе на всякий случай, – Дагмара вытаскивает из-под грибов дамский револьвер с перламутровой рукояткой. Вадим прячет его в карман. – Когда ты станешь знаменитым писателем, ты уж, пожалуйста, про все это напиши. И про этот лес, и про грибы, и про меня. И тогда я тоже стану знаменита. Впрочем, мне кажется, это уже невозможно.

– Что именно?

– Написать хорошую книгу. Все хорошее уже написано и прочитано. Неужели ты совсем-совсем не боишься?

– Стать писателем?

– И этого тоже. Тебе, правда, не страшно?

– Нет. Я заколдован. Со мной ничего плохого случиться не может.

– Что ты болтаешь, глупенький! Грех так говорить и даже думать. – Тропинка выводит их к краю оврага. – Теперь ты не собьешься. Иди все время на закат, и дорожка тебя сама переведет через грани-

цу, в более или менее приличную республику. Прощай, маленький кузен!

– Прощай, Дагмара.

– Храни тебя Господь! – Дагмара целует Вадима в губы.

Вадим уходит не оборачиваясь. Когда он начинает спускаться в овраг, Дагмара всхлипывает.

Тропинка идет по темному дну оврага, и когда Вадим, цепляясь за кусты орешника, выбирается из него, перед ним открывается опушка леса, несжатое, побитое дождями поле за нею и огромное, пылающее золотом заката небо.

Вадим оглядывается – позади непроглядная тьма. Вадим зашвыривает в эту тьму ненужную больше корзину с грибами, выходит на опушку, садится на пригорке, заросшем кустиками черники, и смотрит вперед, на закат.

Голос Вадима за кадром:

– Мы забываем, что влюбленность
Не просто поворот лица,
А под купавами бездонность,
Ночная паника пловца,
Покуда снится, снись влюбленность,
Но пробуждением не мучь,
И лучше недоговоренность...

Нога в заляпанном глиной сапоге тычет его в спину. Вадим, ослепленный солнцем, оборачивается и видит красноармейца с фуражкой в руках. В фуражке – черника.

– Ну что, яблочко? Куда ты котишься? А ну, покажь документики! – Красноармеец высыпает ягоды из фуражки в траву, нахлобучивает ее до ушей и расстегивает висящую на боку кобуру. Вадим встает.

– Документы? Пожалуйста. Извольте... – он достает револьвер Дагмары и стреляет. Красноармеец вскрикивает высоким фальцетом, падает, пытается ползти, содрогается, выплевывая темную кровь, и затихает. Вадим неподвижно стоит над ним и, когда глаза начинают ясно видеть, видит рваную шинель, деревянный пистолет в кобуре и – под оторванным козырьком фуражки – бессмысленное лицо дурачка-полотера.

Солнце скрывается за горизонтом, быстро темнеет, а Вадим все бежит и бежит,

не разбирая дороги, и звучит его голос за кадром:

– И лучше недоговоренность...

И лучше недоговоренность...

И лучше недоговоренность...

Через несколько лет.

Благидзе, в поношенном, аккуратно заштопанном мундире русской добровольческой армии, четко печатая шаг, шагает по прямой, посреди лондонского тротуара, намеренно не уступая дорогу прохожим. На лбу Благидзе под ироническим изломом бровей появился уродливый шрам. Лицо дергается от тика – результат ранения в голову. Правая рука висит на черной перевязи. Разносчик, столкнувшись с ним, рассыпает свой товар. Пожилая дама, ахнув, отскакивает в сторону.

Когда Благидзе сворачивает в обшарпанную дверь с вывеской "Отель Рембрандт", его начищенный сапог уверенно впечатывается в собачье дерьмо.

Номер в отеле "Рембрандт".

Вадим, в клубах трубочного дыма, сидит над чистым листом бумаги в крошечной комнате отеля, заваленной книгами и журналами.

Дверь с треском растворяется, и входит Благидзе:

– Водочки у тебя, конечно, нет?

– Нет.

– Не по-русски живешь, маленький кузен. И все равно я тебя люблю. Здравствуй, милый. – Троекратно целует Вадима. – Собирайся. Тебя граф видеть желают.

– Какой граф?

– Все тот же – Старов, выживший из ума масон.

– Он в Лондоне?

– Он уже десять лет в Лондоне. И капиталы из России успел перевести сюда заранее. Он нас с Надей благодетельствует. И мы, предстваь, берем. Стыдно, но жрать хочется. Ну, что ты сидишь? Спеши, раз позвали! Беги!

Граф Старов, полный, мрачный старик, полулежащий в вольтеровских креслах, разглядывает стоящего перед ним Вадима:

– Так вот ты какой. Уже совсем взрослый молодой человек. – Вадим разводит

руками. – Мы скорее приблизимся к делу, если ты будешь не жестикулировать, а отвечать: "Да, Никифор Никодимович" – или: "Нет, Никифор Никодимович".

– Да, Никифор Никодимович.

– Где ты учился?

– Мы с Нелли получили домашнее воспитание, Никифор Никодимович.

– Если не ошибаюсь, Нелли приходится тебе троюродной сестрой, баронессе – внучкой, а графу Харнецкому – внучатой племянницей?

– Да, Никифор Никодимович.

– Я их всех знал. Прекрасная старинная семья, но полный, конечно, декаданс. Они ведь остались в России?

– Да, Никифор Никодимович.

– Боюсь, что их дела не очень хороши.

– Не очень, Никифор Никодимович. Харнецкого расстреляли, бабушка и Дагмара погибли от голода, а Нелли – от тифа.

– М-да... Но твои матушка и папаша все-таки умерли по-человечески? До переворота?

– Да, Никифор Никодимович.

– Хоть это слава Богу. Так ты остался один на свете?

– Да, Никифор Никодимович.

– Дело в том, молодой человек, что я имел удовольствие довольно близко знать твою маму, – на значительном, одутловатом, чисто выбритом лице графа появляется неожиданно живое выражение. – Как сейчас все это вижу. Ясное утро. Светит солнце, и идет дождик одновременно. Я помогаю твоей маме сесть в экипаж. Она удивительно изящна, легка, почти невесома. Когда она садится в экипаж, пружины совершенно не растягиваются. Но затем, когда я помогаю ей справиться с зонтиком и усаживаюсь рядом с нею, пружины растягиваются буквально до земли. Как сейчас все это вижу.

– Извините, Никифор Никодимович, но как вы можете видеть пружины, если находитесь внутри экипажа?

Граф говорит после некоторой задумчивости:

– Ты прав, это невозможно. Действительно странно, едрёна мать... Если я внутри, как я могу это видеть?

Пухлым пальцем, украшенным кольцом с печаткой, граф указывает Вадиму на турецкий столик, и Вадим подает ему се-

ребряную табакерку, содержащую карамельки от кашля, лиловые, зеленые и коралловые. Граф отправляет лиловую карамельку в рот:

– Вероятно, я не вижу это, а ощущаю. Но ощущаю буквально, как будто это происходит сейчас. Она была красива и свое нравна, твоя мама. Я испытывал к ней великую страсть. Мне сказали, что ты пописываешь?

– Да, я пишу.

– И что же ты пишешь?

– Стихи, Никифор Никодимович. И романы.

– Это очень печально. Но тут я тебе ничем не могу помочь. Я могу лишь оплатить твоё обучение в университете, и я это сделаю. А после моей смерти ты получишь скромную сумму в наследство, – граф дергает шнурок звонка. Появляется слуга-мальтиец с подносом. На подносе чай и графин с коньяком. Граф говорит Вадиму:

– Все. Ступай.

Через несколько лет. Кембридж.

Вадим, в форменном смокинге и галстук колледжа Св. Троицы, сидя на траве, вертит в руках запечатанный конверт. На конверте эмблема – Георгий Победоносец, поражающий копьём змея. Вокруг Вадима другие студенты валяются под ясным весенним солнцем на жестком, изумрудно-зеленом ковре лужайки перед каменным зданием колледжа.

Звучит одобрителный свист, студенты разом прекращают болтовню и смотрят в сторону увитой плющом арки ворот.

В арке стоит Айрис, красавица в чрезвычайно коротком белом костюме и шляпке-чалме. Приставив ко лбу бисерную сумочку в качестве козырька для защиты от солнца, она что-то высматривает и, высмотрев, идет по траве, покачиваясь на каблучках.

Неподалеку от Вадима она снимает туфли, шапочку, верхнюю половину костюма, поднимает нижнюю половину еще выше колен и ложится на спину – загорать.

Студенты со всех сторон, вытянув шеи, смотрят на нее.

Вадим, после некоторого колебания, подползает поближе. Его тень падает на Айрис, и она устремляет на Вадима вопросительный взгляд.

– Извините, мисс, мы незнакомы, но не могли бы вы оказать мне услугу? – Он протягивает ей свой конверт. – Я боюсь распечатать это письмо. Оно может перевернуть всю мою жизнь. Распечатайте, пожалуйста. На счастье.

Глаза цвета прозрачного меда довольно долго рассматривают Вадима и его конверт, затем Айрис молча извлекает из темных блестящих волос шпильку и ловко вспарывает конверту бок.

– Благодарю вас.

Он разворачивает листок дешевой бумаги...

...и за кадром звучит голос Оксмана, редактора русского журнала, читающего послание:

– Милостивый государь! Ваша рукопись не лишена примет мастерства, но наше скромное эмигрантское издание не заинтересовано в эротических и модернистских опусах. Наше направление проще и, смею заметить, благородней – идейная борьба с большевизмом. Встаньте в ряды борцов. Только тогда вам откроется путь к сердцу русского читателя. Главный редактор журнала "Отчизна" Оксман.

Вадим рвет письмо и конверт в мелкие клочки и пытается похоронить их в траве, когда к нему подходит Айвор Блэк, студент того же колледжа, молодой англичанин:

– А вот и я. Как поживаете, Вадим? Вы уже познакомились с моей маленькой сестричкой?

Щекочет тросточкой голый живот красавицы. Медовые глаза открываются и закрываются вновь.

– Это ваша сестра? Нет, мы еще не знакомы.

– Ее зовут Айрис. Я ей вас описал, и вот – нашла. Она очень смышленная. – Тычет в Айрис тросточкой. Она переворачивается на живот. – Приехала меня навеситить. Мы с ней с детства неразлучны. А теперь я торчу здесь, в Оксфорде, а бедняжка скучает в Ницце. У нас там вилла. Кстати, я там буду в июле. Почему бы и вам не приехать?

– Спасибо.

– Приезжайте на все лето! Это будет просто потрясающе, если вы приедете!

– Спасибо. Я с удовольствием приеду.

Айвор говорит сидящим рядом студентам:

– И вы приезжайте, джентльмены! Все приезжайте! Там от скуки подохнуть можно. Так вот, Вадим, вы мне чертовски необходимы. Я как режиссер мечтаю поставить русскую пьесу. А вы, я слышал, – русский писатель. Вы понимаете, к чему я клоун?

– Да!

– Но вы говорите по-английски совершенно как я. Это меня несколько смущает.

– У нас дома говорили по-английски и по-русски. Но русский – мой родной язык.

– Это очень важно. Вы мне нужны именно как русский.

– Но пьес я еще не писал.

– Это не беда. Писать вам ничего не придется. Я ангажирую вас как консультанта по костюмам и гриму. А пьесу я уже нашел. Забавная вещица. Героя, мэра небольшого городка, зовут странным именем Gorodnichí. А пьеса называется Revizor, несомненно от французского "rever", что значит "сон". Я поставлю этот спектакль, как кошмарный сон старого негодяя. Забавно, да? Так вот, я хочу, чтобы Gorodnichí на сцене постоянно был в халате. Что вы об этом думаете?

– Я думаю, что это страшноватая идея.

– Не правда ли? Вот и мне кажется – это будет ужасно по-русски.

Толкает Айрис тросточкой и, когда она поднимает голову, начинает ей жестами что-то объяснять.

– Что вы так смотрите, Вадим? Разве я вам не сказал? Она глухонемая от рождения.

– Простите, я не знал.

– Вы пытались с ней говорить?

– Да.

– Это бесполезно. Глупышка так стеснительна, что стыдится читать по губам незнакомых мужчин. Я ей объясняю, что вы согласны со мной работать. Смотрите, как она обрадовалась! – Айрис смущенно улыбается Вадиму и отворачивается. – Она ужасно одинока. Наши родители развелись, когда она была совсем малышка. Воспитывал ее я. Мне не хотелось, чтобы она учила этот гадкий язык глухонемых, и мы с нею придумали свой собственный. Увы, при этом она не понимает никого, кроме меня.

Вадим смотрит на бабочку-капустницу, только что опустившуюся на загорелое колено Айрис. Бабочка раскрывает и закрывает белые крылья.

Айвор продолжает:

– Забавно, да? А родители наши после развода продолжили так страстно любить друг друга, что умерли, представьте, в один день. Но мать – в Нью-Йорке, а отец – в Париже. Кстати, ведь ваши родители тоже умерли. Забавное совпадение. Знаете, что я вам скажу, Вадим? Сироты должны помогать друг другу! У вас сейчас такой вид, будто вы спите. Как этот ваш Gorodnichi.

Ницца. Вечерний вокзал. Свистит удаляющийся локомотив, умолкает стук колес, и Вадим остается один, с двумя сумками и саквояжем, на безлюдном перроне под скучным рядом ровных пальм.

Убедившись, что его никто не встретил, он тащит свой багаж к зданию вокзала.

В просторном вокзальном зале почти пусто. Хриплый женский голос поет по радио французскую песенку. Буфетчик за длинной стойкой перетирает бокалы. Сидя перед той же стойкой, Каннер, пожилой господин с брезгливым выражением лица, читает немецкую газету. К стойке прислонен его сачок для ловли бабочек. На полу лакированный ящик для пленниц. Перед Каннером кружка пива, чашка с горячим шоколадом и пирожное. Сладкое, очевидно, предназначено для девочки, разговаривающей у дальнего конца стойки по телефону.

На девочке знакомое желто-черное полосатое платье. Она стоит к Вадиму спиной, и в течение короткого, нелепого мгновения ему кажется, что это Нелли. Те же темные, выщипанные волосы, те же хрупкие плечи, та же привычка, разговаривая, вычерчивать пальцем по столу длинные прямые линии.

– Месье что-нибудь угодно? – спрашивает буфетчик.

Страхнув наваждение, Вадим старается больше на девочку не смотреть, Вадим направляется к буфетчику:

– Извините, как мне узнать, где живут брат и сестра Блэк?

– Мы можем поискать в телефонной книге, – буфетчик кладет на стойку книгу и листает ее. Вадим слышит голос девочки, болтающей с кем-то по-французски. Слов Вадим разобрать не может.

– Твой шоколад совсем остыл, – говорит ей Каннер.

Болтовня прекращается. Щелкает телефонная трубка.

– Вот, пожалуйста, месье, – говорит буфетчик. – Теперь я знаю, о ком вы спрашиваете. Они недавно унаследовали виллу мадам Уимберг. Это на горе, довольно высоко. Вы лучше позвоните, чтоб вас кто-нибудь встретил.

Пишет на бумажке номер телефона. Вадим слышит легкие шаги девочки, прошедшей за его спиной, потом звон ложечки.

Вадим звонит по телефону. Номер все время занят. Наконец, не выдержав, он смотрит на девочку.

Низко склонившись над блюдцем, она поедает пирожное. Потом, словно почувствовав его взгляд, оборачивается – и он видит незнакомые, измазанные кремом губы, круглые очки и обгорелый на солнце нос.

Вадим берет свои сумки и выходит.

Ницца. Вечер. Улица круто поднимается в гору. Редкие прохожие в белых бумажных костюмах и кисейных платьях, возвращаясь с пляжа, обгоняют Вадима, потеющего в блейзере и фланелевых брюках. Совершенно задохнувшись, он опускает сумки на плиты тротуара и видит спешащего навстречу Айвора:

– Вадим? Удивительное совпадение. Я как раз иду на почту отправить вам телеграмму, чтобы вы не приезжали. А вы уже здесь?

– Как видите.

– Что же вам теперь делать? Возвращаться обратно в Лондон?

– Наверное.

– Это было бы самое разумное. Ведь я совершенно не могу уделить вам внимание. Старый Морис, теткин приятель, дал мне работу в местной газете, и меня целыми днями не будет дома. Морис обещает платить вполне пристойно. И главное, дает в придачу автомобиль. Забавно, да? Знаете что? Раз вы уже здесь – оставайтесь. Поскучаете с Айрис.

Айвор приподнимает тяжелые сумки Вадима, ставит обратно, подхватывает легкий саквояж и шагает вверх по улице. Вадим с сумками тащится за ним.

– Почему у вас такой печальный вид? – спрашивает Айвор Вадима. – Ну-ка, скажите что-нибудь по-русски.

- Болван.
- Забавный у вас язык. Надо будет как-нибудь поставить русскую пьесу.
- Но вы ведь уже ставите? Про халат.
- Это вы о чем?
- О "Ревизоре".
- Ах вот вы о чем. Это было давно. Огромный успех. А что это булькает в вашем саквояже?
- Бутылка виски.
- Вот это прекрасная идея!

Задыхающийся Вадим входит вслед за Айвором в садик с клумбами ирисов и зеленой медной лягушкой над крохотным прудиком. Перед ним окруженный эвкалиптами узкий изящный дом с высоким витражным окном – вилла Айрис. Солнце внезапно выглядывает из-за туч и пронзает дом насквозь, обнаружив рисунок витража – розовую нимфу со струящимися до пят лиловыми волосами.

– Так и есть, заперлась, – Айвор пробует ручку двери. – А я не взял запасной ключ. Теперь мы тут проторчим до вечера, пока она там рыдает.

– А почему она рыдает? – спрашивает Вадим.

– Она всегда рыдает, когда приезжают гости. Для нее общаться с посторонними существе мучение. Давайте попробуем войти через заднюю дверь.

Они обходят вокруг дома. За домом каменная терраса, нависающая над морем. Из окна дома раздается резкий, пронзительный вопль. Вадим вздрагивает.

– Нет, это не Айрис. Это Мата Хари, – успокаивает Айвор, – попугай покойной тетки, леди Уимберг. А тетке попугай достался от ее приятеля Отто, знаменитого немецкого шпиона. Мы вас поселим в ее комнате.

– В комнате тетки?

– Нет, в комнате Маты Хари. Только будьте с ней очень осторожны. Она тоже шпионит. Забавно получается, Вадим, – вы уже знаете обо мне все, а о себе совсем ничего не рассказываете. Какое у вас было детство? – дергает ручку двери.

– Прямо сейчас рассказывать?

– Почему бы нет? Эта дверь тоже заперта.

– Потом как-нибудь расскажу. Не будем предвосхищать события.

– Прекрасная фраза! Из фильма про осужденного на смерть. Ему предлагают черную повязку, а он в ответ: "Не будем предвосхищать события!" Знаете что, Вадим? Полезайте-ка в окно и откройте дверь изнутри.

– Почему я, а не вы?

– Потому что вы гость. Не могу же я входить в дом первым. И тем более не могу становиться на вас ногами.

Он подставляет плечи, Вадим взбирается на них и проникает в раскрытое окно.

Уронив и поймав на лету стоящую на подоконнике вазу, Вадим спрыгивает на пол и сразу видит перед собой Айрис. В длинном вечернем платье с обнаженными руками и прозрачном шарфе на плечах, она стоит на фоне витража с розовой нимфой и с интересом смотрит на него.

Вадим бормочет что-то невразумительное, в отчаянии машет рукой и направляется к входной двери. К его удивлению, дверь оказывается вовсе не заперта. Впрочем, и задняя дверь открылась, потому что из глубины дома он слышит шаги и голос Айвора:

– Вадим, ничего, что я достал виски из вашего саквояжа? Вам как, с содовой? Или просто со льдом?

– Просто со льдом, – отвечает Вадим проносающему мимо Айвору, на ходу показывающему Айрис бутылку и серебряное ведро. Айрис кивает и выходит на террасу.

Сбитый с толку Вадим выходит вслед за ней и, совершенно не понимая, как вести себя с прекрасной глухонемой, принимается раскуривать трубку.

Солнце скрывается за фиолетовыми горами. Над морем мерцают мириады огней. В тишине слышны крики чаек и далекие гудки парохода. Вадим стоит, облокотившись на каменную балюстраду, рядом с Айрис. Она показывает ему что-то вдали, и руки ее плавно движутся, изображая, вероятно, волны.

Вадим неуклюжим движением пытается выразить свое восхищение пейзажем, но тут в глубине дома звенит телефон – и Айрис оборачивается на звук.

Она ловко превращает свое невольное движение в элемент некоего танца с шарфом, но Вадим успевает заметить и обидеться смертельно.

Телефон продолжает звонить. Болван Айвор, с разбегу прокатившись по паркету, подлетает к аппарату:

– Мадам Лесевр? Вы уже слышали новость? Да, это правда – я теперь смогу катать вас на голубой "импале". Это не "роллс-ройс", но она ездит. Так что я теперь репортер и охочусь за знаменитостями. Нет, дорогая Нина, вы преувеличиваете мою одержимость английским театром. С этим покончено навеки, а с моей работой в кино еще ничего не решилось...

Вадим поворачивается к Айрис спиной и смотрит в море. Сказывается нервное напряжение последнего часа, и глаза его наполняются слезами.

– ...Так что я теперь у всех беру интервью, – Айвор продолжает болтать по телефону. – Я уже интервьюировал Мадж Титеридж. Французские журналисты называют ее *Si c'est riche*. Забавно, да?

Мерцающие над морем огни расплываются в глазах Вадима. Айрис трогает его за локоть:

– Ну что вы! Это же просто шутка. Давайте мириться и знакомиться. Очень приятно. Айрис Блэк.

Протягивает руку для рукопожатия. Вадим, шмыгнув носом, наклоняется и целует ее старомодным континентальным поцелуем. Появляется Айвор с тремя стаканами:

– Неужто заговорила? Развязка задумана была смешнее, но все равно забавно, да? Предлагаю немедленно выпить троим за чудесное исцеление!

Ночь. Сине-бело-красная Мата Хари одним глазом рассматривает зажатое в толстых пальцах печенье.

В комнате с косым потолком под самой крышей виллы Вадим раскладывает свои вещи.

На столе уже лежат наготове стопка чистой бумаги и остро отточенные карандаши.

В круглом окне виден висящий над морем серп луны. Попугай пронзительно вскрикивает:

– O, mein lieber Faterland!

Вадим морщится и закрывает клетку платком.

Вадим и Айрис завтракают на террасе виллы. Он – в пиджаке и брюках, она – в

купальном костюме.

– Вы ужасно много едите, – говорит она ему, и Вадим замирает с полным ртом. – Нет, вы ешьте, ешьте. Мне это нравится. Это доказывает, что вы еще растете. Держите, – и она протягивает Вадиму намазанный маслом и джемом тост. Вадим, после непродолжительных колебаний, берет его и ест. – А что было в том необыкновенно важном письме, которое я распечатывала?

– Рецензия на мои стихи.

– Ах вот оно что. Издатели никогда ничего не понимают. Вы прочтите стихи мне, и я вам честно скажу всю правду.

– Но они написаны по-русски.

– Тем более. В стихах главное – не буквы, а сами звуки, не правда ли? Читайте.

– Прямо сейчас?

– Но ведь не на пляже. Было бы глупо читать на пляже стихи, посвященные вашей девушке. Они ведь посвящены девушке?

– Двенадцатилетней девочке.

– Новая Алиса в стране чудес? Вы русский Льюис Кэрролл? Ну, читайте же!

– Мы забываем, что влюбленность

Не просто поворот лица,

А под купавами бездонность,

Ночная паника пловца.

Покуда снится, снись влюбленность,

Но пробуждением не мучь,

И лучше недоговоренность...

Он видит, что Айрис сдерживает зевок.

– По-моему, достаточно.

– Нет уж. Теперь переведите.

– Мы стараемся забыть, что чувство любви не зависит от того, видишь ли любимое лицо или нет. Это, скорее, похоже на омут под кувшинками, на ужас пловца, плывущего ночью. Если это сон и он продолжает сниться – лучше не просыпаться, лучше так до конца и не узнать правды.

– У этой поэмы есть название?

– "Влюбленность".

– *Vlyublyonnost*? Похоже на *Valley Blondies*. Вашей маленькой подружке должно быть чертовски с вами весело. Она живет в Лондоне?

– Она погибла в России.

– Извините. А как вам удалось оттуда бежать?

– Я ночью перешел границу. Мне пришлось убить человека.

– Ах вот как? Вы не Льюис Кэрролл. Вы – лорд Байрон. Я вас не отпущу, пока вы все это не съедите. Еще чаю? – и прикладывает ладонь к щеке чайника.

На песчаном пляже Айрис, стоя на коленях, старательно втирает в обгоревшую на солнце спину Вадима кольдкрем.

Две английские учительницы плещутся на мелководье. Мадам Раппалович читает русскую газету. Муж ее с тоской смотрит на горизонт. Большая семья Чиччерини пытается надуть резинового дельфина. Каннер роется в своем энтомологическом ящике. Его дочка ложится на живот рядом с двумя юнцами, которые немедленно начинают закапывать ее в песок.

– Хорошенькая девчонка, да? – спрашивает Айрис Вадима. – Давным-давно, в двенадцать лет я тоже была хорошенькая. Джентльмены любили сажать меня на колени, а Айвор – играть в очень неприличные игры. Теперь он говорит, что ему больше нравятся мужчины. Может быть, врет. Он вечно врет.

Марево горячего воздуха дрожит над песком, усеянным ракушками и следами босых ног. Девочка протирает пальцами запорошенные песком очки.

– Кстати, о любви, – продолжает монолог Айрис. – Я должна извиниться за мое неловкое замечание о ваших стихах. Я все время повторяю про себя ваши Valley Blondies. И английские слова, и русские звуки. Теперь я уже думаю, что это просто божественное стихотворение. Простите меня. – Вадим пытается поцеловать ее коричневое колено, но она ладонью отталкивает его лоб: – Перестаньте. На нас смотрят. И запомните – если вы еще хоть раз попытаетесь поцеловать меня или мою ногу, я попрошу вас уехать. Мои любовники слишком часто заставляют меня страдать.

– Сколько их было? – интересуется Вадим.

Айрис старательно считает по пальцам:

– Три.

Вадим погружается в меланхолию. Бледные ноги Каннера возникают перед его носом, затем раздается голос:

– Айрис, посмотрите, кого мне удалось

заполучить. – Он садится в песок рядом с Айрис и извлекает из конверта бабочку.

– Вадим, познакомьтесь, – представляет Айрис Каннера, – это мистер Каннер, замечательный пианист и знаток мерзких бабочек. А это Вадим Вадимович, русский писатель.

На Вадима Каннер не обращает ни малейшего внимания. Он протягивает Айрис ладонь с лежащей на ней бабочкой:

– Вы понимаете, что это?

– Молодая капустница.

– Что значит "молодая"? Бабочки не бывают молодые или старые. Они не растут.

– Вы еще скажите, что мухи не растут.

– Конечно, нет. Насекомые не растут. Они сразу взрослые. И это не капустница. Перед вами редчайший экземпляр Ergane. Вы только взгляните на это черненькое двоечтие, а этот прелестный Doppelpunkt на ее Hinterflugel.

– Это капустница, да еще и живая. Брр! У нее нога дрожит. – Айрис завинчивает баночку с кремом. – Все, Вадим, я кончила.

– Знакомая фраза, – отзывается Вадим. – Обычно так говорит Виолетта Мак-Ди, одна из моих приятельниц в Кембридже, опытная девственница.

– Очень мило, – отвечает Айрис Вадиму и продолжает разговор с Каннером: – Вы помните про ваш концерт? Мы пригласили кучу народу. Я сделаю новую прическу. Будет холодная закуска и macedoine с кухонным ромом на десерт. Извините. Я должна окунуться.

Она встает и идет к воде. Каннер, так и не взглянув на Вадима, возвращается к своему ящику.

Айрис уплывает далеко. Вадим стоит на четвереньках в теплой воде у берега и смотрит ей вслед.

Описав широкую пенную дугу, чей-то моторный катер настигает Айрис, и некто молодой, загорелый и мускулистый, обладающий хищным профилем коршуна, что-то говорит ей, смеется и жестами предлагает влезть к нему в лодку.

Вадим пытается плыть к Айрис, но, как только ноги перестают достигать дна, впадает в панику и поворачивает к берегу. Наглотавшись воды и задыхаясь, он выплывает на песок.

Вилла Айрис.

Мальчик Жако, сын садовника, сметает с рояля пыль желто-синей метелкой из перьев, затем открывает крышку и принимается молотить по клавишам.

В раскаленной чердачной комнатухе с косым потолком голый, обгорелый на солнце Вадим, сидя над чистым листом бумаги, каллиграфическим почерком выводит первую строку: "Пальмы хороши только в миражах".

Снизу доносится какофония терзаемого мальчишкой рояля. Вадим бросает карандаш и с помощью дорожного зеркала начинает рассматривать шелушащуюся кожу на обожженных плечах. Звуки рояля умолкают. Вадим открывает дверь и голый выходит на лестничную площадку.

Жако натирает воском перила лестницы между первым и вторым этажами. Прижимаясь к стене, на цыпочках Вадим крадется на второй этаж и беззвучно открывает дверь комнаты Айрис.

Жако кричит снизу:

– Мадемуазель нет дома, месье. Она сказала, что ушла в парикмахерскую.

Вадим поспешно входит в комнату Айрис.

В высоком узком зеркале он внимательно рассматривает себя – обгорелое лицо и руки, красные плечи и белый впалый живот.

Затем он оглядывает комнату – книги, вазу с ирисами, столик с флакончиками и корзину со свежевывстиранным бельем. На стене в изящной рамке цветная фотография двух девочек на сцене любительского театра с надписью: "Леди Крессида и Прекрасная Елена. Кембридж. 1919". При ближайшем рассмотрении одна из девочек оказывается Айрис, а другая – Айвором, одетым в женское платье.

На белом покрывале кровати – выкрашенный в лиловый цвет медвежонок, раскрытый роман Пруста, ночная рубашка и телефон. Вадим становится на колени у кровати, прикасается к книге, к медвежонку, целует ночную рубашку Айрис и снимает трубку телефона:

– Это парикмахерская? Мадемуазель Блэк, пожалуйста. Да, она сейчас должна быть у вас. Нет? Что значит "нет"? Она уже ушла или ее вообще не было?.. Кто я? Вот уж это не имеет никакого, совершенно никакого значения.

Вешает трубку. Хлопает входная дверь. За кадром раздается голос Айрис:

– Вадим!

Вадим выскакивает из комнаты и взлетает по лестнице к себе на чердак.

– Вадим, ну где же вы?

Мата Хари одним глазом смотрит на Вадима, путающегося в пижамных штанах и рукавах халата. Айрис стучит в его дверь и, не дождавшись ответа, входит со словами:

– Вадим, вы умеете смешивать мартини? Нет? Прекрасно. Баром займется Айвор, я – закусками, а вы будете таскать стулья.

Попугай хохочет:

– O, mein lieber Faterland!

Вадим говорит попугаю:

– Чтоб ты сдохла.

– Зачем вы так, – вступает за Мату Хари Айрис. – Бедная птица тоскует по любимой родине. Она уже никогда не вернется к берегам светлого Рейна. А вы тоскуете по вашему Faterland?

– Нет. Мой единственный Faterland – русский язык, на котором я пишу. А он всегда со мной. К тому же, в отличие от попугая, я когда-нибудь в Россию вернусь.

– Когда?

– Не знаю когда, но вернусь. По крайней мере, в середине этого века я уже буду жить в свободной России, в нашем родовом поместье или в нашем доме на Английской набережной Невы.

– Вы так в этом уверены?

– Это больше, чем уверенность. Это факт. Я это вижу. Это как воспоминание наоборот.

– И там, в России, вы напишете свою самую главную книгу?

– К тому времени эта книга уже будет написана.

Айрис подходит к столу и смотрит на страницы рукописи:

– Как она называется?

– "Королевство у моря".

Окна и двери гостиной виллы Айрис раскрыты настежь. За ними звездная, неправдоподобно красивая южная ночь.

Каннер играет сонату Бетховена.

На составленных в ряды креслах и складных стульях расположилось все местное общество – английские учительни-

цы, Раппаловичи, Чиччерини и еще две дюжины незнакомых Вадиму людей. Некто с профилем коршуна сидит справа от Айрис, по-хозяйски положив руку на спинку ее кресла. Айвор, сидящий от нее слева, совершенно отдавшись музыке, сжимает рукой ее колено.

Вадим сидит позади всех, у двери на террасу, и, мучаясь ревностью, грызет соломинку для коктейля.

На террасе за дверью девочка, дочка Каннера, прыгая на одной ноге, снимает с другой туфлю и высыпает из нее песок. Потом она тихонько ходит в гостиную и оглядывается в поисках свободного места.

Каннер, поднимая над клавишами "Бехштейна" лицо, искаженное гримасой вдохновения, смотрит, как кажется Вадиму, только на Айрис. Играет он замечательно, от чего нервное напряжение, охватившее Вадима, становится невыносимым.

Девочка подходит к Вадиму и шепчет ему на ухо:

– Месье, вы не возражаете, если я на вас посижу? – Он не успевает ответить, как она садится ему на колени. – Спасибо.

Ее спина с розовыми отметинами комариных укусов на тонких плечах загорает от Вадима Айрис. Рука с обгрызенными ногтями, обогнув шею, вползает за воротник и пытается почесать укушенную лопатку. Вадим помогает – ногтем указательного пальца, сквозь платье. Девочка откидывает голову назад и дышит ему в ухо:

– Правее. Теперь ниже... Ага. Здесь.

...Стулья уже унесли. Вадим стоит у бара. Клубы табачного дыма и жужжание голосов. Айрис и некто, похожий на коршуна, с бокалами в руках проходят сквозь толпу гостей на террасу. Вадим смотрит им вслед.

Стоящий перед ним муж мадам Раппалович с ненавистью разглядывает графини с виски и, принимая Вадима за бармена, на дурном английском требует:

– Водки мне дайте, если у вас есть, сэр.

– Извольте, сэр, – говорит Вадим и наливает ему и себе, выпивает и вслед за толпой гостей выходит на террасу. Там уже танцуют.

Вадим оглядывается в поисках Айрис. Ее нигде не видно. Айвор меняет пластин-

ку на граммофоне, и раздаются звуки шимми.

Английские учительницы отплясывают друг с дружкой, мадам Раппалович – с Каннером. Девочка старательно танцует в углу террасы одна, сама с собой.

Айвор подходит к Вадиму:

– Мы с Каннером сегодня ночью отправляемся на рыбную ловлю. Хотите поехать с нами?

– Нет. Я не очень хорошо себя чувствую.

– Жаль. Ведь мы теперь долго не увидимся.

– Почему?

– Разве Айрис вам ничего не сказала? Ведь я уезжаю.

– Куда?

– Вы один ничего не знаете. Я уезжаю в Америку, в Голливуд. Они меня все-таки пригласили. Что вы так недоверчиво смотрите? На этот раз я не шучу. Я буду ставить там какой-то дурацкий фильм. А может быть, и не один. Забавно, да? Ужасно не хочется уезжать. Я так привязался к этому автомобилю. Ну, и к вам, конечно. Впрочем, там, наверное, мне тоже дадут автомобиль, как вы думаете?

– А когда вы уезжаете?

– Завтра. Вы переберетесь в гостиницу или останетесь здесь вдвоем с Айрис?

– Я, конечно же, перееду.

– А куда она, между прочим, девалась? Вы ее не видели?

Вадим не успевает ответить, потому что мадам Чиччерини бросается Айвору на шею, и они начинают танцевать.

Вадим спускается с балкона в сад.

Оглушительно стрекочут цикады. Вадим обходит темный сад, спотыкается о бронзовую лягушку и, вытянув шею, всматривается в стоящие у калитки автомобили.

В окне одной из машин вспыхивает огонек сигареты. Пригнувшись, на согнутых коленях, Вадим подкрадывается к окну автомобиля, к пугающей, отвратительной тишине за ним, и, только увидев в стекле знакомую розовую длинноволосую русалку, понимает, что обманут отражением.

– Уж не меня ли вы там высматриваете? – Айрис сидит под русалкой, на ступеньках крыльца и курит. Вадим поспешно ретируется в темноту.

– Чего уж теперь. Идите сюда.

Вадим останавливается в отдалении.

– Ближе.

Вадим, кривляясь от отвращения к себе, подходит ближе.

– Еще ближе.

Вадим садится на ступеньки рядом с ней.

– Все-таки вы очень странный, – говорит ему Айрис.

– Это не странность, а болезнь.

– Чем вы больны?

– Я болен психически.

– Я думаю, что психически вы чертовски здоровы. Вы бываете мрачным – иногда. И глупым – очень часто, но я думаю, что это результат вашей способности видеть то, чего не видят другие. Невидимую связь между вещами. То, что вам кажется болезнью, принято называть гениальностью.

– Все проще и страшней. Закройте глаза. – Мигающие искры светлячков плавают в темноте вокруг них. Лицо Айрис с закрытыми глазами недосыгаемо прекрасно. Вадим продолжает: – Постарайтесь мысленно увидеть улицу, когда вы выходите из калитки по направлению к морю. Что вы видите впереди?

– Фонарный столб, увитый плющом. Или это не столб, а сосна?

– Дойдите до этой сосны.

– Дошла.

– Теперь поверните обратно.

– Можно, я открою глаза, а то я усну?

– Нет. Сейчас – самое главное. Идите назад к дому. Что вы видите?

– Памятник Медору.

– Какой еще памятник?

– Собаке. Справа у забора лежит камень, а на нем написано "Медор". Я уверена, что Медор был собакой. Приблудной.

– Хорошо, пусть приблудной. В любом случае, вы это видите. А я не могу.

– Не можете чего?

– Я не могу мысленно обернуться назад и увидеть то, что осталось позади. В реальной жизни я, как любой нормальный человек, поворачиваюсь и вижу. Но я не могу себе этого представить, вообразить. При этом я испытываю мучительное чувство, что сейчас произойдет что-то страшное, непоправимое. Это болезнь. Деменция. И теперь, после того, как вы все знаете... Я люблю вас.

Волнообразно нарастает, стихает и вновь нарастает хор цикад. Айрис сидит с закрытыми глазами молча и неподвижно.

– Вы все-таки уснули? – спрашивает Вадим

Некоторое время Айрис продолжает молчать, потом открывает глаза и поворачивается к Вадиму:

– Эта путаница заразительна. Так что, во-первых, мы договариваемся никогда, вы слышите, никогда больше не решать эти ваши философские задачки. Я не желаю, чтоб вы были сумасшедшим или свели с ума меня. Всяческие эксперименты с поворотами назад прекращаются. Во-вторых, мы должны скрепить этот наш торжественный договор печатью.

Она обхватывает его шею руками и целует долгим, внимательным поцелуем.

Дверь открывается, ослепив и оглушив Вадима светом и гомоном голосов. Айрис встает, и толпа расходящихся гостей разделяет ее и Вадима.

Вилла Айрис. Комната Вадима.

Вадим лежит на кровати, глядя в потолок, исчерченный отблесками лунного света.

Приоткрывается дверь, и заглядывает Айрис в ночной рубашке. В ее руках поднос с бутербродами:

– Меня пугает, что ты весь вечер совершенно ничего не ел, – она входит и ставит поднос на кровать.

Хор цикад в саду за окном звучит еще громче, нарастания и спады его – еще ритмичнее. Вадим ест, сидя на кровати и завернувшись в простыню.

– Ненавижу, когда часы стоят. У них при этом такое тупое лицо, – Айрис подходит к полке и заводит часы. Широкий рукав рубашки соскальзывает с ее руки, обнажив темную шелковистую тень под ней.

Вадим вскакивает с кровати и прижимается к этой тени губами. За кадром слышен звук отъезжающего автомобиля.

– Айвор уехал на рыбалку, – говорит Айрис.

Уже в постели Вадим целует ее глаза, плечи, губы. Айрис смеется.

– Почему ты смеешься?

– Подо мной хлебные крошки. И вот – апельсиновая корка...

– Я люблю тебя... Но я даже не смел

мечтать... Я думал, что мне осталась одна любовь – к сочетаниям слов.

– А я всегда была уверена, что стану женой великого писателя.

– Но ты не понимаешь, что я пишу.

– Я обожаю звуки твоих стихов. Пока только звуки, но я выучу русский язык. Боюсь, что мы будем ужасно счастливы, любовь моя.

Ницца.

Прохожие оборачиваются вслед голубой "импале", едущей зигзагами посреди улицы. Судорожно вцепившись в руль, машины управляет Вадим. Сидящая рядом Айрис приветствует прохожих царственной улыбкой и воздушными поцелуями.

– Я тебе еще не рассказал, – кричит Вадим, – меня в детстве заколдовали. Мне всегда во всем везет. И со мной никогда ничего дурного случиться не может.

– Тем более. Нечего трусить. Вперед!

Ницца. Вилла графа Старова.

Надя Благодзе, поблекшая и постаревшая, в сереньком незаметном платье, впускает Вадима и Айрис в гостиную и остается стоять у двери. Просторная гостиная обставлена дорогой мебелью. Вольтеровское кресло и турецкий столик с табакеркой привезены сюда из Лондона. Сидящий в кресле граф, судя по всему, находится в последней стадии величественного распада, но при виде Айрис он встает:

– Я каждую осень в это время бываю в Ницце. И тут до меня дошли слухи. Ну что же... – Он долго держит в восковых ладонях ее руки, потом говорит Вадиму: – Я надеюсь, что твоя будущая жена будет так же хороша.

– Месяц назад, Никифор Никодимович, местный мэр зарегистрировал наш брак.

– Ах, вот оно что. Меня неверно информировали. – Обращается к Айрис. – Но вы ведь англичанка? В каком же храме, позвольте спросить, будут принесены обеты?

– Мы сами выстроим этот храм, сэр.

Граф, пожевав губами, отпускает руки Айрис и кивает Наде. Надя устремляется к Айрис и, что-то нашептывая ей на ухо, ласково, но уверенно уводит из комнаты.

В столовой она усаживает Айрис в кресло у камина, сама же надевает белый ха-

лат и зажигает спиртовку под стерилизатором с медицинским шприцем:

– Не обижайтесь на Никифора Никодимовича. Он несколько эксцентричен, но это, поверьте, добрейший человек. Он жертвует огромные суммы на помощь русским эмигрантам. Увы, нас миллионы, и всем помочь невозможно. Он так из-за этого страдает. И его удивляет, что Вадим держится от русской трагедии в стороне.

– Да, Вадим не любит эту грустную тему, – подтверждает Айрис.

– Он надеется от нее спрятаться. Но от России не убежишь и не спрячешься. Она каждого настигает и берет свое.

– Не понимаю, о чем вы. Лучше скажите мне, чей это портрет?

Над камином висит большой портрет молодой красавицы в кавказском костюме.

– Это возлюбленная Никифора Никодимовича.

– Значит, я угадала. Это та, под которой не растянулись пружины?

– Не пружины, а рессоры. Она была так легка, что рессоры экипажа совершенно не прогнулись.

– Пружины. Речь шла именно о пружинах. Я точно помню. Как-никак, это наше семейное предание.

– И все-таки это были рессоры. Никифор Никодимович рассказывал моему мужу о рессорах.

– Погодите, но это же портрет матери Вадима?

– Нет, ее портрет в лондонской квартире. А это княжна Благодзе, мать моего мужа. Наши рессоры и ваши пружины – из двух совершенно разных историй. Мы с вами говорим о разных экипажах.

– И невесомых возлюбленных тоже было две?

– Как минимум, – Надя смотрит на каминные часы и наполняет лекарством шприц.

– Ай да граф! – Айрис весело смеется. Надя оглядывается на дверь и тоже начинает хихикать:

– Более того. Мой Благодзе носит фамилию матери из гордости, но по документам он Старов. После долгих лет колебаний граф его официально усыновил.

– Так вы почти графиня!

– Боюсь, что и вы, моя дорогая, – об-

ращается Надя к Айрис. – Сколько я себя помню, все вечно шушукались, будто Вадим тоже его сын.

– Так мы с вами теперь сестры?! Финал испанской комедии. Занавес.

Граф протягивает руку к турецкому столу, и Вадим подает ему табакерку. Из соседней комнаты доносится смех Айрис.

– Как девичья фамилия твоей англичанки?

– Блэк, Никифор Никодимович.

Граф пытается вспомнить и, не вспомнив, сокрушенно качает головой.

– А каково ее материальное положение?

– Она владеет домом в Ницце, попугаем и автомобилем.

– На что же вы собираетесь жить?

– Я буду писать.

– Сколько ты надеешься этим зарабатывать?

– Четыре строчки стихов в журнале – это бифштекс с картошкой. Два эссе – месячная плата за скромную квартиру.

Граф отправляет в рот карминный леденец и погружается в размышления:

– Ты преувеличиваешь свои будущие доходы. Поэтому в начале каждого месяца, пока я жив, ты будешь получать от меня дополнительно чек еще на половину суммы. – Дергает шнурок звонка. Входит Надя со шприцем наготове. Граф говорит Вадиму: – Ступай. Ты неисправим.

Вадим резко нажимает на газ. Двигаясь зигзагами посреди улицы, автомобиль уезжает.

Из мраморной рамы окна граф, придерживая приспущенные брюки, мрачно смотрит ему вслед. Надя делает ему укол.

Вадим и Айрис – в автомобиле.

– Я ожидал большего от этого визита, но с голоду мы не умрем, – говорит он.

– Более того – мы сдадим виллу, а сами переедем в Париж. Потому что все настоящие писатели живут там.

– Ты думаешь – я настоящий?

– Я в этом не сомневаюсь.

– Тогда, пожалуйста, никогда больше не говори, что тебе нравятся звуки моих стихов. Это все равно что сказать автору: "Я вашу книгу не читал, но мне нравится ее шрифт".

Продолжая двигаться зигзагами, Вадим вкатывает на тротуар, давит стоящий у дверей почты велосипед и едет дальше.

Почтальон, владелец велосипеда, выбегает из дверей.

Айрис посылает ему прощальный воздушный поцелуй.

Париж. Квартира на Елисейских полях. Рядом с пишущей машинкой на изящном, в стиле рококо, затянутом золотистым шелком письменном столе перед Вадимом фотография Айрис в траурной рамке. Шелк стола нещадно заляпан и изрисован чернилами. На полках вдоль розовых стен комнаты стоят дорогие фарфоровые куклы и плюшевые животные. За окном широкий балкон, на котором, перегнувшись через узорчатые чугунные перила, двенадцатилетняя Долли, в желто-черном полосатом платье, выдувает из соломинки мыльные пузыри. Пузыри летят к Триумфальной арке вдоль театрального великолепия Елисейских полей.

Вадим достает из коробки бисквит в шоколаде и стучит карандашом в стекло окна. Долли оборачивается. Вадим показывает ей бисквит.

Долли входит в комнату, усаживается перед Вадимом на письменный стол и болтает ногами в белых чулках. Темные ее глаза смотрят на Вадима с особенным их непроницаемым выражением. Вадим протягивает Долли бисквит. Она берет его, откусывает половину, а другую кладет Вадиму в рот.

– Вы теперь у нас всегда будете жить? – спрашивает его.

– Ты против? – Берет ее руку и целует вымазанные шоколадом пальцы.

– Вообще-то до вас это была моя комната.

– Я скоро уеду.

– Вы уже нашли себе новую жену?

– Я не думаю, что это когда-нибудь случится.

– А бабушка говорит, что это случится очень скоро. Я тоже так думаю. Вы типичная Синяя Борода. Вам скучно, если вы не мучаетесь.

Она доедает бисквит и начинает икать. Вадим придвигает ей стакан с водой. Долли пьет, проливая воду на его черновики.

– Ты что-то путаешь, Долли. Синяя Борода мучил своих жен, а не себя.

– Себя. Эти жены его не понимали и не любили, и ему ничего не оставалось делать, как убивать их. А убив, он ужасно мучился. Вы только представьте – держать у себя дома все эти трупы.

Стук в дверь. Вадим отпускает руку Долли. Входят Степанов и Оксман. Оксман – круглый и упитанный старик. Степанов – костлявый и высокий.

– Долли! Опять ты здесь! – обнаружил Степанов. – Брысь отсюда, моя радость. Вадим Вадимыч, она же вам работать не дает.

– Наоборот, ваша внучка мне помогает.

– Я помогаю, – развозит пальцем воду по залитой странице, вычерчивая длинные прямые линии.

– Оксман, вы ведь знакомы с Вадимом Вадимовичем лично?

– Как же, как же. Имею честь быть автором первой рецензии на произведения нашего гения. Задал ему, так сказать, генеральное направление. Впрочем, он меня не послушался – и слава Богу. Теперь мой магазин завален его шедеврами. "Белла" идет очень, очень... А "Камера обскура"... вообще очень...

– Ты, должно быть, имеешь в виду "Камеру Люсиду", Осип Львович? – подколот Вадим.

– Оговорился, – смутился Оксман.

– И не "Беллу", а "Тамару", старый ма-разматик.

– "Тамару". Конечно, "Тамару". Помню, что-то украдено у Лермонтова. И нечего грубить. Вокруг столько гениев, а я один. Вы все на меня молиться должны. А ргорос я же тебе секретаршу привел. Степанов, где ж она, душенька, прячется?

Степанов выглядывает за дверь и чуть ли не силком вводит под руку стоящую в коридоре красную от смущения Аннет.

– Вадим, позвольте вам представить Анну Ивановну Благово. – Долли: – Сказано тебе – вон отсюда.

Долли спрыгивает со стола и идет к двери. Проходя мимо Аннет, она делает ей книксен и оборачивается к Вадиму:

– Я еще вернусь.

За кадром раздается грохот упавшей на кухне крышки кастрюли и пронзительный крик попугая.

...Париж. Квартира Вадима и Айрис. Ва-

дим пишет на покрытом клеенкой обеденном столе. Он бросает карандаш и оборачивается. За приоткрытой в кухню дверью молоденькая служанка поднимает с пола упавшую крышку и швыряет ее на стол.

Сидящая в клетке Мата Хари моргает безумным желтым глазом.

Комната Вадима служит одновременно кабинетом, столовой и гостиной. На полу громоздятся связки его нераспроданных книг. Окно выходит на крошечный балкон, уставленный горшками с цветущими растениями. Посреди этого микроскопического сада лежит на животе Айрис и пишет, используя в качестве пюпитра шахматную доску Вадима. Вокруг валяются фигуры – ферзь в опаснейшей близости к краю балкона.

Вадим, поджав губы, выходит на балкон, спасает ферзя и начинает собирать фигуры одну за другой, безуспешно пытаясь заглянуть через плечо Айрис в письмо.

– Она опять гремит кастрюлями и варит мясо с овощами, – жалуется Вадим.

– А что делать, если бедная девочка больше ничего не умеет?

– Но это невыносимо. А ты все пишешь письма. Интересно кому?

– Сейчас – Наде.

– Но Надя здесь, в Париже. Когда ты куда-то исчезаешь, ты же утверждаешь, что виделась с ней?

– Когда я исчезаю, она занимается со мной русским языком. Ты же не хочешь меня учить.

Вытягивает из-под доски надписанный конверт, конечно же, адресом вниз, быстро лизнув, запечатывает письмо и прячет в сумочку.

– Я тебя не учу потому, что это бессмысленно. Для общения нам достаточно английского, а родным русский тебе не станет никогда.

Вадим возвращается к столу.

Служанка пытается пальцами выудить из кипящей кастрюли говяжью кость, роняет крышку...

...Такси останавливается у входа в русский ресторан. Айрис расплачивается с шофером и выходит из машины. На двери ресторана – золоченый силуэт самовара. Жующий и вытирающий рот салфеткой

швейцар открывает перед Айрис дверь и впускает в полутемный зал.

Ресторан почти пуст. Балалаечник в потертом фраке и певица, не утратившая величия примадонны Петербургской оперы, репетируют старинный русский романс.

Официант с подкрашенными глазами и припудренным лицом актера ведет Айрис в угол, к столику, за которым сидят Надя и Благодзе.

Перед Благодзе пустой графинчик и селедка с раздавленным в ней окурком. Перед Надей нетронутый стакан чая.

– Я умоляю, – шепчет Надя мужу, – держи себя в руках.

– Надюша, о чем ты? Я держусь более чем, – он встает навстречу Айрис и, пошатнувшись, целует ей руку.

– Здравствуйте. Ты прочитала? – спрашивает Айрис Надю.

– Да, – отвечает Благодзе.

– Помолчи. Ты же обещал. – Надя морщится. – Неужели Вадим сам тебе это дал прочесть?

– Нет, конечно, – признается Айрис, – я стащила черновики из его мусорной корзины. Потом, для языка, мы с тобой будем читать вместе фразу за фразой. А сейчас просто объясни мне... Я понимаю слова в отдельности, и они мне ужасно нравятся... Но все в целом... Что это?

– Мне кажется, это страницы из будущего романа, – говорит Надя.

– И как это звучит по-русски?

– Шедевр, – снова басит Благодзе, – за что маленький кузен ни возьмется – все шедевр.

Опять припадает к руке Айрис.

– Не надо, пожалуйста, – умоляет Надя Благодзе. И снова к Айрис: – Я не уверена, что мы с тобой сможем это прочесть. Стыль очень трудный, все сплошь ассоциации, совершенно непонятные для нормального читателя. Но сюжет...

– Гениальный, – вставляет Благодзе.

– Но ты же не читал! – злится Надя.

– И не буду. И так знаю.

– Сюжет несколько странный, – объясняет она Айрис. – Почему-то это называется "Королевство у моря", но ни моря, ни королевства нет и в помине. Это роман о жизни писателя, как бы о себе самом. Сперва все совпадает, даже ваш попугай, но потом, как раз на этих страницах, ты,

представь себе, как бы умираешь, и Вадим как бы переезжает жить к приятелю, и там как бы начинается нечто патологическое с двенадцатилетней девочкой Долли... Уж не знаю, что тебе и сказать...

– Ты мне главное скажи, хорошо ли написано?

– Лучше, чем у Пушкина, – снова успевает Благодзе.

– Да помолчи же ты!

– Не замолчу, потому что люблю Вадима как брата. Тут некий каламбур, да? Ирис, душенька, не прикажете ли мне водочки?

– Нет, это невыносимо! – Надя вскакивает и убегает.

– Ну вот опять. Вечный русский вопрос – кто виноват? Вечный ответ – сам виноват. Прошу прощения.

Он спешит вслед за Надей. Лицо его сильно дергается...

Квартира на Елисейских полях. В дверях комнаты с куклами и плюшевыми зверями стоит красная от смущения Аннет.

Проходя мимо нее, Долли делает книксен:

– Я еще вернусь.

Торжественно удаляется.

– Аннет – лучшая в мире машинистка, – провозглашает Оксман. – Она у меня два года секретарствовала. Боже мой, у меня же "Литературный самовар" через полчаса! Степанов, провожай!

Выкатывается из комнаты, Степанов ковыляет вслед за ним.

Вадим протягивает Аннет коробку с бисквитами. Она испуганно мотает головой. Строгий серый костюм, белая шелковая блузка и даже очки в черепаховой оправе выглядят на ней необыкновенно изящно. Ей около тридцати, но выглядит она моложе.

– Я ищу помощницу – переписывать мои черновики и печатать под диктовку, – говорит Вадим. – Попробуем?

Аннет подходит к столу и садится за машинку. Вадим успевает заметить девственную грацию ее походки и трогательную беззащитность шеи под аккуратным пучком русских волос. Аннет снимает с указательного пальца кольцо с крупным зеленым камнем, кладет на стол рядом с машинкой и ждет. Вадим подвигает ей залитую водой страницу:

– Перепечатайте это.

Пулеметный треск машинки под нежными пальцами Аннет поражает своей внезапной силой и быстротой – и так же внезапно прекращается.

– Тут у вас написано "взводень". Такого слова в русском языке нет. Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду большую волну.

– Так и надо писать "большая волна". Будет проще и лучше.

– Может быть, и проще, но оставьте как есть.

Машинка трещит еще быстрее.

– Скажите, а как вы вообще относитесь к поэзии?

Машинка смолкла.

– К вашей?

– Нет. Вообще – вы любите стихи?

– Мой папа очень любит, а я... Я выросла в госпиталях среди раненых и умирающих. Папа был врачом в армии Врангеля. Какая уж тут поэзия. Но я буду стараться. Мне нужна эта работа. Нам с папой жить не на что... – Аннет вздохнула. – У вас написано "писатель Толстоевский". Это вы о Толстом или о Достоевском?

– Толстоевский – это у меня, с вашего позволения, юмор. Шутка... Аннет, да у вас тут полно ошибок...

– Нет, это я исправляю ваши ошибки и описки, Вадим Вадимович. Я стараюсь быть вам полезной.

– Нет уж, пожалуйста, не надо ничего исправлять! Вы будете мне гораздо полезнее, покорно перепечатывая все мои глупые шутки и грамматические несообразности. В крайнем случае – краснейте от возмущения. Это вам идет чрезвычайно.

– Это вы о чем?

– О будущих долгих днях и бессонных ночах в моем кабинете, моя прелесть.

– Ладно, я все поняла.

Выдергивает страницу из машинки и комкает ее.

– Погодите. Давайте попытаемся еще раз. У нас с вами все получится.

– Нет. Мне очень нужны деньги, но не любой ценой. Эти ваши намеки... Нет. Я пойду...

– Что случилось?

– А то, что папины друзья, русские офицеры и джентльмены, иногда вынуждены были расстреливать и вешать своих сооте-

чественников, но никаких пошлых намеков и двусмысленностей по отношению ко мне они себе не позволяли! Нет, Вадим Вадимович. "У нас с вами" ничего не получится...

Всхлипывает и выбегает из комнаты.

На столе рядом с машинкой лежит ее забытое кольцо. Вадим подносит его к глазу и смотрит сквозь зеленый камень в окно.

Париж окрашивается в изумрудный весенний цвет.

...Париж. Квартира Вадима и Айрис.

Вадим сидит за столом, покрытым клеенкой, и быстро пишет. Айрис, в широкополой шляпе и нарядном платье, становится перед ним на колени, лизнув носовой платочек, оттирает пятно на его галстук и связывает разорванный шнурок на ботинке:

– Дорогой мой, меня в первый раз в жизни назвали Ираидой Степановной, и я получила первое в жизни приглашение на "Литературный самовар". Ты сейчас же, немедленно встанешь и повезешь меня туда!

Тормозит Вадима. Он отмахивается от нее и продолжает писать. Она целует его. Ее шляпа заслоняет Вадиму рукопись. Не прерывая поцелуя, Вадим отводит шляпу в сторону и продолжает писать. Айрис отнимает у него карандаш.

Служанка скоблит ножом морковь и наблюдает за ними сквозь приоткрытую дверь кухни.

Квартира на Елисейских полях. Вечер. Вадим, одетый в шелковый халат, ставит вазу с букетом белых лилий на стол рядом с пишущей машинкой. На столике около дивана – бутылка шампанского.

Вадим вытирает руки одеколоном, кладет в рот карамельку, берет исписанный карандашом лист бумаги и стоит наготове в ожидании Аннет. Она входит, садится за машинку, видит цветы и краснеет:

– Вадим Вадимович, простите меня. Вы просили, чтобы я сегодня пришла в желтом платье, но тут папа стал мне читать из "Русской старины" про какого-то вашего предка, который тоже эмигрировал, когда поспорил с царем Петром Грозным...

– С Иваном Грозным.

– С Иваном Грозным. А желтое платье было неглаженое. И когда папа кончил чи-

тать, мне уже надо было бежать к вам... Но я обязательно приду в желтом в следующий раз.

– Желтое надо было надеть сегодня, но ничего... Я вам буду диктовать. Вы готовы?

– Да.

– Пишите. "Милая Анна, через полгода нашего знакомства я позволяю себе называть вас так. Милая Анна, я на десять лет старше вас и очень болен. Во тьме своих бессонных ночей я мысленно вижу..." – Трещит машинка. Вадим продолжает диктовать: – "...вижу, как мы с вами рука об руку идем по Елисейским полям к Триумфальной арке. Я вижу как наяву влажный после недавнего дождя асфальт, цветы на вашей флорентийской шляпке, ваше лицо, так похожее на лицо Весны Боттичелли..."

Пулеметный треск машинки смолкает.

– Боттичелли пишется через "а"? – спрашивает Аннет.

– Через "о"... "лицо Весны Боттичелли. Я совершенно счастлив, но, когда, дойдя до арки, мы с вами поворачиваем назад и я пытаюсь предоставить наш обратный путь, я не вижу ничего – ни улицы, ни вас, моя прелесть. Мною овладевает ужас. Мне кажется, что сейчас случится что-то чудовищное и непоправимое".

За открытым настезь окном переливаются огни вечернего Парижа, слышны мягкий гул, и гудки автомобилей, и обрывки музыки из уличных кафе.

Трещит машинка. Вадим продолжает:

– "Эта мучительная слепота при попытке медленно повернуть назад – результат моей болезни. Я страдаю психическим расстройством, деменцией. И теперь, когда вы знаете..."

– Дементия через "и"? – спрашивает Аннет.

– Через "е". "И теперь, когда вы знаете обо мне всю правду, я прошу вас быть моей женой. Ваш друг и работодатель Вадим Вадимович Н."

Вадим с трепетом ждет реакции Аннет.

– Напечатала. Дальше.

– Что "дальше"?

– Диктуйте дальше.

Пробегают глазами текст на машинке, впервые замечает шампанское и прижимает ладони к пылающим щекам:

– Я идиотка... Это же про меня и про вас? Вы меня любите?

– А кого же еще?

Сбитый с толку ее реакцией, он окончательно разрушает задуманную драматургию объяснения тем, что набрасывается на Аннет, прижимает ее к груди и целует в шею где-то между ухом и испуганно дергающимся плечом.

Аннет пытается вырваться из его объятий:

– А вы уверены? Вы это не придумали? Вы все время что-то придумываете. Вы ведь такой странный. Я никогда не встречала таких, как вы.

– А кого вы встречали? Бурильщиков нефтяных скважин? Астрономов? Тромбонистов?

– Военных! Они никогда ничего не придумывали. Вадим Вадимович, что вы делаете? Прекратите сейчас же!

Отворачивается от поцелуев и изо всех сил борется с руками Вадима, стремящимся продвинуться по ее спине вниз.

– Вы любите меня? – спрашивает он.

– Да, но моя любовь не такая, как ваша!

– А какая?

– Чистая. Русская. Уберите ваши руки! Я не привыкла, чтоб со мной так обращались. Это просто дико! Я этого никогда не позволю! Слышите? Никогда!

Вадим, не выпуская ее из объятий, выключает в комнате свет, падает вместе с Аннет на диван и начинает раздевать ее. Аннет отчаянно борется с ним за каждую пуговицу и крючок платья и юбки. Комната освещена теперь только отблесками огня Парижа. В окно влетает ночная бабочка. Аннет громко вскрикивает:

– Ой, всё, я погибла!

– Еще нет.

– Бабочка! Я их смертельно боюсь! Выгоните ее!

– Потом, – отвечает ей Вадим, и борьба на диване продолжается.

– Если она сядет на меня, я умру!

– Бабочки безвредны и красивы, – Вадим швыряет в бабочку туфлю Аннет, промахивается и продолжает сражение.

– Вы обожаете бабочек и все время пишете про них в своих книгах, потому что вы сами, как бабочка! И это мне в вас, Вадим Вадимович, не нравится!

– Не нравится – что?

– То, что вы, как бабочка, не помните своего прошлого, когда были куколкой и

гусеницей. Вы оторвались от своих корней! Вы грассируете, как француз, и все время шутите, как англичанин. И этот ваш шелковый халат...

Одежда Аннет уже разбросана по полу. Вадим целует ее глаза и губы, и Аннет уже отвечает на его поцелуи. Неумело и нехотя, но отвечает, но при попытке поцеловать ее в грудь яростное сопротивление возобновляется:

– Нет! Нет! Вы должны сперва поговорить с папой!

– О, mein lieber Faterland! – Мата Хари закатывает глаза под синие складки век.

– Утром вы отнесете папе письмо, в котором я формально прошу вашей руки. Вот этой вот руки.

– Что значит "утром"?! Я сейчас уйду! Что вы делаете?! Отпустите мою руку, я не хочу вас трогать! Вы грязный развратник! И ваши книги такие же грязные, как вы сам! Пошлости на каждой странице!

– Прошу привести примеры!

– Сто примеров! Одни ваши девочки чего стоят!.. Декадент!.. Нельзя этого делать при попуае!

И тут измученный сражением Вадим оставляет ее в покое. Аннет поспешно прикрывает непорочную наготу русской эмигрантской газетой. Бабочка, покружившись по комнате, садится на пишущую машинку.

– Теперь у меня родится ребенок? – спрашивает Аннет Вадима.

Вадим смотрит на нее с изумлением и откупоривает шампанское.

...Париж. День. Голубая "импала" останавливается перед рестораном. Айрис улыбается ослепительной светской улыбкой, Вадим закуривает трубку, и когда они выходят из машины, они выглядят самой элегантной парой в Париже...

В ресторане шумно и накурено. Вадим мрачно пьет чай у стойки с огромным самоваром. На него никто не обращает внимания. Айрис, с длинным мундштуком в руке, пуская кольца дыма, с интересом рассматривает собравшихся.

Толпа литераторов окружает огромного, толстого и известного поэта Морозова. Морозов рассказывает что-то смешное восторженно слушающим его литераторам, а сам рассеянно поглядывает по сторонам.

Внезапно он встречается взглядом с Айрис и шепчет что-то на ухо стоящему рядом критику Базилевскому. Базилевский шепчет что-то в ответ и ведет Морозова сквозь толпу к Вадиму и Айрис:

– Вадим Вадимович, Морозов прочитал в журнале ваши статьи и хочет сказать вам несколько ободряющих слов.

– Читал. Читал, – говорит свои "слова" Морозов. – А что, ничего. Всегда нас радует красивая вещица.

– А это супруга Вадима Вадимыча, Ираида Степановна, – представляет Базилевский.

– Борис Морозов. Очень, очень приятно. Тут произошла забавная история. Я, знаете ли, только что ездил в Берлин, где вышел мой новый сборник... Вы, кстати, читали уже мои "Шарады"?

– Ираида Степановна англичанка, – поясняет Базилевский. – Она не читает по-русски.

– Ах вот как. Не читает по-русски. Но хоть, надеюсь, говорит?

– И не говорит.

– Я не говорю по-русски, – произносит Айрис по-русски, с ослепительной улыбкой и страшным акцентом.

– Ах как жаль. История-то презабавная, – Морозов теряет к Айрис, а заодно и к Вадиму всякий интерес и поворачивается к ним спиной. Литераторы опять окружают его.

– Тебе понравилось, как этот боров на тебя смотрел, – констатировал Вадим.

– Да, мне было приятно, – отвечает Айрис. – Он здесь самый толстый и веселый.

– И к тому же самый талантливый.

– Самый талантливый – ты.

– Об этом ты не можешь судить. Спроси у своей Нади.

– Надя живет в Лондоне. С тех пор, как они с Благодзе разошлись.

– Когда они разошлись?

– Уже полгода назад, милый. Я тебе говорила. Ты ничего не слышишь и не замечаешь вокруг.

Морозов с серьезным лицом что-то рассказывает литераторам. Литераторы покачиваются со смеху. Взглянув на Айрис, Морозов разводит руками.

Париж. В маленьком зале кинотеатра Вадим гладит колено сидящей рядом Ан-

нет и с интересом наблюдает выражение детского восторга и ужаса на ее лице.

Под эмоциональный аккомпанемент разбитого фортепьяно на тусклом экране мелькают черно-белые кадры немого советского фильма "Мать". Солдаты с дегенеративными лицами преграждают путь колонне рабочих демонстрантов. Во главе колонны навстречу с ружьями шагают обаятельные большевики. Негодий-офицер взмахивает шашкой. Гремит изображенный бурными аккордами тапера ружейный залп. Убитые и раненые большевики падают на брусчатку мостовой.

Аннет полностью захвачена происходящим на экране. Рука Вадима отправляется в дальнейшее путешествие вверх по ее бедру.

На экране пожилая женщина, обвязанная вдовим платком, поднимает флаг из рук убитого рабочего и становится во главе колонны. По заполненному эмигрантами залу кинотеатра проносится вздох сочувствия.

Аннет отталкивает руку Вадима:

– Как ты можешь – в такой момент?

– А тебе не кажется, что у артистки слезы крупноваты и слишком медленно катятся по лицу?

– Сноб! Бессердечный буржуа!

– Я не люблю советское искусство!

– Ты ненавидишь все истинное. За этот год я все про тебя поняла. Ты ненавидишь Россию.

На экране солдаты снова палят по демонстрантам.

Аннет зажимает ладонью рот:

– Ой, мне плохо. Меня сейчас стошнит.

Вскакивает и идет к выходу. Вадим спешит за ней мимо эмигрантов, со слезами на глазах сопереживающих бедствиям революционного рабочего класса.

Фойе. Аннет вбегает в туалет. Из зала доносятся звуки Интернационала и аплодисменты зрителей.

Вадим и Аннет выходят из кинотеатра на улицу. Вадим заботливо поддерживает Аннет под руку:

– Что с тобой? Ты заболела?

– Уже прошло. Извини.

– Неужто фильм на тебя так подействовал?

– Фильм гениальный. Меня тошнит из-за тебя. Я беременна. Уже три месяца. – От неожиданности Вадим останавливается. – Что ты стал? Идем. Мне холодно.

– И ты до сих пор мне ничего не сказала?!

– Это не такая интересная тема.

– То есть как?!

– Я так и знала, что ты захочешь обсуждать подробности. Я не хочу об этом говорить, мне неприятно. Об этом нормальные люди вообще не говорят.

– Прости, но о чем другом говорят нормальные люди?

– О судьбах человечества. О художественной литературе. У нас дома всегда об этом говорили. О настоящем.

– Я об этом не говорю, я просто пишу...

Они проходят между столиками уличного кафе. Порыв ветра срывает со столиков бумажные скатерти и опрокидывает меню и вазочки с гвоздиками.

– Ты пишешь о бабочках и девочках. И переводишь Байрона и Мюссе.

– Это – не настоящее?

– Нет. Настоящее – там, в России. Там снимают эти чудесные фильмы и пишут книги, которые читают миллионы людей. И там все говорят по-русски.

– Ты к чему это?

– К тому, что мы здесь никому не нужны, мы люди без родины, как какие-нибудь евреи. – Вадим морщится. – И вообще, папа говорит, что здесь скоро начнется война.

Они идут вдоль длинного забора, сплошь оклеенного афишами фильмов Кокто.

– Успокойся, Аннет. Ребенок родится не здесь. Мы уезжаем.

– В Россию?!

– В Америку. Мне предлагают курс лекций в Калифорнии. И я надеюсь остаться там навсегда.

– Ах вот как. Еще дальше от дома. Чему ты улыбаешься?!

– Если родится девочка, мы назовем ее Нелли.

– Лишь бы не русское имя. Почему тогда не Айрис, в честь твоей незабвенной англичанки? – Вадим закрывает глаза. – Ну вот, опять тошнит. Что ты со мной сделала! – Она зажимает себе рот ладонью. – Уйди же куда-нибудь!

Вадим уходит. Аннет прислоняется лбом к забору. Ее рвет.

Вадим идет вдоль забора с афишами. Ветер несет по асфальту мусор и сухие листья каштанов. Забор кончается у набережной Сены.

Вадим подходит к парапету. Порыв ветра срывает с его головы шляпу и несет по набережной. Вадим смотрит в темную воду.

Пожилой полицейский, кряхтя, нагибается, поднимает шляпу, настороженно приближается к Вадиму и успокаивается, разглядев надменное аристократическое лицо, элегантно пальто и галстук:

– Все в порядке, месье?

– Да, спасибо. Все хорошо.

Полицейский отдает ему шляпу:

– Извините, я подумал, что вы – русский самоубийца.

– Ах вот как.

– По статистике, именно здесь, на этом самом месте проклятыми русскими совершается наибольшее число самоубийств. До сорока ежегодно. Добрый вечер, месье.

– Добрый вечер.

Полицейский удаляется. Вадим поднимает мокрые от слез глаза к небу. За кадром звучит его голос:

–Звездообразность небесных звезд
Видишь только сквозь слезы...

Расплывшиеся звезды, действительно, видны в разрывах быстро скользящих по небу темных туч.

...Лондон. Вадим и Айрис поднимаются по лестнице и сквозь толпу эмигрантов, курящих на лестничной площадке и в прихожей, проходят в квартиру графа.

Из кухни выглядывает Надя в переднике с растопыренными и вымазанными чем-то белым руками:

– Я готовлю кутью. Ну, идите к нему. Попрощайтесь.

Гроб стоит посреди гостиной. Окна закрыты шторами, комната освещена только горящими у гроба свечами. У изголовья стоит на коленях Благидзе. Глаза его красны, зрачки неестественно расширены. Он явно пьян.

Вадим подходит к гробу. Надя подсказывает:

– Поцелуй его.

Вадим смотрит в гроб на пергаментное, ставшее маленьким лицо графа и его вы-

сохшие руки, покорно сложенные на груди.

– По обычаю, обязательно надо поцеловать, – говорит Надя. – Потом ты будешь жалеть, если не сделаешь этого.

Вадим отворачивается и быстро выходит из комнаты. Вместо него Айрис, зажмурившись, целует желтый лоб графа и выходит вслед за Вадимом.

– Хороша мисс! – Это Благидзе. – Каков момент, а, Надюша? Любовь, черт возьми! Я за него рад.

– Не так громко, пожалуйста, – пытается урезонить его Надя.

– Я тихо. У меня в жизни тоже был момент. Я тебе не рассказывал? Мне было шесть лет, мы были в Италии, и мама повела меня в увеселительный парк. Там была детская железная дорога...

– Тише! – требует Надя.

– Представь себе – три открытых вагончика, и в каждом по шесть штук безмолвных от счастья детей. Электрический паровозик пыхтит, как настоящий. И маленький зеленый поезд мчится кругами через волшебную рощицу, полную разноцветных замечательных чудовищ, привидений и прочих детских ужасов. Круг за кругом, круг за кругом, и казалось, не будет этому конца...

– Ты даже сегодня не мог удержаться! – Надя выходит.

– Круг за кругом, круг за кругом... – Оставшись в комнате один, Благидзе достает из кармана серебряную табакерку графа, насыпает из нее на край гроба белый порошок и, зажав пальцем ноздрю, вдыхает.

Лондон. Улица. Моросит мелкий дождь. Гроб на плечах выносят из подъезда. Впереди – Вадим, за его спиной Благидзе:

– Вечный русский вопрос: у кого я теперь буду брать взаймы?

...Париж. Улица перед домом Вадима и Айрис. Благидзе, изрядно помятый, но сохранивший офицерскую выправку, смотрит вверх на балкон. Стоящая на балконе Айрис прикладывает палец к губам и жестами приглашает его войти. Благидзе входит в подъезд.

В передней она дает ему несколько франков. Он болезненно дергает лицом,

церемонно кланяется и на цыпочках выходит из квартиры. Айрис тихо закрывает за ним дверь, проходит в кухню и садится к столу. Перед ней пустая корзина для бумаг и измятые страницы черновиков Вадима. Айрис разглаживает одну из страниц.

Университет в Калифорнии. Вадим и Аннет смотрят, как четырехлетняя толстенькая и румяная Нелли кормит из рук белку в саду перед одноэтажной кирпичной коробкой филологического факультета.

– Подержи ключи от машины, – просит Аннет Вадима: – Я вас сфотографирую.

Вадим кладет ключи в карман. Аннет открывает футляр фотоаппарата:

– Вадим, присядь рядом с Нелли! Оба смотрите на меня! Улыбайтесь!

– Не хочу улыбаться! – говорит Нелли и грустно смотрит вслед убежавшей белке.

Вадим шепчет ей что-то на ухо. Нелли смеется.

– Ты ей сказал про меня какую-то гадость, да? – спрашивает Аннет и делает несколько снимков. – Боже мой, у меня время кончается на паркинге, а машина стоит черт-те где! Нелли, бежим!

Аннет хватается Нелли за руку и тащит за собой. Нелли дважды оборачивается и машет Вадиму рукой.

Вадим машет в ответ и входит в здание факультета.

Из окна своего офиса Вадим успевает еще раз увидеть Нелли и Аннет, прежде чем они скрываются за поворотом дорожки между аккуратнейшими пальмами и кактусами.

Крохотный офис с портретами русских и английских писателей на стенах почти целиком занят огромным письменным столом. Вадим со вздохом начинает выгружать из портфеля на стол груды домашних заданий, когда в комнату заглядывает секретарша:

– Профессор, к вам студентка. Она не из нашего колледжа.

– Пусть войдет.

Входит Долли Степанова. Ей двадцать лет. Не глядя на нее, Вадим продолжает выгребать из портфеля исписанные корявым почерком листки:

– Я вас слушаю. Садитесь, пожалуйста.

Долли подходит, отодвигает в сторону домашние задания и усаживается на письменный стол перед Вадимом. Некоторое время Вадим созерцает оказавшиеся перед его носом круглые, высоко открытые колени, потом заглядывает в глаза гостьи и узнает их внимательный, сосредоточенный взгляд:

– Долли!

– Я говорила, что вернусь. Вот – вернулась. Здравствуйте, Вадим Вадимович.

На ней короткая юбка и обтягивающий свитер. Выглядит она весьма своеобразно. За тонкой перегородкой слышен голос профессора итальянской литературы, вдохновенно рассказывающего студентам о сошествии Данте в ад.

– Откуда ты взялась?

– Из Нью-Йорка. Я приехала на театральную конференцию и решила сделать вам сюрприз. Я очень изменилась?

– Да уж... Господи, какая неожиданность. Ну, расскажи, как ты, что?

– Я изучаю историю театра в Колумбийском университете. Дедушка по-прежнему в Париже. А про вас я все знаю. Вашей Нелли уже пять лет.

– Да.

– Это чудесно. И вы не очень изменились. У вас красивая рубашка.

– Что?

– Рубашка красивая. Я вообще-то зашла сказать, что я в вас влюблена.

– В каком смысле?

→ В смысле по уши. Я прочитала все ваши книги, Вадим Вадимович. Мой русский не очень хорош, но ваши английские романы я перечитываю постоянно. В детстве я была влюблена в вас, потому что вы были не как все взрослые, вы никогда не казались мне взрослым. А сейчас – потому что вы пишете просто потрясающе. Лучше всех.

– Спасибо.

– Не за что. Не одна я так думаю. Это правда. Вот я и решила – а почему бы не увидеть вас и не сказать об этом. Не оглядывайтесь на дверь. Я ее заперла на задвижку.

– Но, Долли...

– Вы рады меня видеть?

– Очень.

– И я очень... Ну, вот, все... Сказала. Не буду вам больше мешать. Теперь пой-

ду. Спасибо, – Долли нагибается и легко прикасается губами к губам Вадима: – Я все время мысленно с вами разговаривала – и вот... Произошло. Ладно уж, чего уж, раз все равно пришла...

Смахивает домашние работы со стола на пол, обхватывает Вадима за шею и целует уже всерьез. Вадим вскакивает на ноги, обнимает Долли и валит ее на стол.

Описание Дантова ада за стеной достигает своего апогея. Кружевные трусики Долли летят через комнату и повисают на дверной ручке.

Уже не руки, а загорелые ноги Долли обхватывают шею Вадима. Настольная лампа падает на пол и разбивается вдребезги.

За открытым в сад окном появляется Аннет, хочет окликнуть Вадима и замирает, увидев происходящее на письменном столе.

Финальный стон Долли раздастся именно в тот момент, когда звенит звонок, лекция за стеной кончается и студенты приветствуют Данте аплодисментами.

Вадим замечает Аннет, уже сползая со стола.

– Отдай мне ключи от машины, – Аннет протягивает через окно руку. Вадим торопливо натягивает брюки. Аннет продолжает: – Я всегда знала, что это кончится фарсом. Это было бы страшно, если бы мы любили друг друга. Но мы не любили друг друга никогда. Теперь я свободна. Ключи! – Вадим нашаривает в кармане ключи и отдает Аннет. Аннет продолжает: – И вот для таких вот мерзких трюков ты все эти годы меня дрессировал, как цирковое животное? Ты дегенерат, Вадим. Ты не имеешь права быть отцом. – Долли, спрыгнув со стола, приводит в порядок одежду, поглядывая то на Аннет, то на Вадима. Аннет продолжает: – Нелли ты больше не увидишь никогда. Пока я жива, я и близко тебя к ней не подпущу. И я ее воспитаю чистой, русской христианкой, а не развратной дрянью, как детки твоих друзей – кудрявых брюнетов.

Долли, глядя на свое отражение в стеклянной дверце шкафа, поправляет русые, выгоревшие на солнце волосы, чмокает Вадима в щеку и убегает. Аннет продолжает:

– А после моей смерти, если какая-нибудь американская зараза доконает меня,

Нелли уже сама никогда не захочет тебя увидеть. Все свои вещи ты заберешь сегодня же. Твои кокетливые романы и попугая, я имею в виду. Все остальное, включая серебряную вазочку для икры и шесть синих венецианских бокалов, я оставлю себе. Это будет справедливо – за все, что я вынесла.

Вадим выслушивает ее речь, повернувшись к окну спиной и трясуцимся руками застегивая брюки.

...Париж. Квартира Вадима и Айрис.

Телефонный звонок будит спящую Айрис. Она спешит в кухню к телефону и подбегает к нему, когда Вадим, выскочивший из ванной, уже держит телефонную трубку:

– Алло?

Голос Айвора в трубке:

– Привет, Вадим. Я соскучился по твоей мрачной физиономии. Ты еще не задумал мою сестру?

– Нет, она еще жива. Здравствуй, мой милый.

Айрис, потерявшись щекой о мокрого Вадима, забирает у него трубку:

– Здравствуй, леди Крессида.

– Здравствуй, Прекрасная Елена. Я, собственно, здесь, в Париже.

– Да что ты!

Вадим возвращается в ванную комнату и выходит оттуда с полотенцем.

Голос Айвора по телефону:

– Я заехал на один день, по дороге в Канн, повидаться со своим французским продюсером, а заодно с вами. Встречаемся вечером, в семь.

– Где?

– В "Самоваре", конечно. Где ж еще встречаются с русскими родственниками? Потом я переночую у вас. Do zvidaniya, сестричка.

Айрис, сияя от радости, кладет трубку:

– Сейчас немножко "fairlamour", потом я убираю этот хлев, а ты идешь в лавочку и покупаешь что-нибудь на вечер. Айвор любит закусывать свой вечерний бренди маслинами.

Целует Вадима и тянет его в спальню.

Перед их домом, глядя вверх на балкон, стоит Благодзе. Он небрит, на нем потрепанный французский берет и длинная русская шинель.

Вадим выходит из подъезда и пересекает улицу, направляясь в бакалейную лавочку. Благодзе идет вслед за ним.

В бакалейной лавочке. Расплачиваясь с продавщицей, Вадим высыпает из кошелка последнюю мелочь. Недостающие сантимы обнаруживаются в кармане. Обернувшись, он видит Благодзе.

Благодзе снимает черную перчатку и протягивает Вадиму руку:

– Сто лет не виделись.

– Здравствуй.

Воспользовавшись необходимостью взять у продавщицы пакетик с маслинами, он избегает рукопожатия. Темное лицо Благодзе болезненно дергается:

– Ты в смокинге. Литературный банкет?

– Нет, но мы с Айрис сегодня обедаем в ресторане.

– Ты ждешь, что я сейчас попрошу у тебя на водку? А я просто очень рад тебя видеть. Я вообще за тебя страшно рад и хочу, чтоб ты понимал... – он хватает Вадима за лацканы смокинга и дышит ему в лицо: – Ты сейчас в зеленом вагончике, у тебя момент. Ты должен понять, маленький кузен, надо сделать все, чтоб твой момент продолжался вечно...

Вадим отталкивает его и выходит из лавочки.

Квартира Вадима и Айрис. Айрис штопает пятку на чулке. Вадим отдает ей пакет с маслинами, проходит в свою комнату к письменному столу и начинает быстро писать.

Голос Айрис за кадром:

– Какая жалость. Ты купил зеленые, а он любит черные.

– Там внизу Благодзе. От него пахнет какой-то химией. Он совершенно безнадёжен.

– Господи, ты опять за столом! Неужели ты не можешь хоть сегодня не работать?

– Я пишу последнюю главу.

Америка. Кадры стихийных бедствий.

Наводнение. Семья спасается на крыше затопленного дома. Из имущества сохранены только фонограф и птичья клетка.

Разрушенный торнадо маленький местный музей. Вокруг валяются чучела животных. Полиция удерживает окружившую место происшествия толпу.

Репортеры фотографируют и интервьюируют раненых, плачущих и истерически смеющихся людей.

Уезжает автобус с детьми. Машины "Скорой помощи" увозят раненых. Укладывают в мешки тела погибших.

"Форд", заброшенный торнадо на вершину дерева. За рулем сидит окаменевший от ужаса, но живой и целый джентльмен. К нему уже тянется пожарная лестница.

Только что отремонтированная ванная в доме Вадима в Калифорнии. Пожилая служанка, миссис О'Лири, отмывает с раковины брызги краски. Вадим достает из картонной коробки и расставляет на полках разноцветные бутылочки и коробочки с косметикой.

– Какая ужасная смерть, сэр, – говорит О'Лири.

– Скорее, нелепая и смешная.

– Смерть не бывает смешная.

– Бывает. Все ужасы, учиненные стихией, почему-то выглядят нелепо и смешно. В газете напечатана фотография этого мужчины на дереве. Бёрд. Птица.

– Но это совсем другое дело, сэр. Он остался жив.

– Да – остаться при этом живым еще смешнее.

Вадим нюхает мыло и пробует на вкус зубную пасту. На стене ванной висит парижская фотография Аннет – в черепаховых очках и шляпке с цветами.

В доме Вадима. Комната с лиловыми бабочками на обоях. Под руководством Вадима О'Лири вешает на стену репродукцию картины Серова, изображающую Нелли перед букетом сирени. О'Лири вглядывается в надпись под репродукцией:

– Это ведь русская картина?

– Да. Оригинал когда-то висел у нас дома, а сейчас – в советском музее.

Вадим ставит на книжную полку тома русских классиков и американские комиксы. Подумав, кладет туда же футлярчик с маникюрным набором. О'Лири перекладывает футлярчик на тумбочку у кровати. Звук подъехавшей к дому машины. Вадим стоит у окна и смотрит...

...как из машины выходят мистер Пеппермилл, учитель, и двенадцатилетняя Нел-

ли. Пеппермилл открывает багажник и вытаскивает из машины спортивную сумку Нелли. Нелли достает свой чемодан и смотрит на дом. У нее капризный рот и глаза Аннет. Навстречу им спешит О'Лири.

Вадим встречает их в гостиной. О'Лири всхлипывает и трет глаза бумажной салфеткой. Пеппермилл с уважением прикасается к нотам на пюпитре белого концертного рояля:

– У вас отличный дом.

– Спасибо, – говорит Вадим. – Чем вас угостить?

– Капельку бренди, пожалуй.

Вадим наливает Пеппермиллу капельку бренди. Нелли получает стакан персикового сока и имбирный пряник.

Жестом благовоспитанной девочки она показывает Вадиму свои ладони.

– Идем, – говорит ей Вадим. – Я покажу тебе твою ванную.

Она молча и покорно идет за ним по дому. Входит в ванную.

– Ты говоришь по-русски? – спрашивает он ее.

– Да, но я не умею писать. И по-французски то же самое.

Мельком взглянув на фотографию Аннет, она начинает изучать полку с косметикой. Вадим возвращается в гостиную.

О'Лири врывается в ванную, прижимает Нелли к груди и покрывает поцелуями:

– Бедная девочка, ну поплачь со мной, поплачь. Тебе станет легче. Ты ведь очень любила мамочку?

Мягко высвободившись из ее объятий, Нелли открывает шкафчик над умывальником:

– Я знаю, что я сюда поставлю. Да, я любила маму, но мисс Лэнгли любила ее больше, чем я.

– Кто эта мисс Лэнгли?

– Мамина подруга. Очень близкая подруга. Она с нами жила. Она меня ненавидела и однажды высекла. Да так, что остались шрамы. Вот.

Поднимает подол платья и показывает белую и гладкую кожу бедра.

– Я ничего не вижу, – говорит О'Лири.

Перед домом Вадима.

Вадим провожает Пеппермилла до машины, кланяется:

– Я вам очень благодарен за то, что вы взяли на себя все труды...

– Я счастлив сделать для Нелли все, что в моих силах. Она – чудесный, но странный, очень нервный ребенок. Вы собираетесь отправить ее к родственникам в Париж?

– Нет. Ее дед стар, а бабушка очень больна. Нелли будет жить здесь, со мной.

– Если вы передумаете, мы с удовольствием оставим ее на лето в школе. Мисс Аннет была твердо убеждена, что закрытая школа – лучшее место для девочек.

– Я не так в этом уверен. Еще раз спасибо.

Пеппермилл уезжает.

Вадим возвращается в комнату Нелли, когда она подпрыгивает на кровати, проверяя ее мягкость.

– Тебе здесь нравится? – спрашивает Вадим.

– Здесь, как в книжке с картинками. И пахнет розмарином, как на тропинке вниз, к морю.

– На какой тропинке?

– На вилле в Ницце.

– Ты помнишь этот запах?

– Не с детства. Я этим летом была там с бабушкой.

– Ты меня узнала, когда увидела?

– Я узнала твои руки и волосы. – Берет с полки комикс и гримасничает. – А Байрон у тебя есть?

– Есть.

– А Браунинг? Впрочем, все, что я из него люблю, я знаю наизусть. А твою "Тамару" всю помню наизусть. И твою "Последнюю Герцогиню", но ее не всю. – Нелли смотрит на портрет девочки с букетом сирени: – Кто это? Она похожа на меня. Или я на нее?

И тут силы оставляют Вадима, он садится на край кровати и плачет. Нелли деликатно отворачивается.

– Извини меня, – говорит, наконец, Вадим. – Я, должно быть, старею.

– А патефон у тебя есть?

– Нет, но завтра же купим. Или хочешь сегодня?

– Можно и завтра.

– Обед будет через полчаса. Ты, наверное, голодная?

– Если это не вареная курица, то да. А потом давай поедим в кино? Я заметила по дороге – тут у тебя идет "Черная вдова"!

...Париж. Квартира Вадима и Айрис.

Айрис в открытом черном платье наводит последний лоск перед выходом из дома. Вадим по-прежнему за столом...

Заповедник в горах.

Тропинка, окаймленная голубыми цветами, ведет Вадима и Нелли сквозь первозданный хаос поросших лесом гор.

На поляне под нависшими скалами Вадим открывает корзину с припасами для пикника. Нелли стоит на краю поляны, над пропастью, хмурится и шевелит губами, глядя, как освещенная солнцем долина у ее ног скрывается в фиолетовой тени быстро надвигающейся тучи. Гремит гром. Намазывая бутерброды, Вадим не сводит глаз с Нелли.

– Дай мне карандаш, – просит она.

Вадим дает ей карандаш, она выхватывает из корзины бумажную салфетку и что-то пишет.

– Кажется, я первый раз в жизни сочинила стихи.

– Тройной арлекин.

– Ты о чем?

– О том, как ты пишешь, как ты себя ведешь и как ты говоришь.

– На, прочти.

Дает ему салфетку.

Вадим читает:

– Когда мне исполнится шестьдесят
И я оглянусь назад,
Джунгли и горы спрячут след
Того, чего больше нет,
Птичьи следы на прибрежном песке
И соль на мокрой руке...

И тут же градина размером с орех выбивает салфетку из его рук. Другая градина со звоном врезается в консервную банку, третья ударяет Вадима в темя, точно угодив в начинающуюся лысину. Гроза обрушивается на поляну мгновенно. Нелли пицтит от восторга. Прикрывая ее собой, Вадим спешит под прикрытие нависшей скалы.

Мокрые насквозь, они сидят под скалой, глядя на потоки воды и града. Оглушительные раскаты грома следуют один за другим. Молнии ударяют в скалы где-то совсем близко от них. Вадим закрывает глаза.

– Тебе страшно? – спрашивает она.

– Нет. Это у меня от грозы болит голова.

– Я тебя полечу.

Нелли целует его в висок после каждого удара грома.

– Ты дрожишь, – замечает он.

– Это не от страха. Папа, со мной что-то происходит. У меня в голове сами появляются слова.

– Ты совершенно ледяная. Еще подхватишь пневмонию, не дай Бог.

Обнимает ее, чтоб согреть.

– Pneumonia. В этом слове есть "new" и "moon". Новая луна. Или "new" и "moon" – новый стон?

Вадим растирает ее плечи, спину и бока с выступающими тонкими ребрами.

Дом Вадима. День. Вадим, в халате, с чашкой кофе в руке, впускает в гостиную Пеппермилла.

– Надеюсь, я вам не помешал? – церемонно интересуется тот.

– Нисколько. Вы с нами позавтракаете?

– Позавтракать? Спасибо, я сегодня уже успел пообедать.

– Да что вы? А мы с Нелли только встали. Мы ночные птицы.

– Это ничего, сейчас каникулы, но... Видите ли, сэр, традиция нашей школы – не забывать о наших питомцах при любых обстоятельствах. Особенно в тех печальных обстоятельствах, в которых оказалась бедная девочка.

– Вы разве не получили мой чек?

– Этот чек нас и смутил. Судя по сумме, вы хотите совсем забрать ее от нас?

– Да, я все разузнал про здешнюю школу. Она совсем недурна.

– Но вы живете один. Не кажется ли вам, что воспитание девочки в ее возрасте...

И умолкает, увидев Нелли. Голая, одетая только в шлепанцы и ожерелье из разноцветных стекляшек, она проходит за белым роялем из своей комнаты в кухню.

– Дорогая, мы не одни. К нам заехал мистер Пеппермилл. – Ей во след запоздало предупреждает Вадим и обращается к Пеппермиллу: – Извините ее. Она еще не совсем проснулась. Ходит во сне голая. Ужас.

Пеппермилл цепенеет. Нелли проходит

обратно из кухни в комнату в том же виде, но с персиком в руке. Вадим смеется:

– Это у нее, должно быть, наследственное. Я в юности тоже любил разгуливать по дому в своем естественном виде. – Кричит: – Нелли, дорогая, надень что-нибудь. Завтрак готов.

– У вас тут что, колония nudистов?
– Нет. Скорее, воспоминания об Эдеме.

...Париж. Русский ресторан.

Певица и балалаечник исполняют русский романс. На столе среди остатков ужина три пустые винные бутылки и букет сирени. Айвор расплачивается с накрашенным официантом. Вадим замечает, что волосы Айвора тоже подкрашены.

– Дорогие мои, это просто глупо, что мы так редко видимся, – говорит Айвор. – Вадим, а почему бы нам с тобой не сделать вместе фильм? Ты напишешь сценарий, а Дэвид Геллер сыграет главную роль. Дэвид снимается во всех моих фильмах. Я думаю, он будет чудно выглядеть в роли русского. Начнем работать сегодня же. У меня уже есть идея.

– "Ревизор"?
– Как ты угадал?

Вадим вглядывается в букет сирени, отщипывает один цветок и протягивает его Айрис. Она необычайно хороша и слегка пьяна.

– Съешь его, – просит Вадим.
– Зачем?

– У него пять лепестков. Кто его съест, тот всегда будет счастлив. Я когда-то съел и обвел судьбу вокруг пальца.

Айрис берет цветок губами из его руки.

– Я тоже хочу, – говорит Айвор.

Вадим находит цветок и для него.

– Теперь, что бы ни случилось на свете, – с нами тремя не случится ничего дурного. Эти цветы встречаются раз на миллиард простых, у которых всего лишь четыре лепестка.

Париж. Улица перед домом Вадима и Айрис.

Они втроем возвращаются домой поздно ночью.

– Что ты сейчас пишешь? – спрашивает Айвор.

– Это называется "Королевство у моря", – отвечает Вадим.

– Нам остались последние страницы, – объявляет Айрис.

– Решено. После "Ревизора" я это тоже поставлю. Я тебя сделаю миллионером, – говорит Айвор.

Улица темна, и шофер такси проезжает мимо дома.

– Стоп, – говорит Вадим. – Мы проехали. Развернитесь.

– Нет! Нет! Не надо! – просит Айрис: – Мы выйдем здесь. Сейчас будет произведен некий эксперимент. Я давно его задумала. Это касается твоих воображаемых поворотов, милый.

Они выходят из машины. Айвор расплачивается, и такси уезжает.

Айрис велит Вадиму:

– Закрой глаза! – Вадим послушно закрывает глаза. – Теперь мысленно представь себе нашу улицу – когда мы проехали мимо. Ты же это можешь?

– Это я могу.

– А теперь... – Айрис бежит к подъезду и скрывается в темном портале. – А теперь мысленно повернись ко мне, но только мысленно.

– Повернулся.

– И что же ты мысленно видишь?

– Тебя.

За спиной Айрис, в глубине портала, не замеченный ею, стоит Благодзе. У него спокойное, умиротворенное лицо наркомана в состоянии транса.

Айрис кричит Вадиму:

– Ну и как? Тебе сейчас очень страшно?

Вадим отвечает с закрытыми глазами:

– Нет. Ты очень неплохо выглядишь.

– Боже, как трогательно, – умиляется Айвор. – Может, и мне жениться? На Дэвиде Геллере, скажем?

– Я давно все поняла про твое сумасшествие, милый, – говорит Айрис. – Ты просто перепутал пространство со временем. С пространством у тебя все в порядке. Это ты боишься обернуться в прошлое. Когда-то ты был слишком счастлив. Ты боишься, что никогда больше...

Благодзе достает из кармана шинели револьвер, подносит к затылку Айрис и спускает курок. Оглушительный грохот выстрела раскатывается по пустому переулку. Айрис падает лицом на тротуар. На асфальте быстро расплывается лужа крови.

Айвор вскрикивает женским голосом и бежит к подъезду. Навстречу ему из портала, держась очень прямо, выходит Благидзе, становится рядом с Айрис на колени и снимает с бритой головы берет:

– Вечный вопрос – как остановить мгновенье?

Стреляет себе в висок.

Вадим все еще стоит посреди улицы с закрытыми глазами и продолжает стоять, когда разбуженные выстрелами люди начинают зажигать свет и выглядывать из окон.

Дом Вадима в Калифорнии. Ночь.

Он открывает глаза в своей спальне, на рассвете, когда Нелли входит к нему в длинной до пят рубашке с листком бумаги в руке и влезает в его кровать:

– Папа!

– Я сплю.

– Так проснись! Слушай, что я написала! "В темном подвале я наткнулась на голову волка. Но, когда все закричали и зажегся свет, оказалось, что это всего лишь Медор, мертвый пес". Мне это очень нравится. А тебе?

Ждет похвалы. Вадим окончательно просыпается:

– А почему ты назвала пса Медором?

– Я видела у моря камень с этим именем. Я думаю, это была могила пса. Он был прибудный. Бедный прибудный пес.

Вадим целует ее чуть более восторженно, чем заслуживает корявое стихотворение. – Я это сочиняла всю ночь.

Зевает, ложится, приткнувшись к Вадиму, и мгновенно засыпает. Вадим осторожно укрывает ее краем своего одеяла и лежит, боясь шевельнуться.

Усадьба. 1995 год. Белая ночь.

Последние машины с участниками церемонии покидают усадьбу. Машина со священником выезжает за ворота парка.

– Было приятно, но я переел, – говорит священник.

– А я нормально, – откликается шофер.

– Я только не понял, жил этот писатель с девочкой или не жил?

Охранники закрывают ворота.

Финский залив. Белая ночь.

По шоссе вдоль моря в другой машине едут трое старых интеллигентов.

Рисунки Анастасии Рюриковой-Саймс

– Вы слышали, что он сказал? – спрашивает критикесса.

– А? Что? – недослышал писатель.

– Он за факты обещал три тысячи долларов.

– Жлоб. Какие факты? Надежда Благидзе оставила мемуары, но там об этом ни слова. Блэк умер двадцать лет назад от цирроза печени, а Оксмана замучили в экспериментальной больнице, в Дахау. Ни черта не сохранилось, кроме книг, а их никто не читает. Бессмысленная жизнь.

Усадьба. Белая ночь.

Нелли уже улеглась в постель, но еще не спит, глядя, как ночная бабочка кружится по комнате.

Входит хозяин, целует дочку на сон грядущий, гасит лампу у кровати и на цыпочках выходит.

За прозрачными занавесками окна – ночь – не настоящая темнота, конечно.

БЕЗУМНЕ

КОРОЛЯ
ГЕОРГА

Алан
Беннетт

Вестминстер. День.

Рука (мы видим обшлаг мундира, перчатку) осторожно стучит в старую деревянную дверь.

Дверь открывается, перед нами предстает королевская гостиная. Королева Шарлотта в полном облачении, с короной на голове, очень по-домашнему расположилась в окружении детей. Это немолодая, простоватая женщина (немка, но не типа гувернантки), с ней графиня Пемброк, правительница королевского гардероба, высокая, красивая, живая. Королева жестом подзывает свою четырехлетнюю дочку Амелию и, послушив носовой платок, стирает грязь с детского личика. Старший сын королевы Георг, принц Уэльский, уже в том возрасте, когда с его лица ничего не сотрешь (кроме улыбки). В свои двадцать шесть принц Уэльский успел утратить обаяние молодости в результате пьянства, безделья и тягот, связанных с положением наследника престола – род занятий, предполагающий наличие особых способностей, таких как “способность полжизни проболтать ногами”. Рядом с принцем Уэльским его младший брат Фредерик, герцог Йоркский, глуповатый, но совершенно безобидный парень в пышном парике. Оба в полном церемониальном наряде. Пажи и придворные суетятся, не обращая ни малейшего внимания на особ королевской крови, они облачают короля – мы пока не видим, где это происходит. Все заняты, страшно заняты, их беготню лишь на миг прерывает робкое появление в дверях привлекательного молодого человека. Королева, принцы, пажи и придворные стихают и устремляют взгляды на него. Молодой человек с поклонами входит в комнату – так могла бы входить в Зазеркалье Алиса.

Леди Пемброк (шепотом королеве). Капитан Гревилл, мадам. Новый придворный конюший Его Величества.

Королева кивает Гревиллу. Принц Уэльский и его младший брат герцог Йоркский продолжают стоять в стороне со скупающим видом.

Принц Уэльский (умудряясь сочетать томность с нетерпеливостью). О Господи! Ну давай же, па! А это еще что, Фред?

Указывает на крест, угнездившийся среди десятков регалий, покрывающих камзол брата.

Герцог Йоркский. Это? Буквально третьего дня выяснилось, что я епископ Оснабрюкский. Столько титулов, просто диву даешься!

Принц собирается потихоньку глотнуть из фляжки, но мать замечает его движение.

Королева. Джордж!

Он демонстративно отпивает из фляжки и передает ее брату; внимание королевы отвлекает появление несколько запыхавшегося лорда-канцлера Терлоу.

Терлоу. Ваше Величество.

Королева. А, лорд-канцлер.

Терлоу (в сторону). Господи, холодно тут, как у борзой в ноздре!

Гревилл ошарашен суматохой и суетой в гостиной. Ему никто не приходит на помощь, пажи проносятся мимо, а когда Гревилл пытается задержать надменного старшего конюшего, капитана Фицроя, тот не обращает на него внимания.

Гревилл. Капитан Фицрой? Прошу извинить меня... Не могли бы вы...

Тем временем за драпировкой идут приготовления Его Величества к выходу. Вокруг ноги в белом чулке застегиваются Орден подвязки, к камзолу прикальваются все новые ордена, паж Фортнам шепотом приказывает: “Корону!” – и паж Браун отправляется на поиски коробки с бесценнейшей побрякушкой. Маленькая Амелия поставила игрушечную лошадку в таком месте, где о нее обязательно каждый споткнется, что и произошло бы с пажем Фортнамом, если бы он ловким пинком не отшвырнул ее в сторону. Маленькая дочка короля в слезах идет искать папу. Паж Браун достает из потрепанной коробки ее драгоценное и вычурное содержимое, замечает пылинку на безупречном изумруде и, поплевав, оттирает рукавом. Он совсем было собрался возложить корону на царственную главу, но легкое покашливание со стороны Фицроя и нахмуренные брови показывают ему, что не его это дело. Фицрой принимает корону и сам выполняет почетную обязанность. В ту минуту, когда корона, наконец, водружена на голову короля и окончательно расправлены все складки его горностаевой мантии, Амелия заглядывает за занавеску, видит папу и бросается к нему:

– Папа, папа! Папочка! Возьми меня на руки!

Король – Найгел Хоторн, Королева – Хелен Миррен

Король. А? А? Что это такое, мадам?
А?

Итак, хоть в полном церемониальном одеянии и с короной на голове, впервые Георг III предстает перед нами как семьянин, который, возможно, и отец народа, но безусловно отец пятнадцати детей, младшенькую из которых он сейчас берет на руки и указывает, куда ей поцеловать его в щеку. Они вместе смотрятся в трюмо. Король – крепкий, краснолицый мужчина лет пятидесяти, по природе мягкий и добродушный, но нервозный и резкий. Поставив Амелию на пол, он берет в руки бразды правления, приветливый глава семьи уступает место вспыльчивому, властному, официальному главе государства.

Король. Так!

Король быстрым шагом выходит из комнаты для одевания и, на ходу подхватив королеву, возглавляет шествие по галерее. Перед королевской четой шагает (точнее, ковыляет) старый оруженосец, который, согласно требованию этикета, пятится; за ними, практически трусцой, поспешают принц Уэльский, герцог Йоркский и вся свита.

Королевское шествие сильно отличается от тех, какие мы видим сегодня – величественные, полные достоинства действия. Это шумная толпа, чуть ли не свалка, возглавляет же эту свалку король. И пусть это не воскресный семейный выезд на машине – родители впереди, дети на заднем сиденье, – можно ли найти лучшее место для ссоры?

Король. Сын такой... нездоровый.

Королева. Растолстел. Толстеет и толстеет.

Король. Толстеет, потому что ничем не занят. Что-что? (Сыну.) Вы Англию знаете, сэр?

Принц Уэльский. Полагаю, что да, государь.

Король. Ты Брайтон знаешь, Бат. Это ты знаешь, да. А английские фабрики и мануфактуры ты знаешь? Фермы ты знаешь? Вот я – знаю. Тебе известно, как меня называют в народе?

Принц Уэльский. Как вас называют, государь?

Король. Фермер Джордж. Ты знаешь, что это означает?

Принц Уэльский. Дерзость, государь?

Король. Нет, сэр. Любовь.

Королева. Привязанность.

Король. Это восхищение, сэр. Вам надо жениться, сэр. Остепениться.

Королева. Да, стать взрослым.

Король. Простая, добрая женщина. Вот кто вам нужен. (Королева старается воспринять это как комплимент.) Тогда, сэр, народ будет любить вас, как любит меня. Ничего хорошего нет в этом безделье. Вы от него и толстеете, сэр. Не будьте толстым, сэр. Худейте! Худейте! Стоп!

Процессия, толкаясь, останавливается.

Король. Так. У кого эта речь, будь она неладна?

Терлоу. Извольте, Ваше Величество.

Король. Лорд-канцлер. (Королеве.) Вы готовы?

Королева (устало). Да.

Король. Пойдемте. Давайте поскорей покончим с этим.

Процессия поднимается по лестнице в Палату общин и исчезает из виду.

Зал Палаты общин заполнен членами парламента. Герольдмейстер приближается к креслу спикера.

Герольдмейстер. Король повелевает членам достопочтенной Палаты выслушать Его Величество в Палате лордов.

Члены парламента во главе со спикером покидают зал, премьер-министр Питт

шествует в паре с лидером оппозиции Фоксом. За ними толпятся члены парламента, многие из которых выглядят менее респектабельно, чем их нынешние преемники, а ведут себя значительно менее формально. Одни в шляпах, другие с непокрытыми головами, некоторые выглядят как фермеры на скотной ярмарке.

Они проходят через лобби, направляясь в Палату лордов. Фокс, добродушный весельчак, пытается завязать разговор со своим оппонентом – молодым, ледяным и начисто лишенным чувства юмора.

Фокс. Нравится вам весь этот вздор, мистер Питт?

Питт. Нет, мистер Фокс.

Фокс. А вообще есть вещи, которые вам нравятся, мистер Питт?

Питт. Балансовый отчет мне нравится, мистер Фокс. Мне нравится хорошо сведенный балансовый отчет.

Питт и Фокс ведут членов Палаты обшин в Палату лордов слушать речь короля. Через их головы мы видим короля. Он сидит на троне в дальнем конце зала и готовится начать речь.

Король читает:

– Мы, король Георг III, в год от рождения Христова 1788-й открываем парламент и изъявляем нашу волю и желание, чтобы следующие законопроекты были представлены на рассмотрение Палаты: Законопроект о регулировании торговли с нашими владениями в Северной Америке... (Осторожно покашливание лорда-канцлера, Терлоу, неудовольствие на лице короля.) ...с нашими бывшими владениями в Северной Америке.

Голос продолжающего чтение короля уходит в фон.

Фокс. Я вижу, король не сам писал свою речь, мистер Питт.

Питт. Король будет поступать так, как ему скажут, мистер Фокс.

Фокс (Шеридану). В таком случае, почему бы вообще от него не избавиться? Если его смогла выставить вон горстка оборванных американских колонистов, то почему не можем мы?..

Гревилл, пажи, придворные гурьбой сбегают по лестнице во двор; Гревилл принимается выстраивать толпу, которая встретит короля при выходе..

Гревилл. Внимание, внимание!

Толпа смотрит, как король, уже снявший церемониальное облачение, подходит к карете. Фицрой обращает его внимание на небольшую группу просителей с заготовленными петициями в руках.

Фицрой. С прошениями к Вашему Величеству.

Король. Да-да... спасибо... спасибо... спасибо... спасибо...

Когда подходит черед Маргарет Николсон, она неожиданно выхватывает из свернутой в трубку петиции нож и вонзает его в грудь короля.

Король. Что-что? Что?

Минутное замешательство, король ошупывает себя, Маргарет Николсон наносит второй удар, и тут начинается свалка.

Король. Нет, я не ранен, нет!

Гревилл и Фицрой борются с Маргарет Николсон, королева обнимает короля.

Фицрой. Его Величество не пострадал!

Николсон. Английская корона должна вернуть мне мои владения!

Король. Бедная, она безумна. Не причиняйте ей вреда, она мне ничего не сделала!

Николсон. Возвратите мне владения, или вся страна утонет в крови!

Король. Вы думаете утонет, мадам? Ну, не с помощью этого оружия. Это же нож для фруктов. Им даже капусту не разрезать. Кто вы такой, сэр?

Фицрой. Капитан Гревилл, Ваше Величество, новый придворный конюший!

Король (указывая на эполет Гревилла, полуоторванный после схватки). Ваше платье странно выглядит, приведите себя в порядок, сэр. Вы придворный, а не огородное пугало.

Гревилл отступает в сторону и приводит в порядок мундир.

Николсон. Корона Англии должна вернуть мне мои владения!

Ее поспешно уводят.

Королева. Гнусная убийца! (Бросаясь на шею королю.) Благодарение Богу, вы остались со мной!

Король. Не нужно суеты, мадам. Король не ранен, на нем только порван жилет.

Принц Уэльский (шепотом, герцогу Йоркскому). О чем можно только пожалеть.

Король. Что-что?

Принц Уэльский. Я радуюсь тому, что вы не пострадали, государь.

Все готовятся усесться в кареты.

Королева (с горечью). Сын радуется. Принц Уэльский рад. Боже мой!

Герцог Йоркский. Я тоже рад, па! Боже, храни короля и так далее.

Королева усаживается в карету, Питт и Терлоу, сбежав с лестницы, перехватывают короля, который уже поставил ногу на приступок кареты.

Питт. Ваше Величество.

Король. А, мистер Питт. Ну что ж, вы случайно отделались, что-что?

Питт. Я, Ваше Величество?

Король. Именно вы. Вы мой премьер-министр. Я выбрал вас. Если со мной что-нибудь случится, вы потеряете место, что-что? А мистер Фокс получит его, хе-хе.

Питт. Я полагаю, такой опасности нет, Ваше Величество.

Король. Верно! Обратно в Виндзор.

Карета трогается, королева окликает принца Уэльского, который едет в своей карете:

– Джордж, улыбайся, пес ты ленивый! Тебе за это и платят. Улыбайся и маши! Все улыбайтесь и машите!

Все улыбаются и машут, улыбаются и машут.

Принц откидывается на подушки, так что видна только его рука, вяло помахивающая в ответ на приветственные выкрики толпы.

В комнате для одевания. День.

Король отбыл, церемониал окончен, снуют пажи, убирая королевское облачение, перекидывают друг другу корону, укладывают ее в коробку и торопятся уйти.

Виндзорский замок. Сумерки.

Кареты въезжают во двор, слуги бегут встречать их, помогают выйти приехавшим.

Карлтон-хаус. Спальня принца Уэльского.

Принц в постели ожидает Марию Фицгерберт, которая молится на ночь. Мария миловидна, сердечна и не очень умна. Она искренне предана принцу и старается видеть в нем только хорошее.

Принц Уэльский. Па прав, я толстею.

Мария. Не вижу в этом ничего дурного.

Принц Уэльский. А в чем видишь?

Мария. В том, что весь мир считает

меня просто твоей любовницей. Мне это неприятно.

Принц Уэльский. Придет время, и ты станешь королевой, будет у тебя все, что полагается, полный мешок. Я твердо решил.

Мария (отрицательно качает головой). Я не хочу, чтобы меня считали католической шлюхой. (Забирается в постель.) Джордж!

Принц Уэльский. Ммм?

Мария. Если бы ты постарался сблизиться с королем, ты мог бы сказать ему правду и...

Принц Уэльский. И он бы все простил? (Смеется, целует Марию.) Ах ты, милая глупышка!

Мария. Ну хоть попробуй!

Принц этой темой явно сыт по горло.

Аллея большого Виндзорского парка.

На заднем плане виден Виндзорский замок. Раннее утро. Король скачет так быстро, что Фицрой с трудом поспевает за ним.

Лицо короля – разгоряченное, потное.

Сельская местность неподалеку от фермы. Король натягивает поводья своего коня; слышен громкий визг. Король поворачивает коня, принимает, втягивая воздух ноздрями.

Король. Свинки! А ну давай, малый, пошел!

Король въезжает во двор фермы и спрыгивает с коня около свинарника.

Король. Отличные свиньи, надо сказать, просто прекрасные свиньи! Что за порода, тамуорская?

Фермер. Если угодно Вашему Величеству.

Король. Да, да, она самая. Хорошая мясная порода, а? И помет большой. Покажи-ка мне того поросенка, что-что? Ага, вот этого. Да, да, да, хе-хе. Ну что, ты знаешь, кто ты такой, а? Тамуорсец ты, верно? Верно я говорю?

Сияя от удовольствия, король прижимает к лицу верещащего поросенка и разговаривает с ним.

С некоторым неудовольствием Фицрой наблюдает эту сцену.

В библиотеке Виндзорского замка – тишина.

В дальнем конце длинной библиотеки король подписывает государственные документы, которые ему подает чопорно застывший рядом Питт. Король внимательно прочитывает каждую бумагу, прежде чем поставить свою подпись.

Король. Вы женаты, мистер Питт, что-то?

Питт. Нет, Ваше Величество.

Король. А есть кто-то на примете, а?

Питт. Нет, Ваше Величество.

Король. Мужчина должен быть женат. Да, да. Женитьба стала лучшим поступком в моей жизни. И дети, разумеется. Дети. Большое утешение, дети. (Читает документ, поданный ему на подпись.) Этот человек, которого мы назначаем профессором в Оксфорд, его отец был каноником в Вестминстере?

Питт. Мне ничего об этом неизвестно, Ваше Величество.

Король. Как же, как же, Филлипс. Тот был отец, а этот – сын. А дочь вышла замуж за органиста из Норвичского собора. Шарп его зовут. Да, да, и сын их стал художником. Другой сын учителем в Итоне. Он еще женился на чьей-то племяннице.

Старается припомнить, на чьей.

Питт. Меня не перестает изумлять, насколько Ваше Величество осведомлены даже в отношении самых малозаметных подданных.

Король. Что произошло с мистером Фоксом? (Питт поднимает брови, не произнося ни слова.) Какое упрямство. Реформа! И слишком много у него идей. Совершенно непохож на вас, мистер Питт. У вас нет идей. Собственно, у вас одна великая идея: свести бюджет. Прекрасная, кстати, идея, что-то? Лучше не бывает. Я здесь совершенно с вами согласен, мистер Питт, как я с вами согласен и во всем прочем, за исключением того, что мы договорились не упоминать. (Король подходит к глобусу и ведеет пальцем по побережью Северной Америки. Питт молчит.) Колонии.

Питт. Они теперь называются Соединенными Штатами, Ваше Величество.

Король. В самом деле? Подумать только! Соединенные Штаты. Но я о них ничего не говорил. Предпочитаю не упоминать о них, как бы они там ни назывались.

Питт больше не в силах сдерживаться.

Питт. Они стали фактом.

Король в бешенстве поворачивается к нему, кажется, он вот-вот взорвется, но бурю неожиданно проносит.

Король. Викарий Личфилда.

Питт. Ваше Величество?

Король. Викарий Личфилда. Это его племянница вышла замуж за второго сына органиста из Норвичского собора. Спокойной ночи, мистер Питт.

Питт. Спокойной ночи, Ваше Величество.

Король возвращается к письменному столу, Питт собирает свои бумаги и, кланяясь, пятится по всей длине огромной библиотеки.

Виндзорский замок. Гостиная. Вечер.

Музыканты, выстроенные в ряд, исполняют на кампаниллах изысканно-нудную (и медленную) вариацию “Зеленых рукавов” перед королем, королевой и двором. Король и королева слушают с упоенным вниманием, кажется, будто им действительно нравится музыка. Но королевская чета сидит, а все остальные, включая принца Уэльского и герцога Йоркского, стоят и тихо умирают от скуки и усталости.

Придворные дамы, притворяясь, что слушают музыку, оценивают достоинства нового конюшего, Гревилла, и перешептываются под прикрытием вееров.

Гревилл, человек молодой и застенчивый, смущается под их взглядами. Мы видим, что одна из дам на последних месяцах беременности и ей явно нехорошо.

Наконец, музыканты добираются до дремотного финала, король начинает аплодировать, к нему присоединяются королева и (с меньшим энтузиазмом) придворные.

Король (оглядываясь на придворных, отчего они принимаются хлопать громче). Очаровательная вещь, что-то? Давайте послушаем еще разок.

Музыканты играют, придворные умирают со скуки.

Беременная фрейлина шепчет на ухо леди Пемброк. Леди Пемброк ловит взгляд королевы, приближается и шепчет ей:

– Ваше Величество, леди Таунсенд просит позволения сесть.

Королева. Разумеется, нет.

Король. Что такое?

Принц Уэльский – Руперт Эверетт

Королева. Леди Таунсенд. Сесть она хочет.

Король. С чего это?

Королева шепчет ему.

Король. Ну и что? Вы родили пятнадцать детей. (Повышая голос, чтобы его могли слышать придворные.) Если позволить сидеть всем, кто ожидает ребенка, то завтра разрешения попросит каждый, кто страдает подагрой. Так можно весь дворец превратить в подобие турецкого гарема, что-что? Достаточно. (Жестом останавливает музыкантов.) Благодарю вас, джентльмены, благодарю вас.

Король в раздражении выходит, королева поспешает за ним, сопровождаемая леди Пемброк, Фицроем и Гревиллом. Как только за ними закрывается дверь, при-

дворные в изнеможении валяются в кресла, а принц Уэльский и герцог Йоркский, плюхнувшись на освобожденные троны, сбрасывают башмаки и постанывают от удовольствия.

Виндзорский замок. Апартаменты короля. Комната для одевания.

Король (похлопывая Гревилла по аккуратному эполету). А, Гревилл. Хорошо. Спасибо. Вот так-то лучше, что-что?

Гревилл (глядя на короля и улыбаясь). Ваше Величество.

Король. Да. На короля смотреть не полагается, Гревилл. Вам это не сказали?

Гревилл. Забыл, Ваше Величество.

Король. Больше не забывайте. (Появляется леди Пемброк с зажженной свечой. Это означает, что королева готова отойти ко сну.) А это леди Пемброк. Красивая женщина, что? Дочь герцога Мальборо. Генеральская семья. Бленхаймовская кровь. Муж – мерзавец совершеннейший. Сбежал на пакетботе.

Гревилл и леди Пемброк обмениваются взглядами, пока король идет в спальню.

В спальне. Королева в ночном чепце сидит и вяжет в постели.

Король. Добрый вечер, миссис Король.

Королева. Добрый вечер, мистер Король.

Король. Вот так мне больше всего по душе, а?

Королева. И мне, мистер Король.

Король неспокоен, похоже ему не по себе. Он берет руку королевы и кладет себе на живот.

Король. Грушу я съел за ужином.

Королева. Две груши, сэр. Живот тугой, как барабан.

Любовно обнимает его.

Король. Если ты извинишь меня, попробую выпустить воздух.

Попытка не дает результата.

Королева. Нет?

Он отрицательно качает головой.

Король. Холодная рыба этот Питт. Не улыбнется никогда.

Королева. Зато много работает.

Король. Без остановки. Пьет, говорят.

Королева. Они все пьют.

Король. Отец его, бедняга, рехнулся. А этот вполне в здравом уме. По крайней мере, пока. (Смеются; неожиданно король вскрикивает от боли.) Живот болит.

Королева. Джордж! (Король громко стонет, почти кричит от боли.) Помогите! На помощь! Помогите!

Виндзорский замок. Гостиная. День.

К замочной скважине склонилась дородная фигура – сэр Джордж Бейкер, лейб-медик короля.

Бейкер. Выглядит он неплохо. Я послал ему александрийский лист. Его давали королю?

Гревилл. Да. Боль усилилась.

Бейкер. А где именно болело?

Гревилл. Не лучше ли спросить Его Величество?

Бейкер. Вы что, совсем недавно при дворе? Я не могу обратиться к Его Величеству, пока он сам не обратится ко мне. Я не могу расспрашивать Его Величество о симптомах, пока он сам не пожелает рассказать мне о них.

Гревилл. Сэр Джордж, Его Величество ведь тоже человек...

Бейкер. Вы конюший Его Величества и придерживаетесь столь радикальных взглядов? Боже правый! Физическое обследование любого пациента я полагаю позволительным лишь как крайнее средство, ибо это непереносимое вмешательство в сугубо частную жизнь джентльмена. В отношении Его Величества об этом и помыслить невозможно.

Слышатся возгласы: – В сторону! В сторону! Король! Король!

Входит король, сопровождаемый пажами.

Король. А, Бейкер. Да, дурачок, что-то? Можете сообщить ему, что я лучше чувствую себя. Сильный желчный приступ, весьма сильный приступ, но все прошло.

Бейкер. Ваше Величество. Возможно ли проверить пульс Вашего Величества?

Король. Извольте. Так делайте же, делайте, делайте. Не тяните. Держите руку, не ласкайте ее. Кстати, Бейкер, это ваша

затея с александрийским листом, что-что?

Бейкер. Я прописал его Вашему Величеству.

Король. В таком случае вы болван, Бейкер, что-что?

Бейкер. Это всего лишь легкое очистительное средство, Ваше Величество.

Король. Легкое, сэр, легкое? Четырнадцать раз, и вы называете это легким! Навозу хватило бы на целый церковный приход! Если двух стаканов хватило свалить короля, значит – это средство способно прикончить все правительство.

Бейкер. Двух стаканов? Но Вашему Величеству было назначено всего три столовые ложки.

Король. Кому могут принести пользу три столовые ложки чего бы то ни было? Соразмеряйте лекарство с человеком, Бейкер. Как мой пульс?

Бейкер. Сильно частит, Ваше Величество.

Король. Отлично, отлично.

Бейкер. Ваше Величество, вероятно, почувствует себя лучше от теплой ванны. Теплая ванна очень успокаивает.

Король. Вот и хорошо, вот вы ее и примите. Вы возбуждены и больше нуждаетесь в успокоении, чем я. Ступайте.

Стремительным шагом король выходит из гостиной. Фицрой сверлит Гревилла взглядом, словно тот должен понимать, что от него требуется. Гревилл, чуть поколебавшись, устремляется вслед за королем вместе с Папандиеком, самым приятным из королевских пажей.

Виндзор. Большой парк. День.

Король идет очень быстрым шагом и говорит так быстро, что его почти невозможно понять.

Король. Дышите воздухом, мистер Гревилл. Дышите. побыстрее, молодые люди, я не отстаю, и вы не отставайте. (Бьет тростью по осоту.) Вот как мы поступаем с Америкой, сэр. Я вас прочую, господа! Вот вам, мистер колонист! И вам, сэр! И еще!

Гревилл. Сходите за королевой.

Папандиек убегает.

Другая часть большого Виндзорского парка. День.

Идет игра в крикет. Король прерывает игру, шагая прямо через поле к калитке.

Король. Нет-нет, кто же так играет в крикет, кто так держит биту!

Король выхватывает биту из рук потрясенного игрока и бьет в шестерку. Взрыв радостных криков, король в восторге. Через парк быстро идут королева и леди Пемброк в сопровождении пажей.

Королева. Что он делает?

Королю надоело быть бэтсменом, и он выходит на поле – в конце концов он монарх, и предполагается, что он все умеет. Он сбивает перекладыны вместе со столбиком, но судья, считая, что уважение к монарху выше правил игры, ничего не замечает. Король бросает мяч в воздух под дружное одобрение подхалимствующих юных игроков.

Королева делает вид, будто все хорошо, улыбается изо всех сил и даже аплодирует, словно король ведет себя самым нормальным образом. Фицрой аплодирует из вежливости, но не обманывается.

Король. Эй ты там, посторонись! Ну как?

Фицрой. О Господи!

Вестминстер. Палата общин. Лобби. День.

В лобби толкуются члены парламента; Питт, его коллега Дандес, лорд-канцлер Терлоу и Фицрой совещаются в углу.

Фицрой. На другой день он поднялся до зари, отправился на дом к ректору Итона, стал громко стучать в дверь, разбудил ректора и приказал показать ему часовню.

Терлоу. Ну и что?

Фицрой. Дело в том, лорд-канцлер, что стояла крошечная тьма.

Питт. Закончили мы перечень экстравагантных монарших поступков? Я пока не услышал ничего, что заставляло бы усмотреть нечто необычное в поведении Его Величества.

Фицрой (понимая, что выкладывает козырную карту). Он беспрестанно говорит об Америке. Колонии.

Это заставляет Питта повернуться к Фицрою и внимательно посмотреть на него. Пауза.

Питт делает знак Дандесу, и тот отводит Фицроя в сторону.

Дандес. Капитан Фицрой. Из высших соображений государственной политики, как внутренней, так и внешней, вы обяза-

ны соблюдать определенную сдержанность. Желательно также ограничить публичные появления Его Величества... Утренние приемы, концерты... Только... только...

Показывает рукой, что снизить, снизить надо общение короля с посторонними.

Фицрой едва заметно наклоняет голову в знак согласия.

Терлоу. Слишком плотно сидит пробка в бутылке, вот в чем беда. Похоже, в Англии это первый король, у которого нет любовницы.

Питт. Я бы сказал, что пятнадцать детей свидетельствуют об определенной добросовестности в этом вопросе.

Терлоу. Я имею в виду удовольствие, а не долг. На самом деле, однажды мы уже имели дело с какой-то загадочной болезнью, это было во времена вашего батюшки, и тогда правительство просто лишилось возможности действовать.

Питт. Это не имело значения, потому что тогда принцу Уэльскому было три года. Это не имело значения, потому что тогда мистер Фокс и его друзья не сидели на стропилах, изготовившись к прыжку. Мы считаем, что должны радоваться нашей конституции. Мы говорим себе, что наш парламент составляет предмет зависти всего мира. Но мы в той же степени зависимы от здоровья и благополучия нашего суверена, что и любой визирь от султана.

Терлоу. Только султан лучше распоряжается обстоятельствами. Приказывает удавить своего сына и наследника престола.

Карлтон-хаус.

Фицрой торопливо пересекает двор.

Вот он уже в столовой только что закончил пересказывать события принцу Уэльскому, герцогу Йоркскому и доктору Ричарду Уоррену, личному медику принца. Из соседней комнаты доносятся голоса шумной компании.

Принц Уэльский. Крикет? Па?

Герцог Йоркский. Как же так, что-что?

Принц Уэльский. Неплохо сыграно, хе-хе? (Хохот.) Что ты об этом думаешь, Уоррен?

Уоррен. Я же не медик короля.

Принц Уэльский. Нет и никогда не будешь. Он скорее воспользуется услугами моего портного, чем моего медика.

Фицрой. Но, Ваше Высочество, это не одно и то же.

Принц Уэльский. Может быть, что он болен?

Уоррен (тянет, не спеша поставить диагноз, которого явно ожидает принц). Пожалуй, да.

Все уходят в утреннюю комнату.

Карлтон-хаус. Утренняя комната.

Все. Доброе утро, Ваше Высочество.

Принц Уэльский. Шерри, что произошло бы, если бы выяснилось, что король болен? Я имею в виду серьезную болезнь.

Шеридан. Ваше Высочество были бы провозглашены регентом.

Герцог Йоркский. Регентом?

Шеридан. Королем по сути, но не по имени.

Принц Уэльский. Со всеми полномочиями?

Шеридан. По утверждению парламентом.

Принц Уэльский. Без уверток, Чарлз.

Фокс. Вся казна, конечно:

Принц Уэльский. Только подумать. Регент. (Указывая на Фокса.) Премьер-министр!

Фокс. Прощена Америка.

Принц Уэльский. Перестроен Лондон.

Фокс. Реформирован парламент.

Принц Уэльский. Дворец на Примроз-хилл.

Фокс. Отменена работорговля.

Принц Уэльский (с раздражением). Ну да, это все то же.

Фокс. Ваше Высочество, он болен?

Принц Уэльский. Скажем, нездоров. (Общий смех.) Я знаю, знаю. Еще не время. Пока не время.

Виндзор. Королевская опочивальня. Рассвет.

Король лежит без сна, рядом спит королева. Король неспокоен, он встает с постели, бредет в комнату для одевания.

Король. Четыре часа утра. Почему никого нет? Король оставлен без внимания. Проснитесь, где вы все? Браун! Фортнам! Папандиек!

Он мечется по комнате, но на всем протяжении этой сцены мы видим, что у короля что-то с ногами и ему трудно ходить.

– Да где же вы все?

Король рывком распахивает дверь, которая выглядит дверью стенового шкафа в его опочивальне, и мы видим несколько полок, на которых спят пажи. Пажи вываливаются из шкафа.

Папандиек. Что случилось, Ваше Величество?

Король. То случилось, сэр, что уже утро. Вот что случилось. И случилось то, что возле меня никого не оказалось.

Папандиек. Что такое, Ваше Величество?

Король. Не бормочи! Или случится еще и бормотание!

Папандиек (следует за королем, пытаясь одеться на ходу). Который час, Ваше Величество?

Король стремительно уходит в комнату для одевания.

Король. Что тебе до времени? Король уже на ногах. Когда король не спит, не спите и вы. Четыре часа. Шести часов сна достаточно для мужчины, семи для женщины, восьми для дурака.

Фортнам. Мы спали всего три часа. Мы только в час легли.

Король. Что это, дерзость?

Фортнам. Нет, Ваше Величество. Арифметика.

Король замахивается на него.

Король. Как тебя зовут?

Фортнам. Фортнам, Ваше Величество.

Король. Подай мне панталоны. А тебя?

Папандиек. Вы знаете, как меня зовут, Ваше Величество.

Король. Не смей говорить мне, что я знаю и чего не знаю! Так как же?

Папандиек. Папандиек, Ваше Величество. Артур, Ваше Величество.

Король (всматриваясь в него). Артур?

Папандиек. Да, Ваше Величество.

Король. А тебя?

Браун. Браун, Ваше Величество.

Король. А тебя?

Фортнам (устало). Фортнам, Ваше Величество.

Король. Отправляемся, ребятки, не то мы упустим лучшее время дня.

Король быстро проходит по террасе и устремляется в парк. Пажи следуют за ним.

Король (поет). Проснись, душа, и поутру сон отряхни и возликуй!

Пажи стараются не отставать от короля,

который бежит сквозь утренний туман мимо искусственных руин в готическом стиле.

Король. А где же еще один негодяй? Где этот Браун? Отправился обратно в постель?

Браун (несет рубашку). Я здесь, Ваше Величество.

Король. Хорошо, подайте мне рубашку, сэр. Что это за рубашка? Из миткаля. Из парусины. Это власяница. Подай мне другую рубашку. Другую рубашку, парень, мягкую рубашку, мягкую.

Виндзор. Жилые помещения придворных.

Браун во всю мочь колотит в дверь Гревилла:

– Проснитесь, сэр, проснитесь!

Гревилл высовывает голову из-под одеяла.

Виндзорский парк. Искусственные руины.

Король. Вы помолились утром?

Фортнам. Я начал читать молитву, Ваше Величество, но меня прервали.

Король. Повторяйте за мной: Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да свершится воля Твоя, на небеси яко на земли (и т. д.)

Королева, леди Пемброк и Гревилл в различной степени полуодетости несутся через парк. За ними, как всегда безупречно одетый, следует Фицрой. Увидев их, король не прерывает молитву, он только берет королеву за руку и заставляет ее опуститься на колени вместе со всеми. Время от времени он припадает губами к ее руке. Король заставляет преклонить колена и леди Пемброк; он впивается в нее взглядом и вдруг набрасывается со страстными поцелуями.

Гревилл, чье внимание сосредоточено на леди Пемброк не меньше, чем внимание короля, непроизвольно протягивает руку, чтобы остановить его.

Гревилл. Ваше Величество.

Фицрой (с негодованием ударяя его по руке). Сэр!

Королева пытается оттянуть короля от леди Пемброк:

– Сэр, мы здесь не одни.

Король. Занимайся своим делом!

Королева. Джордж!

Фицрой. Король упал! На помощь, господа!

Королева. На помощь! Помогите королю! Помогите ему! Джордж!

Леди Пемброк. Ваше Величество, вам нужно отдохнуть.

Король. Я король. Я не могу отдыхать. Я должен править. (Отрывается, наконец, от нее.) Полдня уже прошло. Столько дел, правительство...

Папандиек. Правительство еще не приступило к делам, Ваше Величество. Правительство еще спит.

Браун. Правительству повезло.

Король выбегает на террасу замка, его догоняют пажи.

Король во всю прыть несется по коридорам, вдогонку бегут пажи и Гревилл, король говорит не закрывая рта:

– Ты любишь Бога, Артур?

Папандиек. Да, Ваше Величество.

Король. О, Он любит тебя. Он всех нас любит, если только мы даем Ему любить нас.

Гревилл. Не поминайте Бога всуе, Ваше Величество. Так не делают.

Король пронесется сводчатым коридором и врывается в каморку фрейлины, которая еще лежит в постели:

– Не делают? Не делают? Я король. Что мне Бог? Ночной горшок, ночной горшок.

Фрейлина подает ему ночной горшок:

– Ваше Величество.

Король. Делай, Англия, делай же! Так, стало легче. Я вам признателен, мадам. Не могу остановиться. Вперед, о Англия, вперед!

Король вручает ночной горшок потрясенной фрейлине и выбегает. За ним бросаются Гревилл и Папандиек. Фортнам любезно избавляет даму от (полного) горшка и, пробормотав "благодарю вас", выносит его в коридор, где сталкивается с Брауном.

Фортнам. Смотри, она голубая.

Фицрой (появляясь из-за угла). Что вы толчетесь тут? Король требует внимания.

Фортнам. Королевская урина, сэр. Она голубого цвета, сэр.

Фицрой. И что?

Фортнам. Он стал мочиться голубым с тех пор, как начались эти дела.

Фицрой. Какие дела? Попрошу без дерзостей.

Фортнам. Мы подумали, возможно, это важно.

Фицрой. Важно, чтобы вы не болтались без дела. Где король? Он полуодет и оставлен без внимания. Вот что важно. Дайте мне это.

Фицрой несет горшок по коридору, сталкивается с Бейкером, который направляется к королю.

Фицрой. Сэр Джордж. Это урина короля.

Бейкер. И что же?

Фицрой. Она синеватого цвета.

Бейкер. И что из этого?

Фицрой. С тех пор как Его Величество нездоровы, его урина приобрела синеватый оттенок.

Бейкер. Господи, еще один медик! Медицина – это наука. Она основывается на наблюдениях. Мочится человек синим или не синим, не имеет ровно никакого значения.

Идет в апартаменты короля, оставляя Фицрою в коридоре с ночным горшком в руках.

Фицрой (вслед). Одно благо – он хоть что-чтокать перестал!

Библиотека. Вечер.

Перед камином сидит измученный и подавленный Гревилл, стараясь побороть сонливость. Входит леди Пемброк, наблюдает за сонным Гревиллом, вид которого забавляет ее. Он вскакивает:

– Леди Пемброк...

Леди Пемброк. Мистер Гревилл. Ее Величество весьма благосклонно отозвалась о вас сегодня, мистер Гревилл. (Заговорщическим шепотом.) И нам не нравится мистер Фицрой. (С улыбкой касается его руки.) Вы далеко пойдете.

Виндзор. В большом зале идут приготовления к концерту. Лакеи зажигают свечи в огромной люстре, которую затем поднимут к потолку. В центре зала на возвышении стоят два церемониальных кресла, обращенных к оркестру. Музыканты уже настраивают инструменты.

Питт и Дандес, оба в плащах, проходят через зал, уже заполняющийся придворными. Питт нескрывая злостно:

– Капитан Фицрой! Я же сказал – никаких концертов. Никаких появлений на публике.

Фицрой. По распоряжению принца. Его Королевское Высочество полагает, что концерт может рассеять государя.

Терлоу. Пойдемте же, он будет в ярости, если мы опоздаем.

В другом конце зала мы видим принца Уэльского с доктором Уорреном.

Принц Уэльский. Вы любите музыку, Уоррен?

Уоррен. Я ее слушаю, когда играют.

Принц Уэльский. Вы считаете, она утишает дикарские страсти?

Уоррен. Боюсь, не в этом случае, Ваше Высочество.

Уоррен позволяет себе ледяную улыбочку.

Сумерки. В апартаментах короля Бейкер только что закончил заниматься королем. Питт подал королю документы на подпись.

Король. Пошел прочь, жирное дерьмо.

Бейкер. Да, Ваше Величество.

Король (принимаясь за документы). Что это? Америка, надо думать?

Питт. Нет, Ваше Величество.

Король. Ах да, ведь об Америке не полагается говорить, верно?

Питт. Ради вашего собственного душевного спокойствия, Ваше Величество. Но эти документы не касаются Америки.

Король роняет бумагу. Питт в отчаянии подает ему следующую. И следующую. Король не проявляет никакого интереса к документам, он либо роняет их, либо передает одному из пажей.

Король. Душевное спокойствие! Нет у меня душевного спокойствия. И не было с тех самых пор, как мы потеряли Америку. Леса, древние, как сам мир, луга, растения, странные изысканные цветы, огромные незаселенные просторы, природа, еще совсем неведомая для искусства. Все наше. Все пропало. Потерянный рай.

Входит Фицрой:

– Ее Величество ждет Ваше Величество.

Питт. Я принужден просить вас не присутствовать на этом концерте, Ваше Величество. Вы в неподобающем состоянии, Ваше Величество.

Король. В неподобающем состоянии?

Питт. Для появления на публике, Ваше Величество.

Король. В неподобающем состоянии?

Пажи. В сторону, в сторону! Король, король!

Король. Значит, в неподобающем?

Питт. Я молю вас, я умоляю вас, Ваше Величество!

Питт утрачивает последние остатки самоконтроля и пытается помешать королю покинуть комнату, но его удерживают коллеги, и король идет на концерт в чрезвычайно скверном настроении.

Звуки фанфар возвещают приход королевской четы, король предстает перед двором в виде явно неподобающем – чулки плохо натянуты, парик сбит набок. Король и королева идут к своим креслам, на лицах придворных написано смятение. Вытягиваются шеи, кое-кто даже привстает со стульев, желая собственными глазами увидеть происходящее.

Король. В неподобающем состоянии, в неподобающем. Я покажу ему неподобающее состояние. Как он посмел? Я король, слышите? Какое безрассудство! Но я все равно здесь.

Король и королева занимают свои места, но король тут же вновь срывается с кресла и принимается выговаривать оркестрантам:

– Играйте, черт вас побери, играйте. Ага, вспомнили эту вещь? Погромче, господа, погромче, с душой, ну! Раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре... Как вы играете, вас же совсем не слышно! Руки приложите! А вы, сэр, играете без сердца!

Отталкивает от клавиатур ошеломленного музыканта, садится на его место, начинает играть:

– Да отодвиньтесь же! Мой черед! Так, где же мы? Ах да, вижу. Детская игрушка, сэр, проще не бывает. А, вот мое любимое место – вот как его надо играть, поняли? Вступайте, трубы, добавьте огонька!

Королева (подойдя к нему, шепчет). Вы разговариваете, сэр.

Король. Отнюдь, я играю.

Королева. Но, сэр...

Король. Ах оставьте, не сейчас. Сейчас требуется добрый хлыст. Давайте же, давайте! Живей, живей, злодеи, что с вами? Вот так!

Встает из-за клавиатур, жестом приглашая музыканта снова занять свое место. Тот садится, играет.

– Вот так. Вот это настоящий Гендель. Я раз встречался с ним. Ординарнейшая на вид личность. У меня есть его клавикорды. Хорошо же, теперь обратимся к другим.

Опираясь на руку Гревилла, обходит зал, вглядываясь в лица придворных.

Придворные, перешептываясь, следят за королем, среди них мы видим и принца Уэльского, который смотрит на все со светской невозмутимостью, и Марию Фицгерберт, встревоженную и огорченную.

Люди-локти. Джентльмены-шаркуны. Отвешиватели поклонов, целователи ручек.

Останавливается перед леди Пемброк, свои замечания по ее поводу адресует королеве, которая последовала за ним. Рассматривая бюст леди Пемброк:

– Недурная двойня, а? – Жестом приглашает королеву полюбоваться: – Да что же вы не смотрите? Взгляните. Можете и поучиться кое-чему. И задница отличная, а? Горячая к тому же, готов поклясться.

Трется задом о ее зад, идет дальше, останавливается перед Марией Фицгерберт. Пристально всматривается в ее лицо и обращается к принцу Уэльскому:

– А вас что привело в Виндзор, сэр?

Принц Уэльский. Я слышал, будто Ваше Величество нездоровы, но вижу...

Король. Нездоров!

Принц Уэльский. Если я могу быть чем-то полезен...

Король. Хотел бы вытряхнуть старую птицу из гнезда?

Принц Уэльский (с неожиданной искренностью). Нет, государь! Но если есть обязанности, которые я мог бы с вами разделить...

Король. Хочешь запустить свои толстые ручки в государственные дела, этого ты хотел бы? (Принц Уэльский бросает взгляд на Уоррена, затем переводит глаза на Марию Фицгерберт.) Ну что ж, я стар и слаб, я недолго буду тебе помехой.

Принц Уэльский. Я желаю вам самого крепкого здоровья, отец.

Король. Желаешь мне здоровья? Смерти моей ты желаешь, кукушонок толстенький!

Принц Уэльский (со смехом, пытаясь обратить все в шутку). Потише, отец, потише.

Король. Что? Поттише? Ты осмелива-

ешься мешать высказаться королю Англии? Ах ты щенок пудренный!

Поворачивается, чтобы уйти, но неожиданно возвращается и вцепляется принцу Уэльскому в горло. Общая сумятица, принц улетывает, король преследует его, прыгает ему на спину, сбивая с ног.

Принц Уэльский. Па! Па!

Король. Убью тебя! Задушу, дух выпущу! Пустите меня, я ему шею сверну!

Королева (в отчаянии). Он что-то съел несвежее.

Отца и сына разнимают, Гревилл и Фицрой помогают королю подняться на ноги, тот оборачивается и кричит:

– Болваны, разве вы не понимаете, что все пропадете?

Королева (принцу Уэльскому). Мы ви-

дим, что ты замышляешь, монстр!

Становится рядом с королем. Часть придворных окружает короля и королеву, другие группируются вокруг принца Уэльского.

Виндзор. Гостиная. Тот же вечер.

Принца уже перевязали. С ним Питт, Дандес, Терлоу. Чуть поодаль собрались придворные, среди которых мы видим Марию Фицгерберт и Фицроя.

Принц Уэльский. Как наследник престола, мистер Питт, я знаю, сколь велико бремя забот, которые несет Его Величество. Боюсь, что приближается час, мистер Питт, когда бремя станет слишком тяжким и потребует наша помощь.

Питт. Ваше Высочество...

Он бросает взгляд на Марию, которая привстает, готовая выйти из комнаты.

Принц Уэльский. Нет-нет, миссис Фицгерберт пользуется совершенным нашим доверием. (Терлоу приподнимает бровь. Входит Бейкер.) А вот и Бейкер. Ну что, как государь?

Бейкер. Все еще невменяем. Пульс сто четыре.

Принц Уэльский. Иными словами, король не управляет собой?

Уоррен. И едва ли сможет управлять собой, если позволите высказать мое мнение, Ваше Высочество.

Принц Уэльский. В таком случае, раз Его Величество не в состоянии позаботиться о себе, то это должны сделать – мы... (Питт сильно встревожен.) Отныне вы, Уоррен, будете наблюдать за здоровьем короля совместно с Бейкером.

Питт. Я принужден настаивать на том, что эта мера должна получить одобрение министров Его Величества.

Принц Уэльский. Настаивать? Получить одобрение? Сын имеет право взять на себя

заботы о больном отце, разве нет? Что творится в этом мире, мистер Питт?

Терлоу. Его Королевское Высочество совершенно правы. Это семейное дело.

Принц Уэльский. Благодарю вас, лорд-канцлер.

Виндзор. Детская. Ночь.

Дико всклокоченный король бродит по замку в сопровождении целой толпы пажей и придворных. Замыкают свиту королева и леди Пемброк.

Король. Дети, дети!

Королева. Дети спят, государь.

Мы видим троих или четверых детей, спящих на огромной кровати.

Король. Их надо разбудить. В Лондоне

наводнение. Мы должны забрать детей и бежать на возвышенные места. Спасти Амелию, Адольфуса и маленького Октавия. Скорей, скорей, скорей...

Берет на руки Амелию.

Королева. Октавий умер, государь.

Король. Кто убил Октавия? Его брат, принц Уэльский? Да, я знаю, он и меня хотел бы убить.

Король выбегает вон, неся на руках Амелию, за ним в отчаянии бегут королева, леди Пемброк и пажи.

Король с Амелией на руках бегом поднимается по лестнице, ведущей на крышу:

– Тише, деточка, все хорошо, ты с папой. Папа тебя любит, он только не хочет, чтобы ты промочила ножки. Тише, тише.

Но папа не сумасшедший, моя маленькая. Нет, нет. Он просто потерял себя – и все. Нам надо поскорее выбраться на крышу. Там мы будем в безопасности, Амелия.

Они выбирают на крышу дворца. Открывается сюрреалистический вид – трубы, зубцы на башнях, обдутые ветром и залитые светом полной луны. Королева и пажи выбегают вслед за королем, все вместе они напоминают какое-то воинство лунатиков.

Королева. Дайте мне ребенка. Государь, вы разговариваете.

Король. Я знаю, что разговариваю. Я надо говорить мне, что я разговариваю. Я следую за моими словами. Бегу за ними. Меня тащит за хвостом моих речей. Мне необходимо говорить, чтобы поспевать за моими мыслями.

Амелия. Мне страшно!

Король (королеве). Я подумал, он забрал тебя.

Королева. Кто, государь?

Король. Тот, другой Джордж. Толстый. Тебя не было в постели. Я подумал, что ты мне изменяешь с сыном.

Королева. Сэр!

Король. Зато ко мне в постель приходит Элизабет, приходишь ведь, Элизабет, правда?

Королева. Оставьте нас, Элизабет. Все уходите, все! Уходите же! И вы тоже! (Королева выхватывает из рук короля бьющуюся в истерике Амелию, передает ее в чьи-то руки и прогоняет всех с крыши.) Говорить желаете? Ну так говори! Говори же!

Король. Что вы проделываете с ним, мадам, чего не делали со мной? Барахтайтесь в постели, как пара свиней? А? Эти его жирные руки, этот молодой живот. Бедра твои горячие. Шлюха.

Королева. Замолчите, государь! Ради всего святого. Послушайте. Выслушайте меня, Джордж. Выслушайте меня. (Она закрывает ему рот и не отнимает руки, пока он не смолкает.) Тебе не кажется, что ты сошел с ума?

Король (с неожиданной ячностью и от всего сердца). Я не знаю. Не знаю. Безумие не может быть такой мукой. Безумие и вполнину не слепо. Безумцы могут выстоять. Они увиваются! Они пляшут! А я говорю. Говорю, говорю и говорю. Я слышу слова, и мне надо их произнести. Мне

надо освободить голову от слов. Что-то случилось. Что-то не так. О Шарлотта!

Они обнимаются и рыдают в объятиях друг друга.

Фицрой, догоняемый Гревиллом, взбегает по винтовой лестнице.

Гревилл. Я это не сделаю, сэр.

Фицрой. Это приказ принца.

Гревилл. Я конюший Его Величества, а не принца.

Фицрой. Его Величество не в своем уме.

Фицрой выходит на крышу, за ним – Гревилл.

Королева. Неужели нас никогда не оставят наедине? Я ведь приказала не беспокоить нас. Я беседую с Его Величеством.

Король. Наводнение? Что, вода прибывает?

Королева. Тише, Джордж, успокойся.

Король. Нет, нет, дорогая. Гревилл прав. Он прав, что желает принять меры предосторожности. Мы должны забрать детей. Уезди на возвышенное место. Спаси Амелию, Адольфуса, маленького Октавия. Приведите королеву.

Гревилл. Приведите королеву.

Фицрой. Его Королевское Высочество поручил мне перевести Его Величество в новые апартаменты, мадам.

Королева. Почему? Куда?

Фицрой. Ради скорейшего выздоровления Его Величества.

Гревилл. Капитан Фицрой.

Фицрой. Ступайте, сэр. Ступайте же! (Гревилл уводит короля, Фицрой останавливает королеву, которая пытается последовать за ним.) Ваше Величество не может иметь доступ к государю.

Королева. Не может иметь доступ? Но я королева! Куда вы его уводите? Нет, нет! Остановись, Джордж! Тирани!

Короля уводят.

Комната принца Уэльского. Ночь.

Мария Фицгерберт поспешно укрывает придворных дам при виде стремительно входящих королевы и леди Пемброк. Королева направляется прямо к принцу и ловко влепляет ему пощечину.

Принц Уэльский. Быть избитым в один вечер и отцом, и матерью, не слишком ли? Что происходит с нашей семьей?

В передней хихикая толпятся под дверью придворные.

Королева. Меня предупреждали, что этим кончится. В Англии всегда принц ненавидит короля.

Принц Уэльский. И в этом причина отцовского безумия?

Королева. Если он действительно безумен, сэр, то это вы свели его с ума своим ничегонеделаньем.

Принц Уэльский. Если я ничего не делаю, мадам, то только из-за того, что король не дает мне ничего делать.

Королева. Делать? Делайте то же, что я. Я поддерживаю его. Я родила ему детей. Пятнадцать человек детей.

Принц Уэльский. Так вы должны быть благодарны мне за передышку... за передышку от родов (сдерживая смех). Прошу прощения, но это и вправду очень смешно!

Королева озирается и видит, что смеются все. Она не выдерживает:

– Нет, Джордж, прошу тебя! Умоляю, дай мне быть с ним! Прошу тебя, Джордж....

Падает ему в ноги.

Мария Фицгерберт зажимает уши.

Принц Уэльский. Нет, мадам.

Королева. По какому праву?

Принц Уэльский. По праву медицинской необходимости, мадам. По праву сына, мадам, который заботится о больном отце.

Королева. Но я его жена! Разве я не имею права тоже заботиться о нем?

Принц Уэльский. Возможно, вы правы, мадам. Но при нынешнем настроении короля (он переводит взгляд на леди Пемброк), боюсь, Его Величество не расположен к вашим заботам.

Королева. Монстр!

Леди Пемброк. Пойдемте, мадам. Позвольте мне показать Вашему Величеству, где нас теперь разместили.

Операционная. День.

Вот-вот должна начаться ампутация. Бейкер и Пипайс стоят среди врачей и хирургов, собравшихся наблюдать за операцией. Входят Терлоу и Уоррен. Больной привязан к операционному столу, его гангренозная нога обнажена. Крики больного все время будут вторгаться в разговор врачей.

Бейкер. Лорд-канцлер, это и есть сэр Люк Пипайс, с которым я взял на себя смелость проконсультироваться.

Терлоу. Чем больше народу, тем больше веселья. Вам известно, в каком состоянии Его Величество?

Пипайс. Я всю жизнь изучаю анфразуозности человеческого понимания.

Терлоу (раздраженно). Что, что?

Пипайс. Умственную деятельность, сэр, и ее нарушения. Если позволите, я был бы благодарен за возможность как можно скорее исследовать продукты работы кишечника Его Величества.

Терлоу. Пожалуй. Это ведь можно устроить, не так ли? Но что, черт побери, с ним происходит?

Бейкер. Навязчивый бред. Пульс иногда достигает ста десяти ударов в минуту.

Уоррен. Ну, частота пульса может меняться. Само по себе это ни о чем не говорит.

Пипайс. Согласен. Я всегда находил кал более красноречивым, нежели пульс.

Хирурги приступают к ампутации. Терлоу подталкивает врачей к выходу.

Терлоу. Итак, что вы предлагаете?

Пипайс. Незамедлительное очищение.

Терлоу. Уоррен?

Уоррен. Ему требуется прижигание. Прижигание спины, чтобы оттянуть гуморы из мозга, прижигание ног, чтобы привлечь гуморы к нижним конечностям.

Невидимый сейчас больной издает громкий вопль.

Бейкер. Я согласен, но он же никогда на это не пойдет.

Виндзор. Королевские апартаменты.

Ноги Брауна, входящего в королевскую спальню, увиденные как бы из-под кровати.

Выглядывает распаренное лицо короля.

Браун. А, вот ты где, Джорджи!

Входят Уоррен, пажи, Фицрой и Гревилл.

Комната для одевания.

Тщательно перебинтованный король привязан к скамье, руки скручены, спина и ноги обнажены для прижигания. Браун нагревает стеклянные банки на огне спиртовой горелки. Король с отчаянием громко молится:

Спикер. К порядку, к порядку! В Палату общин вносится предложение о незамедлительной подготовке законопроекта о назначении принца Уэльского регентом. Палата разделяется для голосования.

Парламентарии выстраиваются в очередь для голосования. Фокс беседует с принцем Уэльским и с герцогом Йоркским.

Фокс. Благодарю вас, благодарю вас, джентльмены. Ваше Высочество, я должен проголосовать.

Принц Уэльский. Никак не могу взять в толк, зачем нужно это голосование. Король недееспособен. Мы это знаем. И все они тоже знают.

Фокс смотрит на парламентариев, которые готовятся к голосованию:

– Ваше Высочество, это представитель народа. Иные из них идут в парламент, надеясь послужить своей стране, но большей их части не чуждо ничто человеческое, и они здесь, чтобы набивать карманы. Питт... и ваш батюшка... весьма неплохо позаботились о них – пенсии, доходные места, подкуп. Но едва только им станет ясно, что Питту конец и в корыте больше нет корма, Ваше Королевское Высочество станете регентом. Прошу вас, сэр, я должен проголосовать.

Фокс спешит к голосующим, его имя отменяют, и он проходит через лобби. Минутная тишина, затем громкие крики. Принц Уэльский и герцог Йоркский с удовлетворением смотрят по сторонам. Герцог Йоркский пожимает принцу руку. Парламентарии толпятся у выхода, Фокс пробирается к принцу:

– Совсем неплохо. У правительства перевес в тридцать голосов.

Принц Уэльский. У правительства? Тридцать?

Герцог Йоркский. Так мы что, не победили?

Фокс. Мы и не рассчитывали сразу одержать победу при первом голосовании.

Принц Уэльский. Я думал, что я им по душе.

Фокс. Они будут на вашей стороне, будут. Со временем.

Принц Уэльский (в бешенстве). Время, время, вечно это время! Сейчас время, Чарлз, сейчас!

Ярость принца на миг заставляет затихнуть гул в лобби. Принц и герцог Йоркский стремительно уходят.

Шеридан. И вот это наш мальчик.

Фокс. Боже, сгнои всех венценосцев. Дай нам мудрость Америки.

Питт, Дандес и Терлоу прощаются во дворе Вестминстера. Парламентарии расходятся.

Дандес. Но ведь придет время, когда он поправится... наверняка ведь?

Питт. И что толку? Как только принца сделают регентом, он упрячет его в какую-нибудь виндзорскую дыру, и уже никто никогда не узнает, в здравом уме король или безумен.

Терлоу. Вы слишком начитались романов.

Расставшись с ними, Питт с удивлением обнаруживает, что под аркадой его дождется леди Пемброк.

Леди Пемброк. Мистер Питт.

Питт. Леди Пемброк?

Леди Пемброк. У Ее Величества сложилось впечатление, что вас не удовлетворяют медики короля.

Питт. Королю не стало лучше.

Леди Пемброк. Мистер Питт, моя свекровь лишилась разума, и ей не смогла помочь целая череда врачей. Тем не менее, отыскался один, который был убежден, что свекровь можно вылечить, поэтому больная была вверена его попечению.

Питт. Ваша свекровь выздоровела?

Леди Пемброк. Полностью. Выезжает на псовую охоту. Учреждает приюты для бедных. Вышивает без передышки. Я записала для вас его имя.

Вручает Питту записку.

Графство Линкольншир. День.

Равнинный пейзаж, контражуром силуэты людей, занятых сельским трудом. Эти люди, хорошо одетые и отнюдь не похожие на обычных селян, деликатно (и довольно бестолково) обрабатывают землю. Элегантные женщины копают картошку, джентльмены рыхлят почву, леди орудуют граблями – и все это происходит под благосклонным присмотром личности в суровой черной одежде: доктора Уиллиса.

Гревилл шагает через поле, осторожно ступая. Все оглядываются и смотрят на него. Когда он приближается к доктору Уиллису, одна из дам раняет тляпку, бежит и бросается ему на шею.

Миссис Кордуэлл. Наконец-то! Наконец!

Уиллис (с упреком). Миссис Кордуэлл.
Миссис Кордуэлл. Это мой муж. Он срочно прибыл из Портсмута.

Радостно обвивает руками шею Гревилла.

Уиллис. Миссис Кордуэлл. Капитан Кордуэлл утонул у Гудвинских островов три года назад.

Миссис Кордуэлл (печально соглашаясь). Но он так похож...

Уиллис. Возвращайтесь к работе.

Ее уводят.

Гревилл. Доктор Уиллис?

Виндзор. У парадного входа. Пятеро помощников Уиллиса, молодые здоровяки brutального вида, сгружают с телеги загадочные деревянные конструкции.

Сам доктор Уиллис – возле прохода через королевские апартаменты.

Уиллис. Мне необходимы определенные условия для работы. Пациент должен поступить в мое распоряжение. Я должен иметь доступ к нему в любое время.

Питт. Вы будете проживать здесь, в Виндзоре. Парламент должен быть информирован, так что вам придется составлять бюллетени о состоянии здоровья короля. Бюллетени будут оптимистическими, внушающими уверенность в выздоровлении. От этого зависит будущее правительства. И, доктор Уиллис, вы мой врач, вы это понимаете?

Уиллис. Я врач короля, сэр.

Питт. Это одно и то же.

Гревилл (провожая Уиллиса). Пожалуй-те сюда, сэр.

В передних королевских апартаментов суетятся лакеи.

Уиллис осматривает обстановку королевских покоев.

Уиллис. А известно ли вам, мистер Гревилл, что монархия и безумие имеют общую границу? Некоторые из моих сумасшедших воображают себя королями. А этот на самом деле король, и я не знаю, куда уведут этого больного его фантазии?

Гревилл. Сэр, мы не употребляем слово “сумасшедший” в отношении Его Величества.

Уиллис. Вот как? И вправду, кто может сказать, что в короле нормально? Перед ним раболепствуют, ему поддакивают, ему

покоряются. Кто ж выдержит такую постоянную диету угодливости? Характер закаляется, дух обретает упругость и гибкость, когда с человеком спорят, отстаивают перед ним свое мнение, одним словом, когда ему противятся. Правители бывают неподатливы от недостатка в упражнениях такого рода.

Пажи (за кадром). В сторону! В сторону! Король, король!

Гревилл. Вот и государь.

Уиллис. Которого я должен вылечить.

Пажи вводят короля, который говорит без умолку, очень быстро, совсем не делая пауз.

Его сопровождают два паж и Фицрой. Король замечает Уиллиса, медленно обходит его кругом, внимательно разглядывая, но при этом не перестает тараторить:

– ...пропахать вам борозду, прямую как линейка, ровную как по линейке. Ха! А рядом еще одну, а потом еще одну, пока не получится целое поле, вспаханное без сучка без задоринки. Ну лишите меня завтра королевства, разве я останусь без дела?

Уиллис (прерывая его). У меня есть ферма.

Король. Дайте мне полсотни акров в управление, чтобы я на них пахал, и сеял, и урожай собирал, так я все в лучшем виде сделаю и еще с прибытком останусь.

Уиллис. Говорю вам, у меня есть ферма, Ваше Величество.

Король останавливается, смотрит на него, снова начинает тараторить.

Гревилл. Ваше Величество, этот джентльмен сделал болезнь, которая вас мучает, предметом своего специального изучения.

Король. Безумный доктор, так что ли? Я же не безумен, у меня просто нервы.

Уиллис. Я попытаюсь облегчить некоторые неприятные ощущения, причиняющие страдания Вашему Величеству.

Король. Неприятности? Оскорбления. Нанесение увечий. И еще соль, посыпаемая на раны. Смотрите. (Он пытается сорвать с себя бинты. Уиллис осматривает открывшиеся раны.) По вашей одежде, сэр, и по тому, как вы держитесь, я бы принял вас за слугу Божьего.

Уиллис. Вы совершенно правы, Ваше Величество. Прежде я служил Церкви. Теперь занимаюсь врачеванием.

Король. И очень жаль. Вы оставили профессию, которую я всегда чтил, променяв ее на ту, к которой я испытываю самое большое отвращение.

Уиллис. Наш Спаситель врачевал больных.

Король. Но не зарабатывал на этом по семьсот фунтов в год. (Гревилл смеется, смеются и пажи, только Уиллис не находит в этом ничего смешного.) Неплохо для безумца, верно?

Уиллис. У меня клиника в Линкольншире.

Король. Линкольншир, да, я знаю Линкольншир. Отличные там овцы. Замечательные овцы. И свиньи тоже. А вот клиник я там не знаю.

Уиллис. Мои пациенты трудятся. Они обрабатывают землю, и труд дает им лучшее представление о себе.

Король. Ну, а я король Англии. Лучшего представления о себе ни у кого и быть не может.

Уиллис берет короля за плечо. Тот вздрагивает от этого унижения, Гревилл произвольно делает протестующий жест, однако Уиллиса все это не смущает, и он нарочито уставляется королю в глаза.

Король. Вы смотрите на меня, сэръ?

Уиллис. Да, Ваше Величество.

Король. Вы у меня на примете.

Уиллис. Да нет, это вы у меня на примете.

Король. Смелый вы человек, сэръ. Но, клянусь Богом, я смелее.

Набрасывается на Уиллиса, но подбегавшие пажи удерживают его. Уиллис продолжает смотреть ему прямо в глаза.

Король. Не смотрите на меня! Я вам не один из ваших фермеров!

Уиллис. Вы должны вести себя пристойно или хотя бы стараться вести себя пристойно.

Король (все еще неусмиренный). Должен, должен. Кому я должен? Ты мне будешь говорить, что я должен, или я тебе? Прочь от меня, жополиз паршивый! Дерьмо линкольнширское!

Уиллис. Выбирайте выражения, сэръ. Выбирайте выражения.

Король. И не подумаю! Скорее на кладбище гостем явлюсь!

Уиллис. Ну что ж. Раз Ваше Величест-

во не соблюдает правила приличия, придется ограничить вашу свободу.

Уиллис открывает дверь в переднюю, где ждут его помощники: свирепые и не улыбочивые, они стоят вокруг большого деревянного кресла с привязными ремнями и с подголовником. При виде кресла король стихает.

Король. Когда хотят, чтобы преступники заговорили, им вначале показывают орудия пыток. Королю же показывают орудия пытки, чтобы заставить его замолчать. Так нет же, нет же, нет!

К ужасу пажей и придворных, помощники Уиллиса хватают короля. Завязывается схватка между королевской свитой и помощниками, в которой те с легкостью берут верх, расшвыривая пажей и расквашивая нос Гревиллу. Король делает попытку убежать, он громко кричит и сквернословит без передышки. В конце концов его силой усаживают в кресло и привязывают ремнями.

Уиллис. Усаживайте, усаживайте. Если король будет отказываться от пищи, его свяжут. Если он будет заявлять, что у него нет аппетита, его свяжут. Если он будет сквернословить или нести чепуху, его заставят замолчать. Если он будет сбрасывать с себя одеяло или срывать с себя бинты, расцарапывать раны, если он изо дня в день не будет прилагать усилия к выздоровлению – его будут связывать.

Тот уже привязан к креслу и выглядит на нем беспомощной и жалкой пародией на Короля-на-троне.

Король. Я король Англии!

Уиллис. Нет, сэръ. Вы больной.

Как бы подчеркивая “воцарение” в смиренном кресле, звучит коронационный гимн Генделя, звучит все громче, набирая полную мощность, – а король беспомощно сидит, привязанный к креслу, с кляпом во рту.

Съемка с верхней точки: король бьется в кресле.

*Н*аружный вид виндзорского замка.

Из окон падает тусклый свет; идет снег. Слуги пробегают через двор. В своих покоех королева съежилась у огня, на руках у нее митенки; леди Пемброк неутомимо вышивает.

Королева. Не разрешается, не разре-

шается. Мы его рекомендовали, и все равно ничего не разрешается. Никто из них не знает короля.

Она смотрит в окно; во двор въезжает карета, из которой высаживаются Уоррен и Бейкер. Мы видим, как они поднимаются по ступеням.

Уоррен. Идемте же, Бейкер, ради Бога!

Королева (отпрянув от окна). Он потерял себя. Как они могут помочь ему снова найти себя, если они не знают какой он? (Леди Пемброк продолжает вышивать.) Он просто ангел нежности и доброты.

Тем временем в апартаментах короля, в спальне, под отеческим надзором Уиллиса, король передает судно Фортнаму. Фортнам, который всегда был самым брезгливым из пажей, не говоря ни слова, в свою очередь передает судно Гревиллу.

Гревилл (изумленный его поступком). Фортнам!

Фортнам. Сэр?

Гревилл. Вы что же это делаете?

Фортнам. Я ухожу, сэр. Ухожу на Пикадилли, чтобы открыть там торговлю провизией. Не Бог весть что, но значительно лучше, чем опорожнять ночные горшки.

Он кланяется королю и пятясь уходит.

Гревилл (протягивая судно). Браун.

Браун выносит судно Пипайсу, который ожидает его. Пипайс с интересом принимается исследовать содержимое судна.

Пипайс ставит судно на длинный стол, уже уставленный множеством ночных горшков; там же лежат записные книжки, куда Пипайс заносит данные о королевском кале. Входят Уоррен и Бейкер.

Уоррен. Ну что, Пипайс?

Пипайс. Хорошие новости! Стул у короля сероводородный, он дурно пахнет. (Показывает.) Хорошего цвета, обильный и хорошо сформированный. Обратите внимание, моча чуть темновата. Или здесь такое освещение?

Уоррен (жестом приглашая его выйти из комнаты, подальше от людей Уиллиса). Пипайс...

В коридоре.

Уоррен. Пипайс. Этот Уиллис.

Пипайс. Да.

Уоррен. Опасный человек.

Пипайс. Действительно?

Уоррен. Он же не настоящий доктор.

Бейкер. Не член Королевского Коллежда врачей.

Уоррен. Хочет нас вытеснить.

Пипайс. Нет!

Уоррен. Нам надо держаться друг друга. И помните – мы все говорим в один голос.

Пипайс и Бейкер (хором). В один голос.

Карлтон-хаус. Гостиная. Вечер.

Мария Фицгерберт вышивает, принц Уэльский и Уоррен рассказывают по комнате, принц мрачен.

Принц Уэльский. Что он за человек?

Уоррен. Священник. Шарлатан. Набрался новейших идей. За ним нужен глаз. Обмениваются взглядами.

Мария. Я слышала много хорошего о нем. Говорят, он может лечить силой взгляда.

Принц Уэльский. Так он что, осмелится смотреть на короля?

Уоррен. Да.

Принц Уэльский. Чертовски дерзко с его стороны!

Мария (бесхитростно, как всегда стараясь примирить отца и сына). Бедный король. И королева не с ним. Ему должно быть так одиноко! Какая жалость, что он далеко, а то ты бы мог его проведать.

Принц смотрит на нее в задумчивости:

– Пожалуй, да...

Уоррен. Вы хотите, чтобы здесь?..

Принц Уэльский. Боже мой, разумеется, нет. Кью.

Виндзор.

Короля, одетого только в ночную сорочку и смирительную рубашку, по снегу волокут через двор к карете. Он кричит и вырывается.

Услышав шум, королева подходит к окну. Она в ужасе.

Во дворе.

Уиллис (глядя в глаза королю). Я вас вижу, сэр.

Король. Нет, сэр. Вы меня не видите. И никто не видит. Нет меня здесь. (Тем, кто тащит его в карету.) Уберите свои грязные руки, вы...

Королева видит в окно, что...

...королю удастся вырваться, но его хватают снова.

Королева – Хелен Миррен, Король – Найгел Хоторн, леди Пемброк – Аманда Донахью

Уиллис. Я держу вас взглядом, сэр, и буду держать до тех пор, пока вы не научитесь вести себя и делать, что вам говорят.

Король. Я король. Мне не говорят. Говорю я. Я глагол, сэр. Я не дополнение.

Уиллис. Пока вы не сможете управлять собой, вы не можете управлять другими, а пока это так, управлять вами буду я.

Король. Собой научись управлять, козел!

Издает губами непристойный звук.

Уиллис. В карету его!

Короля силой заталкивают в карету.

Король. Ну так я умер. Я король гроба. Меня увезут, убьют, оторвут половые органы, кони разорвут мое тело на части, а их выставят на обозрение в соседнем городе. Помогите, умоляю, помогите мне!

Выбегают королева и леди Пемброк, бросаются к отъезжающей карете.

Королева догоняет карету:

– Мистер Король!

Король сидит у окна, рядом с ним Фицрой, напротив – Гревилл и один-два помощника Уиллиса. Король смотрит на королеву. Королева смотрит на короля.

Карета прибывает в Кью. Падают снег.

Дворец выглядит холодным, мрачным и зловецким.

Короля, привязанного к креслу, несут вверх по ступеням. Уносят внутрь.

Холод такой, что один из пажей срывает со статуи покрывало от пыли и набрасывает его на короля.

Король. Вы говорили, что в Кью королева будет со мной.

Уиллис. Со временем, Ваше величество.

Король. Вы мне соврали. Вы, священнослужитель, сказали мне неправду. Эта ложь будет стоить вам вашей знаменитой фермы, и ваши прирученные безумцы разбегутся по всему Линкольнширу. Вы лжец, лжец!

Кью. Гостиная. Вечер.

Уиллису приносят тарелку супа, он с ложки кормит короля. Уиллис заставляет короля смотреть ему в глаза, пока он зачерпывает суп и подносит ложку ко рту короля. Король смело смотрит на него, потом выплевывает суп Уиллису в лицо. Уиллис спокойно продолжает кормить его. Король собирается еще раз выплюнуть суп, но Уиллис останавливает его взглядом. Затем Уиллис отворачивается, и король сердито проглатывает суп.

...Столовая. День.

Король, теперь одетый в строгое черное платье, сидит за столом. Уиллис, пажи, Фицрой и Гревилл наблюдают.

Король. Я здесь, но это не весь я.

Король принимается за еду и ест самостоятельно. Присутствующие начинают аплодировать.

...Король рисует, Уиллис сидит с ним. Он рисует Уиллиса.

Уиллис (рассматривая рисунок). Пожалуйста...

Прикрепляет рисунок к стене.

...Король сидит с Папандиеком снаружи, на фоне замка Кью. В плаще и с отросшей бородой, король напоминает Лира.

Уиллис наблюдает за этой сценой из окна.

Питт (за кадром). Я сидел с отцом, когда он был болен (камера отъезжает, и мы видим, что вместе с Уиллисом сидят Питт и Терлоу), и читал ему Шекспира.

Уиллис. Я никогда не читал Шекспира. Питт смотрит на него искоса.

Уиллис. Я священник.

Уиллис вместе с Питтом и Терлоу вышли на ступени парадного входа дворца. При виде их король проявляет признаки нервозности и тревоги, он оступает, и хотя Папандиек подхватывает его под руку, король уже утратил уверенность и возвратился к прежнему состоянию.

Король. Они убили королеву. Вам было известно об этом?

Питт. Нет, Ваше Величество.

Король. О да, сэр. Вам холодно?

Терлоу. Здесь довольно прохладно.

Король. Не для меня. Я влияю на погоду мощью моего ума.

Все входят во дворец.

Король. На самом деле, на самом деле, с королевой все это не так уж скверно, потому что, на самом деле, я никогда на самом деле не был на ней женат. Я на этой высочайшей был женат, на Элизабет.

Sie öffnet ihre Beine zu jeder Zeit wenn ich es will. Vier, fünf Mal am Tag, wie mich die Laune trifft.

Уиллис. Что вы сказали, Ваше Величество?

Король. О, в Линкольншире не говорят по-немецки? Тогда позвольте мне перевести, сэр. Ее Светлость готова делать это в любую минуту. Стоит мне только слово ска-

зать, как ее юбки уже задраны и ноги болтаются в воздухе. Стоит подмигнуть, и я уже там. Или она уже внизу.

Уиллис. Кляп!

Королю затыкают кляпом рот, помощники Уиллиса с бранью уволокивают его.

Питт. Вы меня уверили, что можете вылечить его.

Уиллис. Могу, сэр, только мне требуется время.

Питт. Времени у нас нет.

Карлтон-хаус. Спальня принца Уэльского. Ночь.

Мария Фицгерберт на коленях перед алтарем, принц Уэльский смотрит на нее.

Принц Уэльский. О чем ты сейчас молишься?

Мария. О короле.

Принц Уэльский. О нас тебе надо молиться, потому что если он умрет или останется безумным...

Мария. Джордж!

Принц Уэльский. ...мы сможем объявить, что являемся мужем и женой, ты поняла?

Церковная ризница.

Терлоу разговаривает с обтрепанным и явно пьющим Священником.

Терлоу. Так что же вы, не знали, кто такой жених?

Священник (просматривая записи в церковной книге). Это было года два назад.

Терлоу. И невеста не сообщила, что она католичка?

Священник (качая головой). Зачем? А, вот, нашел.

Терлоу (смотрит запись). Принц не имеет права жениться без разрешения короля. И он не может жениться на католичке. Вы совершили незаконное бракосочетание.

Священник. И он всего десять фунтов дал мне!

Терлоу. Вот еще десять, и держите язык за зубами.

Терлоу вырывает страницу из церковной книги.

Священник. Но это не по закону!

Терлоу. Я сам закон.

Виндзор. Покои королевы. Ночь.

Королева сидит за туалетным столиком, готовясь ко сну. Рядом стоит леди Пемброк.

Королева. Какие длинные, длинные дни, Элизабет.

Леди Пемброк невесело улыбается:
– Они еще длиннее для Его Величества.

Кью.

Трое врачей вбегают с холода.

Фицрой. Прошу в гостиную, джентльмены.

Кью.

Фицрой (в гостиной). Врачи, Ваше Величество.

Бейкер. Добрый день, Ваше Величество. Как мы себя сегодня чувствуем?

Король угрюмо молчит. Уоррен осматривает его голову, Бейкер читает бюллетень.

Уоррен. Ожоги совершенно зажили. Это нехорошо.

Пальцем расковыривает раны. Король кричит от боли. Гревилл и Папандиек в ужасе отворачиваются.

Король. Отстань от меня, чертов варвар!

Уиллис укоризненно смотрит на короля, который вздыхает и идет к смирительному креслу, где позволяет привязать себя и забить себе рот кляпом.

Уиллис (вручая Уоррену бюллетень). Бюллетень.

Уоррен (читая). Намного лучше? Ну, я этого не вижу.

Уиллис. Вы сомневаетесь в моем заключении, сэръ?

Уоррен (комкая бумагу). Я сам напишу.

Пипайс. Нельзя ли в этот раз упомянуть о стуле?

Уоррен (пишет). Стул, стул. Дорогой мой Пипайс, стул неизменно хорош, и это один из неприятных симптомов заболевания. Когда же вы, наконец, усвоите, что кишечник больного способен каждый день обильно и превосходно очищаться, а больной при этом остается далеким от восстановления разумности?

Палата общин.

Крупный план: бюллетень о состоянии здоровья короля. Бюллетень лежит перед

Питтом в шкатулке для секретных правилственных документов. Принц Уэльский и Уоррен уютно устроились на галерее.

Питт. Мистер спикер, я не стану занимать время присутствующих подробным комментарием по поводу свежего – и могу добавить, оптимистического в целом – бюллетеня, однако не сомневаюсь, что достопочтенные члены Палаты общин желают узнать, что, хотя состояние Его Величества еще нельзя назвать стабильным, тем не менее его здоровье продолжает постоянно улучшаться.

Фокс вскакивает на ноги; принц Уэльский и Уоррен возмущаются.

Уоррен. Прямая ложь!

Фокс. Нельзя назвать стабильным? Ему то лучше, то хуже? Мистер спикер, я могу – с вашего позволения – процитировать этот документ, который был мне передан доктором Уорреном. Вот такая это нестабильность: Его Величество непрестанно употребляет бранные слова, он богохульствует, его речь несвязна...

Рев в зале.

– Достаточно процитировать следующее заключение: хотя у Его Величества и случаются периоды прояснения, он остается безумным и не способен к рациональному мышлению.

Принц Уэльский одобрительно кивает с галереи.

Кью. Столовая. День.

В этой и в последующих сценах действие попеременно происходит во дворце Кью и в Палате общин. В Кью идут приготовления к бритью короля. На столе расставляют чашу с горячей водой и бритвенные принадлежности, а на стене мы видим ряд рисунков короля, на каждом из которых проставлена дата. Папандиек подравнивает королю бороду, потом принимается править бритву.

Фокс. Я утверждаю, что Палату общин уже давно вводят в заблуждение по поводу продолжающейся болезни Его Величества. Когда мы, наконец, получим законопроект о назначении регентом принца Уэльского?

Король смотрится в зеркало, протягивает руку за бритвой; Уиллис, Гревилл,

Фицрой и пажи наблюдают. Король делает резкое движение бритвой, словно намереваясь напасть на них. Браун отпрыгивает. Король смеется.

Члены парламента (за кадром). Когда? Когда?

Питт. В свое время. Законопроект находится в процессе подготовки.

Выкрики “когда?” продолжают.

Спикер. К порядку! К порядку!

Питт. Скоро.

Зал беснуется. Крупным планом – лица парламентариев, которые выглядят куда более безумными, чем был король.

Спикер. К порядку! Палата разделяется по вопросу о представлении законопроекта, поставленному мистером Фоксом. “Да” – направо, “нет” – налево.

Король тщательно бреется.

Палата общин.

Из зала несутся крики одобрения. Дандес проталкивается к Питту и Терлоу.

Дандес. Они победили. Всего тремя голосами.

Терлоу. Значит, вы должны представить законопроект. Принц должен быть назначен регентом.

Церковь.

Фокс и Шеридан сидят на скамье, Фокс нетерпеливо поглядывает на часы. Терлоу появляется с преувеличенной скрытностью и усаживается позади них. Он опускается на колени и нарочито смыкает пальцы над переносицей.

Фокс. Ну что?

Терлоу. Я же молю, черт побери! (Он заканчивает молитву.) Я уже почти готов поддержать вас.

Фокс. Теперь? Теперь вы нам не нужны.

Терлоу. А я думаю, что нужен. (Передает Фоксу листок, вырванный из церковной книги записей.) Женат ваш мальчик.

Фокс. Ничего подобного, она просто его любовница.

Смотрит на листок.

Терлоу. Мистеру Питту я об этом не говорил. Пока не говорил.

Шеридан. Чего вы хотите?

Терлоу. Добра моей стране. (Фокс пре-

небрежительно фыркает.) Лорд-канцлером которой я останусь.

Карлтон-хаус.

Терлоу, Фокс и Шеридан уже обедают с принцем Уэльским, Марией и Уорреном.

Принц Уэльский. Я уверен, что это можно будет устроить. Если и когда правительство будет в наших руках.

Бросает сердитый взгляд на Фокса.

Фокс. Законопроект готов, Ваше Высочество.

Принц Уэльский. Я улитка, лорд-канцлер, медленно пробирающаяся к трону. Даже Мария уже теряет терпение.

Мария. Мое нетерпение относится только к состоянию здоровья Его Величества.

Фокс. Теперь, когда лорд-канцлер принял сторону Вашего Высочества, осталось недолго ждать.

Терлоу. Я всегда был сторонником Его Высочества.

Фокс. Разумеется.

Терлоу. Хотя должен заметить, что нынешняя ситуация требует определенной деликатности.

Мария. Это ваш отец, сэр. Будьте милосердны.

Терлоу. Вам можно не грести, Ваше Высочество, вас несет прилив.

Принц Уэльский (вскипая). Прилив? И мне сидеть сложа руки?

Мария. Джордж!

Терлоу. Вашему Высочеству остается только ждать.

Принц Уэльский. Ждать! Ждать! Лорд-канцлер, вся моя жизнь была ожиданием. Я стараюсь воспитать в себе уравновешенность. Но трудно быть уравновешенным, когда речь идет об английской короне. Надо мной смеются. Что я должен делать, чтобы ко мне начали серьезно относиться? Признаюсь вам, сэр, что быть принцем Уэльским – это не значит иметь титул. Это значит – иметь затруднительнейшее положение.

Он уходит, увозя с собой Марию.

Фокс. Она разумней, чем он.

Терлоу. Нужен характер, чтобы выдерживать тяготы праздности.

Вестминстер. Палата общин.

Членам парламента раздают законопроект о регентстве; они читают.

Карлтон-хаус.

Терлоу привез принцу Уэльскому экземпляр законопроекта о регентстве. Принц читает его, ища упоминания о своей супруге.

Принц Уэльский. Здесь нет ничего о Марии.

Терлоу. Нет, Ваше Высочество. Это было бы несколько преждевременно.

Принц Уэльский. Это обязательно будет, Мария, я обещаю тебе. Не так ли, Терлоу?

Терлоу. Ваше Высочество.

Совершенно очевидно, что он так не думает. Она тоже нет.

Виндзор. Покои королевы.

Королева перечитывает законопроект:

– Нет, нет. Этого не должно быть, чтобы сыну дали власть над отцом. Он его уберет. Это его смертный приговор. Я должна повидаться с ним, Элизабет. Элизабет!

Крупный план леди Пемброк. Она понимает, чего ждут от нее. Набрасывает плащ и уходит.

Кью. Комната Гревилла.

Леди Пемброк сидит, Гревилл стоит рядом. Она только что кончила излагать свою просьбу.

Гревилл. Я не могу это сделать, мадам. (Леди Пемброк встает.) К тому же, если Ее Величество встретится с ним... он... он... все еще... говорит такие непристойные вещи.

Леди Пемброк улыбается его смущению:

– О чем?

Гревилл. О... о вас, мадам.

Леди Пемброк. Расскажите мне.

Гревилл. Я не в силах.

Леди Пемброк. Что же мечтает сделать Его Величество? (Она приблизилась к нему вплотную, почти прижав его к двери.) Об этом? (Она кладет руку Гревилла себе на грудь. Гревилл беспомощно качает головой.) Об этом? Или, может быть, об этом?

Ее левая рука уходит из кадра; у Гревилла перехватывает дыхание. Гревилл целует ее, он больше не владеет собой. Леди Пемброк сохраняет все свое самообладание.

Кью.

Веселое лицо короля, который съезжает по перилам вместе с пажами. Король чисто выбрит, он выглядит вполне здоровым, Уиллис явно пребывает в отличном расположении духа. Зато Фицрой и Бейкер с неудовольствием наблюдают происходящее.

Король. А ну, ребята! Кто быстрее добежит до дверей? Ага, я первый!

Бейкер уходит. Король, Уиллис, Фицрой и пажи провожают его.

Король (подмигивая пажам). Да, Бейкер, чтоб не забыть...

Бейкер. Ваше Величество?

Король. У меня для вас небольшое дело. Секретная миссия.

Бейкер. Да, Ваше Величество.

Король. Так вот. Хочу, чтобы вы передали Гибралтар Испании и попытались получить взамен Минорку. Как вы думаете, вы с этим справитесь?

Бейкер. Я медик, Ваше Величество.

Король. В таком случае, у вас не возникнет затруднений. Всего хорошего.

Бейкер качает головой, глядя на Уиллиса, и уходит. Король с радостными воплями хватывается сзади за Папандека и убегает с ним в гостиную...

...где неожиданно сталкивается с королевой. Молчание. Фицрой бросает яростный взгляд на Гревилла, несомненно, повинного в ее появлении.

Королева. Ваше Величество. (Король словно не замечая ее, усаживается.) Неужели вам нечего сказать мне, сэр?

Король. Что мне говорить вам, мадам? Что? Мы двадцать восемь лет женаты, ни разу не разлучались ни на день, а тут вы бросили меня с моими палачами.

Королева. Доктора сказали, что так нужно ради вашего блага.

Король. Ради моего блага? Что они знают о моем благе?

Королева. Джордж, меня могут больше не допустить к тебе. Подготовлен законопроект, чтобы назначить сына регентом.

Король (с недоверчивым смехом). Регентом?

Королева (показывая законопроект). Ты понимаешь? Он должен править страной вместо тебя!

Король. Регент? Толстячок?

Фицрой. Его Величеству не сообщали о законопроекте, мадам.

Королева. Он должен знать об этом. Джордж, ты должен знать. Он должен знать. Ты понимаешь? Это сын.

Фицрой. Прошу вас уйти, мадам, прошу вас уйти.

Он подталкивает королеву к двери.

Король. Сын! Отца отталкивают в сторону, его исключают, его уничтожают. Вычеркивают из жизни. А отец даже еще не умер. Чьей же властью все это делается? (Читает.) "Принц Уэльский наделяется всей властью и полномочиями"... "получает все полномочия, prerogative"... Почему мне об этом не докладывали?

Папандиек пытается успокоить и удерживать короля, но тот яростно отталкивает его, Папандиек падает, король хочет бежать вслед за королевой.

Уиллис (забирая у него законопроект). Этот законопроект не имеет значения, Ваше Величество.

Гревилл (с отчаянием). Ваше Величество, законопроект должен быть представлен сегодня. На стороне принца Уэльского большинство членов Палаты.

Уиллис смотрит на короля, и тот сразу приходит в себя.

Король. Гревилл! Доктор Уиллис прав. Уберите документ.

Вестминстер. Лобби. День.

Парламентарии толпятся у дверей в

Палату. Фицрой протискивается к принцу Уэльскому и герцогу Йоркскому, вместе с которыми стоят Уоррен и Фокс.

Фицрой шепчет принцу на ухо.

Герцог Йоркский. Что-что? Он правляется? Отличная новость, скажу я вам!

Принц Уэльский. Об этом еще кто-то знает?

Фицрой отрицательно качает головой:

– Нет, Ваше Высочество.

Уоррен. Возможно, это только временное улучшение.

Фицрой молчит, никак не поддерживая это предположение.

Принц Уэльский. Не вижу резона для распространения этой информации. Мы ведь можем вынести суждение о том, насколько болен король уже после принятия законопроекта, не так ли, Уоррен? (Они собираются пройти на галерею.) Мы почти у цели, Чарлз.

Фокс выглядит вполне несчастным:

– Где же Терлоу?

*К*ью.

Терлоу приближается, король и Уиллис читают, сидя под деревом.

Уиллис. "Одежда эта – память о былом".

Король. "Оно так тяжело!" Ну же, дальше!

Уиллис. "Оно так тяжело".

Король. "Скажите, как здоровье государя?"

Уиллис. "Скажите, как здоровье государя"...

Уиллис явно не обладает актерскими данными.

Папандиек. Лорд Терлоу, Ваше Величество.

Терлоу. Ваше Величество.

Король. А, Терлоу. Тот человек, что мне и нужен. Мы тут как раз Шекспира читаем. Уиллис, передайте ему книгу.

Терлоу (тихонько Уиллису). "Король Лир"? Разумно ли это?

Уиллис. Я понятия не имел, о чем тут речь.

Король. Я как будто сплю, входит Корделия и спрашивает доктора – доктор у нас Гревилл, – как мое здоровье, вот так. Ну, продолжим.

Терлоу. А кто Корделия?

Король. Вы. Я понимаю, но... Уиллис

не справляется с ролью. Он превосходный медик, но безнадежен как актер. Читайте же.

Терлоу (читает за Корделию):

О боги в небесах,
Настройте вновь разлаженную душу
И впавшему в младенчество отцу
Верните ум!

Король. Отлично. "И впавшему в младенчество отцу" – превосходно. Гревилл, продолжайте, ваш черед.

Гревилл. "Не уходите. Мы его разбудим.
Я за него ручаюсь".

Терлоу. "Дорогой отец!

О если бы врачующую силу
Моим губам, чтоб поцелуй мой стер
Следы всего, что сестры натворили
С тобой, родной!"

Король. Давай-ка, целуйте же меня. (Терлоу хочет поцеловать руку короля.) Да нет же, не сюда. Целуйте здесь. Это же Шекспир. Вот сюда. (Подставляет щеку.) Все, теперь отойдите. Король сейчас проснется. Готовы? Вот он и просыпается.

Король подробно, как делали актеры в старину, изображает пробуждение ото сна.

Терлоу. "Ну, как здоровье ваше?
Как вашему величеству спалось?"

Король (читает за Лира).

"Не надо вынимать меня из гроба.
Ты – райский дух, а я приговорен
К колесованью на огне, и слезы
Жгут щеки мне расплавленным свинцом".

О как это верно!

"Не смейся надо мной. Я старый дурень
Восьмидесяти с лишним лет. Боюсь,
Я не совсем в своем уме".

Уиллис. Это конец, Ваше Величество?

Король. Боже мой, это отнюдь не конец... Корделия – у нас это Терлоу – умирает. Повешена. Ее гибель убивает короля. Все умирают. Это же трагедия.

Терлоу (растроганный). И очень сильная.

Король. Я так ее играю.

Терлоу. Мне кажется, Ваше Величество, больше становитесь собой.

Король. Разве? Да, становлюсь. Я всегда оставался собой, даже когда был болен. Просто теперь я выгляжу собой. Это самое важное. Я вспомнил, как надо выглядеть. Что-что?

Гревилл настораживается:

– Что вы сказали, Ваше Величество?

Король. Что? Ничего я не сказал. К тому

же, Гревилл, вы не должны задавать вопросы государю, и вам это надо помнить. Что-что?

Крупным планом лицо Терлоу, который понимает, что означает королевское "что-что?". Лицо Гревилла расплывается в широкой улыбке.

Терлоу. Подайте королю одеться.

Браун и **Папандиек** несут на озеро ночные горшки.

Браун. Ты посмотри, какая у него моча. Опять как лимонад.

Папандиек. Да нет. В моем горшке пока мутноватая.

Браун. Так в твоём горшке вчерашняя. А эта – сегодняшняя. Смотри – Урина Старшая, Урина Младшая!

Оба заливаются смехом. Двумя яркими струями опорожняют горшки в озеро.

Карета короля покидает Кью.

Вестминстер.

На галерее Палаты общин появляется принц Уэльский, принимает шумные приветствия членов парламента.

Спикер. Сегодня членам Палаты предстоит рассмотреть законопроект о пощении венценосной особы Его Величества и о распоряжении королевской властью на время болезни государя.

Чизуик. Дорога на Лондон.

Карета Терлоу мчит по дороге.

Вестминстер. Палата общин.

Член парламента. Мистер спикер, мы, находящиеся на этой стороне Палаты, видим в принце Уэльском молодого человека столь высоких достоинств и способностей, что считаем великим счастьем...

Дорога на Лондон.

Терлоу высовывается из кареты, попавшей в плотное окружение стада баранов, бляение которых несколько напоминает выступления членов парламента.

Терлоу. Будьте вы неладны! Что же теперь делать?

Вестминстер. Палата общин.

Фокс размахивает бумагами – перечнем реформ, которые он намерен провести:

– Итак, мистер спикер, я желал бы изложить некоторые соображения по поводу давно назревшей реформы, а также, не побоюсь сказать, необходимых затрат, каковые после провозглашения регентом Его Королевского Высочества...

Одобрительные выкрики.

Мрачные лица Питта и Дандеса, сидящих на передней скамье.

...Во двор грохоча влетает карета. С подножки соскакивает Терлоу – окошки кареты все еще занавешены, – бежит во дворец, посылает служителя за Питтом.

...Питту передают записку, он поспешно выходит вместе с Дандесом.

Терлоу. Я сейчас от государя, с которым провел два часа в непрерывной беседе.

Дандес. О Господи, вы хотите сказать, что он опять ведет свои разговоры?

Терлоу. Да нет же, черт побери! То есть да, он ведет разговоры, но он больше не болтает без умолку и не несет чуши. Он чрезвычайно умно повел себя на самом деле. Заставил меня читать Шекспира. Вы читали “Короля Лира”? Если бы этот болван чуть проворнее выполнил порученное ему, Корделию бы не повесили, Лир бы не умер и все закончилось бы хорошо... что, на мой вкус, было бы куда лучшей концовкой для пьесы. А так она просто невыносимо трагична...

Дандес. Лорд-канцлер...

Терлоу. Собственно, я хотел сказать, что государю лучше.

Питт. Лучше, чем прежде?

Терлоу. Нет. Ему лучше. Вернулись эти его “что-что” и “хе-хе”. Пойдемте.

Неверие на лицах Питта и Дандеса, которые следуют за Терлоу по коридору, все ускоряя шаг.

...В Палате общин.

Выступает один из членов парламента:

– Едва ли кто другой, мистер спикер, может утверждать, будто испытывает большее почтение к королю, нежели я. Однако мы не можем закрывать глаза на то, что Его Величество страдает ужасным и, боюсь, длительным недугом, который, видимо, сильнее всех известных медицине средств, употребленных для его лечения.

Пока он бубнит, по скамьям разносится весть о том, что приехал король, и члены парламента начинают быстро покидать зал.

Фокс встает, бросает взгляд на галерею, где принц Уэльский; не зная, что произошло, пребывает в недоумении. Кто-то шепчет ему на ухо, и он тоже выбегает вон.

Сумятица, члены парламента толкаются, – спеша выйти во двор; среди них принц Уэльский и Фокс.

Члены парламента заполняют двор. Мы видим, как отдергиваются занавески на окошках кареты, Терлоу открывает дверь, Уиллис, обойдя кругом, помогает выйти королю.

Принц Уэльский проталкивается сквозь толпу и в отчаянии отшатывается при виде короля, который готовится обратиться к внезапно затихшей толпе членов парламента, ждущих его слов, чтобы проверить, действительно ли он выздоровел.

Король (с легкой запинкой, но быстро обретая уверенность). Я... мы... тронуты заботой, выказанной нашими верными подданными, и весьма рады снова оказаться среди вас. Теперь, когда наши силы восстановлены, мы снова берем в наши руки бразды правления.

Пауза – и двор взрывается кличами “да здравствует король” и т. д. Король поворачивается к Уиллису:

– Ну как, ребятки? Неплохо, а, что-что?

Ликующие члены парламента окружают короля. Принц Уэльский обмирает.

Виндзор.

Королевская карета возвращается в замок, ее приветствует дворцовая челядь.

Папандиек. Ваше Величество! Расступись, расступись! Король, король!

Все. Король, король!

Амелия. Папа, папа!

Король. Амелия!

Адольфус. Папа вернулся, вернулся! Идем со мной, папа, мама в саду!

Мы видим, как королева приближается к королю, делает реверанс и целует ему руку.

Апартаменты короля.

Королева. С опозданием на два часа. Он делает это нарочно. Он знает, что вас приводит в бешенство его привычка опаздывать.

Осознав свою оплошность, поспешно прикрывает рот рукой, однако король невозмутим.

Король. Не тревожьтесь. Я возьму примирительный тон. Любовь будет главной нотой.

Фицрой. Ваше Величество, их Королевские Высочества.

Король (герцогу Йоркскому). Фред.

Герцог Йоркский. Па.

Королева. Джордж.

Герцог Йоркский. Ма.

Король (указывая на кресла). Прошу садиться.

Принц Уэльский. Как здоровье Вашего Величества?

Король. Очень тебя это волнует.

Королева. Любовь, Джордж.

Король. Вы улыбаетесь, сэр?

Принц Уэльский. Я счастлив видеть моего отца здоровым и в таком хорошем настроении.

Король (сердясь все сильнее). В хорошем или дурном состоянии, но я владею собой. Когда человек владеет собой, неважно, в каком он настроении. Вот когда он собой не владеет, ему лучше сохранять серьезность, ему лучше...

Уиллис показывается на глаза королю, который смолкает. Тот покашливает. Король бросает раздраженный взгляд на Уиллиса, но тут же спохватывается и успокаивается.

Король. Женитесь, сэр.

Принц Уэльский. Я женат, государь.

Уиллис выглядит встревоженным.

Король. На крупной женщине, на какой-нибудь немке. И дети. Что-что?

Принц Уэльский. Я женат, государь.

Король (в бешенстве). Ты не можешь быть женат без моего разрешения. А я разрешения не даю. И не дам. Вы не женаты, сэр.

Уиллис легонько покашливает. Это раздражает короля, но он с явным усилием берет себя в руки.

– Если вы простужены, сэр, покашляйтесь за дверью.

Уиллис, поколебавшись, уходит.

Обращаясь к принцу Уэльскому:

– Избавьтесь от нее, сэр. Ваши долги будут уплачены... и вам будет назначено содержание, какое... вас достойно.

Библиотека.

Король работает с Питтом, подписывает распоряжения и государственные документы. Питт подает очередную бумагу. Уиллис в ожидании сидит поодаль.

Король (прочитывает бумагу). Нужно ли удивляться, что человек с ума сходит? Доктора. Тридцать гиней за визит? И расходы по проезду. За полугодовые мучения. Они готовы заставить человека платить за собственную казнь, что-что? Сколько ему платят?

Смочит на Уиллиса.

Питт. Ему устанавливается ежегодная рента. Тысяча фунтов в год.

Король. Ну, он, по крайней мере, помог мне.

Питт. Я полагаю, что помогло вам время, государь.

Король. Да? Ммм... А что с колониями, мистер Питт?

Питт. Америка теперь независимое государство, Ваше Величество.

Король. Что ж, нам надо к этому привыкнуть. Мне случилось видеть дела и более странные. Я однажды видел овцу о пяти ногах.

Королевские апартаменты.

Гревилл, Браун и Папандиек на черной лестнице.

Браун. Отставка? Господи!

Папандиек. А я? Я верой и правдой служил государю.

Браун. Да.

Гревилл. Забудьте обо всем, что видели. Венценосца в нижнем белье. Сотрите все из памяти.

Папандиек. Он был болен. Мы это понимали.

Гревилл. Теперь он здоров. Возьмите. Бросает каждому по кошельку.

Комната Гревилла.

Фицрой подает Гревиллу письмо. Тот читает.

Гревилл. И я тоже. Больше я не при дворе.

Фицрой не выражает удивления:

– Вы были добры к государю во время его болезни, Гревилл.

Гревилл. Я делал, что мог, капитан Фицрой.

Фицрой. Полковник. Полковник Фицрой. Вы еще не слышали? Выглядит несправедливо, согласен. Но позвольте дать вам совет. Выказывая чувства королям, вы не становитесь к ним ближе. Они воспринимают проявления чувств к себе как воль-

номыслие. Вам будет полезней ничего не замечать. Так вы далеко пойдете.

Королевские апартаменты. Черная лестница. Ночь.

Гревилл внезапно появляется перед леди Пемброк, шествующей со своей обычной величавостью в сторону спальни королевы.

Гревилл. Элизабет.

Леди Пемброк. Его Величество еще не отошел ко сну, мистер Гревилл.

Гревилл. Я завтра покидаю замок.

Леди Пемброк. Да.

Гревилл. Так вы об этом знали?

Леди Пемброк. Как жаль. Вы мне казались весьма многообещающим молодым человеком.

Гревилл. Могу ли я...

Она не двигается с места, но выражение ее лица не смягчается. Гревилл пытается ее поцеловать, она отстраняется.

Леди Пемброк. Прошу вас, мистер Гревилл.

Гревилл. Но... когда...

Леди Пемброк. В том была нужда, мистер Гревилл, вот и все.

Они входят в комнату для одевания, как раз когда там появляется король, следом за тремя новыми пажами.

Паж. Расступитесь, расступитесь, король, король!

Король отводит леди Пемброк в сторону, подальше от обескураженного Гревилла.

Король. Мадам, говорят, будто я что-то сказал о вас, когда был болен.

Леди Пемброк. Не помню, государь.

Король. Дело не столько в том, что было сказано, сколько в сделанном. Итак, мы с вами... я и вы...

Леди Пемброк. Ваше Величество?

Король. Случилось ли нам... нам с вами... совершенно забыться, ибо если мы забылись, то мне так хотелось бы вспомнить об этом, что-что?

Леди Пемброк. Нет, государь. Поведение Вашего Величества было неизменно безупречным.

Король. Да?

Леди Пемброк. Вы были отечески добры и царственно великодушны ко мне, государь.

Король (печально). Что ж, хорошо, очень хорошо.

Король входит в спальню королевы, королева сидит на краю постели, ожидая его.

Король. Миссис Король.

Королева. Мистер Король.

Король. А вы славная пухленькая булочка, что-что?

Королева. Когда вы были нездоровы, шли разговоры о том, что это могло бы не случиться, если бы вы вели нормальный образ жизни.

Король. Нормальный образ жизни?

Королева. Я имею в виду других женщин.

Король. А, бродил бы по тайным тропкам. Ну что же, в жизни всегда есть о чем пожалеть. И чему порадоваться тоже есть. Ты хорошая маленькая женушка, моя миссис Король, и мы бывали с тобой счастливы, разве нет?

Королева. О да, мистер Король. Обнимаются.

Король. И еще будем счастливы.

Король едва заметно вздрагивает, и в его глазах появляется страх – он не может понять, здоров уже или все еще болен.

Собор св. Павла. День.

Общий вид собора, подъезжают кареты королевской семьи; ливрейные лакеи, герольды, ликующая толпа и т. д.

Король и королева выходят у соборных ступеней, король высаживает из кареты Амелию и двух других детей.

Его перехватывает Уиллис, ожидавший неподалеку:

– Ваше Величество, я буду в соборе, на случай если церемония окажется слишком утомительной для вас.

Он положил руку на рукав короля. Король смотрит на королеву, которая взглядом подсказывает ему отпустить Уиллиса. Минута нерешительности. Затем король переводит глаза на руку Уиллиса, и тот одергивает ее.

Король. Вы можете сообщить доктору Уиллису, что церемония не так утомит меня, как утомляло отсутствие церемоний. И не смотрите на меня, сэр. Вы напрасно думаете, будто я есть тот, кем раньше был. Я не ваш пациент, сэр. Ступайте, сэр. Назад

к своим овцам и свиньям. Король стал собой.

Король отворачивается. Уиллис надевает шляпу и готовится уйти. На его лице нет неудовольствия.

Королевская семья у подножия соборных ступеней. Они принимают приветствия толпы, где, затерявшись среди простого люда, стоит и Мария Фицгерберт. Принц Уэльский с усилием делает вид, будто не замечает ее. Король ведет семью вверх по ступеням, все время помахивая рукой толпе.

Король. Нам надо стараться выглядеть дружной семьей. Нынче есть образцовые фермы, образцовые деревни, даже образцовые мануфактуры. А мы должны быть образцовой семьей и подавать пример нации.

Королева (герцогу Йоркскому). Да. Ты должен постараться быть типичней, Фред.

Принц Уэльский. Но, па, я хочу чем-нибудь заниматься.

Король. Заниматься? Следуй за мной—это и есть твое занятие. Улыбайся народу.

Помашаи рукой. Пусть народ видит, что мы счастливы. Для того мы здесь.

Из собора доносится гимн Генделя, королевская семья приветствует народ. Уиллис уже почти выбрался из толпы, но даже он снимает шляпу и машет ею, прежде чем продолжить путь мимо Марии Фицгерберт, которая изо всех сил старается улыбаться.

Перед соборной дверью королевская семья улыбается и приветствует народ. Кому придет в голову, что они несчастливы?

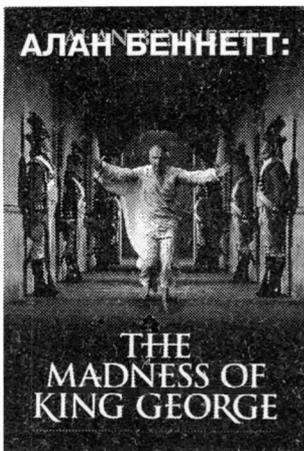
Один в кадре, Георг III снимает шляпу и машет своему народу. Его народ машет королю.

На экране появляется надпись:

Цвет королевской мочи говорит о том, что он страдал порфирией, физическим расстройством, которое воздействует на нервную систему. Это заболевание периодически, непредсказуемо и передается по наследству.

АЛАН БЕННЕТТ:

'Монархия есть действие''

Виндзорский замок, в котором разворачивается большая часть действия, – это Виндзор до перестройки в 1820 году. Не все в XVIII веке блистало элегантностью, поэтому так разителен контраст между парадными покоем и крохотными каморками, в которых приходилось ютиться придворным – там пажи спят на полках стенного шкафа (как в “Алисе в Стране чудес”). Но суть не в контрасте публичной роскоши и потаенной скудости. Жилые помещения дворца были не так уж убоги; я их представляю в виде длинных коридоров со множеством дверей, с узкими лесенками, с неожиданными переходами с этажа на этаж – что не отличается от планировки колледжей Оксфорда или Кембриджа или от последних этажей сельских усадеб. Но как бы ни высоблиено там было, придворные жили в страшной скученности. Попасть в жилье придворных можно было через замаскированные деревянной обшивкой либо обоями двери.

Необходимо ощущение что все происходящее во время болезни с королем находит отражение в топографии замка. Поведение короля, соответствующее обстановке людных парадных залов, постепенно выглядит все более неуместным, и когда он убегает в задние комнаты дворца, это походит на бегство в тайники его личности.

Представление о королевских дворах как местах перенаселенных я почерпнул из “Короля-Солнца” Нэнси Милфорд, живо описавшей условия жизни в Версале. Во Франции того времени не быть при дворе означало социальную смерть, и аристократы были готовы мириться с любыми неудобствами, только бы не оставаться в своих поместьях.

В Англии двор никогда не играл роль столь мощного магнита, но церемониал существовал, а если пространство плотно заполнено людьми, правила этикета соблюдаются через силу. И когда за королем и королевой закрывалась дверь, облегчение должно было проявляться наглядно – в фильме братья-принцы плюхаются на троны и сбрасывают с себя обувь, а беременная леди Таунсенд может присесть. Шкаф в стене, открывающий взгляду безумного короля трех пажей, спящих на полках друг над другом... Король, бегущий по сводчатому коридору, врывающийся к спящей фрейлине с требованием ее ночного горшка.

В кино действие должно быть энергичным, поэтому большая часть моих попыток создать атмосферу подобным образом до экрана так и не добралась. Мне бы хотелось, чтобы в эпизоде, где король впадает в помешательство, а за ним следует недоумевающая свита, было нечто от нарастающей тревоги в подобной сцене эйзенштейновского “Ивана Грозного”. Я даже включил это отважное пожелание в режиссерские ремарки – я мог бы с тем же успехом попросить: “Если это можно устроить, то мне бы хотелось, чтобы фильм был шедевром”.

Когда я был моложе, меня приводила в восторг возможность сменить повседневную рутину на киносъемки – я полагал, будто сценарист там необходим. Часто требовалось подчистить эпизод, чтобы подогнать его к выбранной натуре. Поэтому я принимал участие в ритуальном танце, когда ассистент режиссера кричит “последняя проверка!”, ассистент оператора уточняет фокус, гример и костюмер пудрят чей-то нос и поправляют чей-то галстук, а автор втолковывает актеру, на чем нужно сделать акцент.

Поостыл я к этому отчасти из-за возраста. Я не против торчать на съемочной площадке, когда играю сам, но присутствовать там в качестве сценариста мне кажется пустой тратой времени. Большинство актеров знали материал “Безумия” лучше меня, поскольку играли пьесу в театре два с половиной года. Так что, если в былые времена я мог бы рассказать о том, как снимался фильм по дням, то летом 1994 года на картине “Безумие короля Георга” я бывал только от случая к случаю.

8 июля, Тейм-парк, Оксфордшир. Первый день съемки "Георга III". Двадцать два года с той поры, как я впервые выехал на съемочную площадку. Я тогда следил за каждым дублем, трясясь над тем, как произносятся мои бесценные слова. Сегодня идет дождь, и я с трудом заставляю себя тащиться к свинарнику, где снимается первый эпизод. Как всегда, угнетает масштаб: дюжина вагонов, три автобуса, караван машин и толпа людей, у каждого есть резон здесь находиться – кроме меня, все это начавшего.

Найгел Хоторн в роли короля Георга, который только начинает сходить с ума, разговаривает с поросенком, а в промежутках между дублями восторгается какими-то амбарами XVIII века под замысловатыми крышами с осыпающейся черепицей. Николас Хайтнер, режиссер, выглядит довольным, он выкрутился из затруднительного положения, которое мешало мне снимать кино, а именно, – необходимости командовать: "Начали!" Я был склонен к другому варианту: "Ну что же, я полагаю, если все согласны, мы могли бы и приступить – конечно, если вы готовы". Сегодня страшное слово произносит Мэри Созн, второй режиссер. Ник просто Принимает Решения в отношении Кадра.

28 июля, Тейм-парк. Снаружи дом выглядит приятно обветшалым. Это деревенская усадьба в стиле Тюдоров, а ее запущенный парк с редкими старыми дубами легко прочитывается как метафора Англии.

А может быть, это и есть Англия, поскольку еще лет десять назад здесь жили потомки владельцев, затем, в разгар тэтчеровского бума, усадьбу приобрел японский консорциум с целью превратить ее в загородный клуб. Переступая порог, видишь перво-зданные приметы времени: великолепная лестница, изящные каминные, но только все такое чистенькое и свеженькое, такое вылизанное, будто выполненное по дизайну Куинлена Терри. И – метафора продолжается – все замерло: по завершении реставрации консорциум остался без денег, и усадьбу время от времени сдают в аренду для съемок фильмов или рекламных роликов.

Дом должен изображать дворец Кью, в котором был в заточении Георг III. По сценарию, дому полагается выглядеть холодным и заброшенным, поэтому дух запустения, столь безжалостно изгнанный японцами, столь же безжалостно восстанавливается – наши декораторы портят стены, заклеивая их драными обоями.

5 августа, Оксфорд. В фильме снимается большая часть театральной труппы, игравшей пьесу, и хотя некоторым актерам здесь достались маленькие роли, они согласились работать. Мне дали роль говорливого члена парламента, который выступает в Палате общин, как раз когда распространяется известие, что король, которого все считают по-прежнему безумным, находится перед дворцовым подъездом. Парламент стремительно пустеет, оставшийся член парламента обращается к пустым скамьям и к спикеру. В конце концов спикер на цыпочках тоже прокрадывается вон.

Палата общин снимается в Актовом зале, а соседняя с ним Дивинити-скул призвана изображать Лобби. Я выхожу на съемочную площадку, в первом ряду сидят Питт и компания, зал забит массовой толпой человек в двести.

– Часто снимаетесь в массовках? – спрашивает сосед по задней скамье.

– Не очень, – отвечаю я и радуюсь этому, потому что в зале дикая жара, а вентилятор нагоняет пар, чтобы смазать резкость изображения.

Между съемками я болтаю с актерами, убивая время все еще соблазнительным для меня способом.

6 августа, Оксфорд. День сегодня прохладный. Такая погода нам на руку, поскольку мы сегодня должны снять чуть не восемнадцать эпизодов (обычно в игровом фильме в день снимается пять-шесть). Но все в бодром настроении – после вчерашнего просмотра отснятого материала. Особенно удались сцены в заснеженном Тейме – и намек нет на то, что съемка велась в жаркий день. И я не предвидел, что развитие болезни короля будет сопровождаться переходом ко все более приглушенному цвету: Кью (Тейм-парк) почти в черно-белом варианте с небритым королем в черном плаще особенно драматичен. Хотя в данный момент нам не хватает денег на завершение съемки в Тейм-парке.

10 августа, Итон. Итон изображает у нас Вестминстерский дворец и зал, где откры-

вается парламент в самом начале фильма. Поначалу мы снимаем в крытых аркадах, стены которых испещрены табличками в память о павших в двух мировых войнах.

Тележка возит камеру по аркадам, за тележкой несутся актеры – король спорит с принцем Уэльским, а придворные стараются не отставать. Больше всего мне хотелось бы показать, как мало было декора в монархии XVIII века, как небрежны ее публичные проявления и как, при всей роскоши, ей недостает достоинства.

Потом мы переходим в школьный двор, где члены парламента толпятся на лестнице у часовни, наблюдая за отбытием королевской четы. Я сижу около статуи Генриха VI (к его носу пристало голубиное перышко), кареты катаются по двору, и Янина Дувитски в роли Маргарет Николсон пытается убить короля. После этого я прогуливаюсь вниз по сохраненной в неприкосновенности Хай-стрит. Здесь располагаются Коуттс-банк и заведение дорогих портных, основанные еще в XVIII веке.

Иду обратно на площадку, где застаю Гревилла под объективом – он стучится в дверь, испещренную старинными надписями, как большинство деревянных поверхностей в Итоне. Просматривая отснятые кадры, мы обнаруживаем выцарапанную дату "1862" на двери, куда Гревилл стучится в 1788 году.

3 сентября, Бругтон. Еду под серым мелким дождчиком в Банбери. Проезжая через город, чувствую, как его засасывает анонимность, – центральная часть пока нетронута и даже красива, но ее взяли в кольцо супермагазины и торговые центры, куда заезжают на машинах. "Процветание" – видимо, так это называется.

Бругтон, милях в двух отсюда, представляет собой контраст: средневековые дома в отделке XVI–XVII веков с готическими достройками, вход через ров и под арку – стандартный набор для идиллии. Распланированный парк, коровы и овцы на лугах за стенами и надо всем этим – ветшающий дом медового цвета.

В этот сельский рай киногруппа вторглась, как захватническая армия. Двадцать фургонов перепыхали луг, три десятка машин выстроились под деревьями. Размешивая в кашу края холеных газонов, машины доставляют актеров в дом, где осветители таскают юпитеры и штативы по великолепным сводчатым коридорам.

Дом внутри производит такое же волшебное впечатление, как и снаружи, – эlegantные комнаты со стенами, обшитыми деревом, и великолепная гостиная, окнами выходящая на ров. Я глупею от восторга перед домом и чересчур восторгаюсь, отчасти потому, что мне хочется компенсировать безразличие типа "площадка как площадка", которого не отнимешь ни у одной киногруппы – они толкуются под дверью, урывая минуточку на кофе и сигаретку и вытаптывая очередной газон.

Как всегда, я обнаруживаю, что никому в принципе здесь не нужен, и мой единственный вклад в съемку сводится к подсказке шепотком Нику Хайтнеру, что отсебятина Руперта Грейвза "я в порядке, я в порядке" больше соответствовала исторической действительности, если бы он говорил "все отлично, все отлично". Я смотрю, как Найгел Х. репетирует сцену с ночным горшком, потом обхожу сад в обществе Марка Томпсона и отбываю. Правда, по пути я еще заглядываю в церковь, заполненную гудящим звуком – седовласый человек, уэллсец, возможно здешний викарий, пылесосит алтарь.

В дневнике нет записей о съемках в местах, еще более зрелищных. Концерт в начале фильма мы снимали в зале Дабл-Кьюб в Уилтоне, где на ручных колокольчиках сонно исполняются "Зеленые рукава" на фоне пышного задника с вандейковским портретом Эрла Пемброка с семейством. Покои принца Уэльского снимались в Уилтоне, а Королевский морской колледж в Гриниче, где Цветной зал Рена послужил нам декорацией для второго концерта, во время которого король впадает в безумие. Длинная галерея, где король принимает Питта в начале фильма и в конце его и по которой Питт пятится с бесконечными поклонами, находится в Сайон-хаусе, как и утренняя комната принца Уэльского. Замок Арундейл изображал у нас Виндзорский дворец. Осредневековленный примерно в то же время Арундейл имеет много общего со своим более известным двойником, хотя, попадись любой из них на глаза в дождливый день, оба смахивают на заведения для долговременного содержания криминально помешанных.

Пьеса называется “Безумие Георга III”, а фильм “Безумие короля Георга”. Решение было подсказано соображениями проката; американские кредиторы с некоторым смущением поясняли, что название “Безумие Георга III” может навести зрителей на мысль, будто они прозевали “Безумие Георга” и “Безумие Георга II”, – так, нашлось много зрителей, которые, посмотрев “Генриха V” Кеннета Бранага, сожалели, что не видели четырех предшествующих картин.

Многие из тех, кто играл в спектакле, снялись в фильме, хоть не всегда в тех же ролях. Найгел Хоторн так и остался Георгом III, а Джулиан Уодхэм – Питтом, два королевских доктора и два пажа – те же актеры, что в театре. Но и в тех случаях, когда не удавалось сохранить за актером его роль, ему находилась другая: Иан Митчелл, игравший в спектакле Шеридана, здесь фермер-свиновод в начале фильма. Хелен Миррен сыграла королеву Шарлотту, но Селина Каделл, игравшая ее во второй постановке Национального театра, превратилась в миссис Кордуэлл, пациентку доктора Уиллиса, которая лишилась разума, когда ее муж, капитан, утонул у Гудвин Сэндз. Сцена в сумасшедшем доме была первоначально гораздо длиннее, причем пациентов должны были играть некоторые из ведущих театральных режиссеров, в их числе Ричард Эйр, Сэм Мендес и Деклан Донеллан. Режиссеры, конечно, оказались куда капризней и неговорчивей актеров и один за другим струсили, только Стивен Дэдли остался, отважно изображая одинокого косаря. Увы, напрасно – эпизод пустили под ножницы.

Женитьба принца Уэльского и Марии Фицгерберт в фильме предстает не такой, как в спектакле. Принц венчался тайно (бракосочетание состоялось у Марии в гостиной) в 1785 году только ради успокоения католической совести миссис Фицгерберт, которая невенчанной отказывалась спать с ним. Их брак, законный с точки зрения ее церкви, был незаконен юридически и конституционно – принц не имел права жениться без разрешения отца, а женитьба на католичке вообще лишала его права престолонаследования. Для миссис Фицгерберт это не имело значения, поскольку она тронем вообще не интересовалась: мягкая, добросердечная, отнюдь не красавица, она была принята при дворе, король и королева к ней благоволили, не питая сомнений по поводу характера ее взаимоотношений с принцем. Однако, когда в начале 1787 года в парламенте был поднят вопрос об этом браке, принц Уэльский от него отрекся даже перед своим другом Фоксом, который и выступил с опровержением в Палате общин. Неудивительно, что миссис Фицгерберт “обиделась” и, хотя принца потом простила, так и не смогла простить Фокса, который, в свою очередь, не нашел в себе сил простить принца.

Вся эта история уже успела подзабыться к концу 1788 года, когда Георг III заболел, и брак принца не сыграл никакой роли в том, что впоследствии получило название “кризиса регентства”. Но в моем сценарии это не так отчасти потому, что мне требовался сюжетный поворот, а кроме того, я хотел, чтобы миссис Фицгерберт получила собственную жизнь, а не просто сидела рядышком с принцем в качестве его подруги. По сценарию в конце фильма принц бросает миссис Фицгерберт, на самом же деле они открыто прожили вместе еще четырнадцать лет, не расставшись даже после женитьбы принца (законной, но крайне неудачной) на принцессе Каролине Брунсвикской. Бросил принц миссис Фицгерберт в 1803 году и сделал это с грубостью и брутальностью, свойственными поступкам венценосных особ. Иногда кажется, будто царственные особы понаслышке знают, что такое достойное поведение, и воспроизвести его могут весьма приблизительно, или, как говорит доктор Уиллис перед встречей с королем:

– Перед ним склоняются, с ним соглашаются, ему подчиняются. Кто может процветать на такой повседневной диете из угодливости? От того, что тебя обрывают, тебе перечат, вырабатывается характер, дух становится упругим, приспособленным. Правителям недостает этого опыта, вот потому они так неподатливы. (Няня сказала бы – испорчены.)

При всех оговорках, выяснилось, что я с меньшим скепсисом отношусь к институту монархии, чем мои коллеги по картине, отчасти в силу того (и к некоторому моему удивлению), что я старше большинства из них и взгляды мои устоялись. Разумеется, я не республиканец и не усматриваю ничего особенного в затруднениях и колебаниях

нынешнего принца Уэльского. Когда в фильме принц Уэльский говорит, что быть наследником престола – это не ранг, а затруднительное положение, то это и крик души, и утверждение очевидной истины.

В силу моих роялистских пристрастий я не следил за перипетиями распада брака принца Чарлза и принцессы Дианы. Я это говорю не из ханжества. Разводы в кругу моих друзей огорчают меня по эгоистическим причинам – ограничиваются дружеские связи, закрываются тихие пристанища, и жизнь становится менее удобна. Едва ли стоит пояснять, что брак принца Уэльского не затрагивает меня подобным образом – просто во всем, что касается монархии, мне хотелось бы сохранить возможность принимать ее как должное. Я не желаю думать о ней. Я хочу, чтобы она просто – была...

У меня не было намерения проводить параллели с нынешней монархией, но по мере работы над фильмом они становились очевидней, финальные кадры Собора св. Павла нарочито напоминают кадры телевизионной съемки бракосочетания принца Уэльского и принцессы Дианы. (С другой стороны, если нужно снять вход в собор, то сделать это можно только с одной точки; телевидение с нее и снимало, мы – тоже.)

Однако разговор членов королевской семьи, когда они останавливаются на ступенях, чтобы приветствовать толпу, приобрел тональность, которая не звучала в пьесе.

– Нам нужно постараться больше быть семьей, – говорит король. – Нынче есть образцовые фермы, образцовые деревни, даже фабрики есть образцовые. А мы должны быть образцовой семьей, чтобы нация брала с нас пример.

– Но, па, – жалуется принц Уэльский, – я хочу, чтобы у меня было какое-нибудь занятие.

– Следуй за мной. Улыбайся народу. Пусть люди видят, что мы счастливы. Для этого мы здесь.

Георг III пользуется дурной репутацией в Соединенных Штатах – там считают, будто он был тем королем, из-за которого произошла Война за независимость. Будь это правдой (а это не так), то Америка должна бы быть благодарна ему: если бы без него не было войны, то и Соединенных Штатов тоже бы не было (во всяком случае, их появление на свет задержалось). По этой же логике, мне всегда казалось, что Иуда заслуживает поощрительного похлопывания по плечу, ибо без него христианство никогда бы не встало на ноги.

Идея оппозиции законной, а не просто кровожадной, только начинала формироваться. Я вложил в уста Питта фразу: "Король будет поступать так, как ему скажут". Фраза, скорей, из будущего – до болезни Георгу III было очень трудно указывать, как поступать: он был чересчур добросовестным и хорошо информированным человеком. Он не желал мириться с тем, что ему противоречат как любому смертному, а это, по словам Уиллиса, было одним из уроков, которые он должен был усвоить. Без сомнения, переболев, он сумел проглотить Америку, которая раньше застревала в его глотке.

Вопрос о том, страдал ли Георг III порфирией – нарушением обмена веществ, остается открытым. Ида Макалпайн и Ричард Хантер в книге "Георг III и безумные дела" (1969) приводят доказательства в пользу диагноза порфирии, основываясь на том, что в период болезни моча короля приобретала пурпурный оттенок. Менее убедительно выглядит их попытка проследить проявления этого заболевания у других членов династии. У них порфирией страдали и Мария Стюарт, и ее сын Джеймс I; королева Анна, Георг IV и даже Фридрих Великий. Хотя Хантер и Макалпайн предполагают, что этой же болезнью страдал и брат Георга IV, герцог Кентский, она, видимо, не передалась по наследству его дочери, королеве Виктории, так что шутка (довольно злая) в заключительном титре, скорей всего, безосновательна.

Болезнь ставит проблемы как метафизического свойства, так и медицинского. Если симптомы порфирии, нарушения обмена веществ, столь сходны с симптомами душевного расстройства, что даже сегодня их трудно различить, то чем больной порфирией отличается от обыкновенного душевнобольного? И можно ли говорить о физическом происхождении всех душевных болезней? Это серьезные вопросы, и я считал нужным показать, что хотя бы осознаю существование проблемы.

Тем не менее какое-то пояснение требовалось, хотя бы из-за эпизодов с мочой. Но так как порфирия была впервые описана только в 1930 году, то ее нельзя было назвать без нарушения хронологии. В Королевском Национальном театре была сцена в самом конце пьесы – паж и придворные переносились в XX век, и Ида Макалпайн растолковывала им, что значит моча голубоватого цвета. Ничего это не давало, и ломая себе голову над тем, как же все-таки объяснить болезнь короля, я сожалел, что пишу не для Голливуда лет тридцать назад, поскольку тогда проблема решилась бы очень просто. Например:

"Берег реки. День.

Браун и Папандиек опорожняют в реку ночные горшки, когда на лицо Папандиека падает случайно пробившийся луч солнца. Он поднимает глаза к небу и мечтательно произносит:

– Придет время, и наступит день, когда станет понятно, чем болел наш король... это не безумие...

Вступает небесный хор: – ...а порфирия!

Он поднимает к небу хрустальную ночную вазу, и мы видим обращенные к нему лица Марии Стюарт, Джеймса I, королевы Анны, Георга IV и Фридриха Великого. И все они улыбаются!"

Впрочем, улыбаться им ни к чему, поскольку, хотя в наше время эта болезнь диагностируется, излечению она не поддается.

Монархия есть действие, и заболевание короля частично состоит в его всевозрастающей неспособности исполнять роль.

В финале, когда королевская семья поднимается по ступеням собора св. Павла на благодарственную службу, король требует от семьи улыбаться и притворяться счастливыми, потому что это их обязанность. Торжественную службу в соборе св. Павла мне не пришлось выдумывать; она составила превосходную концовку, и мне не потребовалось отходить от исторической правды. Я начинал как историк, поэтому отойти от фактов меня может вынудить драматургическая необходимость, надоедливость режиссера или чистое отчаяние. Надеюсь, эти кадры вызвали бы отклик в душе покойного Эрвина Гоффмана, американского социолога, чей анализ презентации личности и ее разрушения в XX веке вполне подходит и к безумному монарху XVIII века.

**Перевод
М. Салганик**

ЮНС АНОНС АНОНС АНОНС АНОНС АНОНС АНОНС АНОНС АНОНС

**Читайте в первом номере будущего года
кинороман Ю. Короткова и В. Тодоровского
"ПОДВИГ"**

"...Тогда была памятная осень 1982 года. Заканчивалось зыбкое десятилетие нашей жизни, когда мы были так необъяснимо счастливы и так и не совершили своего ПОДВИГА. Мы допоздна сидели на кухнях и вглядывались в ночь, с тревогой ожидая завтрашнего дня. На столе лежала газета с маленькой заметкой на последней полосе, где говорилось о трех мальчиках и девочке, которые захватили самолет.

Мы просто хотели жить день за днем, готовые принять все, что нам подарит судьба."

(Из заявки на конкурс "Зеркало")

ЮНС АНОНС АНОНС АНОНС АНОНС АНОНС АНОНС АНОНС АНОНС

Metro-Goldwyn-Mayer
Presents

Greta Garbo

Ниночка — Грета Гарбо
Леон — Мелвин Дуглас
Свана — Ина Клер
Разинин — Бела Лугоши

Иранов — Зиг Руманн
Бульянов — Феликс Брессар
Копальский — Александр Гранак

Раконин — Грегори Гэй
Портье — Рольф Седан
Мерсье — Эдвин Максвелл
Гастон — Ришар Карль

NINOTCHKA

AN
ERNST LUBITSCH
PRODUCTION

COPYRIGHT 1939 BY U. S. A.
BY LOEW'S INCORPORATED.
ALL RIGHTS IN THIS MOTION PICTURE
SERVED UNDER INTERNATIONAL CONVENTIONS

PRODUCED
BY
LOEW'S INCORPORATED

СЦЕНАРИЙ

ЧАРЛЗА БРЕККЕТА
БИЛЛИ УАЙЛДЕРА
УОЛТЕРА РЕЙША

п о с ю ж е т у

Мельхиора Лендзела

ОТ РЕДАКЦИИ: "Ниночку" Эрнст Любич поставил в 1939 году. В Америке, где ее видели все, комедию Любича включили в список десяти лучших фильмов года.

В Советском Союзе, где ее не видел никто, объявили зловным антисоветским пасквилем.

Когда наконец (не в Советском Союзе, а в России) фильм увидели по телевидению, то поняли — не злобный, не антисоветский и не пасквиль.

Американские критики писали, что в незамысловатой комедии Любича уместилась сатира и на секс, и на "светское общество", и на политику. Великая Грета Гарбо объявила — наверно, сгораяча, — что "Ниночка" — единственный фильм, где она работала с настоящим режиссером. Успех был грандиозный; в 1957 году Рубен Мамулян даже снял римейк "Ниночки" — мюзикл "Шелковые чулочки" (без Гарбо; там на первый план вышел исполнитель мужской роли Фред Астер).

Первая "Ниночка" своим успехом обязана не только режиссеру и актрисе: сценарий для Любича писали три лучших голливудских сценариста. Они посмеиваются — иногда добродушно, иногда язвительно — над всеми своими героями.

Возможно, сегодня кому-то покажется неприличной насмешка не над советскими за границей, а над обнищавшими белоэмигрантами: граф-официант, великая княгиня, торгующая мемуарами о своих любовных похождениях.

Но создатели фильма ухитрились заразить нас своей симпатией ко всем — даже к трем прохиндеям Бульянову, Иранову и Копальскому. Странные фамилии? Еще более странное имя дали авторы великой княгине — Свана. И тем как бы подсказали зрителю: это же не жизнь, это сказка, голливудская сказка...

"Сказка ложь, да в ней намек".

Кстати: одного из советских перебежчиков, Копальского, играет Александр Гранат — немецкий актер, еврей, сбежавший от Гитлера к нам. В 1936 году он сыграл цыганского вожака в советском фильме "Цыганский табор", а потом, осмотревшись, уехал на Запад.

ДЕЙСТВИЕ ФИЛЬМА ПРОИСХОДИТ В ТЕ ДИВНЫЕ ВРЕМЕНА, КОГДА СЛОВО "СИРЕНА" ОЗНАЧАЛО СМУГЛУЮ КРАСОТКУ, А НЕ СИГНАЛ ВОЗДУШНОЙ ТРЕВОГИ... КОГДА ПАРИЖАНИН ГАСИЛ СВЕТ НЕ ПОТОМУ, ЧТО БОЯЛСЯ БОМБЕЖКИ!

Из затемнения – легко узнаваемый городской пейзаж: Париж в апреле.

В роскошный вестибюль отеля "Клярнс" с улицы ведет вращающаяся дверь. Входит некто, явно неместный. Это товарищ Бульянов, член Русской Торговой палаты. В этот теплый парижский день он одет вполне по-русски: пальто с меховым воротником, меховая шапка, зимние башмаки.

Пораженный великолепием вестибюля, он озирается по сторонам. К нему подходит портье, не меньше визитера удивленный его странным нарядом.

Портье (вежливо). Чем могу служить, мсье?

Бульянов. Ничем, ничем.

Поспешно ретируется через дверь-турникет. Портье возвращается за стойку, и в этот момент с улицы входит еще один русский. Он в таком же одеянии и так же озирается по сторонам. Это товарищ Иранов.

Заинтригованный портье направляется к нему.

Портье. Слушаю вас, мсье.

Иранов. Я только посмотреть.

Ретируется. Портье снова возвращается на место, но тут вращающаяся дверь доставляет третьего посетителя, одетого точно так же, как те двое. Это Копальский. Не задерживаясь, он оглядывает вестибюль, и дверь выносит его на улицу.

У тротуара стоит такси. Бульянов с Ирановым ждут возле машины. У ног – большой чемодан. Подходит Копальский.

Копальский. Товарищи, к чему кривить душой? Отель просто замечательный.

Иранов. Если по-честному, есть у нас в России что-нибудь подобное?

Все трое. Нет! Нет! Нет!

Иранов. А представляете, какие в этой гостинице постели?

Копальский. Мне рассказывали: стоит только позвонить, и входит коридорный. Позвонишь два раза – приходит официант. А знаете, что бывает, если позвонить три раза? Горничная приходит! Француженка!

Иранов (глазки заблестели). Товарищи, а если мы позвоним девять раз... Пошли!

В вестибюль "Кляранса" входят трое русских. Двое из них несут единственный чемодан. Идут к стойке.

Копальский. Вы портье?

Портье (смотрит на них с подозрением). Да.

Копальский. Разрешите представить вам товарища Иранова, члена Русской Торговой палаты.

Портье сдержанно кланяется.

Иранов. А это товарищ Копальский.

Бульянов. А я товарищ Бульянов. Можно принтересоваться, сколько стоят у вас номера?

Портье (ему хочется поскорее избавиться от них). Боюсь, господа, цены у нас довольно высокие.

Бульянов. Боятесь? А вам-то чего бояться?

Остальные двое одобрительно кивают.

Портье (глядя на их чемодан). К вашим услугам. Другой багаж у вас есть?

Иранов. Да, да. А у вас найдется сейф, чтобы поставить этот чемодан?

Портье. Боюсь, что в камере хранения таких больших сейфов нет.

Иранов. Это еще лучше.

Портье. Но я боюсь, господа...

Бульянов. Всегда он чего-то боится!

Иранов и Копальский кивают.

Портье (начинает злиться). Я просто хотел объяснить. Номер-то прекрасный – но подойдет ли он вам по идейным соображениям?.. Это ведь Королевский Люкс.

Бульянов. Королевский Люкс?! Одну секунду.

Все трое русских отходят в сторонку. Совещаются, чуть ли не соприкасаясь лбами.

Бульянов (вполголоса). Товарищи, я предупреждаю! Если в Москве узнают, что мы жили в Королевском Люксе, нас по голвке не поглядят!

Иранов (уж очень хочется пожить красиво). А мы скажем, что взяли люкс только из-за сейфа. Вполне уважительная причина! Скажем, что другого сейфа не было.

Компаньоны рады согласиться.

Бульянов и Копальский. Разумно! Очень разумно!

И вдруг Бульяновым вновь овладевает сомнение.

Бульянов. А кто нам мешал разделить всё на три или четыре части и оставить в камере хранения? А самим взять комнату поменьше. Что, плохая идея?

Похоже, что мечтам о красивой жизни не суждено сбыться. Положение спасает Иранов.

Иранов. Идея неплохая, но кто узнает, что она пришла нам в голову?

Бульянов и Копальский (повеселев). Правильно! Верно!

Бульянов поворачивается к портье.

Бульянов. Мы берем Королевский Люкс.

Портье ведет их к лифту. Чемодан русские тащат вдвоем.

Королевский Люкс. Русские открывают дверцу большого сейфа и запихивают туда свой чемодан. Затем Копальский идет к телефону.

В центре комнаты официант накрывает стол: время завтракать. Это русский эмигрант, бывший граф Раконин.

Копальский (в трубку). Соедините меня с Мерсье... Да, с ювелиром.

Раконин насторожил уши.

Копальский. Мне нужен лично господин Мерсье... Господин Мерсье? Здравствуйте. С вами говорит Копальский из Русской Торговой палаты. Да, прибыли сегодня утром... Спасибо.

Накрывая стол, Раконин с большим интересом прислушивается к разговору.

Копальский. Да, все здесь. И кольцо тоже. Все четырнадцать украшений... Как?.. Нет, господин Мерсье. Драгоценности великой княжны Сваны состоят из четырнадцати предметов. Можете свериться... Полномочия? Ну конечно же, имеем. И доверенность при нас.

Голос Копальского еще продолжает звучать, а Раконин уже сбегает по лестнице, на ходу застегивая пальто.

Он выбегает на улицу и ловит такси.

Раконин (таксисту). Рю де Шалон, дом восемь.

Дом номер восемь – многоквартирный парижский дом. В подъезд входит типичный парижский плейбой, граф Леон д'Альгу.

Дверь в квартиру великой княгини Сваны открывает горничная.

Горничная. С добрым утром, граф!

Леон (он здесь, как дома). Доброе утро!

Горничная. Ее высочество еще не одета.

Леон. Не страшно.

Он проходит в спальню. Свана в negligee сидит за туалетным столиком.

Свана. Привет, Леон.

Леон (небрежно, на правах старого друга, целует ее). Доброе утро, Свана!

Свана. Доброе? Ужасное утро, просто ужасное! Никак не приду в себя. Буквально разваливаюсь на куски... И еще этот яркий свет! Как бы его притушить? Придумай что-нибудь, Леон. Мне так надоело мое лицо! Хорошо бы иметь чужое лицо. Чье бы ты выбрал, если б можно было выбирать?... А, ладно. Наверно, у человека такое лицо, какого он заслуживает.

Во время этой длинной речи Леон уселся, закурил и стал просматривать газету, не очень вслушиваясь в болтовню Сваны.

Леон. С тобой интересно разговаривать, Свана. Задаешь кучу вопросов и ни на один не ждешь ответа.

Свана. Так это же хорошо, разве нет?.. Ты вчера не пришел. Почему?

Леон. Дорогуша, я улаживал твои дела.

Свана. И какие успехи?

Леон (с воодушевлением). Забудь про рулетку, про бега, про биржу! Нам теперь не о чем беспокоиться. Помнишь те платиновые часики с алмазными цифрами? Скоро ты их сможешь подарить мне.

Свана (с юмором). О, Леон, как это любезно с твоей стороны!

Целует его.

Леон. Тебе стоит сказать только слово – и мы богатые люди. Я вчера обедал с Гизо.

Свана (презрительно). С этим газетчиком?

Леон. Ты не поверишь, сколько порядочных людей обедает с Гизо.

Свана. Это только доказывает, как все боятся прессы.

Леон. Послушай, Свана. Я подал мсье Гизо идею – опубликовать в "Воскресной газете" твои мемуары "Жизнь и любовные похождения великой княгини Сваны"

Свана (протестующе). О, Леон...

Леон. Радость моя, если ты позволишь поворошить твоё прошлое, нам не придется думать о будущем.

Свана. Для того ли я отказывалась рекламировать зубную пасту доктора Бертрана?! Да я могла бы заработать кучу денег, если б только согласилась сказать, что пылесос Венсана – единственный пылесос, которым пользовались Романовы! А ты хочешь размазать мои секреты по страницам бульварной газеточки!

Леон. Я тебя понимаю, но всему есть предел. В том числе гордыне и чувству собственного достоинства... Они согласны на любую сумму! У них тираж два миллиона!

Свана. Вот и вообрази: два миллиона клерков и продавщиц за одно су получают право совать нос в мою личную жизнь. Представить только: в мою красивую биографию заворачивают сыр и сосиски! Я уже вижу большое жирное пятно посреди интимной сцены.

Леон знает, на какой струне нужно сейчас сыграть.

Леон. Меньше всего я хочу уговаривать тебя. Но только не действуй вслепую... Если это твоё окончательное решение – подумай о последствиях. (С видом человека, готового шагнуть в пропасть.) Мне придется устраиваться на работу.

Это подействовало. Свана встала, подошла к Леону.

Свана. Мой маленький бурлак... Перестань пугать меня, я этого не заслужила.

(Обнимает его.) Ведь ты мой маленький бурлак?

Леон. Ну Свана же...

Свана. Нет, сначала скажи: ты мой маленький бурлак?

Леон (только чтоб отвязалась). Да, да, я твой маленький бурлак.

Свана (возвращается к туалетному столику). Гм... Два миллиона читателей... Я точно знаю, чего они хотят. Глава первая: "Детство в золотой клетке. Прелестная маленькая принцесса играет с бородой Распутина".

Леон (снова воодушевляясь). Или вот... Я придумал. Гизо считает, что это первый класс. (Подсаживается к ней.) "Кавьяр и кровь. Свана спасается бегством по льду".

Свана. Туда еще бы пару гончих, и "Хижина дяди Тома" готова.

Леон (в голову ему пришла новая идея). А еще было бы здорово... Скажи, к тебе не приставал какой-нибудь большевик? Ни разу?

Свана (напрягая память). Большевик... Нет, эти не приставали.

Леон. Жалко. Тысяч десять мы на этом потеряли.

Стук в дверь.

Свана. Войдите.

Входит горничная.

Горничная. Граф Раконин нижайше просит ваше высочество выслушать его.

Леон. Граф Раконин?

Свана. Официант из "Кляранса". Ты его, бедняжку, знаешь.

Леон. А, да.

Свана (горничной). Скажите, что я смогу принять его не раньше, чем через полчаса.

Горничная. Граф просил – как можно скорее. В отеле обед, он отлучился между первым и вторым.

Горничная выходит. Свана тоже направляется в гостиную. Это прелестная

комната; каким-то чудом здесь удалось воссоздать атмосферу старой России.

Свана (дверь за собой она не закрыла). Здравствуйте, друг мой.

Раконин приветствует ее со всем почтением, какое он оказал бы великой княгине при императорском дворе.

Раконин. Ваше высочество! Извините за вторжение, но...

Свана. Что стряслось? Вас уволили?

Раконин. Нет... Ваше высочество! Очень важное дело. Это касается ваших бриллиантов.

Свана. Моих бриллиантов?

Раконин. Я вспоминаю день рождения его величества, возлюбленного нашего государя. Мне выпала честь стоять на карауле возле Летнего дворца. Как сейчас вижу: вы склонились в поклоне перед его величеством, на вас – диадема и колье. И лицо ваше как бы освещено сиянием бриллиантов.

Свана (в недоумении). Почему вы вдруг вспомнили об этом? Столько лет прошло!

Раконин. Они здесь! Ваши бриллианты здесь, в Париже!

Свана. Алексис! Вы в своем уме?

Раконин. Сегодня утром прибыли три советских агента. Я подслушал их разговор с Мерсье, ювелиром. Ваше высочество, они собираются продать их!

В дверях спальни показывается Леон.

Леон. Я не ослышался? Что-то говорилось про бриллианты?

Свана. Раконин, дай Бог ему здоровья, принес потрясающую новость. (Идет к телефону. В трубку.) Бальзак двадцать семь шесть-девять. (Леону.) Звоню моему юристу.

Леон, чрезвычайно заинтересованный, подходит ближе.

Раконин. Прошу прощения, я должен бежать.

Свана. Я вам так признательна, друг мой! Буду держать вас в курсе.

Граф Раконин покидает комнату.

Свана (в трубку). Говорит великая княгиня Свана. Мне нужен мсье Корний-он... Очень важное дело, поторопите его, пожалуйста... Мсье Корнийон? Случилось невероятное. Мои бриллианты в Париже!.. Три большевистские свиньи приехали торговать ими... Да. Да... Действовать нужно немедленно! Позвоните в полицию, пусть их арестуют... Ну, тогда наложите запрет на эту сделку. Надо что-то сделать! (Выслушав возражения.) Но это же мои бриллианты! Мои! Каким угодно способом, но мы должны вернуть их!

Леон (нервно не меньше Сваны). Что он говорит?

Свана. Ш-ш-ш! (В трубку.) Как это под вопросом? Чей вы юрист – мой или их?.. Хорошо, я сообщу вам.

Кладет трубку. Разбираться в юридических тонкостях ей не под силу.

Леон. Что он сказал? Что он сказал?

Свана (обескураженно). Похоже, что надежды мало. Говорит – есть шанс, но не более. Ведь французское правительство признало Советскую Россию. Он сомневается, что ради меня французы пойдут на вооруженный конфликт. Судебный процесс он попытается выиграть, но для этого нужны деньги, деньги, деньги... Эти юристы только о деньгах и думают!

Леон (обнимает ее). Дорогуша, не волнуйся. Зачем тебе юристы? У тебя же есть твой маленький бурлак.

Свана смотрит на него с воскресшей надеждой.

Наплывом: бриллианты, разложенные на столе в Королевском Люксе.

Ювелир Мерсье с лупой в глазу придирчиво изучает их. Полукругом расположились трое русских. Мерсье – эlegant-

ный и весьма любезный господин, но па-лец в рот ему не клади.

Мерсье (подняв голову). Очень хороши. Великолепны – глупо было бы отрицать. Но ваша цена нереальна. То, что я предложил – это абсолютный максимум!

Копальский. Но, господин Мерсье...

Мерсье (не слушая). Господа, я открыто вам маленький секрет. Я иду на эту сделку только из соображений престижа и на-верняка останусь в убытке.

Иранов отводит Бульянова в сторону, наклоняется к его уху.

Иранов (шепотом). Капиталистические штуки! Они всегда в убытке, а гребут миллионы.

Звонит телефон.

Бульянов (берет трубку). Алло... Да, Бульянов, Иранов и Копальский здесь... Кто? Граф д'Альгу?.. Нет, нет, это какая-то ошибка... Мы очень заняты.

Мерсье. Уверю вас, никто не предложит вам больше, чем моя фирма. Во всяком случае, в нынешней экономической ситуации.

Копальский. Мы можем подождать.

Иранов (напыжившись). Похожи мы на людей, которым деньги нужны до зарезу?

Мерсье. Похожи. Господа, карты на стол. Как раз в эти дни русские представители в Нью-Йорке пытаются продать пятнадцать полотен Рембрандта. А торговая миссия в Лондоне заложила бакинские нефтяные промыслы. Деньги вам нужны, нужны срочно! Но я не хочу пользоваться вашим безвыходным положением, я предлагаю вам хорошую цену.

Копальский. Минуточку.

Трое русских отходят в сторонку.

Иранов (понижив голос). За горло берет!

Бульянов. Что поделаешь, придется согласиться.

Копальский. Товарищи! Товарищи! Нельзя сразу сдаваться. Должны же мы поддержать престиж России!

Бульянов. Ладно, минут десять поупираемся.

Стук в дверь. Иранов поворачивает ключ, слегка приоткрывает дверь, и в щель просовывается голова Леона.

Иранов. Мы же просили не беспокоить!..

Леон. Я граф д'Альгу, я звонил вам.

Иранов. Зайдите позднее.

Леон. Я только скажу пару слов господину Мерсье.

Иранов. Сейчас нельзя.

Леон протискивается в комнату и направляется к Мерсье.

Русские загораживают от него бриллианты и, пока идет разговор, прячут их обратно в сейф.

Леон. Господин Мерсье, разрешите представиться. Граф Леон д'Альгу. По-моему, я имел удовольствие видеть вас в вашем великолепном магазине. Я любовался платиновыми часами с алмазными цифрами.

Мерсье. А, да, да.

Леон (взглянув на бриллианты). Хороши, а?

Копальский. Но мерсье, по какому праву вы...

Леон (с чарующей улыбкой). Одну секунду. (Ювелиру.) Надеюсь, вы еще не заключили сделку? Это могло бы повести к серьезным осложнениям.

Все трое русских. В чем дело?! Кто вы такой!.. Что вам нужно?!

Леон. Эти бриллианты – собственность великой княгини Сваны. Их незаконно присвоило советское правительство... Я действую от лица ее высочества великой княгини. Вот мои полномочия.

Протягивает документ ювелиру; тот внимательно читает.

Иранов. Господин Мерсье, это абсурд!

Копальский. Возможно, эти камни и принадлежали великой княгине, но, как частная собственность, они конфискованы государством.

Леон. Пусть вопрос об их принадлежности решит французский суд. А пока что я подал ходатайство о наложении запрета на продажу или вывоз этих драгоценностей... Вот копия.

Русские рассматривают копию; они в смятении.

Леон поворачивается к ювелиру.

Леон. Я счёл своим долгом предупредить вас. Не хотелось бы подвергать вас неприятностям.

Мерсье. Благодарю вас. (Поворачивается к русским.) Господа, это привносит новый элемент в наши переговоры. Пока всё не будет улажено законным порядком...

Копальский. Можете позвонить нашему послу!

Иранов. Даю честное слово. Бриллианты были конфискованы законнейшим образом.

Мерсье. Я прошу понять меня правильно. Я не отказываюсь от своего предложения. И как только французский суд даст добро, сделка состоится. А пока – до свиданья.

Откланявшись, он направляется к двери. Леон провожает его и даже открывает дверь, как хозяин.

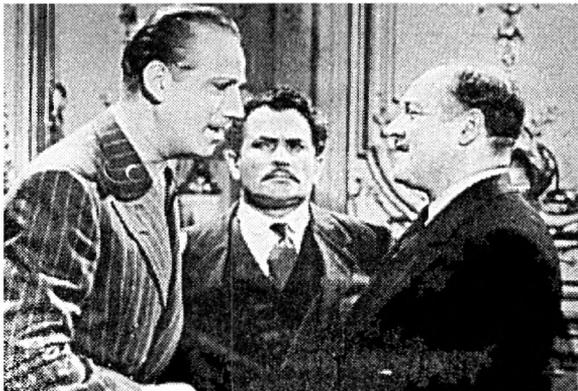
Леон (доверительно). Надеюсь, вы извините меня, господин Мерсье.

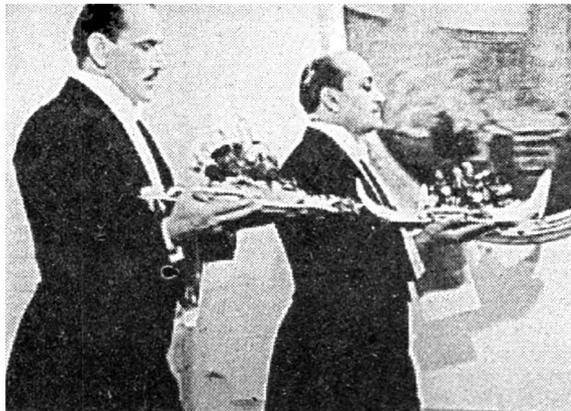
Мерсье (вполголоса). Напротив, я считаю, мне просто повезло. Будьте здоровы. Откланивается.

Леон. Будьте здоровы, господин Мерсье.

Закрыв за ювелиром дверь, Леон возвращается к русским. Все трое в ярости.

Леон (жизнерадостно). Ну-с, господа...

Как насчёт того, чтобы перекусить?

Иранов. Убирайтесь вон!

Леон. Зачем так сурово, господа? Не всё ещё потеряно. У вас есть шанс.

Копальский (взрывается). У нас? У нас есть шанс?

Леон. Да. Маленький, но есть. Не буду отрицать: в суде вы можете кое-чего добиться.

Копальский. С вами мы обсуждать это-го не будем. Мы поговорим с юристом.

Леон. Валяйте. Поговорите с юристом, а я поговорю с судьёй.

Иранов. Это вам не поможет. Нас не запугаешь!

Копальский. За нами вся мощь советского государства.

Бульянов. Думаете, если вы представляете интересы бывшей княгини...

Леон. Великой княгини.

Бульянов. Бывшей великой княгини.

Леон. Как ни назови – это очаровательная, красивая, элегантнейшая женщина. Предупреждаю вас: если дело дойдёт до суда, это ведь будет французский суд. И когда великая княгиня появится перед судьями...

Иранов. Ладно, допустим. Вот она перед судьями. И что она может им сказать?

Леон. Но какое впечатление она на них произведёт! Последняя мода очень ей к лицу. Господа, судьи будут французы, присяжные – французы и вся публика – французы. Вы когда-нибудь были на заседании французского суда? Видели, что бывает, когда красивая женщина садится в кресло и слегка приподнимает юбку?.. Ну, сядете вы, подернете свои брюки – и что это вам даст?

Иранов. Вы, кажется, воображаете, что мы отдадим вам бриллианты?

Леон. О, нет, нет. Я не разбойник с

большой дороги. Я просто человек, который причиняет неприятности. И постарается, чтобы их у вас было как можно больше.

Бульянов. Не подумайте, что мы собираемся пойти на уступки. Но всё-таки интересно, что вы такое затеяли?

Леон. А как насчёт моего предложения, господа?

Копальский. Какого предложения?

Леон. Слегка перекусить. (Берёт телефонную трубку.) Ресторан?

Коридор отеля “Кляранс”. Два официанта подкатывают к дверям Королевского Люкса столик. На льду – чёрная икра, множество самых изысканных закусок. Сервировочный столик скрывается за дверью. Оттуда доносятся одобрительные возгласы Бульянова, Иранова и Копальского.

Несколько секунд спустя очень хорошенькая разносчица сигарет проходит в номер. Возгласы одобрения – ещё громче. Затем в номер проходят два официанта. Один несёт шампанское, другой – поднос с бокалами. Навстречу им выскакивает очень возбуждённая разносчица сигарет и мчится по коридору, а потом – вниз по лестнице.

Снуют взад и вперёд официанты. Одни выходят из Люкса, другие вносят туда всяческие деликатесы. Запыхавшаяся разносчица сигарет взбегаёт вверх по лестнице, за ней торопятся ещё две девушки. Все трое врываются в Королевский Люкс, оттуда доносятся восторженные вопли. Затемнение.

Уже зажглось электричество. В Люксе играет на национальных инструментах вен-

герский квинтет. Звенят цимбалы. Трое русских, сильно навеселе, танцуют с девушками. Один из них нацепил на себя лоток с сигаретами. Безобидная, но шумная вечеринка. В стороне от общего веселья, не обращая на шум внимания, сидит за письменным столом Иранов. Перед ним — телеграфный бланк.

Леон. Эй, Саша, Серж, Миша!

В прекраснейшем расположении духа все трое подходят к нему.

Копальский. Да, Леон?

Иранов (облапив Леона). В чём дело, парень?

Леон. Я насчёт телеграммы в Москву. К чему вам эти хлопоты? Я сам сочиню её.

Бульянов. Леон! Леонечка! (Обнимает его.) Почему ты такой добрый?

Он целует Леона. То же делает и Иранов.

Иранов. Леон, мальчик мой...

Копальский (присоединяется к ним). Ах, Леон, какой ты хороший.

Леон (пытаясь высвободиться из их объятий). Как фамилия этого комиссара в Торговой палате?

Иранов. Разинин.

Леон (пишет). "Москва, Торговая палата, товарищу Разинину"

Копальский. Тебе бы он не понравился.

Бульянов. Он плохой, ссылает людей в Сибирь.

Иранов. Мы Разинина не любим.

Бульянов (опять лезет обниматься). А тебя любим, Леон. Ведь правда, мы любим Леона?

Иранов и Копальский. Любим! Любим нашего Леонечку!

Новая порция русских нежностей. Леон высвобождается и встаёт.

Леон. Как вам такой текст? (Читает.)

"Москва, Торговая палата, комиссару Разинину. Возникли неожиданные осложнения. Великая княгиня Свана в Париже и предъявила права на драгоценности. Уже наложен запрет на продажу и вывоз. Тщательно изучив ситуацию, пришли к выводу, что в интересах любимого отечества наилучшим выходом будет согласиться на пятьдесят процентов. Иранов, Бульянов и Копальский".

Копальский. Леон, если мы это отправим, нас самих отправят в Сибирь.

Иранов. А если мы попадём в Сибирь...

Леон (с телеграммой в руке). Я пришлю вам по меховой муфте.

Бульянов. Какой ты добрый!

Иранов и Копальский. Ты очень, очень хороший!

Все трое снова набрасываются на Леона с объятьями и поцелуями. В этот момент Раконин вносит ещё несколько бутылок шампанского. Оставив Леона, русские кидаются обнимать и целовать Раконина.

Все трое. Товарищ официант, официантушка ты наш! Почему ты такой хороший?

Дав Раконину время разлить по бокалам шампанское, Леон отводит его в сторону.

Леон. Эту телеграмму сразу отнесите на почту.

Раконин. Хорошо, мсье.

Он выходит из номера. Бежит по коридору, на бегу читая телеграмму.

Напльвом — телеграфные провода над русским пейзажем.

Напльвом — телеграфные провода над московскими крышами.

Под одной из крыш — государственное учреждение. У окна стоит Разинин с теле-

граммой в руке. Типичный большевик, солдафон. То, что он прочитал, привело его в ярость. Смяв в кулаке телеграмму, он уставился в пространство. Выражение его лица не сулит Бульянову, Иранову и Копальскому ничего хорошего. Затемнение.

Из затемнения. Коридор в отеле "Клярнс". Открывается дверь лифта, и оттуда выходят трое русских. Теперь они одеты с шиком и похожи на завсегдатаев бегов, возвращающихся с ипподрома. У двоих — театральные бинокли.

Русские проходят в Королевский Люкс. Звонит телефон. Трубку берёт Иранов.

Иранов. Да, Леон. (С лёгким раздражением.) Как это, Леон? В таких делах нельзя торопиться. Надо дать Москве время подумать. От нас тут ничего не зависит... Ты не зайдёшь к нам чуть попозже?.. О ревуар.

Идёт в другую комнату. К нему бросается Бульянов.

Бульянов. Миша!

Иранов. Что случилось?

Бульянов. Телеграмма из Москвы. Она целый день лежала здесь.

Подходит Копальский и читает телеграмму: "Переговоры немедленно прервать. В четверг в шесть десять прибывает особоуполномоченный. Ваши полномочия с получением сего аннулируются. Разинин".

Иранов. Четверг — это сегодня.

Бульянов. Уже двадцать минут шестого.

Они бросаются в спальню.

Копальский. Я всегда говорил — кончится Сибирью.

Напльвом: вестибюль отеля "Клярнс". Портье на своём рабочем месте. От лифта к нему бегут Иранов, Бульянов и Копальский. Иранов задерживается возле портье,

остальные ждут у двери, ведущей на улицу.

Иранов (портье). Из Москвы прибывает особоуполномоченный представитель. Он займёт Королевский Люкс, а наши вещи перенесите в самый маленький номер, какой у вас найдётся.

Портье. Будет сделано, месье.

Иранов. Только сразу, немедленно.

От двери его нетерпеливо окликают Бульянов и Копальский.

Бульянов и Копальский. Иранов!

Иранов. Иду, иду.

Он устремляется к выходу.

Напльвом: парижский вокзал. Поезд только что прибыл. Трое русских бегут по перрону. Они не знают ни фамилии особоуполномоченного, ни как он выглядит. Пытаясь угадать, вглядываются в лица пассажиров, идущих навстречу.

Иранов. Хорошее дело! Возможно, мы его уже пропустили.

Копальский. А как найти человека, если не знаешь его в лицо?

Иранов указывает на бородача с рюкзаком.

Иранов. Это, наверное, он.

Бульянов. Да, этот похож на советского товарища.

Они пристраиваются к бородачу, но, прежде чем успевают заговорить, к нему подбегает девушка-немка. Здравуются, подняв руки в нацистском приветствии.

Бородач и девушка. Хайль Гитлер!

Они обнимаются. Русские застывают на месте.

Копальский. Нет, это не он.

Бульянов. Безусловно, не он.

Перрон почти опустел. Русские беспомощно озираются по сторонам. И замечают женщину, которая тоже оглядывается, явно ища кого-то. Это Ниночка Якушова — особоуполномоченный Торговой палаты.

Встревоженно переглянувшись, все

трое направляются к ней. Ниночка двинулась навстречу.

Ниночка. Я ищу Михаила Симоновича Иранова.

Иранов. Михаил Симонович Иранов – это я.

Ниночка. А я – Нина Ивановна Якушова. Особоуполномоченный, направленный к вам по распоряжению комиссара товарища Разинина. Представьте меня своим коллегам.

Обмениваются рукопожатиями. Ниночкина рука не слабее мужских.

Иранов. Это товарищ Бульянов.

Ниночка. Здравствуйте, товарищ.

Иранов. Это товарищ Копальский.

Ниночка. Здравствуйте, товарищ.

Иранов. Какой милый сюрприз. Москва прислала даму!

Копальский. Если бы нас предупредили, мы бы встретили вас с цветами.

Ниночка (сурово). То, что я женщина, ничего не значит. Мы здесь на работе. Все четверо. И не будем терять времени. Идём?

Русские сконфужены. Ниночка наклоняется за своими двумя чемоданами.

Иранов. Носильщик!

Носильщик (подбежав). Разрешите?

Ниночка. Что вам угодно?

Носильщик. Позвольте взять ваши чемоданы, мадам?

Ниночка. Зачем?

Копальский. Это носильщик. Он их поднесёт.

Ниночка (носильщику). Почему? Почему мы должны носить чужие чемоданы?

Носильщик. Так ведь... Это моя работа, мадам.

Ниночка. Это не работа. Это – эксплуатация.

Носильщик. Смотря какие чаевые.

Копальский (пытается взять её вещи). Разрешите мне, товарищ.

Ниночка. Спасибо, не надо.

Берёт оба чемодана и уходит, сопровождаемая тройцей. С каждым словом уполномоченный заставляя их нервничать всё больше.

Бульянов. Что нового в Москве?

Ниночка. Всё хорошо. Последний судебный процесс прошёл очень успешно. Теперь населения станет меньше, но зато останутся только хорошие.

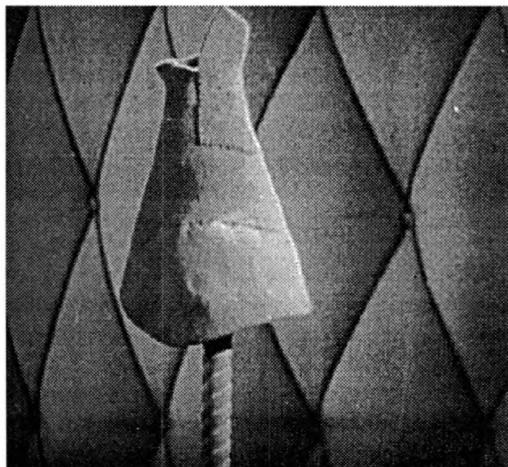
У всех троих душа уходит в пятки.

Наплывом: вестибюль отеля "Кляранс". В сопровождении своих коллег Ниночка проходит через вестибюль. От её внимания не ускользает ни одна мелочь. Внезапно она останавливается. За стеклом рекламного стенда – модная дамская шляпка.

Ниночка. Что это такое?

Копальский. Шляпка, товарищ, дамская шляпка.

Ниночка (покачав головой). Так-так-так... Разве может уцелеть цивилизация, если женщинам разрешают надевать такое на голову? Конца уже недолго ждать, товарищи.

Все четверо идут к лифту.

Наплывом: Королевский Люкс. Входит Ниночка. Трое русских уже напуганы до смерти.

Бульянов. Этот люкс мы оставили для вас, товарищ Якушова. Надеюсь, вам понравится.

Ниночка осматривает роскошную комнату.

Ниночка. Какая часть этой комнаты моя?

Иранов. Видите ли... Здесь не совсем так, как у нас. Они не сдают комнаты по частям. Пришлось снять весь номер.

Ниночка. И сколько же это стоит?

Иранов. Две тысячи франков.

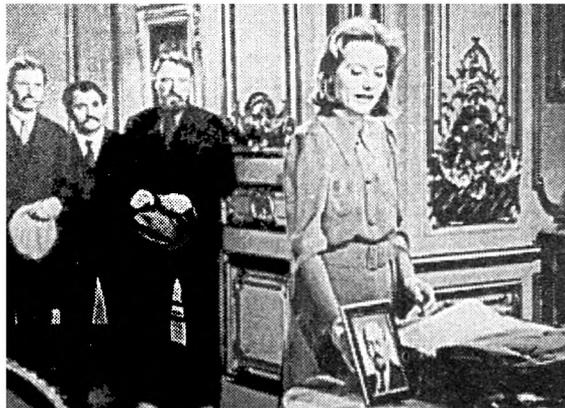
Ниночка. В неделю?

Иранов. В день.

Ниночка. А вы знаете, сколько стоит корова, товарищ Иранов?

Иранов. Корова?

Ниночка. Две тысячи франков. Если я

задержусь здесь на неделю, это обойдётся советскому народу в семь коров. (С жаром.) А кто я такая, чтобы отнимать у народа семь коров?!

Бульянов. Нам пришлось взять этот люкс из-за сейфа. Самим-то нам куда спокойнее на новом месте. У нас маленький номер рядом с комнатами obsługi.

Ниночка достаёт из чемодана портрет Ленина.

Ниночка. Меня смущает, что в такой комнате будет портрет Ленина. (Ставит портрет на письменный стол.) Товарищи, ваша телеграмма вызвала в Москве большое неудовольствие.

Копальский. Всё, что возможно, мы сделали, товарищ.

Ниночка. Надеюсь, что так. Это в ваших же интересах. (Садится за стол, чтобы напечатать на машинке отчёт.) Начнём с судебного дела. Что говорит юрист?

Бульянов. Какой юрист?

Ниночка. Вы не обращались к юристам?

Бульянов. Мы не хотим иметь с ними дело. Они здесь очень дорогие. С юристом только поздороваешься, и считай ещё одна корова — ау.

Копальский. Мы имели дело с представителем этой великой княгини. Уверен, если позвать его, он вам всё сразу объяснит.

Ниночка. Не стану повторять вашу ошибку: ни с княгиней, ни с её представителем я встречаться не желаю.

Продолжает печатать. Трое русских, нервничая, следят за ней. Каждый удар по клавишам — щелчок по их совести.

Ниночка (подняв голову). Товарищ Бульянов.

Бульянов. Что, товарищ?

Ниночка. Как по-французски пишется "Бульянов"? На конце два эф?

Бульянов (испуганно). Можно два.

Ниночка возвращается к своему занятию. Потом поворачивается к Иранову. Тот смущенно поправляет галстук и вдруг замечает, что она разглядывает щегольские гетры, которые он в спешке позабыл снять. Теперь уже поздно предпринимать что-либо — можно только спрятать одну ногу за другую. А стук пишущей машинки всё грозней и грозней. Ниночка протягивает руку к телефону.

Ниночка (в трубку). Пожалуйста, пришлите мне сигарет. (Встаёт.) Товарищи, не мне принимать решение. Но вы виноваты, как минимум, в халатном выполнении своих обязанностей перед государством. (Строго и назидательно.) Вам доверили не просто торговлю драгоценностями. Почему в настоящий момент мы продаём наши сокровища за границу? Урожай будущего года в опасности! И вы об этом знаете. Если у нас не будет твёрдой валюты, чтобы закупить трактора, нашему народу не хватит хлеба. А вы, товарищи...

Копальский. Мы действовали из самых лучших побуждений.

Ниночка. Вашими побуждениями советский народ не накормишь. Уступить пятьдесят процентов этой так называемой великой княгини! Отдать врагу половину от каждой буханки хлеба! Товарищ Копальский, немедленно поезжайте в посольство и привезите адрес лучшего парижского юриста.

Копальский. Будет сделано, товарищ.

Ниночка. А вы, товарищ Иранов, отправляйтесь в Публичную библиотеку и возьмите для меня тот раздел Гражданского кодекса, где идёт речь о собственности.

Бульянов. А я чем могу помочь, товарищ?

Ниночка. Вы можете достать мне подробный план Парижа. Хочу в свободное время познакомиться с общественным транспортом и вообще с достижениями техники.

Бульянов. Хорошо, товарищ.

Звонок в дверь.

Ниночка. Войдите.

Входят три девушки – разносчицы сигарет.

Девушки. Привет! Привет! Кому сигареточек?

Ниночка смотрит на них с удивлением. Заметив её, девушки застывают на месте. Все трое русских молчат, будто в рот воды набрали.

Ниночка (поглядев на троицу). Товарищи, вы, похоже, злоупотребляли курением.

Из затемнения: вестибюль отеля "Кляранс". Вечер. Звонит телефон. Портье снимает трубку.

Портье. Да... Да, мсье Копальский. (Записывает.) Вы ожидаете графа д'Альгу... Так... Так... Но ему ни в коем случае не следует заходить в Королевский Люкс. Пусть идёт в ваш новый номер девятьсот восемьдесят пять... Спасибо, мсье.

И почти сразу в вестибюле появляется Ниночка. О телефонном разговоре она, естественно, ничего не знает. В руке у неё план Парижа.

Портье. Добрый вечер.

Ниночка. Добрый вечер.

Идёт к выходу.

Ниночка на улице. Она разворачивает карту, и мы видим миниатюрное изобра-

жение отеля "Кляранс" и островка безопасности посреди улицы.

На этом островке, не на карте, а в натуре, Ниночка встречается с Леоном: он переходит улицу, направляясь к отелю. Не замечая друг друга, они, разминувшись, продолжают двигаться каждый своим курсом, и вдруг свисток полицейского заставляет обоих вернуться на островок. Пользуясь задержкой, Ниночка снова развернула план Парижа и стала всматриваться в него при свете уличного фонаря. Она озирается, пытается сориентироваться. Леона, который вначале не обращал на неё внимания, её поведение забавляет. Сильный ветер так и норовит вырвать план из Ниночкиных рук.

Леон. Не могу ли я помочь вам?

Ниночка. Можете подержать.

Леон (берётся за край листа). С удовольствием.

Ниночка (стараясь разобраться в географии). Если я ошибаюсь, поправьте меня. Мы стоим лицом к северу, так ведь?

Леон (озадачен). Лицом к северу? Без компаса я не берусь утверждать... Извините, вы географ?

Ниночка. Нет, я ищу Эйфелеву башню.

Леон. Неужели эта штукавина опять пропала? Послушайте, если вас интересуют пейзажи...

Ниночка. Меня интересует Эйфелева башня с технической точки зрения.

Леон. С технической? Тут я вам не помощник. Видите ли, истинный парижанин полезет на Эйфелеву башню только в момент отчаяния, чтобы прыгнуть вниз.

Ниночка. А сколько времени занимает полёт до земли?

Леон. Ах, какая жалость! Когда я прыгал последний раз, забыл засечь время.

(Смотрит на план.) Сейчас разберёмся. Эйфелева башня... Разрешите ваш палец.

Берёт её палец и водит им по плану.

Ниночка (с подозрением). Зачем вам мой палец?

Леон. А показывать направление своим пальцем неприлично. Вот... Вот она, Эйфелева башня.

Ниночка. А мы где?

Леон (указывает её пальцем на отель). Мы здесь. Вы здесь, а я – здесь.

Ниночка. Меня интересует кратчайшее расстояние между этими двумя точками. А вы обязательно должны флиртовать?

Леон. Необязательно, но мне кажется, это так естественно.

Ниночка. Пусть не кажется.

Леон. Постараюсь.

Ниночка начинает складывать план города.

Ниночка. Просто чтоб я поняла: то, как вы себя ведёте, – это что, типично для местных нравов?

Леон. Мадам, именно это сделало Париж Парижем.

Ниночка. Вы очень самоуверенны.

Леон. За последнее время не произошло ничего такого, чтобы я в себе засомневался.

Ниночка. Мне говорили, что в капиталистических странах мужчины очень нахальные. Это потому, что у вас заработки большие.

Леон. Русская?! Обожаю русских! Товарищ! Последние пятнадцать лет я восхищаюсь вашей пятилеткой.

Ниночка. Ваша порода скоро исчезнет с лица земли.

С ледяным лицом отходит от него. Леон смотрит ей вслед с восхищением.

Наплывом: нижний этаж Эйфелевой

башни. Входит Ниночка и отыскивает глазами дежурного.

Ниночка. Будьте добры, какой ширины фундамент, на котором стоят опоры? И какой глубины?

Дежурный. Не беспокойтесь. Это сооружение очень надежное.

Ниночка. Я не боюсь, просто я хочу знать.

Появляется Леон. Он, видимо, приехал на такси и успел подготовиться: в руках у него справочник.

Леон (читает). "Фундамент в ширину имеет сто сорок один ярд".

Приподняв шляпу, он обращается к Ниночке.

Леон. Извините, но я подумал, что...

Ниночка (не даёт договорить). Идёмте. Ниночка и Леон направляются к лестнице.

Леон (продолжает). "Четыре массивные каменные опоры заглублены на сорок шесть футов по одну сторону Сены и на двадцать пять футов – по другую. Опоясывающие переплетения металлических балок имеют наклон пятьдесят четыре градуса".

Ниночка. Странный наклон.

Леон. Да, очень странный.

Начинают подниматься по ступенькам.

Леон (продолжает читать). "К вершине башни ведёт лестница из восьмисот двадцати девяти ступенек".

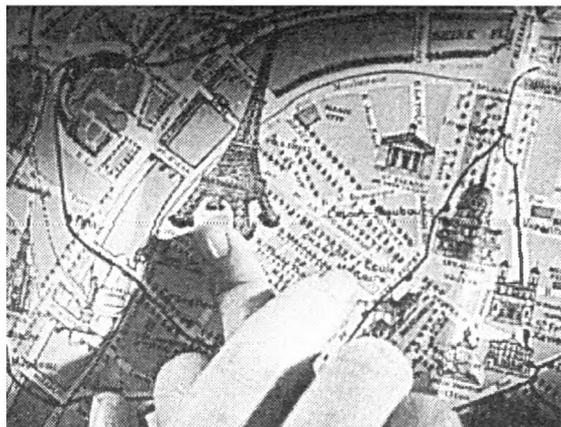
Это открытие пугает Леона: он только сейчас осознал, на какую высоту надо взбираться.

Леон (читает). "Плюс дополнительные двести пятьдесят четыре ступени на самом верху".

Леон останавливается.

Леон. Пользование лифтом входит в стоимость билета.

Ниночка продолжает подниматься по

лестнице, шагая через ступеньку и не обращая на Леона внимания. Леон смотрит ей вслед, потом, приняв решение, сбегает вниз.

Нижний этаж Эйфелевой башни. Лифт с группой туристов уже готов отправиться в путь. Леон успевает вскочить в кабину в самый последний момент. Дверь закрывается, скоростной лифт устремляется вверх.

Самая верхняя смотровая площадка Эйфелевой башни. В поле нашего зрения и дверь лифта и – на заднем плане – красивый парижский пейзаж. От лифта идёт небрежной походкой Леон. На верхней ступеньке лестницы он задерживается, поджидая Ниночку. И вдруг с изумлением обнаруживает, что она уже здесь и любитесь Парижем, опершись на балюстраду. Пешком она добралась сюда быстрее, чем он на лифте. Ошеломлённый Леон подходит к ней.

Ниночка (как ни в чём ни бывало). Вы сообщили мне очень ценные сведения. Спасибо.

Леон (смотрит; изумительный вид с птичьего полёта). А вам спасибо, что привели меня сюда. Я здесь первый раз. Красиво, а?

Ниночка. Красиво.

Леон. Я рад, что увидел это, прежде чем исчезнуть с лица земли.

Ниночка. Не поймите меня превратно. Лично против вас я ничего не имею. (Осмотрев его с ног до головы.) В сущности, может быть, вы не так уж и плохи. Но, к несчастью, вы продукт обречённой на гибель культуры. Мне вас жаль.

Леон. Но признайтесь, что в этой обречённой культуре есть блеск... Есть сияние.

С высоты Эйфелевой башни виден весь Париж с его тысячами огней.

Ниночка. Не спорю, это красиво. Но какая трата электроэнергии!

Леон. Но какой город! Вон Гран Бульвар. Он вырвался из самого сердца старинных улиц... Триумфальная арка. Её построили для встречи Наполеона. И Монмартр... Ах, Монмартр! Опера "Богема"... А теперь я покажу вам самое главное.

Он подходит к подзорной трубе и, порывшись в карманах, опускает в щель монетку.

Леон. Это обойдётся в целый франк – но оно того стоит. (Наводит на резкость.) Самое удивительное, самое неповторимое местечко в Париже. Вон, глядите.

Ниночка смотрит в подзорную трубу.

Леон. Ну? Что вы видите?

Ниночка. Вижу дом... Дом как дом. Чем он замечателен?

Леон. Не само здание, а дух, который царит внутри. Там три комнаты и кухня, созданная для гостеприимства.

Ниночка. Так это ваш дом?

Леон. Точнее сказать, я живу в этом доме. Такое славное местечко! Все удобства, автобус, трамвай, метро – всё близко.

Ниночка. Вы что, хотите, чтобы я пошла к вам?

Леон (боится, что обидел её). Поймите меня правильно...

Ниночка (просто). Ну, так пойдём? (Смотрит на него.) Вы интересный объект для изучения.

Леон. Стараюсь, как могу.

Идут к лифту.

Наплывом: такси. Леон и Ниночка едут по Парижу. Леон уже в полном восторге от своей спутницы и учится правильно произносить её имя.

Леон. Ни-ночка.

Ниночка. Правильно.

Леон (придвигаясь поближе). Ниночка, я вам нравлюсь? Хоть чуточку?

Ниночка. Внешность у вас не отталкивающая.

Леон. Благодарю вас.

Ниночка. Ну-ка, поглядите на меня... Белки глаз здоровые, радужка в хорошем состоянии.

Леон. А у вас радужка просто потрясающая! Скажите, Ниночка, вы так хорошо разбираетесь во всём. А что вы думаете про любовь?

Ниночка. Это не предмет для обсуждения. Термин "любовь" — это романтическое определение самого обычного биологического влечения. Даже лучше сказать — химического процесса. На эту тему сказано и написано много глупостей.

Леон. Понимаю, понимаю. А что у вас практикуется вместо любви?

Ниночка. Я признаю, что существует некий естественный импульс, общий для всех.

Леон. А что мне сделать, чтоб вызвать этот импульс у вас?

Ниночка. Ничего не надо делать. В химическом смысле мы вполне совпадаем.

Леон (сбит с толку, заинтересован). Вы — самое непостижимое из всего, с чем я сталкивался в жизни. Ниночка, Ниночка...

Ниночка. Вы начинаете повторяться.

Напльвом: приходя в квартире Леона. На переднем плане — телефон. Трубка в руках у Гастона, почтенного вида дворецкогого.

Гастон. Нет, граф д'Альгу ещё не приходил... Хорошо, как только вернётся, скажу ему. Да. Я скажу ему, товарищ Бульянов.

Он кладёт трубку, и в этот момент Леон открывает дверь своим ключом. Входит вместе с Ниночкой. На протяжении всей следующей сцены она осматривает квартиру глазами эксперта: ни одна техническая деталь не ускользает от её внимания.

Леон. Добрый вечер, Гастон.

Гастон. Добрый вечер, граф. (Кланяется.) Мадам!..

Ниночка. Это у вас называется дворецкий?

Леон. Да.

Ниночка (жмёт Гастону руку). Добрый

вечер, товарищ. (Леону.) Он ужасно старый. Вы не должны заставлять его работать.

Леон. Его заставишь!

Ниночка. У него такой печальный вид. Вы его порете?

Леон. Нет. Хотя, честно сказать, руки чешутся. Иногда.

Ниночка (ошеломлённому этим разговором Гастону). Настанет и для вас день свободы. Лягте, отдохните, дедушка. Мы хотим побыть одни.

Леон открывает дверь в гостиную, пропуская Ниночку.

Гастон (понижив голос). Граф д'Альгу, было несколько звонков.

Леон. Лягте, лягте, отдохните.

Проходит в гостиную. Ниночка изучает комнату.

Леон. Чего-нибудь выпить? И как насчёт того, чтобы перекусить?

Ниночка. Спасибо, я уже получила всю дневную порцию калорий.

Леон плохо понимает, с какой стороны заходить, имея дело с этим странным созданием.

Ниночка. Чем сейчас займёмся?

Леон. Для начала снимем жакетик. (Помогает ей раздеться.) Потом послушаем музыку. (Включает радио, берёт её за руку.) Потом расслабимся. Посмотрим друг другу в глаза. Улыбнёмся. (Она не реагирует.) Хорошо, не будем улыбаться. Вы уж извините, если я что-нибудь делаю не так. Будьте ко мне снисходительны. Я ведь просто несчастный буржуй.

Ниночка (садится). Никогда не поздно измениться. Я сама из мелкобуржуазной семьи, отец с матерью хотели, чтобы я осталась с ними и помогала. Но сельскому хозяйству я предпочла штык.

Леон (изумлённо). Штык? И вы действительно...

Ниночка. Меня ранило под Варшавой.

Леон. Вас ранило? Каким образом?

Ниночка. Я была сержантом в третьей кавалерийской бригаде. Хотите посмотреть на мои ранения?

Леон (ошарашенно). Я бы с удовольствием.

Она стягивает с плеча блузку и показывает шрамы.

Леон. Ц-ц-ц!..

Ниночка. Польский улан. Мне тогда было шестнадцать.

Леон. Бедняжка... Бедная, бедная Ниночка.

Ниночка (застёгивая блузку). Не надо меня жалеть. Пожалейте лучше польского улана. Я-то живая.

Всё больше изумляясь и восхищаясь Ниночкой, Леон подсаживается к ней.

Леон. Ниночка, хочу вам признаться. Вот уж не думал и не гадал, что буду испытывать такое к сержанту.

Ниночка (помолчав). А сейчас что делать будем?

Бьют часы.

Леон (романтично). Полночь. Половина Парижа занимается любовью с другой половиной.

Ниночка. Когда же они спят?

Леон (со смехом). Никогда.

Ниночка. А как же они могут работать?

Леон. Они об этом не думают.

Ниночка. Вот поэтому ваш франк и падает.

Леон. В такую минуту, как эта, я готов перенести даже падение франка. Признайтесь, Ниночка: это ведь и свело нас вместе. Разве не чудо – вам тоже для хорошего самочувствия нужна роман тиче-

ская атмосфера. Что может быть лучше!

Ниночка. Это всё пустые сентименты.

Леон делает отчаянную попытку привести её в романтическое настроение.

Леон. Вы разбираете по косточкам всё на свете! Вы и меня разбираете по косточкам, но я не позволю. Любовь не такая простая штука... Ниночка, Ниночка! Почему голуби так нежно воркуют? Почему улитки, самые хладнокровные из всех существ, обвиваются вокруг друг дружки? Почему мотыльки летят за сотни миль, чтобы найти себе пару? Почему цветы раскрывают свои лепестки? О, Ниночка, Ниночка, наверное, и вы чувствуете какие-то симптомы божественной страсти. Теплота ладоней... Тяжесть, которой вдруг наливаются руки и ноги. Губы, пересохшие не от жажды, а от чего-то, что в тысячу раз мучительней и нестерпимей жажды!

Умолкает, ожидая реакции на свой монолог.

Ниночка. Вы очень разговорчивы.

Уж этого Леон вынести не может. Он хватается её в объятия и целует.

Леон. Это тоже разговоры?

Ниночка. Нет, это передышка. Ещё.

Леон ещё раз целует её.

Ниночка. Спасибо.

Леон. Ох, моя дикая Ниночка. Моя невозможная, неромантическая... (Телефонный звонок...) ...великолепная, аналитическая...

Ниночка. Телефон звонит.

Леон. И пускай звонит!

Ниночка. А вдруг кто-то из ваших друзей нуждается в помощи? Надо послушать.

Леон идёт в прихожую, к телефону.

Леон. Алло!.. Да... К сожалению, не смог. Я наткнулся на армейского приятеля... Как? Сделка не состоится? Вы с ума сошли, Бульянов!

Услышав эту фамилию, Ниночка насто- рожилась.

Леон (в трубку). Прибыл особоуполно- моченный?.. Как? Это уже лучше. С удо- вольствием увижусь с ней в любое удоб- ное для неё время... Не хочет видаться со мной? Откуда вы знаете? Как? Ну, я сам её разыщу. Как её зовут? (Берёт карандаш и листок бумаги.) Как? Я-ку... А как это пишется? Господи, беда с этими русскими именами. Я-к-у...

Подходит Ниночка. Забирает у Леона

карандаш, пишет фамилию и отходит. Леон не сразу понял, что произошло. Но потом до него доходит.

Леон. Якушова. Ниноч... (Всё стало ясно.) Хорошо, спасибо.

Повесив трубку, он пристально смотрит на Ниночку. А она уже надевает жакет.

Леон (подходит ближе, берёт её за руки). Ниночка, Ниночка!

Ниночка. Я должна идти.

Леон. Ниночка... Или надо говорить: особоуполномоченный Якушова?

Ниночка. Забудем о том, что мы знакомы.

Леон. У меня другое предложение. Забудем, что был этот телефонный звонок. Считайте, я не слышал, что вы Якушова. Вы Ниночка, моя Ниночка.

Ниночка (твёрдо). Моя страна прислала меня воевать с вами.

Леон. Прекрасно – воюйте! Воюйте сколько влезет, начиная с завтрашнего утра. Что может быть лучше секрета, который разделяешь с заклтым врагом?

Ниночка (бескомпромиссным тоном). Как представитель Москвы, я...

Леон. Давайте в эту минуту никого не представлять, кроме себя.

Ниночка. Исключено. Если вы хотите снестись со мной...

Леон. Вы же знаете, что хочу!

Ниночка. Сделайте это через моего юриста.

Леон (в отчаянии). Ниночка, нельзя, чтоб вы ушли. Я от вас с ума схожу... Мне показалось, что и я на вас произвёл впечатление... Вам же понравились белки моих глаз?

Секунду Ниночка смотрит на него в нерешительности, потом берёт себя в руки.

Ниночка. Мне нужно идти.

Направляется к двери.

Леон. Ниночка, я же держал вас в объятьях! Вы поцеловали меня.

Ниночка. Я и польского улана поцеловала, перед тем как он умер.

Уходит.

Из затемнения: прихожая в квартире Леона тремя днями позже. Дворецкий отворяет дверь. Входит Свана. По всему видно, что с этой квартирой она давно и хорошо знакома.

Гастон. С добрым утром, ваше высочество.

Свана. Доброе утро, Гастон.

Гастон. Граф д'Альгу ещё спит.

Свана. Не страшно.

Проходит в спальню. Там горит свет. Леон крепко спит в мягком кресле. Поверх пижамы на нём халат. Свана забеспокоилась.

Свана. Леон, господи, что с тобой?

Леон. А?

Свана. Что-то стряслось? Ты заболел?

Леон. Нет. Просто не спалось. Вставал, ложился, снова вставал. Эти последние три дня – просто ужас!..

Свана. Солнышко, я не хочу, чтобы из-за моих дел ты доводил себя до такого...

Целует его. Не переставая говорить, раздвигает шторы, гасит электричество, распахивает окно.

Свана. Мы с самого начала знали, что шансов у нас мало. Я бы с удовольствием разорила этих большевистских свиней, но не ценой же твоего здоровья. (Ласково.) Ты такой бледный... Но это интересная бледность.

Стук в дверь.

Свана. Войдите.

С завтраком на подносе входит Гастон.

Гастон. Ваш завтрак, мсье.

Леон. Мне не до завтрака.

Свана. Нет, ты должен! Ты просто обязан набраться сил, чтобы воевать с красными и чтобы тебя любили белые.

Забирает у Гастона поднос, ставит на столик, наливает кофе.

Гастон. Приготовить ванну, мсье?

Свана. Да, с хвойным экстрактом. И достаньте светло-серый костюм. (Леону.) Милый, я повезу тебя на прогулку в Буа.

Гастон. И синюю рубашку?

Свана. Синюю? Нет, синий – это цвет грусти. Лучше белую с ярким галстуком – чтобы исправить настроение.

Гастон. Слушаюсь, ваше высочество.

Идёт в ванную комнату.

Свана заставляет Леона принять сидячее положение и сама подсаживается к нему.

Свана. Так... Вот у нас два очень милых яичка всмятку. Намажем маслицем этот красивый ломтик хлеба, посолим, поперчим... солнышко, я тебя не видела целых три дня, семьдесят два часа.

Леон (в раздражении). Свана, ради Бога... Я не знаю, на каком я свете. Ты тут упрекаешь меня, что я три дня не виделся с тобой. А есть другая женщина, мне до зарезу нужно увидеться с ней – и не могу.

Свана. Ты с ней ещё не виделся?

Леон. Нет. А уж как я старался! Сто раз, наверное, звонил ей. Посылал телеграммы... Цветы посылал, приглашения на обед. Предлагал билеты в оперу.

Свана. Эти мне пролетарки! В старые времена мы приказали бы выпороть её.

Леон. Это не помогло бы. Она не из таких. (Забывшись.) Это самое невысочество из всех, кого я знаю.

Свана. Ты же только что сказал, что не виделся с нею.

Леон. Я... это... мельком видел её в вестибюле "Кляранса".

Свана. Представить только, что ковры такого отеля пачкают башмаки этой мужички. Какая она из себя?

Леон. Этого ты даже представить не можешь.

Свана. Даже так? (Леон кивает.) Старая, молодая?

Леон. Без возраста. Когда она входит в комнату, кажется, что большевики уже захватили Париж. Дешёвенькая блузка на

ней выглядит так, словно это последняя модель от Скьяпарелли. Какая женщина! Какая женщина! В каждом глазу у неё – русская пурга.

Свана. И ты всё это заметил с одного взгляда?

Леон (поднимаясь). Дорогая, если человек хочет чего-то добиться, он обязан глядеть в оба.

Свана. Иди, милый, прими хвойную ванну, и пускай Гастон побреет тебя.

Леон идёт в ванную. А в этот момент звонит дверной колокольчик.

Свана. Гастон!

Ответа нет. Тогда она сама идёт открывать.

У порога топчутся трое русских. При виде Сваны они слегка оробели.

Все трое. Здравствуйте.

Свана подозревает, что видит перед собою – впервые в жизни – представитель советской власти.

Свана. Слушаю вас.

Копальский. Мы хотели бы поговорить с графом д'Альгу. Моя фамилия Копальский.

Свана. А! Вы – те трое господ из Москвы?

Копальский. Да.

Свана (ледяным тоном). Придётся подождать.

Перед носом у них захлопнула дверь.

Бульянов (испуганно). Это она.

Копальский. Представляете – нам открывает дверь великая княгиня! Как-то раз в Петербурге я ехал на своей телеге по Невскому, а навстречу – её высочество на тройке. Я не сразу посторонился, так она, когда мы поравнялись, плюнула мне в морду.

Иранов. Брось, Бульянов, никогда ты не был в Петербурге, не было у тебя телеги, и никогда она не плевала тебе в морду. Перестань задаваться.

Открывается дверь. На пороге Леон в купальном халате.

Леон. Привет, ребята.

Все трое. Леон!

Леон. Заходите, заходите.

Они входят в квартиру.

Леон. Что новенького?

Копальский (взволнованно). Леон, Леонечка, она не желает торговаться! Она собирается опротестовать запрет на про-

дажу. Хочет создать судебный прецедент.

Иранов. Говорит: "Паразиты меня не пугают". Княгиню она называет "шантажисткой" и "аристократической пиявкой".

Леон (в нетерпении). А что она про меня говорит?

Иранов (подумав). По-моему, ты войдешь в число паразитов.

Леон разочарован.

Бульянов. Ах, Леонечка, ты бы послушала, что она говорит про нас!

Иранов. И в Москве ей скорей всего поверят.

Бульянов. Как это, скорей всего? Наверняка поверят.

Копальский. Мы тебя не виним, Леон, но когда мы приехали из России, мы верили, что жить надо скромно.

Иранов. Мы избегали роскоши и шика, а теперь... В общем, если ты предложил бы нам по бокальчику шампанского, мы бы не отказались.

Леон так глубоко погружён в невесёлые мысли, что не услышал намёка.

Леон. Ребята, хотел бы вам помочь, но что я могу сделать? Вчера я шесть часов прождал в вестибюле.

Копальский. Она не выходит из номера. Два дня просидела взаперти с юристами и ихними кодексами.

Леон. Ладно. Тогда устройте встречу, чтоб я мог с ней поговорить.

Копальский. У нас не получится, а ты, Леон, такой находчивый...

Свана, уже надевая перчатки, выходит из спальни.

Свана (Леону). Я ухожу. Милый, обедать я буду у Фуке, если сможешь, приходи. И запомни, Леон: мужчина должен два раза подумать, прежде чем брать на себя материнские обязанности.

Гостиная в Королевском Люксе. Стол завален документами и книгами по вопросам права. Ниночка проводит совещание с двумя юристами.

Первый юрист (неуверенно). Помнится, есть какое-то дополнение насчёт запрета на сделки с иностранцами, проживающими во Франции.

Ниночка (отчеканивает). Имеется в виду параграф пятьдесят девять "б" в разделе двадцать пять "ф" Гражданского кодекса.

Поражённые её осведомлённостью юри-

сты переглядываются. Один из них берёт толстый том, чтобы убедиться, а Ниночка продолжает:

– Страница восемьсот двадцать четвёртая.

И снова юристы обмениваются удивлёнными взглядами.

Ниночка. И не пропустите три примечания. А пока вы будете знакомиться с делом, я перекушу. (Поднимает телефонную трубку.). Официанта, пожалуйста.

На другом конце провода, в служебной комнате Раконин.

Раконин (в трубку). Официант слушает... Одну секунду.

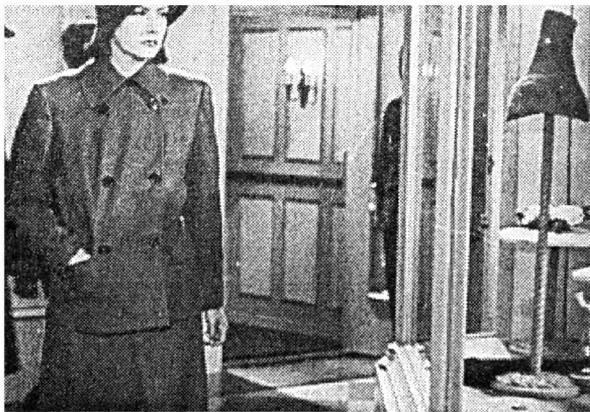
Подзывает жестом Леона, примостившегося в сторонке.

Леон (подражая русскому акценту Раконина. В трубку). Официант слушает.

Ниночка (в трубку). Пришлите в номер сырую морковь и свёклу. Калорий так на шестьдесят-семьдесят... Что? На кухне забастовка? Отлично. Передайте бастующим, что я искренне сочувствую их борьбе. Надеюсь, что они не сдадут позиций. И пусть польют мою морковку каким-нибудь соусом... Как? Не можете обслужить меня? Но послушайте, товарищ, это прекрасно, что капиталисты останутся без обеда, но если вы не покормите меня, это уже удар по народу.

Леон (в трубку). Так. Хотите сделать из меня штрейкбрехера?! Я удивлён, товарищ. Если пролетарии всех стран просят вас сходить пообедать где-нибудь поблизости – это так трудно выполнить? Всё, что я могу вам посоветовать – берите свои серп и молот и выходите из Королевского Люкса!

С торжествующей улыбкой кладёт трубку. Вестибюль отеля "Кляранс". Из лифта

выходит Ниночка и направляется к двери. Проходя мимо стенда-витрины шляпного магазина, она задерживается, чтобы поглядеть на ту же шляпку. И снова печально качает головой.

Ниночка. Ц-ц-ц...
Идёт к выходу.

У входа в отель "Кляранс" стоит такси. Ниночка выходит из отеля, направляется к машине. Водитель с готовностью приоткрывает дверцу.

Таксист. Куда едем, мадам?

Ниночка. Какой ресторан вы посоветуете?

Таксист. Ну, если вы любите рыбное – можно к Грюнье, если хотите поехать в Буа, там есть...

Ниночка (не дав договорить). А вы где питаетесь?

Таксист. У папаши Матье.

Ниночка. Где это?

Таксист. Но это же забегаловка для рабочих!

Ниночка. Где она?

Таксист. В восьми кварталах отсюда. По Рю де Пуаврель.

Распахивает перед ней дверцу машины.

Ниночка. Благодарю вас.

Поворачивается и идёт туда, куда показал таксист. Остолбенев, он глядит ей вслед.

Позади такси припаркован другой автомобиль. Это шикарный "родстер" Леона. За рулём Леон. Он тоже в изумлении смотрит вслед Ниночке. Потом вылезает из авто и идёт за ней.

Напльвом: "У папаши Матье" – рабочая столовка, полуподвал. Туда заходят не-

сколько типичных французских пролетариев. Появляется Ниночка. Оглядевшись, тоже спускается по ступенькам.

В этой симпатичной забегаловке полно обедающих. Играет механическое пианино. Сам папаша Матье, как типичный ресторатор, приветствует гостей у входа.

Папаша Матье. Сюда, мадам. Или, может быть, вы желаете у окна? (Показывает.) Или уютный столик в углу?

Ниночка. Годится. (Усаживается за столик.) Спасибо.

Папаша Матье. Вы, мне кажется, первый раз у нас? Ваше личико мне незнакомо. Так что мы будем кушать?

Ниночка. Сырую морковь и свёклу.

Папаша Матье (оскорблён до глубины души). О, мадам. Это ресторан, а не огород. (Подает ей меню.) Вот чем мы сегодня угощаем. Прошу вас, выбирайте. Я уверен, что-нибудь да соблазнит вас.

Вдруг Ниночка замечает, что в дверях стоит Леон. Он направляется в Ниночкину сторону, делая вид, что не видит её. Присаживается к столику прямо напротив Ниночки и изображает удивление – словно только что заметил её.

Леон. О, привет. Вот уж действительно, мир тесен.

Папаша Матье (Ниночке). Так что, мадам, начнём с супа? Сегодня у нас уха. Я проснулся в пять, чтобы порыбачить на Сене.

Леон (папаше Матье). Мне суп из раков.

Папаша Матье. Слушаю, месье. (Ниночке.) Потом я предложил бы омлет с грибами.

Ниночка. Мне что-нибудь самое простое. Никогда не задумываюсь над тем, что я буду есть.

Папаша Матье (скандализован). Но,

мадам! Если вы не думаете о еде, тогда о чём вы думаете?

Ниночка. О будущем простых людей.

Папаша Матье (рассудительно). Это тоже вопрос питания, мадам. Я принесу вам хороший простой обед а-ля папаша Матье.

Леон, изображая покорность, наклоняется к Ниночке.

Леон. Извините, что я заговариваю с вами, но вы его обидели, знайте. Вы оскорбили его в лучших чувствах. Это всё равно, как сказать музыканту, что вы не любите музыку. Славный старикан верит в еду, как вы верите в Карла Маркса. Нельзя так походя обижать людей, товарищ Якушова. Но, может быть, есть способ загладить вину. (Пересаживается на стул поближе к её столику.) Вы должны обедать с аппетитом, как будто вы в первый раз в жизни едите так вкусно. И пить со вкусом.

Ниночка. Мне не нравится, что вы меня преследуете.

Леон. Я не преследую вас.

Ниночка. А как же вы здесь оказались?

Леон. А я всегда здесь ем.

Ниночка. Это рабочая столовая.

Леон. Так, деточка, среди рабочих я чувствую себя своим. Терпеть не могу эти ваши отели “Клярансы” и тому подобное. А здесь я, как дома. В конце-то концов, кто мы такие? (Он машет рукой обедающему по соседству водителю грузовика.) Э-гей!

Водитель от удивления чуть не подавился куском, но, подмигнув своему компаньону, приветственно помахал в ответ: почему не потрафить пьяному чудаку? Ободрённый первым успехом Леон решает продолжить эксперимент.

Леон. Э-ге-гей!

Ещё один шоферюга весело отвечает на приветствие.

Опьянённый триумфом Леон приветствует всех обедающих.

Леон (машет руками). Э-ге-гей, ребята!

И весь ресторан радостно машет ему в ответ. Работягам нравится этот шикарно одетый пьянчужка.

Леон (хващливо). Они все – мои друзья! Классные ребята!

Подходит папаша Матье. Он ставит перед Леоном и Ниночкой по тарелке супа. Леон пробует тот же фокус на папаше Матье.

Леон. Дружище, как я рад снова повидаться!

Папаша Матье. Всегда рад новому клиенту, месье. Надеюсь, этот первый раз не будет последним.

Отходит. Ниночка с возрастающим подозрением смотрит на Леона.

Леон. Сдаёт старичок, сдаёт. Что-то с памятью.

Ниночка. Какую цель вы преследуете?

Леон. А разве надо всегда преследовать какую-то цель?

Ниночка. Ваша тактика ничего не даст. Я не Бульянов, не Иранов и не Копальский.

Леон. Ох, Ниночка, охота вам говорить о делах! Если вы выиграете судебный процесс – прекрасно! Если мы выиграем – ещё лучше. Вы ко мне несправедливы. (Он пересаживается к ней, оставив суп на своём столике.) Когда мы пришли ко мне домой, мог я хотя бы подозревать, что вы к этим делам имеете отношение?

Ниночка. Теперь вы это знаете, а я знаю, что вы применяете методы, которые в России караются смертью.

Леон. Смертью, смертью. Всегда смерть! А как насчёт жизни, Ниночка? Неужели русские никогда не думают о жизни? О том коротком миге, который нам дано прожить? О том единственном миге, кро-

ме которого у нас нет ничего? Нельзя относиться ко всему так серьёзно. Ниночка, не стоит оно того... Не напрягайтесь, пожалуйста! Я прошу вас, сержант, улыбнитесь.

Ниночка (в изумлении). Что?

Леон. Ну? Улыбнитесь?

Ниночка. Зачем?

Леон. Просто так.

Ниночка. Улыбнуться чему?

Леон. Чему угодно. Разве всё, что мы видим вокруг, не смешно? Все эти надутые людишки, которые принимают всё всерьёз и стараются всем доказать свою значительность?.. А если уж нет другого повода для смеха, посмейтесь над собой и надо мной.

Ниночка. Почему?

Леон. Потому что мы очень странная пара.

Ниночка. В таком случае пересядьте за свой столик.

Леон. Не могу – пока ещё. Не пересяду, пока вы не засмеётесь, хотя бы один разок.

Чтобы избавиться от него, Ниночка издаёт безрадостный звук, мало похожий на смех.

Ниночка. Ха! Ха! Теперь отсаживайтесь.

Леон. Нет, это не смех. Надо хохотать от души. Я сейчас расскажу вам смешной анекдот... Да, вот! Муж и жена, французы, едут в Америку.

Ниночка. На каком пароходе?

Леон (её дотошность сбивает его). На этом... Э... Неважно. И вообще, этот анекдот вам вряд ли понравится.

Ниночка. Скорей всего.

Леон. Вы любите анекдоты про шотландцев?

Ниночка. Ни разу не слышала.

Леон. Есть грандиозный анекдот! Ха-ха-ха!

Обрывает смех, увидев выражение Ниночкиного лица.

Леон. Ну, может быть, этот тоже не очень смешной. Бог с ним... А как вам такой? Двое смотрят на луну, и один спрашивает другого: "А правда, что на луне живёт куча народу?" "Правда, – говорит другой. – Пятьсот миллионов". "Ого, – говорит первый, – им, наверное, очень тесно, когда она превращается в полумесяц!" Ха-ха-ха!

Ниночка не реагирует.

Леон (обиделся). Вам не смешно?

Ниночка. Нет.

Леон. А когда я первый раз его услышал, было смешно. Может, не в анекдоте дело, а дело в вас?

Ниночка. Не думаю.

Леон. Может быть, у вас нет чувства юмора? Ладно, даю вам ещё один шанс. Слушайте.

Он встаёт и начинает угрожающим тоном, причём так громко, что слышно всему залу.

Леон. Когда мне рассказали этот анекдот, я чуть не умер со смеху! Значит, так. Заходит человек в ресторан и говорит: "Официант, мне чашку кофе без сливок". Официант уходит и минут через пять возвращается. "Извините, сэр, но сливки кончились. А кофе без молока вас не устроит?"

Компания работяг дружно хохочет: анекдот понравился. А Ниночка, даже не улыбувшись, продолжает есть свой суп.

Леон (в ярости). Что, не смешно?

Ниночка. Нет.

Леон. Это вам не смешно. А всем остальным смешно! Может быть, вы чего-то не поняли? (Садится, угрожающе.) Попробуем ещё раз. Значит, человек заходит в ресторан. Это понятно?

Ниночка. Да.

Леон. Садится за столик и говорит официанту... Это тоже понятно?

Ниночка. Да.

Леон. Ну да, пока ещё не смешно. Но погодите... Он говорит официанту: "Мне чашечку кофе". Официант уходит и через пять минут возвращается. "Извините, сэр, но кофе кончился". (Сообразив, что сказал что-то не то.) Минуточку-минуточку, я сбился. (Начинает сначала.) Заходит человек в ресторан, садится, подзывает официанта и говорит: "Официант, мне чашечку кофе без сливок". Официант уходит, возвращается и говорит: "Извините, сэр, сливки кончились, а стакан молока вас не устроит?"

Вскакивает и пересаживается за свой столик.

Леон. А, что там! Нет у вас чувства юмора, этим всё и объясняется. Чувства юмора нет! Полное отсутствие!

В возбуждении он облокачивается на хлипкий столик. Столик опрокидывается, а сам Леон, потеряв равновесие, оказывается на полу. И всё, что было на столе, включая тарелку горячего супа, обрушивается на него. Оглушительный взрыв хохота, со смеху покатывается весь ресторан. Какую-то долю секунды Ниночка пытается сдержаться, но это выше её сил, и она заливается смехом.

Леон (негодующе). Не вижу ничего смешного.

Ниночка хохочет вместе со всеми. Леон поднимается с пола, подсаживается к ней, начинает вытираться салфеткой – и тут до него доходит юмор ситуации. Он неудержимо хохочет, а Ниночка вторит ему. Наконец-то лёд тронулся.

Из затемнения: Королевский Люкс. Заседание в самом разгаре. Ниночка, оба её юриста и трое русских. Откинувшись на

спинку стула и глядя в пространство, Ниночка взвешивает каждое слово документа, который зачитывает один из юристов.

Юрист (читает). "В добавление к вышперечисленным соображениям, в пользу отмены запрета на продажу мы можем сослаться на решение, вынесенное высшим судом Парижа по делу "Принцесса Маришка против правительства Черногории" от пятого августа тысяча восемьсот девяносто седьмого года. Сличив обстоятельства того дела с нашими, мы убедились, что договор между республикой Францией и СССР должен играть решающую роль при..."

Неожиданно Ниночка раздражается хохотом. Все удивлённо смотрят на неё. Она встаёт.

Ниночка. Извините, господа. Вчера мне рассказали такой смешной анекдот... (Она снова заливается смехом.) Просто не могу удержаться. Это так смешно... (Слегка смутившись.) Извините. Да. Так что насчёт этого запрета?

Юрист (деловым тоном). Слушание назначено на двадцатое сего месяца.

Ниночка (думая отнюдь не про запрет). Это целых две недели, считая с четверга.

Юрист. Мы всеми силами пытались ускорить.

Ниночка ведёт себя совсем не так, как на предыдущих заседаниях.

Ниночка. Знаю, знаю, господа. Но сроки назначает суд. Мы тут бессильны, ведь правда?

Юрист. Да, к сожалению.

Ниночка. Значит, ничего не поделаешь. И нечего волноваться.

Ещё больше, чем юристы, удивлены трое русских. Они переглядываются: зажгётся огонёк надежды.

Юрист. Мы оставим бумаги здесь, чтобы вы могли ознакомиться. О ревуар, мадам.

Ниночка. О ревуар.

Юристы покидают комнату. Оставшись наедине с русскими, Ниночка не в силах скрыть радость.

Ниночка. Значит, ещё две недели в Париже!

Иранов (с преувеличенной деловитостью). Как жаль, что столько времени придётся потратить даром.

Копальский. Согласно вашему указанию, я связался с руководством электрической компании. Они готовы показать вам заводы в любое удобное для вас время.

Ниночка. А, да, электрическая компания... Спасибо.

Бульянов. И ещё одно предложение. Я уверен, оно вас заинтересует. Можно ознакомиться с парижской канализацией. Говорят, это в высшей степени любопытно.

Ниночка. Да? А что бы вам не подстричься, Бульянов? Товарищи, у вас у всех такой мрачный вид... И почему окна всегда закрыты? (Распахивает окно.) Поразительно, дома у нас ещё лежит снег, лёд, а здесь — посмотрите на птичек! Мне всегда обидно было, что ласточки улетают от нас зимовать в капстраны. Теперь я понимаю — почему. Мы можем гордиться идеалами, а они — климатом... Ну хорошо, товарищи. Не буду вас задерживать.

Копальский. А мы не можем что-нибудь сделать для вас?

Ниночка. Нет-нет, ничего не надо. Не хотите ли прогуляться?

Все трое. Спасибо, товарищ.

Ниночка. А деньги у вас есть?

Русские виновато бормочут что-то. С дружелюбной улыбкой Ниночка идёт к столу, достаёт из сумочки деньги и протяги-

вает пятидесятифранковую купюру Копальскому.

Ниночка. Вот вам пятьдесят франков.

Все трое (преисполненные благодарности). Спасибо, товарищ, спасибо!

Ниночка. Сорок пять принесёте сдачи.

Троица (жестоко разочарованы). Разумеется, товарищ, разумеется.

Все трое уходят. Переждав немного, Ниночка подбегает к двери и запирает её на ключ. Идёт в спальню и запирает вторую дверь, выходящую в коридор. Потом достаёт из сумки ключик, открывает бюро и выдвигает ящик. И в этот момент взгляд её падает на портрет Ленина, привезённый из Москвы: портрет стоит на столе. Ниночка поворачивает Ленина лицом к стене. Потом возвращается к бюро и извлекает из ящика ту самую шляпку, на которую она дважды смотрела с таким неодобрением, проходя в вестибюле отеля мимо витрины шляпного магазина. Затем она подходит к большому зеркалу и примеряет шляпку. Не надела ли она её задом наперёд? Надевает по-другому. Снова смотрит в зеркало и, поражённая, обнаруживает там незнакомку.

Наплывом: столовая к квартире Леона. Вечер. Леон нервно расхаживает из угла в угол. Гастон хлопчет возле столика с напитками.

Леон (глянув на часы). Который час на ваших, Гастон?

Гастон. Восемь сорок две, мсье.

Леон. Похоже, что так. Восемь сорок две.

Гастон. Вы немножко нервничаете, мсье?

Леон. Нервничаю, Гастон.

Гастон. Прошу прощения, мсье, но по-

сле знакомства с этой большевистской дамой вы сильно переменялись.

Леон (снисходительно). Неужели?

Гастон. Именно так. Вчера, например, я очень удивился, когда пришёл с рынка и увидел, что вы сами убрали постель.

Леон. Гастон, это мне исправило настроение на целый день. Я почувствовал, что внёс свою лепту.

Гастон. Прекрасно, мсье. Но если вам захочется повторить, пожалуйста, запомните порядок действий: покрывало, одеяло, простыня и простыня.

Леон. Покрывало, одеяло, простыня и простыня. Да это поэма!

Гастон. Если позволите, я с большим удивлением обнаружил у вас на ночном столике “Капитал” Карла Маркса. Для меня это социалистическое сочинение — хуже пыли, мсье. Я с тревогой наблюдаю влияние этой большевистской дамы.

Леон. Я что-то не пойму, Гастон. Разве не пора вам понять всю несправедливость вашего положения? Вы — мой слуга. А неужели, вам не хочется быть со мной на одной ноге?

Гастон. Нет, мсье.

Леон. И в вас не зреет чувство протеста? Когда я что-то приказываю, разве вам не хочется дать мне коленкой под зад?

Гастон (решительно). Нет, мсье.

Леон. Так вы реакционер? Неужели не ждёте того дня, когда вы скажете твёрдым голосом: “Эй, ты, д’Альфу! С сегодняшнего дня мы будем делить всё поровну!”

Гастон (в ужасе). Ни в коем случае, мсье. Меня эта идея пугает. Поймите меня правильно: я мирюсь с тем, что вы не заплатили мне за два последних месяца, но представить, что я должен буду делить с вами мой банковский счёт... Что вы за-

берёте себе половину моих сбережений... Нет, это уж слишком, мсье.

Звонит дверной колокольчик. Гастон пошёл было открывать, но Леон останавливает его.

Леон. Лягте, отдохните, бабушка, отдохните.

Гастон удаляется, а Леон идёт открывать.

Распахнув дверь, он видит слегка смущённую Ниночку: на ней её новая шляпка и новый наряд, явно подобранный под эту шляпку. Леону требуется время, чтобы оценить её новое шикарное обличье. Он берёт Ниночку за руку, заводит в квартиру и, закрыв дверь, снова любит её. Потом целует ей руку.

Ниночка. Я не слишком глупо выгляжу?

Леон. Глупо? Да если б это платье самостоятельно прогуливалось по бульвару, я бы погнался за ним. Догнал бы на другом конце Парижа и сказал бы: “Постой, прелестное платьице, я хочу познакомить тебя с Ниночкой. Вы созданы друг для друга”.

Ниночка с облегчением переводит дух. Леон ведёт её в гостиную. Она задерживается на пороге, озирается кругом.

Леон. Помните эту комнату?

Ниночка. Я никогда здесь не была. Интересно, про кого вы говорите? А, поняла... Про ту девушку с планом Парижа, которая не знала, куда идти, не знала, где юг и где север. А сегодня... возможно, это шокирует вас. Я села в такси и сказала: “Рю де Буа, дом номер восемь”. И вот я здесь.

Леон. Видите, как легко упростить жизнь.

Ниночка. За двенадцать франков семьдесят пять сантимов.

Леон. Двенадцать семьдесят пять от “Кляранса” до меня?! Этот сукин сын катал вас по всему городу! (Со счастливой улыбкой.) Но привёз куда надо.

Бой часов. Оба поворачиваются. Стрелки показывают девять. Леон пытается обнять её, она слегка отстраняется.

Ниночка (укоризненно). Время – девять часов.

Леон. В этот час половина Парижа говорит другой половине: “Какие у вас планы на вечер, мадам?”

Ниночка (всё больше входя в свой новый образ). Для начала я хотела бы снять шляпку и жакет. (Леон помогает ей раздеться.) А потом, может быть, послушать музыку.

Леон. Отличная идея. Радио или пластинку?

Ниночка. Радио не надо. Поставим музыку только для нас двоих.

Леон заводит патефон.

Леон (очень искренне и прочувствованно). Пусть играет совсем тихо, потому что про то, о чём я хочу сказать, кричать нельзя.

Ниночка уселась в мягкое кресло. Он подходит, садится на подлокотник. Хочет объяснить в любви, но ничего членораздельного произнести не может.

Леон. Дорогая... Мы... Я...

Не получается. И в порыве страсти он хватается её в объятия и целует.

Леон (когда они наконец оторвались друг от друга). Вот видите? Кричать-то об этом нельзя.

Ниночка (взволнованно). Леон, помните анекдоты, которые вы тогда рассказывали? Ночью я проснулась и стала смеяться. Нет, не так... Они же не смешные, они же глупые... И всё равно! Я смеюсь. И ещё. Бульянов, Иранов и Копальский – гляжу на них и понимаю, что про-

хвосты, но как подумаю, почему они такие, что их такими сделало... короче, свой отчёт в Москву я не послала, порвала его, а сама пошла и купила эту дурацкую шляпку. Если так будет и дальше... я не слишком много болтаю?

Леон (сияет). Нет-нет, говорите.

Ниночка. Леон, я хочу вам сказать кое-что... Я думала – такого я никому не скажу. Думала, про это вообще нельзя говорить, потому что такого не бывает. А теперь, Леон... Нет, не могу сказать.

Они снова целуются. Переводят дух и, замерев, глядят друг на друга. Ниночка встаёт и идёт к письменному столу. Там её сумочка. Она достаёт зеркальце и губную помаду. Перед тем как накрасить губы, оборачивается к Леону со счастливым и виноватым лицом. Он с огромной нежностью смотрит на неё. Подходит ближе и, стоя рядом, наблюдает за тем, как она орудует помадой.

Леон. Для сержанта – подвиг.

Подкрасив губы, Ниночка прячет в сумку зеркальце и помаду.

Ниночка (покосившись на стол). Леон, я хочу о чём-то спросить.

Леон. О чём угодно, Ниночка.

Ниночка. Если не захочешь отвечать – не надо. Но если ответишь, ты должен сказать правду.

Леон. Обещаю. Клянусь

Ниночка. Когда я была здесь в прошлый раз, на столе стояла фотография женщины в серебряной рамке. Я ещё подумала, на какую ерунду тратят серебро!.. Только это меня тогда интересовало. А теперь я хочу знать: что случилось с той женщиной.

Леон уже не улыбается. Вместо ответа молча выдвигает ящик стола. Заглянув туда, Ниночка достаёт фотографию. Увидев, кто на снимке, она встаёт.

Ниночка. Великая княгиня!

Леон серьёзно кивает.

Ниночка (разглядывая фото). Она очень привлекательна. Такая элегантная... (Переводит взгляд на Леона.) Таких у вас называют "светская женщина", да?

Леон. Ниночка, я люблю тебя.

Ниночка. С ней, наверное, очень интересно. Она такая шикарная, остроумная.

Леон. Ниночка, ты ревнуешь?

Ниночка печально кивает.

Ниночка (волнуясь). Леон, никогда не проси у меня карточку. Одна только мысль, что меня могут запереть в ящике стола... Я бы не перенесла.

Леон. Счастье моё...

Закрывает её в объятия.

Из затемнения: шикарный ночной клуб. Входит великая княгиня в сопровождении генерала Савицкого и свиты из пяти изысканно одетых светских мужчин и дам. Навстречу Сване спешит старший официант.

Старший официант. Добрый вечер, ваше высочество.

Свана. Вечер добрый, Луи. У вас сегодня очень людно. Найдётся столик поближе к эстраде?

Старший официант. Разумеется, ваше высочество. Сюда, пожалуйста. Граф д'Альгу звонил, просил зарезервировать.

Свана (озадаченно). Граф д'Альгу?

Старший официант. Столик маленький, но можно приставить стулья.

До Сваны, наконец, дошло.

Свана. Не нужно. Это другая компания.

Одна из дам спешит на выручку.

Дама. Может быть, пойдём в другой ресторан? Тут столько народу.

Свана (радуется счастливому случаю). Нет-нет! Это грандиозно! Наконец-то я сво-

ими глазами увижу эту большевичку... Найдётся для нас другой столик?

Старший официант. Боюсь, только в другом конце зала.

Свана. Вот и прекрасно.

Старший официант ведёт компанию через весь зал к другому столу.

Другая дама. Что, Леон будет с той большевичкой, про которую вы рассказывали?

Свана. Это же замечательно!

Один из гостей. Не хотел бы я пропустить такой спектакль!

Свана (возбуждённо, в предвкушении триумфа). Только надо вести себя тихо. Если она будет чавкать, лакать суп прямо из тарелки или выпьет воду из чашечки для мытья рук – чур, никто не смеётся! (Свита заранее хохочет.) Не будем смущать маленького Леона. Он и так ради меня идёт на многое. Зачем усугублять? Добавлять к физическому ущербу ещё и моральный!

Они, наконец, добрались до свободного столика.

Старший официант. Этот устроит вас?

Свана. Благодарю вас, Луи.

Рассаживаются. Старший официант наклоняется к генералу Савицкому, пожилому русскому аристократу, сидящему рядом со Сваной.

Старший официант. Будем обедать, мсье?

Генерал. Возможно, попозже. А пока начнём с шампанского.

Свана (своим гостям). Боюсь, как бы швейцар не испортил всё дело. Только бы он впустил её.

Вся компания смеётся вместе с ней.

Генерал. Ваше высочество!

Свана. Да, генерал Савицкий.

Генерал. Хочу, чтобы вы знали: все белоэмигранты в Париже следят за вашей

тяжкой. Их очень, очень интересует судьба драгоценностей.

Свана (с подозрением). Вот как? Спасибо.

Генерал. Все надеются, что вы получите огромное состояние.

Свана. Генерал, прошу вас: если вы услышите от кого-нибудь, что я склонна к благотворительности – пресекайте эти слухи на корню, ладно?

Она закуривает – и в этот момент замечает входящего в зал Леона.

Гость. Глядите, Леон.

Свана радостно поворачивается ко входу в зал. Смотрят на дверь и её гости.

Гости за столом. А... Да... Где?... Вон там!.. О! Как интересно!

Неожиданно в дверях появляется Ниночка – сияющая, в красивейшем вечернем платье.

При виде Ниночки улыбка на лице Сваны застывает. Остальные глядят на вошедшую в полном смятении. Только одна глупенькая Марианна решается прервать затянувшуюся паузу.

Марианна. Вот это да!

Сосед предостерегающе толкает Марианну локтем. А Свана, испепелив её взглядом, поднимается.

Свана. Потанцуем, генерал Савицкий?

Они с генералом направляются к пяточку для танцев. Сосед Марианны поворачивается к ней.

Сосед. Ты в своём уме?

Другой гость. Как вы могли сказать такое?

Гостья. Свана ведь не дурочка.

Марианна. А что я такого сделала? Я только сказала: "Вот это да!" А что – "да" – не сказала.

Леон и Ниночка тем временем уселись за столик. Официант с бутылкой шампанского ждёт указаний Леона.

Леон. Сухое?

Официант. Да, месье.

Леон (Ниночке). Пойдёт? Или ты любишь сладкое?

Ниночка. Я не разбираюсь. Шампанское я видела только в кинохронике: жена какого-то президента разбивала бутылку о борт крейсера.

Леон. Это хорошая примета – начинать с шампанского. И спуск крейсера, и вечер вдвоём.

Официант наполняет бокалы. Подняв свой, Ниночка разглядывает его.

Ниночка. Забавно. Выросла я на козьем молоке. В армии нам давали водку, а теперь вот – шампанское.

Леон (весело). От коз – к виноградникам. Движемся в правильном направлении.

Ниночка делает первый глоток. Пьёт и Леон, наблюдая за ней. Эффект неожиданный: лицо у Ниночки, как у ребёнка, которому дали невкусное лекарство.

Ниночка. Фу... Хм... О-о!

Она не сразу расчувствовала вкус шампанского, а когда распробовала – расплылась в улыбке.

Ниночка. Здорово!

Залпом выпивает весь бокал. Леон смотрит на неё с весёлым удивлением и тоже пьёт до дна. Официант снова наполняет их бокалы.

Ниночка. Я считала, что шампанское крепкий напиток. Но на вкус оно такое приятное. Кто-нибудь когда-нибудь напился шампанским?

Леон. Отдельные случаи были. А если наутро болит голова – это окупается, только бы тост был правильный. (С энтузиазмом поднимает бокал.) За нас, Ниночка.

Глядя друг другу в глаза, они чокаются и пьют. Затем снова наполняют бокалы – и в это время Свана с генералом Савицким в танце приближаются к их столику. Свана останавливается, изображая крайнее удивление.

Свана. Привет, Леон. Вот это сюрприз! Кого-кого, а тебя не ожидала встретить. Как дела, миленький?

Леон поднимается. Ниночка, напрягшись, наблюдает за ними.

Леон (смущённо). Привет, Свана. Добрый вечер, генерал Савицкий.

Генерал. Вечер добрый.

Свана. Ты роскошно выглядишь, Леон. (Савицкому.) Правда, генерал?

Генерал. Правда.

Леон прекрасно понимает, что Свана нарочно старается смутить его, и всё-таки смущается.

Леон. Спасибо.

Свана. Это твой новый вечерний костюм?

Леон. Да, Свана.

Свана. Ну? Кто говорил, что тебе надо одеваться у Бенсона и Бенсона?

Леон (терпеливо). Ты говорила, ты.

Свана. Не костюм, а мечта. (Генералу.) Он никогда меня не слушается, а я была права. Так ведь?

Леон. Так, Свана.

Свана (решив, что пора знакомиться). Я тебя не отвлекаю?

Леон. Нисколько. Ваше высочество, разрешите представить вам мадам Якушова!

Свана. Здравствуйте.

Ниночка. Здравствуйте.

Леон. А это генерал Савицкий.

Генерал. Здравия желаю.

Ниночка. Здравствуйте.

Свана. У меня потрясающая новость, Леон. Насчёт Шустрика... я сяду, не возражаешь?

Леон (поняв, что не отвязаться). Нет, пожалуйста.

Свана усаживается.

Свана (Савицкому). Генерал, извинитесь, пожалуйста, перед нашими. Я вернусь через пару минут.

Генерал. Слушаюсь.

Поклонившись, отходит.

Свана. Так вот, Леон, мы можем гордиться нашим Шустриком: на собачьей выставке он произвел фурор.

Ниночка слушает с безучастным видом.

Она прекрасно понимает, какую игру ведёт Свана.

Свана. Он получил ещё одну голубую ленту и укусил судью. Ха-ха-ха! В награду я купила ему самый модный свитерок. Ты бы посмотрел на него во время прогулки! Он выглядит, как настоящий бульвардье — только что маленький. (Ниночке.) Понимаете, граф д'Альгу подарил мне Шустрика на день рождения. (Леону.) Ты, наверное, несколько недель искал, пока нашёл такую прелесть, да, Леон?

Леон (теряя терпение). Несколько месяцев, Свана.

Свана (Ниночке). Бедная мадам Якушова! Мы тут говорим загадками, да? Вы, наверное, думаете: "О чём это они?"

Ниночка (сухо). Почему же? Граф д'Альгу подарил вам собаку. Чего ж тут не понять?

Свана. Бог ты мой, я, кажется, теряю класс: меня уже каждый может понять.

Леон (ему очень не по себе). Здесь симпатичная публика, правда?

Свана. Пойду к своим, Леон.

Она встаёт. Вскикивает и Леон, радуясь, что наконец-то избавится от неё.

Свана. Но пока я не ушла, хочу сделать комплимент мадам Якушовой: прекрасное платье. В этом году такие носят в Москве?

Ниночка. Нет, мадам, носили в прошлом году.

Свана снова усаживается. Садится и Леон.

Свана. Поразительно! О новой России у нас ложное представление. (Язвительно.) Там, наверное, чудесная жизнь! Перемены меня радуют. Такие платья, надо думать, фабричные работницы надевают, когда идут на танцы?

Ниночка. Именно так. Видите ли, в старой России носить платья с низким выре-

зом было неудобно – для таких, как я. Казачьи нагайки оставляют на спине след. А вы же знаете, как женщины заботятся о своей внешности.

Свана. Насчёт казаков вы совершенно правы. Непростительная ошибка, что мы позволяли им пускать в ход нагайки. Ведь у них были такие надёжные ружья!

Пока две дамы обменивались уколами, Леону стало совсем невмоготу.

Леон. Могу я попросить об одолжении? Перестаньте обсуждать доброе старое время.

Свана. Очень разумная просьба, Леон. Боюсь, мы с мадам никогда не придём к общему мнению. (Выкладывает козырную карту.) Общее у нас только одно: судебный процесс. Решение вынесут на следующей неделе, так что к четвергу всё будет ясно. Я не ошибаюсь?

Ниночка и Леон понимают реальность угрозы.

Ниночка. Вы правы, мадам. К четвергу всё кончится.

Свана (растравляя рану). Как жаль, что вы так недолго пробудете в Париже. (Поворачивается к Леону.) Пожалуйста, приложи все усилия, чтобы мадам увезла в Москву хоть какие-то приятные воспоминания. (Встаёт. Леон тоже.) Всего хорошего. (Ниночка молча кивает.) Всего хорошего, Леон.

Леон (холодно). Всего хорошего, Свана.

Свана уходит, а Леон садится. И ему, и Ниночке намёк Сваны на то, что им очень скоро придётся расстаться, сильно испортил настроение. Какое-то время они сидят молча. Первой нарушает молчание Ниночка.

Ниночка. Сейчас мне бы не помешал бокал шампанского.

Леон наливает. Выпили. Он берёт Ниночку за руку.

Ниночка (пытаясь стряхнуть уныние). Ну? Расскажи мне какой-нибудь анекдот, пожалуйста.

Леон. Анекдот?

Ниночка. Ты так и не досказал про двух шотландцев.

Леон. Ладно. Идут по улице два шотландца. Один по фамилии Макинтош, другой – Мак Гилликадди. Встречаются на углу. Умолкает.

Ниночка. Продолжай.

Леон. Нет, милая. Я расскажу тебе другую историю, получше. (Волнуясь.) В четверг кончится только одно – судебный процесс. А для нас с тобой четверга не будет. Ни на той неделе, ни на какой. Для нас он не наступит. Мы его вырвем из календаря. Хорошая история?

Ниночка (тронута). Замечательная, если только поверить в неё.

Леон. Ты должна поверить, радость.

Ниночка (подняв бокал). За самую красивую историю из всех, какие я слышала! Выпили. Заиграл оркестр. Ниночка боится, что разговор заведёт их слишком далеко.

Ниночка. Потанцуем?

Они идут к пятачку. Танцуют вальс, и на втором повороте Ниночка чувствует, что шампанское начинает действовать.

Ниночка. Ой, со мной что-то не то.

Леон. Просто ты слишком быстро пробежала по дорожке от коз к виноградникам.

Ниночка. Ах, это так чудесно. Он всё дальше и дальше.

Леон. Кто, солнышко?

Ниночка. Четверг.

Леон. Да. Не тревожься, опять всё будет хорошо.

Окончательно развеселившись, Ниночка обращается к танцующим.

Ниночка. Товарищи! То-ва-ри-щи!

Леон (в смущении). Милая, милая... прошу тебя!

Ниночка. Я должна сказать своим братьям!

Леон. Ш-ш-ш... Ш-ш-ш...

Ниночка. Не шикай на меня. Я народ! Желаю сказать речь! Я хочу свергнуть великую княгиню.

Леон уводит её с пятачка.

Леон. Радость моя, это не получится.

Ниночка. Товарищи! Славный французский народ!

Леон. Ну, Ниночка! Пожалуйста!

Ниночка. Они тут все великие княгини!

Тысячи великих княгинь... И я им сейчас скажу.

Они уже дошли до дамской комнаты.

Леон. Да, да, скажешь. Но сначала ты зайдёшь в эту дверь, понюхаешь нашатырь, полежишь немножко.

Ниночка (ласково). А сейчас нельзя?

Леон (как маленькому ребёнку). Сейчас нельзя.

Ниночка. Леонечка, я тебя люблю.

Леон. Ниночка, я тебя обожаю.

Нетвёрдыми шагами Ниночка направляется в дамскую комнату. Леон с облегчением вытирает лоб и идёт к бару.

Леон (бармену). Мне двойной коньяк.

Из дверей дамской комнаты выходят пять-шесть женщин. Они возбуждённо перешёптываются; там что-то, видимо, случилось. Отсыкав метрдотеля, они шёпотом рассказывают ему о происшествии.

Леон, получив свой двойной коньяк, залпом выпивает его. Подходит метрдотель.

Метрдотель (Леону, взволнованно). Прошу прощения, граф д'Альгу, мне ужасно неловко. Но дама, которую вы привели, ведёт в дамской комнате коммунистическую пропаганду.

Секунду Леон молчит, уставившись на него, а потом поворачивается к бармену.

Леон. Ещё раз двойной коньяк.

Метрдотель. Такого рода пропаганда везде нежелательна, но подбивать на забастовку персонал дамской комнаты... Если они согласятся, последствия будут катастрофические!

Леон. Чем я могу помочь?

Метрдотель. Её просили выйти, но бесполезно. Мы были бы весьма обязаны, если бы вы сами увели её.

Леон (в ужасе). Вы хотите, чтобы я вошёл в дамскую комнату?

Метрдотель. Извините, мсье, но я вынужден настаивать.

Поклонившись, метрдотель удаляется. Леон опрокидывает вторую порцию коньяка и направляется к дамской комнате. У него вид героя, готовящегося к битве. В дверях Леон сталкивается с пожилой дамой. Скандализованная, она обжигает его гневным взглядом. Мужество покидает Леона. Нужно выпить для храбрости.

Леон (вернувшись к бару). На этот раз – тройной.

Наплывом: гостиная в Королевском Люксе. Официант Раконин открывает дверь, и Ниночка с Леоном, оба очень на веселе, заходят в комнату. У Леона в руках бутылка шампанского, обёрнутая салфеткой.

Леон (Раконину). Прекрасно... Можете рассказать великой княгине. Кому угодно... Они так и так знают... Мне всё равно. И уходите.

Раконин, очень заинтересованный происходящим, закрывает дверь снаружи, а Леон подходит к Ниночке. Оба садятся на кушетку.

Ниночка (придвинувшись близко-близко). Миленький, милый, не говори им, куда мы идём.

Леон. Не скажу. Никто нас не найдёт. Ниночка в счастливом хмельном тумане. И настроена на лирический лад.

Ниночка. Мы построим себе домик?

Леон. Да. Маленький беленький домик.

Ниночка. Только не белый, сердце моё.

Леон. Хорошо, пусть будет красный.

Ниночка. Нет, не надо никакого цвета. Никакого. Просто домик как домик. У нас будет своя партия.

Леон. Правильно: влюблённые всех стран, соединяйтесь.

Ниночка (радостно). И мы не будем скидывать руку.

Леон. Не будем.

Ниночка. Не будем сжимать кулак.

Леон. Нет, не будем.

Ниночка (нежно). У нас салютом будет поцелуй.

Леон. Да. Поцелуй! Салют.

Она кидается в его объятия. Целуются.

Ниночка. Я такая счастливая. Такого не может быть... За такое счастье человека надо наказывать. Я заслужила наказание. (Поднимаясь.) Я хочу во всём сознаться, милый.

Леон. Понятно. Пресловутая русская душа.

Ниночка (радость в её голосе смешана с печалью). Всем хочется сознаться. А кому не хочется, тех заставляют. Я предательница. Когда я целовала тебя, я предала наши идеалы. Леон, меня следует поставить к стенке.

Леон встаёт.

Леон (с сочувствием). И от этого тебе станет легче?

Ниночка. Намного.

Леон. Прекрасно.

Не выпуская из рук бутылки, Леон ведёт Ниночку через всю комнату и ставит к стенке. Развернув салфетку, прикрывает ею Ниночкины глаза, отступает назад, откупоривая шампанское. Хлопок – вылетает пробка. Ниночка мягко опускается в кресло.

Ниночка (радостно). Я наказана. А теперь хорошо бы музыку.

Леон. Давай включим радио.

Ниночка. Радио? Что такое радио?

Леон. Это маленький ящик, который ты покупаешь, потому что поверила рекламе. Но прежде чем ты успеешь его включить, тебе сообщат, что в продаже появилась новая усовершенствованная модель.

Ниночка (поднимается). Ах да, да. Там такая маленькая штучка, чтобы повернуть. Где-то оно здесь... А, вот. Вижу.

Повторяя: "Маленькая штучка, маленькая штучка", – нетвёрдыми шагами она направляется к сейфу. Леон идёт за ней. Откинув потайную дверку, они видят наборный диск. Оба в восторге.

Ниночка (торжествуя). Вот она.

Леон. Что будем слушать? Новости?

Ниночка. Не надо новости. Зачем нам знать, что происходит в мире. Мы же хотим, чтобы нас оставили в покое, правда?

Леон. Да, солнышко, только ты и я.

Ниночка (смутно припоминая). Тогда два раза повернем направо и остановимся на цифре семь.

Леон делает, как она сказала.

Ниночка (после паузы, печально). Молчит.

Леон. Оно должно разогреться. Для этого требуется время... Как у людей, как у нас с тобой. Сперва ты хотела воевать против меня, а теперь мы с тобой в одной партии. Салют!

Обнимает её.

Ниночка (словно в счастливом сне). Теперь два раза налево и остановимся на семнадцати.

Леон следует её указаниям. И дверца сейфа открывается. Они заглядывают внутрь.

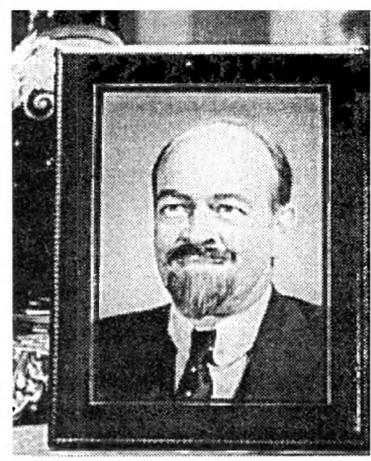
Ниночка (разочарованно). Музыка нету.

Леон (так же). Нет музыки.

Сквозь туман Ниночка начинает различать ларчик с драгоценностями.

Ниночка (с горечью). Вот оно... Четверг... Его из недели не выкинешь.

Леон (с готовностью). Но можно выкинуть в окно.

Ниночка (рассудительно). Это будет несправедливо по отношению к прохожим. (Толкает дверцу сейфа.) Они ужасные, эти бриллианты.

Леон. Но большие.

Ниночка. Это слёзы старой России. Видишь этот камень?

Леон. Интересно, кто уронил эту слеинку?

Ниночка. Царь Пётр подарил этот бриллиант своей жене Екатерине Великой. За него он отдал десять тысяч крепостных.

Леон. Миленькая, не будем торопиться. Потерпим до свадьбы. А тогда... Помнишь моего дворецкого, этого балбеса, этого реакционера? Когда-нибудь я приду домой и скажу тебе: "Сердце моё, я свёз Гастона на невольничий рынок и смотри, что мне за него дали".

Он достаёт из ларчика красивую диадему и протягивает Ниночке.

Ниночка (она как-никак экономист). В старину десять тысяч крепостных, а сейчас — один Гастон? Выгодная покупка.

Взяв за руку, Леон отводит её от сейфа.

Леон. Пойдём, солнышко. Я надену её на тебя, и это будет урок всем бриллиантам. Первый раз в жизни они поймут, как они должны выглядеть.

Ниночка. Они принадлежат народу.

Леон (торжественно). Я и возвращаю их народу.

Не совсем твёрдой рукой он держит диадему над Ниночкиной головой.

Леон. нарекаю тебя, Ниночка, великой народной княгиней. Всенародной великой княгиней.

Ниночка (подыгрывая). Желают ли это народные массы?

Леон. Желают, желают.

Ниночка. Благодарю тебя, Леон, благодарю вас, народные массы. (Понизив голос.) Можно произнести речь?

Леон. Прошу.

Ниночка поворачивается к воображаемой аудитории.

Ниночка. Товарищи! Народы всего мира! Революция продолжается! Я знаю: на нас обрушатся войны, на нас будут падать бомбы, будут гибнуть цивилизации, но пусть это будет не сейчас! Подождите! Пожалуйста, подождите! Куда спешить? (В её голове реальность мешается с фантазией.) Давайте будем счастливы. Настал наш час. (Поворачивается к Леону.) Мы ведь счастливые с тобой, Леон?

Леон (с нежностью). Да, солнышко.

Обнимает её. А её слова становятся всё неразборчивее.

Ниночка. Такие счастливые... И такие усталые.

Засыпает в его объятьях. Леон несёт её в спальню — по-прежнему с диадемой на голове.

Он опускает Ниночку на кровать. Она уже крепко спит. Поцеловав её на прощание, Леон направляется к выходу. Рука его по-прежнему нетверда. И он, уходя, нечаянно хлопнул дверью.

Этот хлопок на мгновение разбудил Ниночку. Она открывает глаза и видит на прикроватном столике фотографию сурового Ленина.

Ниночка (со счастливой улыбкой). Улыбнись, дедушка, улыбнись.

И Ленин на снимке одобрительно улыбается.

Из затемнения: парижский пейзаж. День. Уличные часы на переднем плане показывают без четверти двенадцать.

Наплывом: гостиная в Королевском Люксе. По-прежнему горит свет, шторы задёрнуты. Пустая бутылка из-под шампанского и бокалы не убраны. Несколькo раз подряд безответно звонят в дверь.

В спальне тоже не погашен свет и задёрнуты шторы. Раздаётся звонок: видимо, посетитель перешёл ко второй двери, которая ведёт в спальню.

Ниночка – как была в вечернем платье – лежит на кровати. Диадемы на голове уже нет.

В дверь звонят всё настойчивей. Наполовину проснувшись, Ниночка невнятно произносит что-то вроде “входите”. Она не вполне отдаёт себе отчёт в своих действиях.

Горничная открывает дверь и впускает великую княгиню в спальню. На той – шикарное утреннее платье. С весёлым удивлением Свана оглядывает комнату. Подходит к лежащей на кровати и ещё не совсем проснувшейся Ниночке. Свану радует, что она застала Ниночку в таком виде.

Свана (иронически). Доброе утро.

Ниночка (понемногу приходя в себя). Что?

Свана. Да, уже наступило завтрашнее утро. Завтрашний полдень, точнее говоря. Надеюсь, вы извините меня? Я-то знаю, как это жестоко: будить человека в такое время. Вы меня не узнали? Я – великая княгиня Свана.

Ниночка, наконец, проснулась. В страшном смущении от того, что позволила застать себя в nepотребном виде, она приподнимается на кровати.

Свана. Я вам очень сочувствую, дорогая. Утро кажется ужасным, если обнаружишь, что на тебе вчерашнее вечернее платье. Но вы не смущайтесь: никто лучше меня не поймёт, как вам сейчас худо. Помню, как-то раз в Петрограде я была точно в таком состоянии, а мне предстояло приветствовать с балкона толпу. Народным массам никогда не понять, как дама чувствует себя до полудня. Вы не согласны?

Пока Свана говорила, Ниночка окончательно пришла в себя.

Ниночка. Думаю, ваш визит не затянется. Леона здесь нет.

Свана. Конечно, нет, дорогая. У меня даже подозрений никаких не было. Просто смешно. (Кинув взгляд в сторону гостиной.)

И не затем я пришла, чтобы забрать его шляпу.

Через раскрытую дверь видна шляпа Леона, забытая на столе в гостиной.

Свана направляется в гостиную. Ниночка идёт за ней.

Свана (в дверях). Какой затхлый запах у вчерашнего веселья! Как у погасшей сигареты.

Ниночка. Если наше вчерашнее знакомство дало вам повод прийти ко мне, боюсь, вы меня плохо поняли.

Свана. Не беспокойтесь, вы разговаривали достаточно грубо. (Продолжая говорить, раздвигает шторы и открывает окно.) Не возражаете, если я впущу немного солнца и свежего воздуха? Вам станет лучше, я уверена. А мне надо, чтобы вы были в порядке. В здравом уме и твёрдой памяти.

Ниночка (к ней вернулась обычная твёрдость). Переходите к делу, пожалуйста. Что вам нужно?

Свана. Я пришла поговорить с вами по душам.

Ниночка. Нам не о чем разговаривать.

Свана. Вот тут вы ошибаетесь. Если мы сядем и поболтаем, я уверена, разговор получится совсем не скучный.

Ниночка. Мадам, что у вас говорят, когда думают совсем другое: “Я счастлива видеть вас”? Такой степени цивилизованности я не достигла.

Свана. Ничего, я умею говорить и с простым народом.

Ниночка. Я вынуждена просить вас покинуть...

Свана (перебивая). Покинуть? А я как раз пришла просить вас покинуть. Не отель и не Париж, а Францию. В пять сорок есть рейс на Москву.

Ниночка (озадаченно). Мадам, если вы...

Свана. Не беспокойтесь, я уже заказала билет. Погода лётная, и меня заверили, что с попутным ветром вас в два счета доставят в Москву.

Ниночка (всё ещё не понимая). Если это шутка, она не смешная. Или вы воображаете, что по-прежнему командуете всеми из своего петроградского дворца?

Первый раз Ниночкины слова задели Свану за живое.

Свана (с горечью). Мой петербургский

дворец! Да, вы его у меня отобрали. Вы отняли у меня моего царя, мою страну, моих людей – всё, что у меня было. (С напором.) Но больше не отнимете ничего, предупреждаю.

Ниночка (просто). Людей нельзя отнять, мадам. Ни сто шестьдесят миллионов, ни даже одного человека. Если они вас любят. А вас не любили. Поэтому вас нет в России. И поэтому вы сегодня пришли сюда.

Свана. Очень интересно, дорогая – но, может быть, вы напишете мне об этом из Москвы? Диссертация о любви на советской бумаге. Забавный будет парадокс!

Ниночка. Хватит острить, мадам. Шутки в конце концов надоедают. Однажды вы уже сделали эту ошибку: пробовали решить все проблемы, улыбаясь людям с балкона. Это не произвело впечатления.

Свана. Дорогая моя, вы ещё не знаете, как я умею производить впечатление. Посмотрели бы вы на меня, когда на мне все мои бриллианты, а на голове – диадема.

При слове “диадема” Ниночка восторгалась. Припомнив вчерашнее, она поглядела на сейф. Дверца заперта.

Свана (продолжает болтать). Не будете же вы отрицать, что мы с народом рассчитались: отдали ему восемь Романовых. Восемь.

Ниночка. Настоятельно прошу вас уйти.

Свана. Только после того, как вы согласитесь воспользоваться рейсом в Москву.

Ниночка. Тогда остаётся только попроситься.

Решительно направляется в спальню. Прикрыв за собой дверь, смотрит, на месте ли диадема. Её на кровати нет.

Ниночка бежит обратно в гостиную. Тянет на себя дверцу сейфа. Сейф открылся сразу: он не заперт. Внутри пусто. Ниночка обмерла от ужаса. Кидается к телефону.

Ниночка (в трубку). Елисейские, двадцать семь – шестьдесят три.

Ждёт, пока соединят.

Свана (от двери). На вашем месте я бы

не стала будить Леона. По крайней мере, раньше трёх – после вчерашнего.

Ниночка. Я просила вас уйти, мадам.

Свана. Поверьте, Леон вам не поможет. Он ничего не знает про бриллианты. Даю вам слово! Клянусь!

Положив трубку, Ниночка пристально смотрит на Свану. Потом подходит к ней вплотную.

Ниночка. Где они?

Свана. Не беспокойтесь. По счастью, вчера вечером о них позаботился очень надёжный друг. Возможно, он превысил свои обязанности официанта, но, как русский человек, выполнил свой долг.

Откинув шарфик, она показала Ниночке звезду из бриллиантов (мы её видели среди других драгоценностей).

Свана. Это я надела из сентиментальных соображений. Остальное – в безопасном месте. Уверю вас! Но если вы захотите сообщить в полицию...

Ниночка. У меня нет другого выхода.

Свана. А когда выяснится, при каких обстоятельствах они пропали? Это не поставит советского представителя в неловкое положение?

Ниночка. Мне придётся отвечать за это. Но и вам тоже. Вас ведь спросят, как вы их заполучили.

Свана. На это ответить просто. Мне подарила их мать. А ей они достались от её матери. Они мои. Взять назад то, что тебе принадлежит, это не значит украсть.

Ниночка. Они всегда принадлежали русскому народу. Он заплатил за них потом и кровью. Заплатил тысячами жизней. Так что бриллианты вам придётся отдать.

Свана (торжествующе). Я же говорила, что нам есть, о чём потолковать. Присядем? Обе садятся.

Свана (деловым тоном). Давайте отставим эмоции и попробуем решить проблему по-деловому. Ситуация в корне пере-

менилась. Раньше у меня имелись только претензии, теперь у меня имеются бриллианты.

Ниночка. Другими словами, моральные соображения для вас ценности не представляют. Хорошо, займёмся юридической стороной дела. Вам известно, что Франция признала советскую власть?

Свана. К сожалению.

Ниночка. По советским законам, эти драгоценности принадлежат государству. Франция наверняка посчитается с этим.

Свана. Мой юрист согласен с вами. Он говорит, что в суде Франция будет на вашей стороне – но не забывайте, что одним судом дело не ограничится. Я затаскаю вас по судам. Это займёт года два, не меньше, можете мне поверить.

Ниночка. Эти два года – не слишком ли дорого вам обойдутся? Когда вы деньги выжимали из своих подданных, можно было шиковать, но теперь...

Свана. Может, я и потеряю деньги, но вы-то уже потеряли работу. Вряд ли ваши товарищи станут ждать два года.

Ниночка. Понимаю. Пугаете меня голодной смертью?

Свана. Нет, я просто рассуждаю беспристрастно. Нам обоим эти два года не сулят ничего хорошего. Но мы можем ужать их до двух минут, если вы согласитесь на моё предложение.

Ниночка начинает понимать, к чему клонит Свана.

Ниночка. Говорите.

Свана. Я готова отдать вам бриллианты и подписать все необходимые документы, если вы улетите в Москву рейсом в пять сорок.

Ниночка (спокойно). Этим способом вы его не вернёте. Леон не такой.

Свана. Какой он, я знаю, думаю, не хуже вас. Даже немного лучше. Это уж пусть будет моя забота. А вы до пяти сорока успеваете закончить дела с господином Мерсье. Но, конечно, на прощанье времени у вас не останется. Я сама прослежу, чтобы не было никаких накладок, и сама провожу вас до аэропорта.

Вот такое у меня предложение, товарищ Якушова.

Ниночка понимает: её припёрли к стене. Минуту она медлит с ответом. Телефонный звонок. Ниночка берёт трубку.

Ниночка. Слушаю. (Это звонит Леон.) О, привет.

Как ни хочется ей поговорить с ним, присутствие Сваны мешает. Угадав ситуацию, Свана отходит к окну, смотрит на улицу.

Ниночка. Доброе утро, Леон. (Старается говорить беззаботно, чтобы он ничего не заподозрил.) Нет, не разбудил... Я в порядке, спасибо. Да... Да... Это было сказочно... Как? Пообедать? Боюсь, не смогу: у меня куча дел. (Придумывает оправдание.) Ну, всякие хлопоты... Что? Сказать по правде, я очень устала и хочу передохнуть. (С вымученным смехом.) Наверное, ты прав, это всё шампанское. Поужинать? Конечно. Здесь в семь часов? (Знает, что её уже не будет в Париже.) В семь часов годится. Это будет очень мило... Да.

Стук в дверь.

Ниночка. Войдите. (В трубку.) Да?

Смотрит на дверь, и то, что она видит, заставляет прервать разговор.

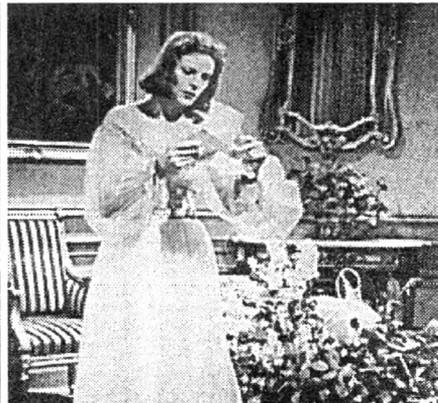
Ниночка (в трубку). Минутку.

Кладёт трубку на стол и идёт к двери. Она придерживает дверь – так, чтобы Свана от окна не видела, что происходит.

Посыльный ставит на стол большую корзину цветов.

Ниночка (посыльному). Оставьте здесь.

Посыльный уходит. Ниночка смотрит на цветы, потом на конверт, приколотый к ручке корзины. Открывает конверт и читает записку. Это наверняка любовное послание: Ниночкины глаза увлажняются. Она читает последние строчки: "Солнышко, я ведь выполнил своё обещание: свёл старину Гастона на невольничий рынок и вот

что получил за него. Погляди под цветами”. Ниночка запускает руку в корзину и извлекает бутылку молока. На этикетке изображена коза.

С грустной улыбкой Ниночка снова берёт телефонную трубку.

Ниночка (в трубку). Дежурная, нас прервали... Алло! Миленький, твой подарок только что принесли. Очень глупо и очень приятно. Просто замечательно. Спасибо... Нет, не забуду. В семь. (Очень нежно.) Прощай, миленький... Что? А! Салют.

Кладёт трубку. Свана отворачивается от окна.

Ниночка. Извините, что заставила ждать, мадам.

Наплывом: аэропорт. Рокот моторов только что взлетевшего самолёта. Сверху, словно из окна самолёта, мы видим Свану. Она теряется в толпе.

Видно Париж с птичьего полёта. Улицы в вечерней дымке.

Из окна самолёта Ниночка в последний раз любитесь Парижем. У другого окна Бульянов, Иранов и Копальский. Они тоже печально прощаются с Парижем.

И вот уже только верхушка Эйфелевой башни видна сквозь дымку.

Ниночка отворачивается от окна и откидывается на спинку кресла. То же делают и трое русских. Грустное молчание.

Бульянов. Только подумать: раз в жизни довелось побывать в Париже, а на Эйфелеву башню так и не сходили.

Копальский. Да, правда.

Иранов. Говорят, на втором этаже там замечательный ресторан.

Копальский. Кушаешь и любишься Парижем.

Ниночке не хочется сентиментальных воспоминаний, но слишком уж много связано с этой башней.

Ниночка. Да, это замечательное достижение техники. До сих пор непревзойдённые металлоконструкции. Наверх ведёт лестница – больше тысячи ступенек. Но в цену билета включена стоимость пользования лифтом.

Из затемнения: газетные заголовки. “Мерсье купил русские сокровища”, “Русская миссия возвращается в Москву”.

Парижские улицы. Утро. Нервным то-

ропливым шагом Леон идёт по бульвару. Сворачивает к русскому бюро “Интурист”. Это обычное бюро путешествий.

За барьером – служащие и посетители, разглядывающие буклеты с информацией.

Войдя, Леон осматривается, видит дверь с надписью: “Отдел виз и паспортов” и проходит туда.

Комната размером поменьше первой. За барьером типичный большевик-чиновник. Перед барьером – пожилая дама-англичанка.

Простемпелевав паспорт, чиновник отдаёт его англичанке.

Чиновник. Всё в порядке. Надеюсь, вам понравится путешествие в Россию, мадам.

Англичанка. Благодарю вас. Да, кстати: я слышала всякое про то, как в России обстоит со стиркой. Нужно ли брать с собой полотенца?

Чиновник. Ни в коем случае, мадам. Это просто капиталистическая пропаганда, полотенца мы меняем каждую неделю.

Англичанка. О-о-о... Благодарю вас.

Леон. Послушайте, мне срочно нужно... Телефонный звонок.

Чиновник (Леону). Минуточку. (В трубку.) Алло... Товарища Казабина нет... Да, он был торговым представителем в Константинополе... Его отозвали в Москву для расследования. Подробности можете узнать у его вдовы.

Встревоженный Леон придвигается поближе.

Леон. Извините, но то, что я сейчас услышал, очень меня заинтересовало. Знает, когда представитель возвращается в Россию, его убирают? Если не понравились результаты его трудов?

Чиновник. Не обязательно. Поглядите на меня: я ездил в Россию уже два раза.

Стучит по дереву.

Леон (его беспокойство возрастает). Послушайте, вот мой паспорт. Пожалуйста, сделайте мне визу. Мне срочно нужно в Россию.

Чиновник (изучает паспорт). Граф Леон д'Альгу. Граф! Дворянин?

Леон. Не ставьте мне это в вину. Пожалуйста.

Чиновник. А зачем аристократу ехать в Россию?

Леон. По делу.

Чиновник. По какому делу?

Леон. По частному.

Чиновник. В России ничего частного нет. Всё это очень подозрительно. Какая у вас истинная причина? Если хотите попасть в Россию, мой совет вам: сознайтесь сразу.

Леон (раздражённо). В чём сознаться?

Чиновник. Симпатизируете ли вы царскому правительству? Вы за белых?

Леон. Наоборот, не желаю иметь с ними ничего общего.

Чиновник. Вы сочувствуете нашему делу?

Желая прийти на выручку любимой, Леон загорается пролетарским энтузиазмом.

Леон. О, это великое дело! Все работают. Все вносят свою лепту. Именно к этому я стремлюсь. Работать! Я сам стелю себе постель – можете спросить у моего дворецкого! Я не верю в права отдельной личности, мне нравятся большевистские идеалы: все равны! Вы – такой же, как я. Я – такой же, как вы. Я причёсываюсь вашим гребешком. Вы чистите зубы моей щёткой. Вот это жизнь! Это грандиозно!.. Прошу вас, дайте мне визу.

В этот момент входит Свана.

Свана. Привет, Леон. Привет, дорогуша.

Леон (оторопев). Привет.

Свана (дружелюбно). После нашего вчерашнего разговора я не сомневалась, что утром ты побежишь сюда. В Советскую Россию попасть очень трудно, и я решила помочь тебе. (Чиновнику.) Разрешите представиться: я великая княгиня Свана. Из России... Из другой России.

У чиновника отвисает челюсть.

Леон. Свана, ну, прошу тебя.

Свана (чиновнику). Граф д'Альгу уже несколько лет является моим личным пред-

ставителем, и если нужно поручительство, я с удовольствием подпишу.

Леон (с горечью). Достаточно, Свана. (Ведёт её к двери.) Не опоздай к своему парикмахеру.

Свана (задержавшись на пороге). В случае, если тебе не дадут въездную визу, хочу, чтоб ты знал: я подписала договор на публикацию мемуаров. Сняла прелестный домик в Турени. И если тебе вздумается переменить обстановку...

Леон. Спасибо, Свана, ты очень любезна.

Его тон не оставляет сомнений: это окончательный разрыв. Свана уходит.

Несколько секунд Леон глядит ей вслед, потом возвращается к чиновнику. Ему хотелось бы превратить этот инцидент в шутку.

Леон. Она очень любит розыгрыши. (Чиновник слушает с каменным лицом.) Не надо принимать её слова всерьёз.

Чиновник. Великая княгиня Свана. Та, что во главе белогвардейского заговора?

Леон. Поверьте: я с ней уже никак не связан. Клянусь вам!

Чиновник. Но были связаны.

Леон. Слушайте, я буду с вами совершенно откровенен. В Москве у меня нет никаких дел.

Чиновник. Я так и думал.

Леон. Мне нужно повидать подругу. Очень близкую подругу. По личному вопросу. К политике это не имеет никакого отношения. И к идеологии тоже.

Чиновник. Значит, в Москву вас гонит любовь?

Леон. Именно так.

Чиновник. Визы не будет.

Леон (отчаянно). Но я должен попасть в вашу страну.

Чиновник. Нет, нет: визы вы не получите.

Леон (ещё агрессивней). Но это невероятно! Никто не имеет права... Вы не смеете! Если мне не дадут визу...

Чиновник (с иронией). Вы нас заставите? Так?

Леон (приходя в ярость). Слушайте, вы! Кричите на весь мир: "Приезжайте к нам, приезжайте к нам!" А когда человек хочет поехать, его не пускают!

Чиновник. Зачем мне рисковать?

Леон. Чем? Чем рисковать?

Чиновник. Откуда я знаю, что вы не собираетесь взорвать какой-нибудь завод?

Леон. Завод? Чего ради?

Чиновник. Или туннель, или мост?

Леон. Подозрительность... Всегда и везде подозрительность! Вот в чём несчастье. Да плевал я на ваши мосты! На кой мне ваши несчастные туннели? Нужны вы мне!

Ударом в челюсть Леон посылает чиновника в нокаут. Кричит, перепрыгнув через барьер:

– Можете доложить Кремлю, что это только начало!

Выбегает из комнаты.

Голова чиновника показывается над барьером. Он вправляет ушибленную челюсть и произносит: "Визы не будет".

Из затемнения: хорошо узнаваемая Россия – парад на Красной площади. Ползут танки, маршируют солдаты. В небе – самолёты. Идут колонны рабочих.

Колонна женщин в первомайских нарядах. Они приветственно машут руками. Среди них – Ниночка. Куда девалась её индивидуальность? Она – одна из многих, винтик в советской машине. С суровым лицом она шествует вперёд.

Что-то привлекает её внимание. Повернув голову, она видит Бульянова, Иранова и Копальского, марширующих во встречной колонне. Все трое выглядят приморёнными. Копальский замечает Ниночку, шепчет что-то своим компаньонам и все трое, повернувшись к Ниночке, пожимают плечами. как бы говоря: "Поглядите, куда нас занесло".

В ответ Ниночка грустно улыбается. И марширует дальше с прежним суровым выражением лица.

Наплывом: дом, где живёт Ниночка. Это густонаселённый многоэтажный дом.

Вверх и вниз по лестнице снуют жильцы, дети скатываются по перилам, играют, путаясь под ногами взрослых.

Усталой походкой Ниночка поднимается по лестнице.

Она входит в многокомнатную квартиру, где обитает несколько семей. Проходит к себе.

Комната небольшая: кроме Ниночки в ней живут ещё две девушки. Дома сейчас только одна из них – Анна-виолончелистка.

Сидя на краешке своей кровати, она разыгрывает на виолончели экзерсисы.

По всему судя, Ниночка пока ещё не освоилась в своей Москве, которая раньше казалась ей такой прекрасной.

Ниночка. Добрый вечер, Анна.

Анна. Вечер добрый, Ниночка.

Ниночка. Ты не опоздаешь?

Анна. Нет, сегодня спектакль начнётся на час позже из-за парада.

На протяжении следующей сцены Анна укладывает виолончель в футляр, готовясь идти на работу. Ниночка начинает накрывать стол на четверых. Из буфета она достаёт простенькие тарелки, вазу для цветов, бокалы и головной платок, который служит скатертью.

Ниночка. А ты была на демонстрации?

Анна, видимо, не большая поклонница большевистского режима и к торжествам относится с циничным юмором.

Анна. Меня не взяли: я попала в немилость. На той неделе, когда давали "Кармен", я взяла фальшивую ноту. Дирижёр так рассердился! Заорал: "В группе струнных саботаж!"

Ниночка. Как жаль, ты пропустила замечательный парад.

Анна. Знаю. Душа моя грустит, а ноги радуются. Пока все эти танки и пушки гро-

двору, где белье сушится, и увидела, что все женщины столпились вокруг этой рубашечки. Я ее сняла и принесла домой. Они увидели парижский ярлычок – и тут началось! Одни говорили, что нам всем надо бы носить такое. А другие – что это все равно как развесить на веревке иностранную пропаганду, что это вредит нашему делу.

Ниночка. Понятно.

Анна. Знаешь, как у нас. Наденешь пару шелковых чулок, и тебя уже подозревают в контрреволюции.

Ниночка. Спасибо, Анна. В другой раз, когда постираю, буду здесь сушить. Не хочу, чтоб моя рубашка угрожала безопасности страны.

Анна. Ниночка, ты моя подруга, мне ты можешь доверять... Ты еще что-нибудь привезла из Парижа?

Память переносит Ниночку назад в Париж.

Ниночка (грустно). Нет, я все оставила там, в Париже. Эта случайно была на мне.

Анна. А скажи – что у тебя было еще?

Ниночка (с удовольствием вспоминая). Ну, шляпка.

Анна. Какая?

Ниночка. Дурацкая. Здесь я бы постеснялась ее надеть.

Анна. Такая красивая? А что еще? Расскажи!

Ниночка. Вечернее платье.

Анна (озадаченно). Вечернее платье? А что надевают утром?

Ниночка. Когда встают, надевают negligee. А потом передеваются в утреннее платьице.

Анна. Ты хочешь сказать, что в разное время дня они носят разную одежду?

Ниночка. Да.

Анна. Ну, Ниночка! Ты преувеличиваешь. (Изучая рубашку). Наверное, у них замечательные материалы. Рубашка такая мягкая, ее почти не видишь.

Ниночка. Ее чувствуешь.

Анна (неуверенно). Ниночка, я бы не попросила, если б мы не так дружили...

Ниночка. О чем ты, Анна?

Анна. Я ведь говорила тебе, что мы с Павловым собираемся пожениться, когда

хотали по Красной площади, я сидела дома, играла сонату Бетховена. Тоже неплохо. (Замечает Ниночкины приготовления.) Ждешь гостей?

Ниночка. Знакомые придут пообедать.

Анна. Чем будешь угощать?

Ниночка. Омлетом.

Анна (удивленно). Омлетом? Ты не слишком размахнулась?

Ниночка. Я сэкономила два яйца, ну и гости принесут с собой. Так что выйдем из положения.

Анна. Это подтверждает теорию нашего государства: если ты одиночка – обойдешься крутым яйцом, а если проникся духом коллективизма – получишь омлет. (С ухмылкой.) К слову: слышала анекдот про Кремль?

В этот момент открывается дверь, и из соседней комнаты появляется Гурганов, человек средних лет с кислой физиономией доносчика. Он идет к выходу, не глядя на девушек. Но уши у него на макушке. Анна осеклась на полуслове.

Анна (шепотом). Потом расскажу. (Гурганов вышел.) Про этого Гурганова никогда не знаешь, куда он пошел – в уборную или на Лубянку.

Ниночка. Поменьше болтай, Анна.

Анна. Ты тоже, Ниночка.

Ниночка (удивленно). Насчет чего?

Анна. Когда ты вернулась из Парижа...

Ниночка. А я ни с кем не разговаривала про Париж. Слова не сказала.

Анна. В том-то и дело. Людям это кажется странным... Я не хочу, чтоб у тебя были неприятности.

Ниночка. Мне нечего скрывать.

Анна. Есть. Сейчас покажу. (Подходит к своему шкафчику, достает нижнюю рубашку и показывает Ниночке.) Я шла по

он вернется с маневров... Нет, это было бы уже слишком!

Ниночка. Ты хочешь рубашку?

Анна. Только поносить. Во время медового месяца.

Ниночка. Возьми насовсем. Это будет мой свадебный подарок.

Анна. Ниночка! Ниночка! (Целует Ниночку, хватая виолончель и кидается к двери.)

Мне же еще играть эту каденцию!

Ниночка осталась одна. Мысли ее далеко – скорее всего с Леоном, в другом мире.

Она включает радио – простенький приемник. Лицо ее по-прежнему освещено улыбкой. Но громкий голос русского диктора возвращает ее к действительности. Она настраивает приемник на другую волну, но и там русская речь. На третьей волне то же самое. Ниночка выключает радио, закрывает глаза и с грустной улыбкой шепчет:

– Музыки нет.

Распахивается дверь, и входят Бульянов, Иранов и Копальский. Вся троица тепло приветствует хозяйку:

– Ниночка! Ниночка!

Ниночка (ласково). Ну? Как дела, не годяи?

Копальский (безрадостно). Вот, вернулись на родину.

Бульянов (с кислой миной). Как говорится, хорошо в краю родном.

Иранов. Да, и от этого никуда не уйдешь.

Ниночка. Ребята, бросьте унывать. Надо набраться мужества и привыкать по-маленьку.

Иранов. Правильно. Надо.

Бульянов. Будем радоваться, что все мы живы и снова вместе.

Копальский (подстраиваясь под Ниночку). Парижские друзья встречаются вновь!

Иранов. Если закрыть глаза и слышать только наши голоса, можно подумать, что мы все еще в Париже.

Ниночка. Не надо закрывать глаза. Здесь тоже много хорошего, если поглядеть.

Бульянов (желчно). Без очков не вижу.

Копальский (с мягким укором). Будь

потактичней. Смотри, какой стол она накрыла – в нашу честь.

Бульянов (заглаживая свой промах, громко). Какой роскошный стол, Ниночка!

Иранов. У вас очень милая комната.

Бульянов. Сколько семей здесь живет?

Ниночка. Только я и еще две девушки. Одна – виолончелистка из оперного театра, а другая – кондуктор трамвая.

Иранов (под впечатлением услышанного). Только трое в такой большой комнате? Конечно, это не Королевский Люкс, но...

Ниночка. Тссс! Раз и навсегда: мы в Москве.

Копальский (подходит к окну). В этом нет сомнения. (С сарказмом.) Выглянешь в окно – она тут как тут.

Ниночка. И это замечательно! Вспомните, какая она была несколько лет назад! И какая сейчас.

Иранов и Бульянов тоже подходят к окну.

Иранов. Она права. (Понизив голос.) Во всяком случае, уговорим себя, что права. Глядите, какие счастливые у людей лица... если смотреть отсюда.

Копальский. Их можно понять: майский парад кончился.

Бульянов. Нет, не в этом дело. На улице весна.

Ниночка. И в Париже была весна. Такая же теплая.

Копальский. Даже ласточки вернулись домой.

Бульянов и Иранов. Точно!.. Это так!

Иранов. Может, вот эту ласточку мы видели в Париже.

Бульянов. Видели, Ниночка! Это она. Она побывала в Париже, по всему видно: клюнула корочку нашего черного хлеба, покачала головой и не стала есть.

Копальский. А спроси ее, почему уле-

тела из Франции – она не знала бы, что ответить.

Бульянов. Эх, был бы я ласточкой! Сидел бы себе возле кафе де Пари и клевал крошки от французских пирожных. А они бы таяли у меня в клюве.

Ниночка. Бросьте, товарищи. В жизни есть вещи получше, чем крошки от французских пирожных.

Копальский (он реалист). Да, например, яблочный штрудель.

Ниночка. Будет он и у нас. Все у нас будет! Может быть, не сразу, но будет. Надо набраться терпения... А пока что – есть ведь у нас весна? Есть ласточки? А когда-нибудь будет и яблочный штрудель.

Бульянов (утешает Ковальского). А если не скоро будет, так его твои детки покушают.

Иранов (меняя тему). Оставим в покое будущее. Хватит сентиментальничать! Пора готовить омлет.

Копальский. И то верно. (Достает из кармана маленькую коробочку.) Вот мое яйцо.

Сдаёт яйцо Ниночке. Иранов развязывает узелок на своем носовом платке. Там яйцо.

Иранов. А вот мое.

Бульянов залезает в карман, и по выражению его лица видно, что произошла катастрофа.

Бульянов. Товарищи, я остался без омлета.

Ниночка. Не волнуйтесь, хватит на всех.

Иранов. Ниночка, давайте сделаем настоящий парижский омлет!

Они окружают газовую плиту, и пока Ниночка готовит омлет, остальные наблюдают за этим священнодействием.

Копальский. Добавим конфитюр из чернослива...

Бульянов. Изюм и малину...

Иранов. Землянику со сливками...

Копальский. Чтоб он поднялся и стал пышным-пышным. Это у них называется омлет "Сюрприз".

Бульянов. А сюрприз заключается в том, что ничего подобного в нашем омлете нет.

Копальский. Знаю. Но хотя бы вообразим, что есть. (Громко.) В этом омлете вкус целого Парижа.

Дверь соседней комнаты открывается, и входит Гурганов.

Иранов (увидев его). Тсс!

Разговор оборвался. Гурганов молча проследовал через комнату, примечая по пути каждую мелочь, и убрался восвояси.

Иранов. Ну и тип. Стоит такому пройти через комнату, и омлет сразу опадает.

Гробовое молчание. Они снова вернулись к окружающей действительности. В тишине потрескивает масло на сковородке. Яйца постепенно превращаются в омлет...

И вот уже рука Бульянова ломтиком хлеба подбирает с тарелки последние крошки омлета.

Наплывом: Ниночкина комната. Вечер. Шторы задернуты, горит электричество. Все четверо сидят за столом. В центре стола самовар, перед каждым – стакан чая.

Кто-то из гостей играет на балалайке, все четверо весело поют "Париж". Ниночке хорошо в их компании.

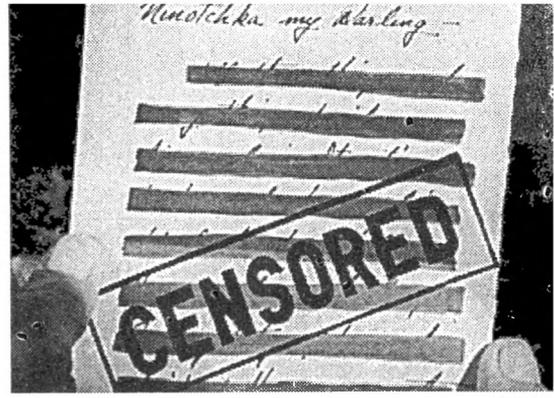
Спустя какое-то время дверь открывается и в комнату входит из коридора вторая соседка Ниночки, кондуктор. Это плотная, неприветливая женщина в спецовке.

Один из поющих вопросительно посмотрел на Ниночку и жестом показал, как в трамвае дергают за веревку звонка. Ниночка кивнула. Чтобы не вызвать неодобрения кондукторши, певцы переключаются на песню о Стеньке Разине.

Кондукторша прошла к своей кровати, скинула ботинки и форменную куртку, затем задернула занавеску. Из-за занавески доносится плеск воды; слышно, как женщина полощет горло.

Через комнату снова проходит Гурганов – на этот раз в сопровождении малолетнего сынишки.

Открывается дверь, и на пороге

появляется симпатичный старичок, Владимир.

Владимир. Товарищ Якушова, вам письмо.

Ниночка. Спасибо, товарищ Владимир. Владимир уходит.

Ниночка (показывает конверт). Из Парижа.

Копальский. Счет?

Ниночка. Письмо от Леона.

Все трое. От Леона? Как он там? Ну-ка рассказывайте... Открывайте! Расскажите, как он?

Ниночка садится поближе к лампе. Все трое заглядывают через ее плечо. Она не решается распечатать конверт: прочитать письмо от Леона ей хочется одной. Поняв, Бульянов, Иранов и Копальский отходят в дальний угол и усаживаются на кушетку. Они смотрят на Ниночку с детским нетерпением.

Волнуясь, Ниночка надрывает конверт. Начинает читать, и вдруг выражение ее лица меняется: радость сменилась жестоким разочарованием. Она переворачивает листок и, увидев, что на обороте, откладывает письмо в сторону.

Иранов (сочувственно). Плохие новости?

Ниночка. Смотрите сами.

Иранов берет со стола письмо. Все трое смотрят. Почерком Леона написано: "Ниночка, сокровище мое!" Все остальное – строчка за строчкой – вымарано. Поперек страницы жирный штамп: "Проверено цензурой".

Рука Иранова переворачивает листок. На обороте все так же проверено цензурой, кроме заключительных слов: "Твой Леон".

Иранов кладет письмо на стол. Все трое

понимают, что Ниночке хочется побыть одной.

Копальский. По-моему, уже поздно. Спокойной ночи, Ниночка.

Иранов. Спасибо за прекрасный обед. Поднявшись, Ниночка жмет им руки.

Ниночка. Спокойной ночи, друзья.

Они идут к выходу, но от порога Бульянов возвращается и шепчет Ниночке на ухо:

– Наши воспоминания цензуре не вычеркнуть, правда?

Ниночка сжимает его руку, и он молча отходит к своим.

Оставшись одна, Ниночка опускается на стул. На душе у нее тяжело. Ниночкины мысли далеко, и мысли эти слишком печальны, чтобы она замечала храп, который доносится из угла, где спит кондукторша.

Из затемнения: папка на столе Разинина. На ней надпись: "Отдел комиссара Разинина. Официальный отчет № В 567".

Рука Разинина открывает папку, перебирает бумаги.

Комиссар Разинин у себя за столом. По выражению его лица видно, что в отчете неприятные новости.

Входит Ниночка. Она несет несколько папок. Возле стола Разинина останавливается и ждет, чтобы комиссар заметил ее присутствие. Вид у нее усталый и строгий.

Разинин. Вы полностью закончили проверку?

Ниночка. Да.

Разинин. Замечательно. Наверно, трудился день и ночь. Вы когда-нибудь спите?

Ниночка. Мне много сна не надо. Я уже начала составлять реестр всего самого необходимого...

Разинин. Боюсь, товарищ, что заканчивать эту работу придется кому-то другому.

Ниночка (в изумлении). Можно спросить почему?

Разинин. Присядьте, пожалуйста. (Ниночка садится.) Вопрос конфиденциальный и очень деликатного свойства... Папиросы?

Ниночка. Благодарю вас.

Разинин. Вы не представляете, как мне трудно управляться с этим отделом! Как только наши оказываются за границей, непременно что-нибудь с ними случится. Они теряют чувство реальности. Рассказать, что сейчас происходит в Константинополе – вы не поверите! Товарищи Бульянов, Иранов и Копальский сидят там уже шесть недель и не сумели продать ни одной шкурки. (Показывает на папку.) Мне прислали анонимный отчет. Ситуация прояснилась. Они позорят нашу страну, шляясь по кафешантанам и ночным клубам.

Ниночка. Надо полагать, вы их отзовете?

Разинин. Разумеется. Но сначала я должен перепроверить этот отчет. Вот для чего вы мне понадобились.

Ниночка (с тревогой). Хотите послать меня в Константинополь?

Разинин. Да. Отправляйтесь немедленно.

Ниночка (всеми силами отбивается от этого поручения). Я очень ценю ваше доверие, но вынуждена просить вас поручить это дело кому-нибудь еще. Ужасно не хочется прерываться. Я уверена: сейчас гораздо важнее закончить реестр...

Разинин (строго). Это уж не вам решать, товарищ Якушова.

Ниночка. Извините, я не хотела превышать свои полномочия... Но пожалуйста, прошу вас, не посылайте меня!

Разинин. Я вас отказываюсь понимать.

Ниночка (делает последнюю попытку). Как бы вам объяснить... Это трудно сформулировать. Но я бы не хотела второй раз ехать за рубеж. Пожалуйста, товарищ! Разрешите мне остаться и закончить свою работу. Я только-только вошла в ритм. Мне не хочется опять окунаться в эту заграничную атмосферу – она сбивает человека с толку. Позвольте, я закончу реестр! Я вся в работе... Пожалуйста, не посылайте меня.

Разинин. Мое решение обжалованию не подлежит. Идите, выполняйте, товарищ. До свиданья.

Ниночка. Хорошо. Сделаю все, что смогу.

Уходит.

Наплывом: легко узнаваемый пейзаж – Константинополь, залитый солнцем.

Тень идущего на посадку самолета.

Вид сверху на аэропорт. Толпа встречающих. В этой толпе Иранов, Бульянов и Копальский.

На всех троих элегантные летние костюмы, все трое в превосходном расположении духа. В руках у одного огромный букет: они встречают Ниночку.

Гостиница в шикарном люксе константинопольского отеля. Обстановка в восточном стиле.

Входит Ниночка в сопровождении всей тройцы. Бульянов, Иранов и Копальский просто счастливы снова видеть ее.

Копальский (обведя рукой комнату). Вам нравится, Ниночка? Здорово, правда?

Иранов и Бульянов. Ну как?.. Как вам?

Ниночка протестует, но в ее протесте не чувствуется той убежденности, с какой она в аналогичной ситуации возражала против Королевского Люкса.

Ниночка. Послушайте, Бульянов, Иранов, Копальский...

Иранов. Ой, Ниночка, только не начинайте подсчитывать, сколько коров можно было бы купить.

Ниночка. Опять я должна отвечать за вашу блажь? Как не стыдно! Вас послали зарабатывать деньги, а не тратить.

Иранов. Бульянов, она не желает расстаться с этими устарелыми большевистскими идеями.

Бульянов. Ниночка, самое время уезжать из России.

Ниночка (что делать с этими тремя прохвостами?). Я вынуждена поступить по всей строгости.

Копальский (радостно). Узнаю нашу прежнюю Ниночку.

Бульянов и Иранов. Точно. Это она.

Ниночка. Не забывайте, что рано или поздно вам придется объясняться с Разининым.

Бульянов (весело). А, старина Разинин! Он еще жив? Ну, как он там?

Ниночка. Ну, товарищи... Послушайте, товарищи!

Копальский (ликуя). Мы уже не товарищи. Мы друзья, Ниночка.

Бульянов. Подумать только, больше не надо говорить шепотом!

Иранов. И говорить можно все, что захочется. Можно кричать! Можно жаловаться! Смотрите. (Открывает дверь в коридор. Кричит.) Обслуживание в этом отеле никуда не годится!.. Видите? Никто не пришел, никому нет дела. Вот это и называется свобода слова.

Бульянов. Нет, это называется плохое обслуживание.

Ниночка. Вы можете хоть на минутку

вернуться на землю? Мне нужен подробный доклад о ваших торговых операциях и полный финансовый отчет.

Бульянов. Зачем вам, Ниночка? Знаете турецкую поговорку? "Если где-то воняет, не суй туда нос".

Ниночка. Я знаю русскую поговорку: "Чует кошка, чье мясо съела".

Бульянов. С мясом у нас в стране обстоит так, что не кошки должны извиняться перед Россией, а Россия перед кошками.

Ниночка (беспомощно). Друзья! Не создавайте для меня лишних сложностей. Мне от этой поездки не больше радости, чем вам.

Иранов. Мы тоже думали, когда приехали: самое большее, на что можно рассчитывать, — это турецкие бани. Но оказалось всё не так.

Копальский. Ниночка, это волшебный восток, край Аладдина с его лампой...

Иранов. Край Али-Бабы с его сорока разбойниками. За один час тут можно прожить тысячу и одну ночь.

Бульянов. И для этого нужно только сказать: "Сезам, откройся!"

Ниночка. Не знаю, смогу ли я вас выручить на этот раз. Чем все это кончится?! Что с вами будет?!

Бульянов (доверительно). Сказать?

Иранов и Копальский. Скажи.

Бульянов (горделиво). Ниночка, просим вас быть нашей гостьей.

Ниночка. Гостьей?

Бульянов. Мы открыли ресторан.

Иранов. Повесили замечательную светящуюся вывеску: "Обедайте у Бульянова, Иранова и Копальского".

Ниночка. Вы сбежали? Из России? Это вы хотите сказать?

Копальский (ликующая песнь свободы). Почему сбежали? Наш ресторан – это и есть наша Россия. Россия с борщом, с бефстрогановым, с блинами со сметаной.

Иранов. С пирожками! Люди попробуют их и полюбят Россию!

Бульянов. Мы не только обслуживаем клиентов, мы служим своей родине. Привлекаем друзей.

Ниночка (окончательно растерявшись). Кто вас надоумил? Как вам пришло это в голову?

Копальский (у него заблестели глаза). В Константинополе есть что-то такое... Что-то неотразимое...

Иранов. Оно носится в воздухе!.. Идешь по улице – а оно ждет тебя за углом.

Бульянов. Или на базаре... Или в коридоре... Или в тени минарета.

Копальский (показывает пальцем). А сейчас оно вон там, на балконе.

Ниночка поворачивает голову и видит улыбающегося Леона. Она ошеломлена. А он молча идет к ней.

Ниночка (никак не придет в себя). Так значит, это твои штуки... Я могла бы и догадаться.

Он берет ее руки, целует.

Переглянувшись, трое русских незаметно покидают комнату и прикрывают за собой дверь.

Леон влюбленно смотрит на Ниночку.

Леон. В Россию меня не пустили, так что пришлось вытащить тебя. Не мог же я бить морду каждому чиновнику, который не дает мне визу? Солнышко, я должен был

увидеть тебя! Я тебе писал, писал, писал... И все письма возвращались назад.

Ниночка. Одно я получила. Но что было написано, прочитать мне не дали. Оно начиналось так: "Ниночка, сокровище мое!" А кончалось так: "Твой Леон".

Леон (с волнением). Не буду рассказывать, что там было. Я тебе это покажу. И докажу. На это потребуется время, Ниночка! Вся жизнь.

Ниночка понимает, что пришло время принимать решение. Чего ей хочется, она знает – и все же пытается потянуть с ответом.

Ниночка. Леон, ведь я приехала на несколько дней.

Леон. Если ты со мной не останешься, мне придется продолжать борьбу. Буду ездить по всем странам, где есть советские миссии. Я всех превращу в Бульяновых, Ирановых и Копальских. Заполню весь мир русскими ресторанами. Ты же не хочешь, чтоб Россия совсем обезлюдела? Один раз ты спасла свою страну – тем, что вернулась. А теперь можешь спасти тем, что останешься.

Ниночка. Ну, если уж приходится выбирать между личными желаниями и интересами родины – какие могут быть колебания? Никто не скажет, что Ниночка не патриотка.

Леон хватает ее в объятия. Долгий поцелуй.

Перевод В.Ф.

Объявленный нашим журналом конкурс на лучший сценарий "Зеркало" подходит к завершению.

После первого тура конкурса премии и право на участие во втором туре завоевали 15 заявок (см. журнал "Киносценарии" №4, 1995 г.).

К участию во втором туре конкурса представлены полнометражные сценарии лишь по десяти премированным заявкам, поэтому оргкомитет конкурса счел себя в праве предложить участие в конкурсе авторам, чьи заявки получили у жюри наивысший балл, но не вошли в число призеров первого тура.

Таким образом во втором туре конкурса "Зеркало" принимают участие:

1. **Алексей Тимм, Эльдар Рязанов** "Дорогие мои дуралеи"
(по заявке "Дни радости, или след предыдущей жизни")
2. **Александр Миндадзе** "Время танцора"
3. **Александр Гоноровский, Рамиль Ямалеев** "Первые на Луне"
4. **Ирина Васильева** "Гамлет Петрович, посредник"
5. **Анатолий Усов** "Русский"
6. **Евгений Митько** "Лицо кавказской национальности"
7. **Борис Добродеев** "Проклятый"
8. **Марина Зверева, Ираклий Квирикадзе** "Кабан"
9. **Исаак Фридберг** "Гимназистка"
10. **Юрий Коротков, Валерий Тодоровский** "Подвиг"
11. **Отар Иоселиани** "Зима в Грузии"
12. **Александр Галин** "Аномалия"
13. **Ариф Алиев** "Натиск страсти"

*****

Жюри в прежнем составе:

Марк Захаров (председатель),
Кшиштоф Занусси, Алексей Герман, Григорий Горин,
Юрий Арабов, Вадим Абдрашитов, Валерий Фрид,
Реваз Габриадзе, Наталья Рюрикова
объявит победителей в конце 1995 года.

Сценарии-победители конкурса "Зеркало" будут опубликованы на страницах нашего журнала.

*****

А пока – представляем читателям журнала заявки, победившие в первом туре конкурса, по которым не были написаны полнометражные сценарии.

ЗЕРКАЛО ЗЕРКАЛО ЗЕРКАЛО

Алла Сурина

Итробизация

Я не верю в Бога.

Божественный замысел Создателя провалился. Для меня это очевидно.

Мне 35 лет, я врач-программист, работаю в научном институте по проблемам здоровья человека. Целые дни я провожу за компьютером и приборами. Я делаю ана-

лизы беременным женщинам и даю им заключение о состоянии их плода. С помощью техники я изучаю будущее новорожденного человека, я вижу, кто родится: мальчик или девочка; я знаю, какие болезни их подстерегают, как их избежать. Экран монитора показывает мне: слева – точную дату рождения существа и точную дату его смерти – справа. В центре экрана бесстрастно крутятся секунды жизни, и если моего паци-

ента, у которого еще нет даже имени, ждут серьезные опасности, коварные болезни – мне сигнализирует о них красная точка. Я выясняю причину, я могу посоветовать сделать ребенку операцию, скажем, удалить ген X, чтобы впоследствии этот человек прожил долго или не делал глупостей. Когда у меня возникают затруднения и я не могу выяснить сразу причины болезни, я иду в специальную институтскую комиссию и беру разрешение на длительные исследования.

Я провожу их в закрытом охраняемом помещении. Дискета с цифровой записью

жизни человека подвергается специальной расшифровке. На экране большого монитора я вижу графику, графика постепенно трансформируется в четкое изображение, и вот уже передо мной реальный человек. Я могу увидеть его в любой момент его существования; я могу остановить мчащийся секундный таймер и подробно рассмотреть эпизод из жизни мужчины или женщины. Но я не злоупотребляю этим. Меня интересуют лишь болезни и причины, по которым они возникают.

Затем я сдаю дискету в закрытый архив, это маленькое стерильное кладбище, где хранятся сотни цифровых шифров жизни людей. Они еще не родились, они еще в утробе, а я уже знаю дату их рождения и дату их смерти и что с ними будет в промежутке между этими датами... Ничего интересного. Одно поколение с маниакальным упорством воспроизводит другое. Вот и всё.

Анна попала ко мне на прием по направлению Центра материнства. Ей было 42 года, беременность 8 месяцев. Это был не совсем типичный случай в моей практике. Как правило, я веду наблюдение за плодом, когда ему всего лишь несколько недель, и если диагноз здоровья будущего человека неутешительный, я могу вовремя рекомендовать женщине избавиться от плода, сделать аборт.

Анна фанатично хотела ребенка, но 20 лет не могла забеременеть, и только после искусственного оплодотворения ей удалось почувствовать себя матерью. Все это я узнал из ее медицинской карты.

Я провел обследование, результаты оказались удручающими. Анна должна была родить сына, но, как показал компьютер,

программа его жизни была рассчитана всего лишь на 30 лет. Кроме того, экран монитора сигнализировал мне, что начиная с 25 лет этого человека ждет серьезная болезнь. Речь шла о его мозге, психике, агрессии.

Я не сказал Анне о результатах анализа и попросил прийти ее через несколько дней. Мне требовались дополнительные исследования, и я получил разрешение комиссии.

В специально охраняемом помещении мне предстояло расшифровать дискету будущего человека. Я решил начать свое исследование с финала, со смерти. Мне надо было знать, почему так мала программа его жизни. Экран монитора от графических

картинок перешел в реальное изображение, и я увидел своего пациента 30-летним мужчиной. Он стоял ко мне спиной, затем оглянулся и посмотрел мне в глаза... По первому впечатлению это был вполне здоровый человек, но я видел на экране справа точную дату его

смерти, через несколько секунд его жизнь должна оборваться. Я перевел программу компьютера анфас, но в тот же момент я увидел, как пуля пробила череп моего пациента. Его расстреляли. За что?

Через сутки я узнал, за что. Но меня тошнило от увиденного. Парень со спокойным взглядом оказался маньяком. Начиная с 25 лет он совершал серийные убийства малолетних девочек. Я не буду рассказывать о подробностях его преступлений. В конце концов, в мою задачу входит выявить причины его болезни. И если я их найду, то его, возможно, еще удастся спасти. Скажем, прооперировать младенцем и вживить ему в мозг антиагрессант. Но сколько я ни гонял дискету, я не мог найти причин, по которым он стал убийцей. В его организме на протяжении всей жизни не было патологических отклонений, не было довлеющей опухоли мозга, ничего такого, что может превратить человека в зверя. От плода следовало избавляться.

Я встретился с Анной и все ей рассказал. Она не поверила. Я представил ей доказательства. Она не хотела слушать. Я пообещал ей проверить все еще раз, хотя ошибка компьютера была исключена. Техника, на которой велись исследования, была совершенна. Гораздо совершеннее, чем человек.

Я вновь взялся за работу. Я не спал ночами, я сидел за компьютером сутками. Мне не было жаль Анну. То, что будущий убийца не имел права на рождение, было однозначно. Но во мне говорил азарт учебного. И я добился своего, я выявил причину, по которой сын Анны стал маньяком, я сделал гениальное открытие. Этим открытием оказалась женщина.

На экране монитора: сыну Анны 16 лет. Он подрабатывает в гостинице. 17 апреля... года, в 5.30 утра он идет в номер известной скрипачки, чтобы забрать ее чемоданы и погрузить в машину. Всемирная известность утром улетает. В коридоре никого нет. Юноша видит приоткрытую дверь в комнату, слышит негромкую скрипичную музыку. Он стучит, а затем входит в номер. В комнате, заставленной цветами от поклонников музыки, все разбросано. На полу валяются компакт-диски с записью концертов Полины... Юноша идет в спальню и на пороге останавливается. На кровати, на скомканных простынях недвижно лежит молодая женщина. Она обнажена, тело ее в пятнах крови. Юноша с ужасом смотрит на эту картину, ему хочется бежать, но он не в силах отвести взгляд от женщины.

Я внимательно слежу за дисплеем и вижу расшифровку эмоционального и физиологического состояния моего подопечного. Компьютер фиксирует в подкорке мозга психический стресс и непроизвольную эрекцию.

Я вновь перевожу взгляд на монитор: юноша бросается прочь, сообщает хозяйну гостиницы о случившемся, тот вызывает "Скорую помощь". Полину забирают в больницу. Она еще жива. Ее спасают. Через несколько дней юноше передают просьбу скрипачки навестить ее в больнице. Он приходит к ней в палату, она благодарит его за то, что он спас ей жизнь. Она рассказывает ему, что хотела покончить жизнь самоубийством. Что полгода назад у нее

начался творческий кризис. Она не могла играть так, как прежде. Это произошло потому, что она потеряла любимого человека. Нелепая смерть оборвала его жизнь: он поскользнулся в ванной на мокром полу и погиб. Он был старше ее, он заменил ей отца, мужа... Он был ее единственной любовью с 17 лет. И когда его не стало, Полина поняла, что все эти годы – сейчас ей 34 – она играла не для публики, как ей казалось. Она играла для одного-единственного любимого человека.

Юноша был зачарован Полиной. Он навещал ее каждый день. Но вскоре она написала и уехала, не предупредив его. На память она оставила ему запись своего концерта. "Импровизация" – так было написано на диске.

Сын Анны слушал эту музыку. Вместе с ним эту музыку слушал и я. Я отдавал себе отчет, что эта музыка еще не написана, что это – музыка будущего. Но я слышал ее сегодня, при помощи компьютера, и мне было тревожно.

Через 9 лет сын Анны стал убивать 10–12-летних девочек. Все они учились музыке по классу скрипки.

Я написал заключение и сдал его в комиссию. Анну официально вызвали в институт и предложили ликвидировать плод. Она отказалась. Ее предупредили, что с этой минуты она находится под специальным наблюдением и ни одна комиссия по правам человека не возьмет ее под свою защиту. У будущего убийцы нет прав. Анне дали на размышление еще несколько дней.

Моя работа с ней как с пациенткой была завершена. Но мне не давала покоя та женщина, которая стала причиной в программе убийств. И я решил разыскать Полину. Когда юноша впервые увидел ее, Полине было 34. Значит сегодня ей 17. Я истратил на ее поиски совсем немного времени. Гениальных детей не так уж много.

Я увидел Полину на концерте в консерватории. Темноволосая девочка с серьезным лицом играла на скрипке. Не очень красивая, но очень складная, она зачаровывала публику своей вдохновенной игрой. Я не подошел к ней. Я поехал в интернат, где она воспитывалась. У нее не было родителей. Я внимательно прочел ее медицинскую карту. Директор интерната с гор-

достью показала мне отдельную комнату своей воспитанницы. Там я и дождался Полину. Мы познакомились. Она была мне интересна. Ведь эта гениальная девочка, изумительно играющая на скрипке, впоследствии произвольно станет причиной возникновения убийств. И все потому, что человек, которого она любила, расшибет себе голову в ванной. Кого она любила? Возможно, он уже существует сегодня? И я смогу встретиться с ним, предупредить его об опасности, уговорить его, чтобы он оставил Полину, отказался от нее навсегда.

Но такого человека в жизни Полины не существует. Сегодня она любит скрипку, музыку, педагогов, а с мужчинами не встречается. Полина чиста, наивна, доверчива, смешлива и одновременно серьезна. Славный ребенок. Я ухажу ни с чем. Но на прощанье я все-таки оставляю ей номер своего телефона.

Вечером Анна караулит меня у подъезда. Вид у нее ужасный. Она обвиняет меня в предательстве, она спрашивает у меня совета, ждет от меня помощи, ей необходимо знать, что сделают с ее сыном, когда он появится на свет. Она по-прежнему считает диагноз компьютера ошибочным. Я даже не пытаюсь ее переубедить. Я вижу перед собой фанатичную самку, которая ради потомства не думает о последствиях.

В выходной день мне звонит Полина. Я с тревогой слушаю ее голос, в надежде услышать признание, что в ее жизни все-таки есть любимый мужчина. Но Полина приглашает меня на концерт. Я отказываюсь, она трогательно настойчива. Я иду на концерт. После нас вместе фотографируют. Полину с цветами и меня, глупо улыбающегося. Затем я отвожу ее на машине в интернат, но она не отпускает меня, просит выпить с ней кофе. Я вижу, что ей надоело быть талантливым ребенком, ей хочется быть взрослой девушкой. Она неумело кокетничает, мне нелов-

ко, я собираюсь уходить. И тут она предлагает мне послушать импровизацию, посвященную лично мне. Она играет, я слушаю. Я не отдаю себе отчета, что уже знаю эту мелодию. Мне льстит, что эта прекрасная музыка предназначена для меня. Я благодарю Полину, я нежно целую ее, без всяких задних мыслей. А она прижимается ко мне и не отпускает. Я даже не очень понимаю, что происходит потом... Я делаю Полину женщиной. На рассвете она клянется мне в вечной любви и говорит, что я ее судьба. Мне смешно. Наивная девочка.

Утром меня вызывают в институтскую комиссию и предъявляют обвинения, что я скрыл некоторые детали в диагнозе сына Анны. Я не понимаю, в чем дело. Меня просят пройти в специальную комнату, где комиссия работает над дискетой будущего убийцы.

Я вижу на мониторе Полину, когда ей 34 года. Я вижу больницу, юношу... Я все это знаю. Затем вижу компакт-диск, подарок Полины. Юноша держит его в руках. Да, название концерта "Импровизация". Компьютер укрупняет эту деталь, и я четко читаю на мониторе, что музыка посвящена единственной любви Полины, ее мужу... Далее я вижу свои имя и фамилию.

Это чушь! Это бред! Я не верю!

Но комиссия неумолима в своем расследовании. На экране монитора – первое знакомство юноши с Полиной. Гостилица, коридор, номер, скомканные простыни, обнаженная Полина в крови. А рядом, на тумбочке – фотография. Компьютер укрупняет снимок, и я вижу 17-летнюю Полину, а рядом себя с глупой улыбкой. Снимок датирован вчерашним числом.

Я не верю! Этого не может быть!

Да, я сделал Полину женщиной, но я ее не любил, я не хотел на ней жениться и посвящать ей свою жизнь! Я, черт возьми, не собирался подышать в ванной, поскользнувшись на мокром полу! Я ни в чем не виноват!

Я познакомился с Полиной только потому, что занимался сыном Анны. Если бы не этот убийца, я бы никогда не знал о существовании Полины. А ночь, проведенная с ней, – это случайность...

Но совершенная компьютерная техника не выдает случайностей – таков закон,

которому мы все служим. Я обязан был подчиниться этому закону, я должен был найти выход из положения. А выход был один: требовалось разомкнуть цепь. Кто-то из нас – или сын Анны, или Полина, или я – должны были исчезнуть сегодня. Исчезнуть навсегда.

Но я не хотел умирать.

Я поехал на машине к консерватории и стал ждать, пока Полина закончит репетицию. Она вышла через час и зашагала со своей скрипкой по тротуару. Я смотрел ей в спину, она уходила все дальше и дальше. Я завел стартер, нажал газ, и машина полетела прямо на нее. Мне осталось только чуть крутануть рулем, и эта нескладная девочка со своей музыкой исчезла бы с лица земли. Но девочка оглянулась, и я резко дал по тормозам. Я не смог ее убить. Она рассмеялась, бросилась мне на шею и что-то залепетала о предчувствии нашей встречи.

Ночью я не мог уснуть. Я стоял на пороге собственной квартиры и молча смотрел на знакомые мне предметы. На умывальник, душ, кафедра, зеркало. Затем я взял тряпку и стал вытирать пол. Пол был сухой, но я тер и тер проклятые плиты, пока не заплакал. Я не хотел умирать. Я оделся, достал из ящика стола пистолет и сунул его в карман.

Я знал, где найти Анну... Я приехал в старый заброшенный дом на окраине города. Вот уже неделя, как она пряталась там, в надежде, что ее никто не найдет. Я толкнул дверь и достал пистолет. В доме было тихо. Я прошел по коридору и увидел в одной из комнат Анну. Она рожала. Молча, не издавая ни звука. Она боялась кричать. Анна увидела меня, но осталась нема, лишь только боль схваток исказила ее лицо. Мне стало страшно от этой неестественной немоты, я сунул оружие в карман, сдернул пиджак и помог Анне. Она родила мальчика. Я держал его на руках, а он беззвучно хватал ртом воз-

дух. Я легонько шлепнул его, и он закричал. Я улыбнулся. Я не мог его убить.

Я забрал Анну с собой. Я усадил ее вместе с сыном в машину, и мы поехали в интернат. Я разбудил Полину, собрал ее вещи, ноты, скрипку. Она была согласна уехать со мной.

Машина мчалась по ночной трассе. Две женщины и ребенок сидели на заднем сиденье. Никто ни о чем не говорил.

На рассвете я дал себе и моим спутникам передышку.

Я сидел на траве у берега зеркального озера. Полина спала на заднем сиденье. По радио негромко звучала классическая

музыка. Развернутый из пеленок младенец лежал на одеяле и спокойно-бессмысленно смотрел на светлеющее небо. Анна оставила сына и пошла умываться к озеру. Стоя по колено в воде, она зачерпывала ее и лила себе на лицо.

Неожиданно я почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Я оглянулся... Сзади никого не было. Лишь легкий порыв ветра пробежал за полем по зеленому кустарнику.

Где-то далеко в лесу проснулась и зачитала кукушка...

Я не знаю, что меня ждет впереди, что ждет нас всех. Я не хочу знать.

Я верю в Бога.

**Петр Луцик
Алексей Саморядов**

Сказка о том, что мы можем, а чего нет

Жила в Москве некая вдова, Марина Калашникова, была она по себе очень видная и привлекательная. Был у нее свой дом, каменный, в два этажа, с двором и садом. Место это было глухое, близ Яузы, со всех сторон лес да овраги, так что и поверить трудно, что Москва кругом.

Вдова эта, Марина Калашникова, держала при доме своем ресторан, но так что-

бы к ней людей приезжало много, никто не видел, а по большей части ворота всегда были закрыты. Когда же солнце садилось, ворота ее и во-

все не открывались никогда, окна же в доме горели все, музыка, крики неслись из дома такие, что и совсем простой человек сказал бы, что гуляет человек сто, не меньше, и пьют знатно, и место это лучше обойти.

В ту пору районным инспектором на

Язуе сидел Олег Георгиевич Махмудов и от сих мест кормился, как водится. Был он правитель зоркий и строгий. Торговлю ли кто завести решил, землю купить или судиться, все через Олега Георгиевича прошли, потому как районный наместник – он и Бог, и отец, а кому и мать родная.

Прибегает как-то к Махмудову инспектор его, Яшка Писецкий, и говорит:

– Воровство открыл!

– Говори, что за воровство?

– Живет у нас вдова, у Язуы в оврагах, Марина Калашникова. Дом имеет каменный, в два этажа, да двор в двадцать соток. В доме ресторан держит. Люди по ночам сотнями пьют и гуляют, а мы и не знаем. Налоги не платит, лицензии не имеет, нас не кормит!

– Молодец! – говорит Махмудов. – Десятую часть получишь, если правду говоришь.

– А баба та хорошая, сочная и рыжая, я прямо сразу про вас подумал, вам бы такую попробовать хорошо, – говорит инспектор, Яшка Писецкий.

– Эка стерва ты! – отвечает Махмудов. – Рыжая, попробуем рыжих, а то мне все что-то сивых крашенных приводят да пегих.

Приехали они до вдовьева дома, Махмудов, инспектор его да ревизор. Били они в ворота, били, да никто не открыл, только собаки из-под ворот хрипят. Приехали в другой раз, опять никого, приехали под вечер, вышла к ним вдова Марина Калашникова, а за ворота не пускает.

– Чего надо вам? – спрашивает.

Оглядел ее Махмудов и захотелось ему, аж загорелось, но он виду не подал, молчит, инспектор за него говорит:

– Кабак содержишь тайно, лицензии нет, в казну налог не платишь, России убыток, а по ночам народу полный дом, тюрьма может получиться!

А вдова говорит улыбаясь:

– Совсем вы с ума посходили, вместо того чтобы дороги мостить да воров ловить, решили меня, вдову, разорить!

Кликнула она своего управляющего, вышел Рябов, мужик огромный, такого злобного виду, что все на шаг отступили. Вынес он бумаги. Стали они те бумаги смотреть, а там и лицензия, и налоги, все подписи и печати, а на разрешении ресторан держать подпись самого Махмудова. Понять ничего не могут, поехали в префектуру, стали там бумаги смотреть, точно, все копии есть, все уплачено, ни к чему не придерешься, да только вспомнить никто не может, чтобы вдова эта к ним приходила или Рябов, ее управляющий. Махмудов совсем растерялся, чтоб он лицензию выписывал, а денег не брал.

Собрал он своих инспекторов да ревизоров, до полуночи они говорили, секретарей вызвали, но ничего открыться не смогло. И порешили тогда, что, когда Махмудов лицензию выписывал, он, вероятно, пьяный был, а за всеми налогами не уследишь. Хотя странность выходила: по документам у вдовы, в ресторане ее, и десяти человек за день не сидит и, кроме воды, ничего не пьют, а, по слухам, гуляли там по ночам до ста человек. Это ведь и водки и закусок сколько надо, страшные деньги, а машин с товаром никто и не видел.

Решили они тайно за домом Марины последить, послали верного человека. Тот вокруг дома ночью ходил и вдруг странные крики услышал. Прислушался он, а за забором во дворе и кони ржут, и овцы блеют. Нашел он маленькую щель, но ничего не увидел, а только ткнули ему через щель соломинкой прямо в глаз, и он убежал.

Приказал Махмудов вдову утром к нему в кабинет привезти: он с ней поговорит и сколько денег с нее брать решит. Привезли Марину, он ей и говорит:

– Хорошая ты баба, давно о такой мечтал, все мне сивые да пегие достаются, а рыжих, как ты, не было, оттого мне и радостно сегодня. Если же ты совсем ласковая будешь, удивишь меня чем-нибудь, а с тебя денег меньше всех брать буду, а дом твой люди мои обходить стороной будут.

– Любишь ты баб, – говорит ему Марина.

– Люблю, – отвечает Махмудов. – Аж сил нету, хоть каждый час заводи, мне все мало! И сил уж нет, так я и глазами готов смотреть, не насытюсь! Видать, болезнь у меня такая.

Засмеялась Марина:

– Ладно, вылечу тебя, а то совсем износишься, кто нами править будет? Будешь ты баб хотеть, а не мочь.

Сказала и смеясь ушла. Обиделся Махмудов, ну, думает, или вдова моя будет, или разорю её, до суда доведу.

Только с того дня случилась с ним беда. Как только дойдет у него с какой-нибудь женщиной до дела, чувствует он, что хочет, а не может. Он уж и все средства перепробовал, и к врачам ходил, даже за границу ездил, ничего не помогло. Потом уж умный человек сказал ему, что это не болезнь, а сглазили его, да так, что и снять нельзя. Тут-то Олег Георгиевич и вспомнил про вдову Марина Калашникову.

Приезжает к ней и говорит:

– Снимай, ведьма, сглаз свой!

А та отвечает:

– Рада бы, да только через пять лет снимается.

– Это когда мне шестьдесят будет! – говорит Махмудов. – Ну смотри, если через три дня не снимешь, разорю тебя и до тюрьмы доведу, а то еще чего хуже будет!

А Марина смеется в ответ. Взялся тогда Олег Георгиевич Махмудов извести вдову всерьез. Лучшие ревизоры за ней в охоту пошли, у дома ее милиция круглые сутки дежурит. Да только ничего они поделывать не могут. Гуляет по ночам кто-то в доме, а как облаву устроят, все тихо и спокойно, одна вдова в доме, говорит им смеясь:

– Зря ищите, это наместник наш разорить меня хочет, а я, чтоб подразнить его, магнитофон громко включаю, там у меня свадьба в Рязанской области записана.

Включили магнитофон, точно, пьют, гуляют да поют.

Вызвал тогда Махмудов самого бесстрашного участкового в Москве, Николая Смагина, что еще мальчишкой, за особую злобность, был привезен из Саратова, чтоб столицу от бандитов стеречь. Взял Смагин свой именной пистолет и гирю фунтовую и пошел ночью один во вдовый дом. Перелез он через забор и сразу высадил окно в дом. В доме же, как и полагается, был шабаш бесовский. Гуляли так, что аж половицы тряслись. Начал Смагин бесов гирей охаживать, да все мимо, а потом вдруг чует, что пьян и на ногах устоять не может.

– Да что ж это, братцы, здесь делается? – кричал он и упал.

Очнулся он в канаве, с дикого похмелья. Пришел к Махмудову и говорит:

– Ну вас к черту! Вы мне банду дайте!

Вызвал Махмудов еще одного. Этот опытнейший человек был, в разведке тридцать лет пробыл, в семи странах, на самом что ни есть секретном фронте, под пыткой наших разведчиков не выдал. Пришел он, выслушал всех, поглядел ночью на дом вдовы и сказал:

– Я туда не пойду, старый я уже в такие игры играть.

Посылал еще Олег Георгиевич двух братьев Курдюковых дом поджечь, но они лес соседний спалили.

Три дня думал Махмудов, как ему вдову поймать, думал и придумал. Подсказал ему один знакомый из Моссовета, что было раньше особое при правительстве подразделение, и если где вдруг что непонятное, волк ли в женщину обращался, или шумы какие посторонние, или огни необычные, их и посылали. Время же теперь смутное, не до них стало, а вот одного человека он адрес знает, живет в Самаре такой Костя Некрасов.

Тут же разыскали этого Некрасова и привезли в Москву к Махмудову. Рассказал ему все Олег Георгиевич и спросил, возьмется ли Константин Некрасов государству и ему лично службу сослужить.

Был Костя человек бесхитростный и спокойный, и когда в детстве на их берегу стал неизвестно кто людей топить, поплыл Костя в такую лунную ночь с ножом в зубах, и когда стали его за ноги под воду тащить, он сам нырнул. Что там под водой было – неизвестно, но только люди с той поры топнуть перестали.

Попросил Костя у наместника только бумагу с четырьмя красными печатями по углам.

– Зачем? – удивился Махмудов.

– Потому как против бумаги с государственными печатями никакая сила не устоит.

Взял Костя два нагана с серебряными пулями, нож из бериллиевой стали да наручников десяток. Пришел, как стемнело, к

дому вдовы, а там уж гуляют вовсю. Не стал Костя стучаться, перелез через забор и вошел в дом.

Идет по дому, а там людей пропасть, пьют, едят, гуляют, песни кричат. Люди как люди, но все как-то не то. Зашел он в зал, сел за стол,

смотрит, пиво из бочки черпают, а оно не убавляется, водку из бутылки, вино литыю – полные бутылки. Да, думает Костя, тут не серебряные пули нужны, тут титановые хорошо бы. Как вдруг вышла хозяйка, сама Марина Калашникова, и прямо к нему идет и улыбается. Увидел ее Костя и оторвать взгляда не может, вот так баба, думает, мне бы такую, чего бы я только ни сделал для нее.

Подходит Марина к нему и говорит:

– А ты как сюда попал?

– Женихья пришел! – вдруг закричал кто-то.

– На ком же, на мне что ли? – улыбнулась Марина.

– На мне! – вскочил какой-то мужик и заскакал по залу хохоча. – На мне! На мне!

– Нет, на мне! – закричал другой и тоже запрыгал. – Нет, на мне! На мне!

– Так на ком же? – ласково спросила вдова.

– Я, пожалуй, осмотрюсь сначала, – ответил ей Костя.

– Осмотрись, – говорит, а сама прямо в глаза ему смотрит.

Тут кто-то подбежал к Некрасову, поднес ему рюмку с водкой, приговаривая:

– Хлеб-соль! Жениху хлеб-соль!

Костя и выпил. Закружилось у него в голове, в глазах свет пропал, а когда открыл он глаза, видит: висит на стене огромного дома, руками за крышу держится, вот-вот сорвется. Подтянулся он, сколько сил было, лег на крышу, дух переводя.

Спустился Костя на улицу, поймал машину и помчался назад к вдовьему дому. Вошел, а его уж встречают как старого знакомого. Спрашивают его бесы:

– Ну что, еще водки выпьешь?

– Нет, спасибо, воздержусь.

Сел он в углу, присматривается, ждет, что дальше будет, и вдруг снова увидел Марину Калашникову. Эх, думает снова, что за баба, все для нее бы сделал, а потом думает, колдовство это, наваждение, пришел шабаш разгонять, а меня через

бабу и подловили. Марина же смотрит на него, улыбается, словно все мысли его насквозь видит.

Вдруг почувствовал Костя, ноги стынют, смотрит, а ботинок нету. Встал он, все как закричат:

– Жених-то босой! Босой! Босой!

– Ладно, братцы, отдайте ботинки, – говорит мирно Костя.

– Нет, мы сначала тебе пятки подмажем! – кричат.

Сунул Костя руку в карман, где наган с серебряными пулями лежал.

– Да ладно! – закричала нечисть. – Возьми свои ботинки! Шутим мы!

Надел Костя ботинки, которые кто-то уж и вычистить успел, как вдруг закружило его и свет в глазах померк, а когда открыл он глаза, видит, свет над ним яркий горит и хирурги над ним склонились с инструментами, резать собираются. Закричал Костя, вскочил с операционного стола, разметал врачей, а через час уж снова в дом к Калашниковой входил.

Вышел Костя на середину зала, положил на стол перед Мариной бумагу с четырьмя красными печатями и говорит:

– Хочу сейчас, чтобы вы сами покорились властям, чтоб налоги платили, паспорта имели, да бабам голым не ходить, а сейчас я всех проверять буду!

Сказал, и тихо аж стало.

– Да ведь он – дурак! – сказал вдруг кто-то. – Я ж его знаю! Это Костя Некрасов из Самары. Он и в Самаре дураком был. Ему скажешь с головой в печь лезть – он и ползет!

– Дурак! Дурак! – закричали все.

Достал тогда Костя оба нагана и стал палить в нечисть. Закричали все, разбежаться стали, только Марина не двинулась,

глядела на Костю грустно. Три раза перезаряжал Костя наганы, всех перестрелял, кроме хозяйки. Сел за стол, напротив нее, и говорит:

– Вот и вышло моему, говорил, покоритесь! Теперь соберитесь, со мной в префектуру пойдешь!

– А ведь он и вправду дурак! – вдруг говорит один из убитых, приподнявшись.

Все убитые Костей поднялись и обступили его со всех сторон.

– А я думала, ты правда жениться приходил, – сказала Марина.

Встал Костя, а вокруг все потемнело и все пропало, смотрит он по сторонам, лес кругом черный. Пошел Костя, спотыкаясь о пни, пригляделся, а под ногами вроде как рельсы и шпалы, вдруг шум, ветер и две фары в темноте. Бросился Костя бежать, а шум уж совсем за спиной, впереди же вдруг засветлело. Выбежал Костя из туннеля, из последних сил на платформу прыгнул, под ноги людям, а сзади него вагоны метро пронеслись.

Затосковал Костя. Ходит все утро по городу и понять не может, как нечисть ему разогнать, а перед глазами все Марина Калашникова стоит.

Пришел Костя днем к Марине, она глядит на него, смеется, босая двор метет. Пригласила Костю в дом, чаю попить. Сидели они одни, болтали до самого вечера, а о чем, Костя и вспомнить не смог, ушел от нее как пьяный, шел улицами да и зашел на Лосиный остров, заблудился и всю ночь на пне просидел улыбаясь.

На следующий день Махмудов его к себе вызывает, расспрашивает, как дела, скоро ли вдова сдастся. Попросил Костя еще три дня, пришел опять к вдове днем, про все дела забыл, а вместо этого дрова ей для бани переколот, насос для сада наладил, в сарае дверь починил. Покормила она его обедом. Поел он, да, видно, так намаялся, что его в сон сморило, и он до утра проспал у нее в доме, как в беспомощности. Проснулся, а уж завтрак готов. Ест Костя, и хорошо и тревожно ему. Про все забыл, долг забыл, службу забыл: сов-

сем меня околдовала, думает, а уже второй день на исходе.

Уйду от нее, решил Костя, а вместо этого с Мариной в кино пошел да на карусели до вечера прокатался.

Ночью же Костя среди гостей сидел, ни на кого не бросался, все думал, как ему вдове уберечь и долг соблюсти, ничего придумать не смог, а только напился, и плясал, и песни пел со всеми, да и подрался с каким-то красавчиком, который за Мариной ухаживал и на ухо ей что-то шептать пытался.

Утром он в гостиницу к себе пришел, смотрит, а на нем рубашка белая, галстук, а костюм такой, что он видел только на картинках в журнале. Усмехнулся Костя да и спать лег. Разбудил же его Махмудов и говорит: день у тебя остался, потом пожгу вдову, дом порушу, если не покорятся мне и она лично. Сказал, что солдат уже вызвал вдову жечь.

Пришел Костя к Марине и говорит:

– Покоритесь наместнику или пожгут вас завтра солдаты.

А Марина смеется:

– Пусть жгут, посмотрим. Или хочешь, чтоб я к Махмудову пошла?

Сидел Костя в эту ночь с гостями Марины чернее тучи, просил их покориться, но они только смеялись над ним. Стал он опять Марину уговаривать:

– Разгони ты их, не приваживай, а я тебя Махмудову не выдам, ничего он тебе тогда не сделает, будешь жить спокойно, чего они тебе, вместе жить будем.

Смотрела на него Марина, смотрела и говорит:

– Ладно, будь по-твоему, иди к своему Махмудову и скажи, что покоримся мы ему и налоги платить будем. Так ли ты хочешь?

– Так! – обрадовался Костя.

– И сама я покорюсь ему, согрею его. Так ли ты хочешь?

– Не говори так про себя, а то убью я его сам.

– Ладно, беги, шучу я! – улыбнулась Марина.

Наклонила она к себе его голову и поцеловала прямо в губы. Побежал Костя радостный к Махмудову, сказал, что покорится ему нечистая сила, утро уж начиналось. Глянули они в окно, что-то го-

рит, огонь до неба, у Яузы в оврагах.

Прибежал Костя к дому Марины, а там уже пожарные, дом догорает. Стал он искать Марину, а ее нет, спрашивает, кто дом поджег, говорят, сам вдруг вспыхнул разом, а перед этим из ворот женщина вышла с чемоданом и ушла. Бросился Костя искать Марину по всему городу, по всем вокзалам, да разве теперь найдешь...

Валентин Черных

Женщин обижать не рекомендуется

Дочь собиралась в школу на работу, а мать собирала внучку в детский сад; сама она предпочитала ночные дежурства в больнице: и платят больше, и есть время помочь дочери. Дочь пила чай и читала вслух хронику криминальных событий в их любимой газете "Московский комсомолец", они особенно любили эту рубрику, потому что в их жизни никаких событий не происходило.

Дочь, не особенно вдумываясь, читала о том, что накануне крупный московский бизнесмен Иван Бурцев попал в автокатастрофу. Сидящая рядом с ним жена, экс-мисс Россия, скончалась на месте, а сам Бурцев находится в реанимации, и шансов выжить у него немного.

И только дочитав сообщение, дочь поняла, что это име-

ет к ней самое прямое отношение. Мать заплакала: хоть и бывший, но все-таки муж. Он давно не поддерживал отношений с бывшей семьей, стал владельцем судоходной компании и, поговаривали, миллиардером. Дочь понеслась в институт травматологии. Сведения были неутешительные: если и выживет, то останется неподвижным на всю жизнь.

Отец выжил, дочь была все время рядом. Потом отец вернулся к себе на квартиру, но, как и предполагали врачи, остался совершенно неподвижным. Дочь все время была рядом с ним, отец впервые увидел внучку. К нему приезжали сотрудники, формально он продолжал руководить компанией. Но однажды к отцу приехал его заместитель,

молодой, элегантный, который сразу поразил ее. Но тот даже не взглянул на нее и попросил выйти, чтобы поговорить с отцом. После его ухода отцу стало хуже, он позвал дочь и рассказал ей, что ему предлагают выйти из дела и продать акции. Дочь многое узнала в тот вечер: что отец не верит в случайность катастрофы – она явно подстроена, что компания переживает трудности, конкуренты пытаются выдвинуть ее из сферы их деятельности. Отец не хотел терять компанию, которую создал, – его дед и прадед были паромщиками. Ожидание разговора было совсем уж неожиданным для нее:

– У меня нет сына, которому я мог бы передать дело, – сказал он. – Придется тебе взять все на себя.

– Но я же в этом ничего не понимаю, – возразила она.

– Ты же учительница, – сказал отец. – Если учишь других, можешь научиться и сама.

Она отказалась. На следующий день он попросил ее поставить на магнитофон пленку. И она услышала разговоры, которые велись в компании. Обсуждались деловые проблемы и болезнь отца. Она узнала, что директора компании консультировались с врачами и те сказали, что отцу отпущено в этой жизни несколько месяцев, но смерть может наступить и внезапно. Обсуждалась и она как наследница, но характеризовалась весьма уничижительно: так себе, серенькая мышка, дурочка – она узнала голос заместителя.

– Откуда у тебя это? – спросила она отца.

– В компании происходит утечка информации. Я только успевал принимать решение, как о нем тут же узнавали конкуренты. Я вынужден был пойти на это. Деньги потрачены не зря, – грустно сказал отец. – Наконец я узнал, что мне отпущено очень немного времени, и я хочу использовать это немного, чтобы ввести тебя в дело.

– Я согласна, – неожиданно сказала она. В ее согласии не было желания руководить. Ею двигало оскорбленное женское и человеческое самолюбие – еще никто так уничижительно не говорил о ней.

– Завтра я представлю тебя совету директоров и скажу, что, пока болею, ты будешь исполнять мои обязанности.

Дочь готовилась к представлению. Она надела свой лучший и единственный костюмчик. Модные туфли попросила у подружки, и они были ей великоваты. Отца ввели в офис в кресле-каталке. Он открыл совет директоров и представил дочь, которая с этого дня будет исполнять его обязанности, под его контролем, разумеется. Отца спросили:

– А кто ваша дочь по профессии?

– Учительница.

– А вы уверены, что она справится?

– Уверен, – ответил отец. – У нее в классе тридцать учеников, а присутствующих здесь вдвое меньше.

На следующий день она вышла на работу. Сидела в кабинете. И ничего не происходило. Не звонили телефоны, не было факсов, никто к ней не заходил, ее игнорировали. Секретарша принесла ей кофе и увидела, что та плачет. Секретарша проработала с отцом много лет, начиная еще с министерства, и дочь испытывала к ней доверие.

– Что мне делать? – спросила дочь.

– Тебя съедят, – ответила ей секретарша. – Мне уже предложили подыскивать новую работу. Я здесь последний месяц.

Женщины обсудили ситуацию. Власть в компании уже взял заместитель – молодой, напористый, знающий, он целиком отдавался делу. Даже женщины его не интересовали, они его просто обслуживали. Их у него было три, и каждая знала свой график. Два вечера в неделю – бассейн, два вечера – карате, два вечера – женщины.

Дочь рассказала о своем первом рабочем дне отцу и спросила:

– Что же мне делать? Кажется, я уже проиграла.

– Пусть это кажется им, – ответил отец. – Конечно, тебе придется осваивать новое дело. Но у тебя хорошая команда.

– Команда против меня!

– Часть команды, – поправил отец. – Другую часть тебе придется создать самой.

– Но как?

– У меня мало времени, – ответил отец и дал ей радиоманитофон, крохотный, булавочный, с принимающим и записывающим устройством.

– Я никогда не буду этим заниматься, – решительно заявила дочь.

– Будешь, – ответил отец. – А вечером будешь прослушивать и анализировать, где ты ошиблась.

– Но со мною никто и ни о чем не говорит, – сказала дочь. – На пленке будут только мои рыдания.

– Не только, – ответил отец. – А завтра назначай заседание совета директоров.

В назначенное время все собрались, и она начала совет. Ее информировали, требовали, чтобы она приняла решение, были вопросы на засыпку. Она выслушала и сказала:

– Я подумаю и отвечу завтра.

Все понимали, что она оттягивает время. Ее хотели унижить, доказать, что она никто. Она видела усмешки, слышала реплики. Юрист, женщина молодая и элегантная, требовала немедленного подписания подготовленных контрактов – компания теряла деньги.

– Все свободны, а вы оставайтесь, и мы разберемся с договорами, – попросила она юриста.

Она начала задавать юристу такие вопросы, что уже через минуту та сказала:

– Извините, но в мои обязанности не входит ликбез по юриспруденции. Вы задаете вопросы, ответы на которые сегодня знает каждый школьник.

И юрист ушла, оставив ей договоры.

Она собрала договоры в аккуратную стопочку и вызвала машину. Машину пришлось ждать долго – и здесь ее унижали.

С договорами она поехала к школьной подруге-юристу. Оказалось, что все договоры были составлены безупречно, кроме одного – здесь ее хотели подставить.

Потом она поехала к другой школьной подруге, театральному режиссеру, и, все рассказав ей, попросила совета:

– Ну как мне быть? Представь, что я героиня пьесы, которая попала в нелепую, абсурдную ситуацию. Была никем, школьной училкой, а стала главой компании. И все над ней смеются, она ничего не понимает.

– То есть героиня – дурочка? – уточнила режиссерша.

– Ну почему так уж и дурочка? – попыталась сопротивляться она.

– Потому что дурочки в такой ситуации хотят казаться умными. Умные в таких ситуациях, наоборот, играют под дурочку, и все успокаиваются – дурочки не страшны, их не боятся.

И подруга разрабатывает стиль поведения героини.

Вечером она вместе с отцом прослушивает пленку, отец дает пояснения, вносит коррективы. А она начинает свою игру. На следующий день на совещании директоров она признается:

– Извините, но в этом я ничего не понимаю. У меня только одна просьба: не говорите об этом отцу. Я не хочу его волновать. И делайте все, что считаете нужным. Я буду только приходить на работу. Такой зарплаты у меня никогда не было и не будет. Я за это время успею отремонтировать квартиру, прикупить кое-что себе и матери.

Совет директоров не ожидал такой непосредственности даже от нее и успокоился. Все знали, что главе компании осталось жить очень немного. Но отец понимал, что учеба может затянуться, если рядом с ней постоянно не будет надежного и опытного советника. И однажды на совете директоров она представила как своего советника бывшего министра морского флота, отправленного на пенсию – он в девяносто первом году поддержал ГКЧП, – человека опытного и крутого. Когда ее спросили, как это понимать, она ответила:

– Это просьба отца. Петр Николаевич на пенсии, он ему хочет помочь материально.

Совет директоров стерпел и это. Не надолго же!

Потом в компании появилась ее подруга-юрист. Но у нас уже есть хороший юрист, сказали ей.

– Это моя подруга. Она сейчас без работы. Она не претендует ни на большую должность, ни на большую зарплату. Пожалуйста, дайте возможность заработать.

Смирились и с этим. Забеспокоились, когда ей принесли приказ, подготовленный заместителем, об увольнении начальника аналитического центра. Была такая должность в компании. Отец сам нашел этого человека и всегда говорил ей, что пьянство и непредсказуемость окупаются его почти гениальностью – его предвидение экономико компании сотни миллионов рублей. Но у того были плохие отношения с заместителем, который не терпел неточности, необязательности.

– Нет, – неожиданно сказала она. – Пока я здесь, не будет уволен ни один человек, приглашенный моим отцом. Потом, когда я уйду, делайте все что угодно.

На следующий день гений прогноза записал в очередной раз и не вышел на работу. Она пригласила лучших специалистов по лечению алкоголизма, но понимала, что главное – вывести его из депрессии: от него ушла жена, и он не мог с этим смириться.

Она устроила вечеринку, на которую пригласила всех незамужних учительниц своей школы. Единственным мужчиной на вечеринке был аналитик. И ему не помог весь его уникальный аналитический дар, он влюбился в одну из учительниц и совсем не в ту, которую она планировала. И это оказалось лучшим лечением.

Она начала понимать уже многое в механизме компании. Иногда она собирала свой теневой совет директоров, в который входили секретарша, бывший министр, аналитик и подруга-юрист. Но по-прежнему на работу приходила в своем учительском костюмчике. И никто не знал, что подруга-режиссерша нашла модельера и визажиста, которые выработывали для нее новый облик деловой женщины.

Однажды заместитель попал в Дом кино и увидел элегантную раскованную женщину в окружении известных актеров, в этот круг ее ввела подруга-режиссерша. Он подошел к ней:

– Добрый вечер, Вера Ивановна.

– Извините, но я вас не знаю, – ответила она. Не удержалась и добавила: – И знать не хочу.

То, что судоходной компанией руководит женщина, не могло пройти мимо телевидения. Ее попросили дать интервью, она согласилась. Ведущая начала задавать вопросы:

– Кому труднее заниматься бизнесом, мужчинам или женщинам?

– Конечно, мужчинам, – ответила она. – Бизнес – это в первую очередь умение считать. Чего можешь, чего не можешь, а если сможешь, то когда? Только гений может прокормить семью на триста тысяч. А наши женщины с этим справляются, потому что умеют считать и комбинировать возможное с невозможным. Женщина всегда знает, сколько у нее макарон, гречки, пшена, подсолнечного масла. А я знаю, где наши суда, куда идут, что везут, где и когда и чем будут загружаться, когда у них текущий ремонт. Я всегда знаю не только, сколько у меня денег на текущем счете в банке, но и сколько в собственном кошельке.

– А сколько у вас сейчас денег в кошельке? – задала провокационный вопрос ведущая.

– Двести двадцать тысяч четыреста пятьдесят два рубля. А сколько у вас? – спросила она.

– Сто двадцать тысяч, – уверенно ответила ведущая.

– Предлагаю пари, – сказала она. – Сейчас мы посчитаем наши деньги, и тот, кто окажется неточным, проигрывает и отдает свои деньги.

Она вывалила содержимое своего кошелька на стол, и они с ведущей начали считать. У нее оказалось точно двести двадцать тысяч четыреста пятьдесят два рубля. Потом они посчитали деньги ведущей, и у той оказалось на семьсот рублей меньше. Она обрадовалась, что выиграла, но не взяла выигрыш. Ведущая настаивала.

– Я не возьму, – решительно отказала она. – Вам не хватает денег до зарплаты, а я хорошо знаю, что это значит, когда не хватает денег до зарплаты. – И призналась: – Я, конечно, всегда знаю, сколько у меня денег в кошельке, но не настолько точно, конечно. Но я внимательно слежу за вашими передачами и знаю, что вы всегда задаете провокационные вопросы. Помните, как вы задали вопрос директорше швейной фабрики, какой фирмы на ней костюмчик. Оказался – французский. И когда я

думала, какой же провокационный вопрос вы мне зададите, то решила, что это может быть вопрос, перед вашим приходом. И своими ответами я все время подводила вас к этому вопросу.

– Вы выиграли дважды, – признала телевизионщица.

– Если я выиграла, не вырезайте этот кусок, – попросила она. – Это же смешно, как мы с вами считаем деньги!

Заместитель, узнав об этом интервью, включил телевизор и нажал клавишу записи видеоманитофона. Он улыбнулся этому эпизоду. Потом еще раз прокрутил пленку и задумался. Это происходило в тот самый момент, когда они решили отказаться от ее услуг, во всяком случае просить об этом отца. Но не успели: на следующий день в компании узнали, что ночью ее глава скорострительно умер.

После похорон к ней зашел заместитель.

– Нам надо поговорить, – сказал он.

– Надо, – согласилась она. – Компания терпит убытки из-за утечки информации.

И она представила заместителю своего бывшего соученика по школе, бывшего сотрудника федеральной службы контрразведки, уволенного при очередной реорганизации.

Бывший контрразведчик, по ее поручению, изучил ситуацию в компании.

– По моим предположениям, утечка идет от одного из членов совета директоров, – и бывший контрразведчик назвал фамилию.

– Этого не может быть, – отверг подозрения заместитель. – Он мой сокурсник по финансовой академии, и мы вместе пришли в компанию.

– Я предлагаю запустить дезинформацию в конкурирующую компанию, но об этом будут знать только четверо: вы, я, Вера и он.

Заместитель молчал.

– Да, – приняла решение она. – Запускаем.

Дезинформация была мгновенно получена конкурентами. На следующем заседании совета директоров она спокойно рассказала о случившемся.

Совет директоров молчал. И она снова приняла решение.

– Вы больше не работаете в компании. Сообщения мы продолжим без вас, – спокойно обратилась она к разоблаченному.

Теперь она уже действовала. У юриста компании закончился срок контракта, и она его не продлила.

– Может быть, я могу узнать причины? – спросила юрист.

– Вы слишком эмоциональны для юриста.

– А вы... – начала было юрист.

– А ваше мнение о себе я уже знаю, – оборвала она уже бывшую сотрудницу и добавила: – Извините, у меня мало времени...

На следующем заседании она ввела в Совет директоров нового юриста, аналитика и бывшего министра.

Теперь все ждали, кто предпримет заместитель. В организации не могло быть двух лидеров. А он медлил. И когда об этом спросил его самый близкий друг, он признался:

– Она мне нравится.

– Тебе нравится эта дурочка?

– Эта дурочка переиграла нас всех. Когда ее нет в компании, я как будто не живу, только работаю.

– Может быть, ты влюбился? – ужаснулся друг.

– Может быть...

Однажды она зашла в кабинет заместителя и изложила ему идею. Он сразу понял, что их конкуренты будут разорены, если примут эту комбинацию.

– Зачем вам это надо? – спросил он.

– Они убили моего отца.

– Следствие этого не доказало...

– Но об этом знают все. И если я их не накажу, меня перестанут уважать.

Это была многоходовая комбинация. Она и заместитель выиграли. Глава разоренной компании ворвался в ее кабинет:

– Ты сука, но я еще не проиграл!

– Ты проиграл, – и она улыбнулась. Она почти всегда будет улыбаться, и когда будет хвалить сотрудников, и когда ругать. Это у нее останется от школьной учительницы.

Глава разоренной компании молча вышел и сел в свой "мерседес"... Его попросили выйти. За руль сел один из водителей ее компании. Он разогнал "мерседес", резко развернулся, у автомобиля отскочило колесо, и его занесло. Он посмотрел вверх, увидел ее, стоящую у окна, и все понял.

А вечером они с заместителем уже были

в Лондоне. Заместитель видел, как она вела переговоры – обстоятельно, с юмором, смеясь соглашалась, улыбаясь отказывалась.

После подписания генерального договора она вдруг исчезла. За несколько минут она не могла далеко уйти. Он нашел ее у витрины магазина сувениров.

– Я испугался, что вы заблудитесь, – признался он.

– Помогите мне! Я должна выбрать главный сувенир, – попросила она.

– Что это такое? – не понял он.

– Надо, чтобы он был очень оригинальным и очень дешевым, но казался бы дорогим.

– Но вы не бедная женщина, чтобы покупать дешевые сувениры!

– Я не бедная женщина, но у меня очень много знакомых. Мне надо привезти и девочкам в компании, и девочкам в школу, и девочкам в мамину больницу, и девочкам в детском саду, куда ходит моя дочь. Я подсчитала – мне нужно привезти сорок восемь, а еще лучше – пятьдесят два сувенира. А у меня много трат впереди. Я видела замечательное спортивное оборудование и хочу купить такое для своей школы. Я хочу купить что-нибудь для больницы, в которой работает мама. В больницах сейчас столького не хватает.

– Но вы всем все равно не поможете.

– А зачем всем? Я – своей школе. Вы – своей. Вы уже ей помогли?

– Еще нет.

В этой поездке они незаметно перешли на "ты". Потом он познакомился с ее матерью и дочерью. И снова была совместная поездка, но на этот раз на юг, на Черное море, где на одном из судостроительных заводов доставлялся сухогруз. Она назвала судно "Иван Бурцев" – так звали ее отца, и деда, и прадеда. Восемьдесят лет назад по Волге ходил тогда еще колесный пароход "Иван Бурцев".

А вечером они гуляли по бульварам южного города. Как только заканчивалась работа, она переодевалась в привычные джинсы и блузку.

Они сидели на скамейке на набережной, и заместитель вдруг сказал:

– Ты мне очень нравишься.

– Нравлюсь? – она рассмеялась. – А я в тебя влюбилась, как только увидела. Но, как говорит моя мама, дерево надо рубить по

себе. Я знаю всех твоих девок, куда мне до них!

– Но ты лучше, ты интереснее их.

– Конечно, интереснее, – подтвердила она. – Но не красавица. Таких, как я, – каждая вторая.

– По зрелом размышлении я пришел к выводу, что ты единственная и неповторимая, поэтому считай это объяснение официальным предложением.

– В каком смысле? – спросила она.

– Я прошу тебя выйти за меня замуж.

– Я согласна, – тут же сказала она и добавила: – Только с одним условием. Мы заключим брачный контракт.

– Но мы будем венчаться в церкви. Я беру обязательства перед Богом.

– Я тоже. Но подкрепим это контрактом, я тебе очень благодарна, ты научил меня составлять замечательные контракты. Извини, но я должна думать о детях, я тебе обязательно рожу сына.

– Но это будут наши общие дети!

– Отцы приходят и уходят, а дети остаются...

– Я должен буду подумать о твоих условиях.

– Конечно, подумай, – и она улыбнулась ему одной из самых лучших своих улыбок.

Могут возразить, что это опять фильм о золушке, которая становится принцессой. Но это мечта всех женщин. А в кино по-прежнему ходят за мечтой. Сегодня формируется новый тип молодой женщины, многое в ней осталось от советского воспитания, но она быстро переучивается. Сегодня женщины делают карьеры даже быстрее, чем раньше, хотя в жесткой конкурентной борьбе для них нет скидок.

Рисунки Юрия Константинова.

Аркадий Тигай

Жизнь прекрасна

Плывет лодка. Утыкается в берег. Из лодки выгружают ящики.

Все персонажи видны от груди до колен.

Большую половину кадра занимает чей-то зад. Рука в кармане. Рядом – плечо и часть бороды. Иногда рука с папиросой.

Зад говорит быстро и горячо. Папироса через паузы, неторопливо.

Папироса. ...Я без иронии.

Зад. Я тоже без иронии. "Великий и могучий..." складывался в условиях подполья, когда надо выразить то, что запрещено... Все табуировано. Все, что ниже

пояса – нецензурно... Даже слова нет нормального...

Папироса. Какого слова?

Зад. Нормального слова, обозначающего нормальное природное действие... сплошное неприличие: трахаться, шпockаться...

Папироса. Совокупляться.

Зад. Ну да... Вы своей жене говорите: "Давай посовокупляемся, дорогая?..", да? Смех.

Папироса. Она бы не возражала.

Зад. Язык в постоянной борьбе с ханжеством.

Папироса. В борьбе... В борьбе и получился великим...

Зад. Может быть...

Пауза.

Зад. Потому что нет культурного контекста... Нет Бокаччо, нет Апулея... Нет возрожденческой раскованности...

Папироса. А протопоп Аввакум?

Смех.

Зад. Вот именно... Такая, видите ли, этико-религиозная традиция...

Папироса. Зато меньше похабщины.

Зад. Дорогой вы мой, если бы!.. Вождедем-то мы красоту, а выходит по-

хабщина... Поэтому и эротика не получается...

За кадром кричит Администратор:

– ...Где волки? Куда они снова подевались?

Папироса. Тут мы. Разуй глаза!

Администратор. Ящики живо в автобус, и бегом за рельсами... еще пару звеньев. Шевелитесь!..

Папироса и Зад нехотяковыляют к берегу за ящиками. Теперь видно, что у них внешность бомжей.

Теперь в кадре – лицо ребенка лет шести. Он строит рожи и дергает ручку трансфокатора, отчего резко меняется крупный план на общий.

Ребенок. Тр-р-р-р!..

Опять слышен голос Администратора за кадром:

– Уберите ребенка от аппарата!

Вообще кто-нибудь за камерой смотрит?.. Где Боря?..

Чья-то рука за шиворот оттаскивает ребенка от аппарата. Держит почти на весу.

Голос Руки. Чей мальчик?.. Я спрашиваю, чей мальчик?!

Голос издалека. Дикий, наверное, бери себе...

Женский голос. Отпусти ребенка...

Рука. Твой?

Женский голос. Нет.

Рука кричит:

– Я спрашиваю, чей ребенок?!

Женский голос. Чего ты орешь?

Появляются женские ноги в резиновых сапогах.

Женщина в сапогах. Мальчик, ты чей? (Гладит его по голове.) Кто твоя мама?

Ребенок угрюмо молчит, прижимая к груди игрушечную саблю.

Входит еще одна женская фигура – полная.

Полная. Кто тебя привел?

Женщина в сапогах дает ребенку конфету. Гладит по голове.

Полная. Немой, наверное... У него, наверное, и язычка нет.

В сапогах. Не может быть! А ну покажи тете...

Полная. Молчит – значит нет. Нет язычка?

В сапогах. Ну скажи тете, как тебя зовут?

Ребенок плюет в объектив и убегает.

Внахлест с Мальчиком идет разговор Бориса с Администратором.

Голос Администратора (ерничает). Здравствуйте, Борис Александрович, здравствуйте, голубчик! Спасибо, что пожаловали!.. Оказали нам такую честь!..

Голос Бориса. У меня перезарядка, чего ты бухтишь?

Голос Администратора. Ты, главное, закусывать не забывай после перезарядок, а то такой перегар...

Борис. Это от вчерашнего...

Голос Администратора. Мне-то не заливай.

Борис. Спокойно, мама, без нервов...

Борис заглядывает в аппарат. Снимает блинду. Протирает объектив.

Борис. Детей надо убивать...

Администратор. Еще раз уйдешь – будешь сам отвечать, так и знай! Откати аппарат, рельсы будут доставать.

Борис втыкает боковую ручку в тележку. Катит камеру. Видны его рука и часть корпуса. Зад и Папироса уже тащат рельсы.

В конце проезда перед камерой оказывается стол, за которым лицом к аппарату сидит Артистка в ватнике поверх белого исторического платья. Над Артисткой колдует Грумер, голубой до мозга костей.

За столом еще несколько человек. По-мреж что-то пишет.

Артистка пьет кофе, греет о чашку руки.

Гример. ...дустовое мыло, дорогая... Как рукой снимет.

Артистка. Где он их мог подхватить, я не знаю?... Только на даче.

Кто-то. Есть такой специальный ошейник от блох...

Артистка. Ни черта они не помогают, эти ошейники.

Гример. Вот я тебе скажу, дорогая... Ты возьми дустовое мыло и помой его, и все... Как рукой снимет.

Голос Ассистента. Вам кадрики дали, Верочка Андреевна?

Артистка. Зачем мне ваши кадрики, если Александрова еще нет.

Ассистент. А вы кадрики посмотрите, стстик освежите, чтобы потом не ждать.

Артистка. Скажите, какие мы нежные!.. За гроши, которые вы мне платите, подо-

ждете... Я вообще не разде- нусь на этом холоде!.. Только что после воспаления легких!

Ассистент. Просто Роман Сергеевич просил...

Артистка. Вот и передай Роману Сергеевичу, что в сле- дующий раз я за два часа не буду готовиться.

Гример. Конечно. Я не по- нимаю, дорогая, зачем делать и ждать. Потом все равно grim надо переделывать.

Ассистент. Тебя не спро- сили...

Гример. Зря не спросили.

Ассистент. Заткнись!

Гример. Грубо.

Артистка. ...Сама виновата. Не могу себя поставить как следует. Была бы на моем ме- сте какая-нибудь стерва, вы бы все тут ходили по струнке!.. И Александров был бы вовремя!

Ассистент. Что же делать, Верочка Андреевна, поезд опоздал.

Артистка. И поезд пришел бы вовремя... (Гримеру, про- вода рукой по пряди волос.) Мне это не нравится, Димочка...

Гример. Потому что дура, ничего не понимаешь.

Артистка (шутливо возмущается). На- хал! Как ты со мной разговариваешь? Я же все-таки "звезда".

Гример (шепчет на ухо Артистке). ... (И добавляет в голос.) ...а не "звезда", дорогая. Оба смеются.

Артистка. Ну ты нахал, Димочка... (От- смеявшись, Ассистенту.) Я вообще не по- нимаю, почему я всегда готова, а Александрова всегда ждут?!

Ассистент. Так получилось, Верочка Ан- дреевна.

Артистка (ворчит). Получилось...

Пауза. За спиной Артистки Ассистент делает жест, означающий: "Убил бы тебя, стерву!"

Ассистент. Ну, в общем, я кадрики оставлю, Верочка Андреевна...

Кладет на стол бумажку. Артистка лис- тает сценарий.

Артистка. Он кто у вас, этот мальчик?..
Что-то я его не помню...

Гример. Игорек? Сто лет на студии...

Помреж (не отрываясь от бумаг). У него, между прочим, тоже актерское образование.

Артистка иронично закатывает глаза.

Артистка. Это, конечно, меняет дело.

Гример пшикает на волосы Артистки аэрозолем.

Голос Бориса. Аккуратней... Подожди, я отверну...

Камера быстро панорамирует. Теперь видна стоящую на площадке технику: автобус, камерваген... Несколько собак. На втором плане под уздцы выгуливают лошадь.

Маляр со стремянки валиком, насаженным на шест, красит огромный белый щит в синий цвет.

Светотехник пытается состыковать два кабеля, тянущихся справа и слева. Не хватает чуть-чуть, какого-нибудь метра. Вначале Светотехник безрезультатно дергает то один, то другой конец, затем уходит... Вскоре возвращается. Попытки соединить кабель продолжают.

Рядом на вышке человек наблюдает за происходящим внизу... Он сидит на стуле, нахлывшись от холода. Рядом с ДИГом. Что-то советует Светотехнику. Неторопливый обмен фразами, которых не слышно.

Зато хорошо слышен разговор за столом.

Голос Артистки. Это ты специально так?

Голос Гримера. Мне нравится... А что?

Голос Артистки. Не знаю.

Голос Гримера. По-моему, хорошо. Мне нравится... Ты вообще женщина в моем вкусе, дорогая!

Голос Артистки. От твоих комплиментов, Димочка, не знаешь огорчиться или радоваться.

Голос Помрежа. Пойдемте на площадку, Вера Андреевна.

Голос Артистки. Чего вдруг?

Голос Помрежа. Роман Сергеевич просит.

Голос Артистки (поет).

– Ах, он просил меня-я,

Не позабудь любви-и

И горькие слова...

Вместе с Гримером. ...Не говори!

Поющие голоса удаляются. Пауза.

Камера неторопливо едет по рельсам, панорамирует и, таким образом, описав полный круг, возвращается на первую точку.

В кадре – Артистка, Дублер и Режиссер.

Артистка укутана до глаз. На ней ватник, большой белый платок, кирзачи.

Артистка. ...Вот именно – на дураках воду возят!.. Потому что не могу себя поставить!..

Режиссер. Чисто технически, Вера...

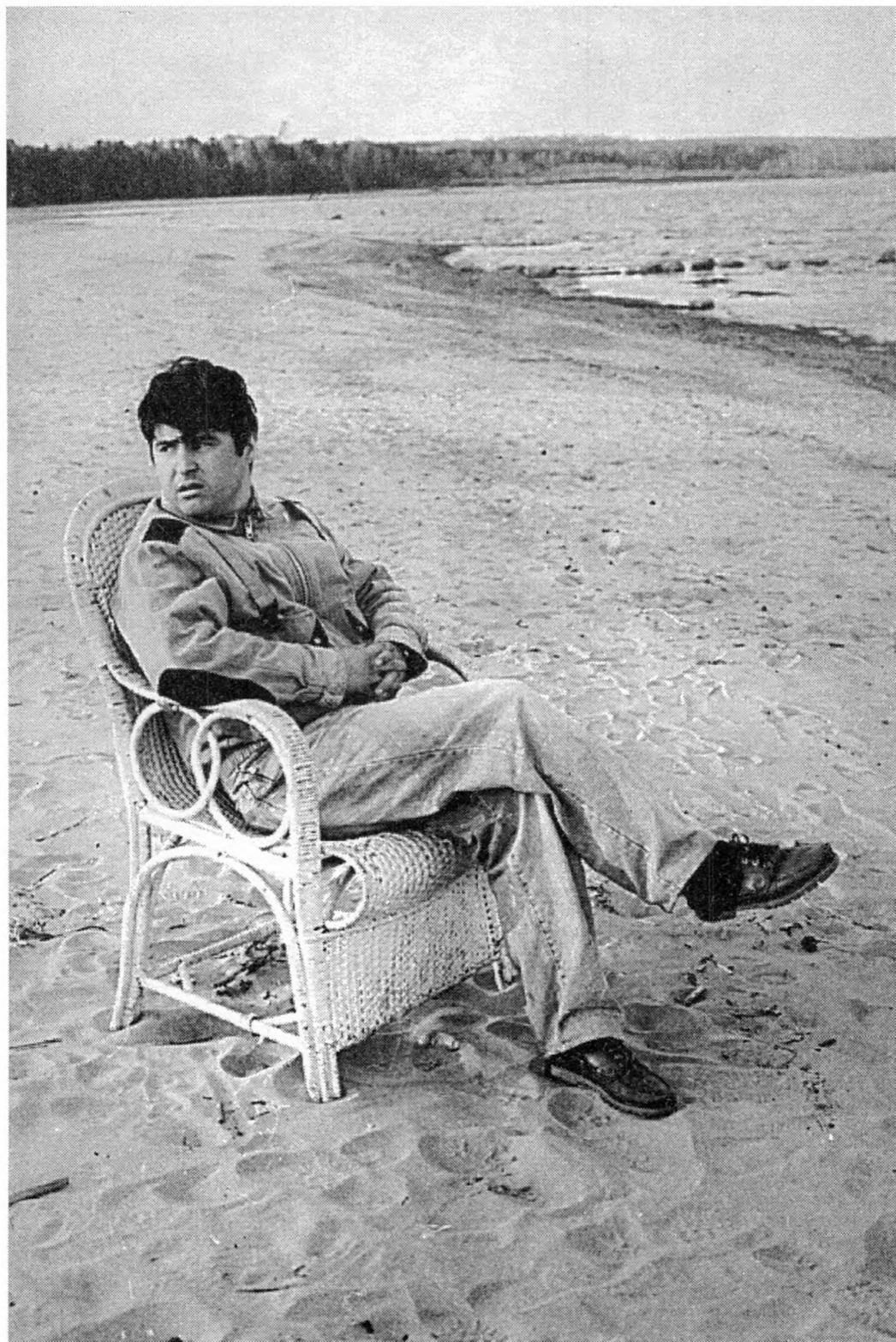
Артистка. Была бы тут какая-нибудь стерва, я бы на вас посмотрела, как бы она с дублером репетировала!..

Режиссер. Какая же это репетиция, Верочка? Чисто технически... Только чтобы текст разложить.

Артистка. Я не понимаю, почему я всегда готова, а какого-то Александрова надо ждать часами?! Почему человек себе такое позволяет? Я не понимаю?!

Режиссер. Нормальная "звездная" болезнь.

Артистка. Плевать мне на его "звездные" болезни! Я с Тихоновым снималась, он как часы!..

Режиссер. У нас короткий световой день...

Артистка. Тем более! А этот красавчик является на два часа позже... (Изображает Александра елейным голосом.) "Здравствуйте, любимые! Здравствуйте, талантливые! Съешь морковку, кисочка моя!.." Тыфу!

Молчат.

Артистка. И Феде нет.

Голос Бориса. Федор Федорович на телефоне.

Режиссер. При чем тут Федя? Не нужен нам оператор. Нам для себя надо чисто технические разложить текст. Вот отсюда... чисто технически.

Артистка и Дублер становятся на исходную.

Режиссер. Начинаем, неторопливо...

Артистка и дублер начинают движение.

Режиссер. Давай текст.

Артистка (читает сценарий белым голосом). "...Я уже не молодая, меня утомил свет... Сегодня мое единственное, страстное желание – это покой..."

Дублер (старательно играет). "Нет, нет, это невозможно! Вы молоды, вы красивы!"

Артистка. "Иван Андреевич, я уже не та, что была прежде..."

Дублер (страстно). "О, Софья Павловна, вы не представляете себе, как вы прекрасны!.. Впереди огромная, счастливая жизнь!.."

Артистка (Дублеру). Не надо играть, голубчик. (Режиссеру.) Скажи ему, чтобы не играл, он меня сбивает.

Режиссер разряжается на Дублера, кричит:

– Не надо играть! Ради Бога!..

Дублер. Я думал...

Режиссер (кричит). Не надо!.. Понимаете, не надо! От вас ничего не требуется, только проговорить текст!.. Не надо думать, не надо играть!

Дублер. Хорошо.

Режиссер (кричит). Не надо!

Дублер. Я все понял.

Режиссер (кричит). Не надо!.. Вы дублер... Ваше дело проговорить текст, и все... Пусть артисты играют.

Дублер. Я тоже артист.

Пауза. Режиссер успокаивается. Борис растягивает рулетку между Режиссером и Дублером.

Режиссер (Дублеру). Как вас зовут?

Дублер. Аристарх Ростиславович.

Режиссер. О, Господи... Так вот, Аристарх Ростиславович, миленький, у меня к вам убедительная просьба, не надо играть. Хорошо?

Дублер. Хорошо.

Режиссер. Давайте еще раз сначала.

Становятся на исходную. Ждут, когда уйдет Борис с рулеткой. Мимо проносятся клочья пиротехнического дыма.

Артистка. ...Я с Тихоновым снималась и никогда не ждала...

Режиссер (Борису). Зачем ты меряешь, Боря? Рано. Еще ничего не ясно...

Площадку накрывает дым. Дым заполняет все пространство кадра.

Режиссер (кричит за кадром). Какого черта?! Зачем дым?! Что это?! (Кашляет.)

Голос Бориса. Ветер изменился.

Режиссер (продолжает кричать за кадром). При чем тут ветер? Зачем вообще дымит?! (Истеричный вопль.) Убери дым!..

Голос Бориса. Он далеко, ему не слышно.

Слышен кашель еще нескольких человек.

Голос Режиссера. Сделайте что-ни-

будь! Где Трофимов? Кто площадкой занимается вообще?!

Голос Администратора. Тут я. Не надо кричать. У нас пиротехник на радиосвязи. Вот сюда говорите...

Голос Режиссера. Куда? Я ничего не вижу... Сюда?.. (Кричит.) Пиротехник, прекрати дым!

Голос Администратора. У него позывной "рябина"... он так не ответит.

Голос Режиссера. Какая "рябина"?

Голос Администратора. Такой позывной дали, я виноват, что ли?

Голос Режиссера. Кто дал?

Голос Администратора. Откуда я знаю... Кто рацию дал, тот и позывной. Надо говорить "рябина" и "березка"...

Голос Режиссера. Дурдом! (Кричит.) "Рябина", я "березка", прекрати дымить!.. Чей это ребенок?! Что тут ребенок делает?

Голос Артистки. Я с Тихоновым снималась, так вообще не дымили...

Голос Дублера. Кажется, дождь начинается.

Иногда сквозь разрывы в дыму можно разглядеть мутные фигуры, мечущиеся на площадке.

Слышен звук эфира, сквозь который едва просачивается невнятный голос пиротехника с сильным кавказским акцентом.

Голос Пиротехника. ...Гет сиктыр... ограш!.. Надо не надо!.. Ограш оглы ограш!

Голос Режиссера. Кто это там? Он что, грузин?

Голос Администратора. Что вы, какой грузин?.. Он из Баку. Просто по-русски плохо понимает.

Голос Режиссера. О Господи!

Голос Администратора. Дайте я ему скажу...

Голос Артистки. Дождь начинается, я пошла.

Дым рассеивается, отходит на второй план.

Режиссер. Ну, слава Богу!.. Давайте пройдем все-таки чисто технически.

Руки Бориса накрывают камеру полиэтиленом.

Голос Режиссера. ...Надо текст разложить...

По полиэтилену начинают бить капли дождя, заглушая все остальные звуки.

Потоки воды и грохот усиливаются, затем идут на убыль.

Голос Администратора. Это тучка такая...

Голос Бориса. ...Понадобится – я поставлю за минуту. Зачем рисковать?

Полиэтилен исчезает. В кадре живот Бориса, затем колено. Камера движется в сторону стола. Иногда в кадре появляются сапоги Бориса, несущего камеру.

Остановка. Женские ноги.

Голос Бориса. Ты иди первая, чтобы особенно не светиться... Я попозже.

Голос Женщины. Ключ у тебя?

Голос Бориса. Там открыто.

Женские ноги уходят. Движение камеры продолжается. В кадре появляются и

исчезают части съемочной техники – штатив, рельсы... Ножки знакомого игрового стола. Камера на столе. В кадре – спина и часть лица Зада и живот Папиросы.

Папироса. ...По Бердяеву, много знаний все-таки возвращают человека к Богу.

Зад. Не то возвращение, дорогой мой! Совсем не то возвращение. Качественно другой уровень...

Борис. Посмотрите за камерой, ребята. Я отойду на минуту.

Зад. Куда она денется... Я говорю: не то возвращение. Совершенно другая ре-

Зад. Идем! (Папиросе.) Этот Трофимов – такое ничтожество.

Папироса. Плебей.

Идут к машине с осветительными приборами, начинают разгружать.

Рядом с ними Борис и Администратор о чем-то спорят. По жестике ясно, что спор принципиальный. "Послав" друг друга, расходятся.

Борис идет к камере. Входит в камерваген. Камера ставится на стол таким образом, что видно часть помещения с дверью и съемочную площадку через стекло.

лигиозная основа – внеконфессиональная...

Папироса. Экзистенциальная.

Зад. Можно и так сказать. Нормальные, личные отношения с Богом. Естественно, ни о какой соборности не может быть и речи, так что не надейтесь...

Папироса. Дум спиро сперо...

Голос Администратора. Эй, волки, чего расселись?! Ну-ка, бегом машину разгружать!

Зад и Папироса нехотя встают из-за стола.

Голос Администратора. Шевелитесь быстрее, шопенгауэры!

Борис. Меня этот Трофимов уже достал!..

Голос Женщины. Ты дверь запер?

Борис щелкает задвижкой, снимает куртку.

Пауза. Видна половина скамьи, рука сидящей Женщины.

Борис. Ну вот, начинается...

Молчание. Потом всхлипывание.

Борис. Если так, то я пошел... Ну чего сопли разводить?

Голос Женщины (сквозь слезы). Что мы как мухи, на лету... Обидно...

Женщина начинает раздеваться. Борис тоже стягивает штаны.

Борис. Давай по-быстрому, пока этот припадочный не спохватился.

Ложатся на скамью. Видно нижнюю часть фигур и бок. Лица и все остальное за кадром, так что сам процесс трахания лишь угадывается.

Голос Женщины. Мне так неудобно...

Голос Бориса. Ложись ниже... так хорошо?

Голос Женщины. Ничего... Подожди, больно... Ага, вот так...

Все разговоры происходят вперемешку с дыханием и стонами. Жизнь площадки, видная за окном камервагена, идет под аккомпанемент этих звуков.

Голос Бориса. ...Так хорошо?

Голос Женщины. Хорошо...

Женщина обнимает Бориса ногами.

Голос Бориса. Не больно?

Голос Женщины. Нет!.. Хорошо!..

Голос Бориса. Ты кончила?

Голос Женщины. Ага!.. Вот так!.. Переверни меня...

Штаны на щиколотках у Бориса мешают Женщине переворачиваться на живот.

Голос Женщины. ...Нет, не так...

Голос Бориса. Сюда ноги опусти.

Голос Женщины. Мне так неудобно,

пол холодный... Вот так хорошо!.. Еще!.. Ага, вот так!..

Громкий стук в камерваген.

Голос Ассистента. Борька, ты здесь? Женщина и Борис затихают. Тяжело дышат. За окном видно Ассистента, пытающегося заглянуть в камерваген.

Голос Администратора. Ну что, тут он? Стук повторяется.

Борис (кричит). Чего колотите?! У меня перезарядка.

Ассистент. Борька, там камеру требуют, срочно!

Голос Бориса. Через пять минут.

Голос Ассистента. У него перезарядка... Откуда я знаю?.. Спросите сами... Говорит, пять минут.

Голос Бориса (женщине шепотом). Давай быстрее!..

Продолжают в убыстренном темпе.

Голос Бориса. Я сейчас!.. Мне туда кончать?

Голос Женщины. Да... То есть нет... Подожди, я не помню... Сегодня какое число?

Голос Бориса. Без понятия... Вчера была среда.

Голос Женщины. Наверное, не надо.

Голос Бориса. Так я уже кончил.

Голос Женщины. Ладно, черт с ним...

Лежат, переводят дыхание.

Женщина (поет). Ля, ля, ля-я-я!..

Борис. Тихо!.. Ты что?!

Женщина. Ничего. (Хихикает.)

Борис. Давай по-быстрому одевайся...
Выходишь первая.

Женщина. Застегни мне...

Елозят, то попадая в кадр, то вываливаясь.

Борис. Выползай! Главное быстро!

Хлопает дверь. Женщина на улице. Быстро отходит от камервагена. Поворачивается, делает знак "все в порядке". Только теперь видно, что это совсем еще юная девчонка. Лицо веселое.

Стремительная панорама с выходом из камервагена. Смазки. Конец панорамы на съемочной площадке – тут атмосфера взаимной любви и согласия.

Александров. ...Здравствуйте, любимиые! Здравствуйте, талантливые!..

Целуется с Артисткой и Режиссером. Артистка очень убедительно играет счастье.

Артистка. ...Ой, Арсентий Михайлович, мы тут все глаза проглядели... Вас нет и

нет... Мы уже не знали, что и думать.

Александров. Врешь, как Геббельс! Признавайся, поливала чернухой? Я всю дорогу икал.

Артистка (с обидой). Я – вас?.. Арсентий Михайлович, как вам не стыдно!..

Александров. Не верю. (Ладонями сжимает лицо Артистки.) Но я тебя все равно обожаю, мерзавку... (Целует.) ...потому что талантливая. Съешь морковку, кисочка!

Из полиэтиленового пакета вынимает морковку.

Артистка с удовольствием хрустит морковкой.

Ассистент. ...Я думал... В это время года, какое может быть варенье?

Режиссер. Мне плевать... может не может... мне нужно, чтобы горел костер! Понимае-

те? Для дыма... Чтобы дым был в кадре... Если не в состоянии сделать простейшую вещь – так и скажите: не-мо-гу! А советы мне давать не надо!..

Ассистент. Я не даю.

Режиссер. Не надо!

Ассистент. Пожалуйста, сделайте, что хотите...

Режиссер. Не надо!

Александров обнимает за плечи Режиссера, ведет в сторону.

Александров. Рома, не нервничай... Съешь морковку.

Режиссер. Тебе еще одеваться... Я тебя умоляю! У нас короткий световой день.

Пиротехник (режиссеру). ...Слушай, дорогой, дым нужно?

Режиссер. Что?

Александров (Пиротехнику). Кисочка, оставь человека в покое.

Налетевший Администратор оттаскивает Пиротехника от Режиссера.

Администратор. Ты меня уже затраhal своим дымом.

Голос Артистки. ...Какие вы циники... Александров рассказывает что-то смешное на ухо Режиссеру. Режиссер смеется.

Режиссер (Александрову). Ну все, иди

одевайся. (Жует морковку. Громко обращается ко всем на площадке.) Все! Кончаем базар!.. Все на места! Работаем!..

Повеселевшим взглядом смотрит в кадр.

Режиссер. Чего это лампочка горит?.. (Настроение портится.) Боря, ты где? У тебя что, камера работает?!

В кадре на секунду лицо Бориса.

Борис. В чем дело?

Режиссер ненавидящим взглядом провожает Бориса.

Затемнение.

В темноте слышны команды.

Голос Режиссера. Аппаратная?

Голос Звуковика. Гут!

Голос Режиссера. Мотор!

Голос Звуковика. Есть мотор!

Ослепительно светлый кадр. Полный набор кинокрасот: контровичок, дым, кисеи по ветру, белая беседка, белые одежды... В центре Помреж с хлопужкой.

Помреж. Сто четыре, дубль один!..

Голос Бориса. Есть!

Помреж хлопает и убегает. В кадре неправдоподобно красивая Артистка и Александров. Белые костюмы начала века, зонтик, трость...

Голос Режиссера (кричит). Давай трансляцию!

Все звуки перекрывает божественная музыка. Голос Режиссера сквозь нее едва слышен.

Голос Режиссера (кричит). Начали!

Артисты начинают движение. Они идут вдоль берега. Атмосфера красоты, неги и любви. О чем-то говорят. Проходят мимо знакомого стола, за которым няня кормит ребенка. Артистка целует ребенка. Еще несколько фраз. Улыбки...

Голос Режиссера (кричит). Ближе к нему!

Артистка и Александров, продолжая играть хорошее настроение и любовь, придвигаются ближе друг к другу.

Голос Режиссера (кричит). ...Еще ближе!

Артисты выполняют. Затем выходят из кадра. Няня продолжает кормить ребенка.

В фильме снимались Алексей Серебряков, Нина Усатова, Ирина Метлицкая, Юрий Кузнецов. Режиссер – Дмитрий Месхиев.

**ЭЛЬДАР
РЯЗАНОВ**

Никто не хотел выдвигать...

В нашем тоталитарном государстве еще в сталинские времена была разработана целая система наград и поощрений для людей искусства. Сюда входили звания заслуженных и народных, ордена, лауреатства. Все эти щедроты раздавались правительством не только и не столько за талант, сколько, большей частью, за преданность строю.

*Мы не пашем, не сеем, не строим –
Мы гордимся общественным строем...*

И частенько получалось, что умелый подлиза, несмотря на свою бездарность, аж сгибался под тяжестью орденов и медалей, висящих на обоих лацканах пиджака.

Система, в которую входили поощрения в виде госдач, поездок за границу, всесоюзных премьер или неслыханных тиражей, развращала нашу интеллигенцию. Устоять, не продаться – было ох как непросто...

В перестроечные годы, выступая, я часто утверждал, что творец не нуждается в наградах и званиях, которые жалует ему правительство, ибо эти награды говорят не о ценности художника, а о взглядах и вкусах начальства. Я говорил, что если у творческого работника есть ИМЯ, то ему ни к чему звания, ибо имя дает народ! А если ИМЕНИ нет, то никакие ордена и лауреатства не сделают творца властителем дум. В качестве примеров я напоминал, что Феллини даже не заслуженный артист Италии, а Бергман не лауреат шведской госпремии. Правда, справедливости ради надо сказать, что все это я провозглашал, будучи сам народным артистом СССР и лауреатом Государственных премий. Вероятно, это обстоятельство несколько снижало пафос моих заявлений. Не скрою, когда у меня не было этих наград, я, разумеется, желал их получить. Правда, не ценой компромисса, угождения, не ценой сделки с совестью.

*Я никогда не кланчил, не просил, –
Карьерной не обременен заботой.
Я просто сочинял по мере сил
И делал это с сердцем и охотой.*

И тем не менее хочу поведать, как я стал лауреатом Государственной премии СССР. Не для того, чтобы кичиться, – это было бы как-то смешно. Просто история с присуждением премии оказалась не очень типичной.

Итак, "Ирония судьбы" вышла в эфир первого января 1976 года.

Рассказать, что началось после показа фильма, который одновременно смотрело сто миллионов человек, непросто. Представляете себе кинозал, где сто миллионов зрителей! Вообразить такое нелегко!

Телефонные звонки, телеграммы, письма, нигде не дают прохода, у людей при виде меня начинали сиять глаза. Успех ленты оказался каким-то глобальным. Наша картина сразу синхронно зажила в сознании многомиллионного народа. Занятно, что несколько телеграмм были отправлены 1 января в 21 час 03 минуты, 05 минут, 06 минут, 08 минут, то есть немедленно после окончания показа. Реакция зрителей была стремительной и восторженной.

Дальше у картины началась небывалая, сказочная жизнь. Через месяц с небольшим, 7 февраля, после нескольких десятков тысяч зрительских писем в адрес телевидения "Иронию судьбы" повторили по первой программе. Госкино, стиснув зубы, заказало киновариант, чтобы продемонстрировать комедию в кинотеатрах. Фирма "Мелодия" выпустила пластинку. Повторный показ вызвал новую волну писем. Было ясно, что народ ленту принял...

Однако пора кончать хвастливую предысторию и переходить к сюжету.

Наступил ноябрь 1976 года. Ежегодно в этом месяце во всех киноорганизациях, творческих союзах, издательствах – словом, во всех учреждениях, связанных с духовной жизнью общества, происходило выдвижение на Государственные премии СССР произведений искусства и литературы, созданных в текущем году.

Телевизионное объединение "Мосфильма" возглавлял тогда Семен Михайлович Марьяхин. Это был веселый, живой, энергичный человек, который светился иронией и добросжелательством. Его активность, горячность, заинтересованность в деле были колоссальными. Именно под его обаятельным напором фильм "Ирония судьбы" состоялся – перекочевал с бумажных страниц на целлулоид. У него не было сомнений, что фильм достоин Государственной премии СССР. Отнюдь не только потому, что он сам был очарован нашей комедией, он ощущал многомиллионную зрительскую поддержку. И вот Марьяхин отправился к руководству телевидения, чтобы договориться о выдвижении ленты на премию. Он был убежден, что особых сложностей не будет. Мне о своей акции он даже не сказал.

Однако Марьяхин вернулся из Гостелерадио обескураженный – телевидение не захотело представить наш фильм на премию. Резоны были неоригинальные. Следующий год, 1977-й – юбилейный – шестьдесят лет советской власти. Увы, "Легкому пару" фатально не везло с юбилеями, он все время попадал под юбилеи, как под трамвай. Еще существуя в театральном варианте, пьеса "С легким паром!" была снята с постановок в ряде театров из-за столетней годовщины со дня рождения Ленина.

– В знаменательный год, – объяснили Марьяхину, – выдвигать на премию картину, пусть милую, хорошую, но, согласитесь, не находящуюся на магистральном пути, как-то неудобно.

– Нас могут не понять, – многозначительно добавил Лапин. – А кроме того, телевидение представило на премию программу "Время".

– А если предложить два произведения – и "Время", и фильм Рязанова? – подал идею Семен Михайлович Марьяхин.

– Телевидению положена одна премия, – разъяснил министр. – Фильм Рязанова, не спорю, очень симпатичный и поэтому может помешать...

Какое отношение имела публицистическая передача "Время" к премиям в области искусства и литературы? Но это не смущало всесильного министра, личного друга Брежнева. Он ощущал себя хозяином, да он и был им.

Марьяхин ринулся к директору "Мосфильма" Н. Т. Сизову. Николай Трофимыч, при всем добром отношении ко мне и к картине, отказался выставлять на премию "Иронию судьбы". Повод для отказа – юбилейный год. Но причина заключалась в другом. "Мосфильм", хоть и делал фильмы по заказу телевидения, подчинялся Комитету по кинема-

тографии. А личные отношения между министрами кино и телевидения сложились неприязненными, враждебными, пожалуй, похуже даже, чем были тогда отношения между СССР и США. Сизов, во избежание конфликта с самолюбивым, злопамятным Ермашом, отказал Марьяхину. Тогда тот кинулся в Союз кинематографистов, который тоже имел право выдвигать фильмы на премию. Но и здесь Семен Михайлович потерпел поражение. В те годы Союз был придатком при Ермаше и поперек него, конечно, не пошел. В результате Марьяхин остался на бобах. У него в объединении была создана, по его мнению, прекрасная лента, но никто, ни одно творческое учреждение не желало поступить по справедливости. В ответ на все отказы упрямый Семен Михайлович однообразно твердил – картина очень хорошая! Он не понимал, что как раз это не повод для награждения.

Однако случилось непредвиденное. Коллектив объединения “Мосэлектроаппарат”, не догадываясь, что выдвигать в юбилейный год на премию нечто безыдейное не следует, решил, что “Ирония судьбы” достойна награды. Работники “Мосэлектроаппарата” были обычными благодарными зрителями и не подозревали, что своей просьбой дать Государственную премию нашей ленте они вмешались не в свое дело и тем самым спутали все карты.

Марьяхин и работники Комитета по премиям Т. Запасник и И. Крейндлине не расстроились и, так как приближалось пятнадцатое декабря – дата, когда прекращался прием представлений, тут же послали на “Мосфильм” официальный запрос.

Нужно было срочно прислать характеристики на создателей ленты “Ирония судьбы”, в связи с тем что картину выдвинул рабочий класс. Бумажная канитель закрутилась... Марьяхин вошел в административный раж: все было составлено, подписано и отправлено мгновенно. И тем не менее срок подачи документов истек, кончился. Формально комитет уже не мог принимать опоздавшие характеристики. Но подобная мелочь не могла смутить почитательниц комедии, служивших в самом логове, то есть в Комитете по премиям. Кто станет ревизовать, какого именно числа пришли бумаги?

Однако через несколько дней случился новый удар. Выяснилось, что представление “Мосэлектроаппарата” недействительно, это просто бумажка. Оказывается, выдвинуть произведение на премию имеет право только творческая организация. Иначе любая прачечная или столовая разовьют большую культурную деятельность. Если фильм, книга, картина представлены обычным учреждением, то нужна поддержка этого ходатайства либо редакцией журнала, либо творческим союзом, либо театром, либо киностудией.

И тогда Марьяхин кинулся за помощью. У него был солидный аргумент. Он говорил, что ответственность по выдвижению принял на свои плечи “Мосэлектроаппарат”, что нужна бумажка, где будет сказано всего лишь о поддержке мнения гегемона. Но он потерпел полное фиаско – не смог преодолеть боязливость, осторожность, нежелание. Телевидение, Союз кинематографистов, “Мосфильм” дружно не рискнули примкнуть к рабочему классу. Ведь члены Комитета, по сути, были теми же самыми людьми, которые отказали в поддержке картине. Было ясно, что Комитет проголосует против: В юбилейный год, разумеется, отдадут предпочтение бронебойному искусству.

Так что шансов не было никаких. Однако в бой были введены свежие резервы. Дело в том, что осенью того года в Тбилиси проходил очередной ежегодный фестиваль телевизионных фильмов. На нем наша лента получила, может быть, самую почетную награду – приз зрителей. Этот приз нельзя организовать, его не дают по приказу сверху, он не является результатом торговли и сговора между членами жюри. В этом случае присутствует свободное волеизъявление людей. Может, единственное свободное в то время.

Две женщины, почитательницы ленты, по своей инициативе, сняли телефонные трубки (какое могучее оружие – телефон!) и одна за другой позвонили в Тбилиси директору студии “Грузия-фильм” Резо Чхеидзе. Одна из женщин работала в Комитете по премиям, другая – в Останкино. На следующий день в секцию кино Комитета по премиям пришла телеграмма, где говорилось, что киностудия “Грузия-фильм” горячо поддерживает выдвижение на премию фильма “Ирония судьбы”. В телеграмме был еще один

нюанс – среди кандидатов была названа и Барбара Брыльска. “Мосэлектрoаппарат” не решился включить в список выдвигаемых иностранку, боясь, что это может испортить все дело. До тех пор ни один иностранный актер, писатель или художник не были награждены Государственной премией Советского Союза. Прецедента еще не существовало! На фестивале в Тбилиси блондинка Барбара имела огромный успех среди мужского грузинского населения. Не включить ее в список было попросту негалантно. У грузин – свои правила, особенно в отношении блондинок. Кроме того, вспомните старую шутку: “Поезд “Тбилиси – Советский Союз” отправляется во столько-то”. Короче, Чхеидзе сделал не задумываясь то, на что не посмели решиться в Москве. Должен сказать, что я в этих играх не принимал никакого участия. Я знал систему, в которой прожил всю свою жизнь, и понимал – подобные хлопоты бесполезны. Друзья, зная мою точку зрения, не делились со мной теми поступками, которые они совершали.

Итак, был преодолен первый этап.

Включение в список претендентов, которое для других картин оказалось легким, естественным делом, для нашей “замарашки-золушки” было мучительным и трудным. Вот какие художественные картины выдвигались в тот год:

“Выбор цели” , режиссер И. Таланкин (перенесено с прошлого года) – представлена Госкино СССР, Союзом кинематографистов СССР, киностудией “Мосфильм”.

“Белый пароход” , режиссер Б. Шамшиев – представлен Союзом кинематографистов СССР, Госкино Киргизии, Союзом кинематографистов Киргизии.

“Афоня” , режиссер Г. Данелия – представлена Союзом кинематографистов СССР, киностудией “Мосфильм”.

“Бегство мистера Мак-Кинли” , режиссер М. Швейцер, представлена киностудией “Мосфильм”.

“Ирония судьбы” , режиссер Э. Рязанов, представлена киностудией “Грузия-фильм”, производственным объединением “Мосэлектрoаппарат”. (Здесь была сделана перестановка: “Грузия-фильм”, организация творческая, стояла впереди, как будто именно она представила, а не поддержала выдвижение. Затем уже следовал “Мосэлектрoаппарат”).

Телевизионной программы “Время” в этом списке, напечатанном в типографии тиражом 120 экземпляров, не было. Оказывается, комитет по премиям поначалу не принял в конкурс эту передачу, что было резонно – она не проходила по статусу.

Тогда Лапин после отказа включил свои рычаги, и по всемогущему звонку сверху комитет как миленький принял “Время” к рассмотрению. Этот звонок предопределил и будущее голосование. Все члены комитета после телефонного приказа сверху безропотно и единодушно отдали свои голоса программе “Время”. Когда все основано на беззаконии, стоило ли удивляться еще одному. Тем более вроде бы безвредному.

Помимо художественных лент среди кандидатов имелось и шесть документальных.

Итак, если посчитать, получалось, что на четыре премии приходилось двенадцать претендентов. Вернее, одиннадцать соискателей на три места, ибо программа “Время” была обречена на премию автоматически.

Работа комитета, после того как определились списки, состоит из двух этапов – весенней и осенней сессий. На первой происходит предварительный отбор, а в октябре – окончательный. После осеннего голосования списки лауреатов идут на подпись в правительстве. И седьмого ноября, в “праздник” Революции, происходит публикация постановления.

В мае 1977 года состоялась весенняя сессия. Помимо программы “Время” безусловным фаворитом был “Выбор цели” Таланкина с Бондарчуком в главной роли. Картина, в которой прообразом был Курчатов, рассказывала об открытии атомной энергии конъюнктурно, то есть неправду. В юбилейный год это очень подходило. “Бегство мистера Мак-Кинли” тоже не вызывало больших разногласий. Во-первых, лента разоблачала Запад, нравы буржуазных обывателей, а во-вторых, сценарий сочинил Леонид Леонов, наш советский классик. Априорной поддержкой пользовался и фильм “Белый па-

роход” как произведение национальное. Кстати, фильм очень славный. Так что основной сыр-бор разгорелся из-за двух комедий – “Афоня” и “Ирония судьбы”. Главная часть дискуссий в секции кино и телевидения пришла именно на то, какую из комедий выбрать. На данном этапе было важно остаться в списках, дойти до осеннего голосования. Приведу сокращенные записи обсуждений, причем только то, что относится к нашей картине. Получить стенограмму заседаний комитета было трудно, но сейчас публикуется и не такое...

Действующие лица этого небольшого скетча:

Герасимов Сергей Аполлинариевич – секретарь Союза кинематографистов, заведующий кафедрой ВГИКа, кинорежиссер, писатель, актер. Председатель секции кино и телевидения в комитете по Государственным и Ленинским премиям.

Ермаш Филипп Тимофеевич – министр кинематографии.

Васильев Игорь Иванович – ученый секретарь комитета.

Жданова Стелла Ивановна – заместитель Председателя Гостелерадио.

Андроников Ираклий Луарсабович – писатель.

Ждан Виталий Николаевич – ректор ВГИКа.

Ростоцкий Станислав Иосифович – кинорежиссер.

Кармен Роман Лазаревич – кинорежиссер.

Кулиджанов Лев Александрович – кинорежиссер, первый секретарь Союза кинематографистов СССР.

Озеров Юрий Николаевич – кинорежиссер.

Кириллов Игорь – диктор телевидения.

Запасник Татьяна Евгеньевна – работник Комитета по премиям.

Заседание первое, 17 мая 1977 года.

ГЕРАСИМОВ: “Ирония судьбы” – очень славная комедия. Но обсуждать пока не будем ввиду сложности по другим кандидатурам.

ЕРМАШ: Почему эту картину выдвинула Грузия?

ГЕРАСИМОВ: Телевизионных выдвиганий много, и серьезных. Может быть, нам придется пожертвовать “Иронией судьбы”.

20 мая 1977 года.

ГЕРАСИМОВ: “Афоня” – очень интересное произведение. Японцы в восторге. Глубокая мысль, глубокая картина. Социально острая и смешная. Но в юбилейный год трудно провести комедию. Исключить?

ВАСИЛЬЕВ: Нет, этого делать нельзя.

ГЕРАСИМОВ: И “Ирония судьбы”, и “Афоня” – значительные произведения. Оба фильма выделяются из всех комедий. Но “Афоня” – крупнее.

АНДРОНИКОВ: Предлагаю отложить обе до осени, то есть допустить к конкурсу, а потом перенести на 1978 год.

ГЕРАСИМОВ: Да, сразу снимать из-за юбилейной даты нельзя. Запутаем вопрос о критериях оценки.

АНДРОНИКОВ: И Рязанов, и Данелия имеют право на премии.

ГЕРАСИМОВ: Хотя у них еще многое впереди.

ЖДАНОВА: Нельзя откладывать. Картины стареют.

ГЕРАСИМОВ: Еще вернемся к ним.

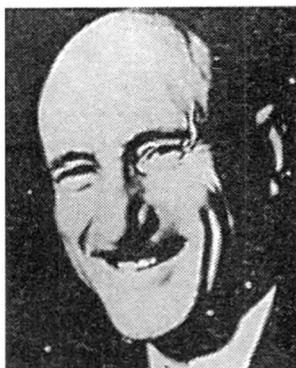
ЕРМАШ: Почему “Иронию судьбы” выдвинула Грузия?

26 мая 1977 года.

ГЕРАСИМОВ: По-видимому, “Ирония судьбы” встречает общее сочувствие.

ЕРМАШ: Почему выдвигает Грузия?

ЖДАНОВА: Всесоюзный фестиваль телефильмов был в Тбилиси – там фильм получил первую премию (положим, не первую, а приз зрителей).

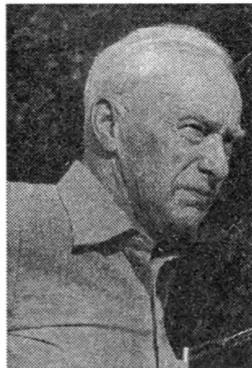
Сергей Герасимов

Станислав Ростоцкий

Юрий Озеров

Роман Кармен

ЕРМАШ: Уже после телевидения у нас фильм собрал 20 миллионов зрителей, так как нет комедий.

ГЕРАСИМОВ: Так как? Поддержим?

ЕРМАШ: Как быть с Брыльской?

ЗАПАСНИК (разъясняет, что можно ей дать премию).

ГЕРАСИМОВ: Голосуем. Все "за".

Так фильм "Ирония судьбы", по сути, пасынок ситуации, остался в списке на осень, прополз, так сказать, к следующему этапу. Ни одну художественную картину в результате весенней сессии не тронули, все они вышли на финишную прямую. А вот документальное кино понесло потери. Из шести хроникальных лент осталось четыре.

В итоге на три положенные премии нацелилось девять претендентов...

Тем временем я закончил "Служебный роман", а осенью, в начале октября, буквально за несколько дней до начала решающей сессии, в составе туристической группы мы с Ниной укатили в поездку по Соединенным Штатам Америки.

А на Родине в это время велись бои. Борьба мнений, интересов, проталкивание подопечных, подсиживания, давление авторитетными телефонными звонками сплелись в сложный запутанный клубок.

Итак, наступила осенняя сессия.

Заседание секции кино и телевидения, 10 октября 1977 года.

ЖДАН: Давайте каждый предложит свой вариант списка на премии – 5 штук. (Напоминаю, премий с программой "Время" было четыре.)

КАРМЕН: Из комедий, наверное, "Афоня".

ЕРМАШ: Как делить? Тут все уважаемые люди.

ГЕРАСИМОВ: Не в деньгах дело. Мест мало, а претендентов много. Почему юбилейный год не оттенить картинами веселого содержания?

ЖДАНОВА: Комедийный жанр надо поддержать обязательно. Если мы дадим двум режиссерам, активно работающим в этом жанре, – есть резон. Но только режиссерам.

ЕРМАШ: Рязанов без Брагинского получать откажется.

ГЕРАСИМОВ: Можно записать – за успешную режиссерскую работу в области комедии.

АНДРОНИКОВ: А Куравлев свое еще получит.

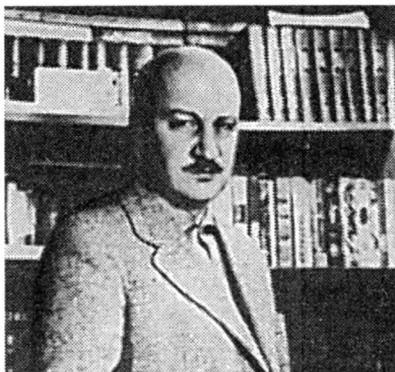
ОЗЕРОВ: А Таривердиев? Здесь музыка решала успех.

ГЕРАСИМОВ: Я бы все-таки об этой возможности (одна премия на двоих) подумал.

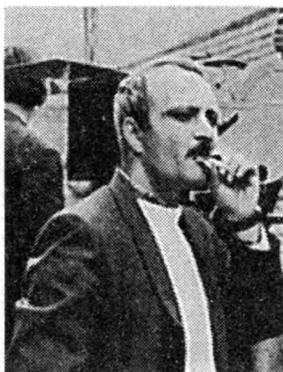
ЖДАН: Давали же одну премию двум актерам за образ Ленина.

ЖДАНОВА: Двум за политические репортажи.

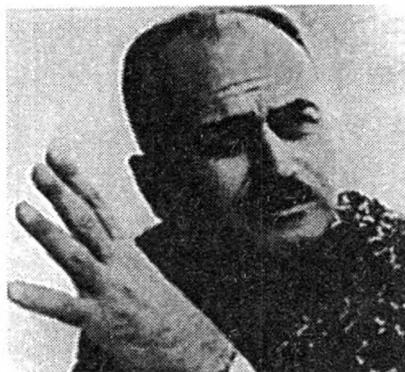
ВАСИЛЬЕВ: Но объединение по жанру – расплывчато.

Лев Кулиджанов

Георгий Данелия

Резо Чхеидзе

ГЕРАСИМОВ: А по-моему, удачный выход из положения. Ведь юбилей Октября – это праздник, веселье.

ЕРМАШ: Если объединять, то режиссеров и сценаристов. (К Данелии добавил А.Бордянского.)

ГЕРАСИМОВ: Хорошая мысль. А то говорим, что комедия нравится, а награждать ее боимся. Два серьезных комедиографа.

ЖДАНОВА: Надо разнообразить форму представления.

ГЕРАСИМОВ: И подумать о точной формулировке.

В те октябрьские дни 1977 года в прессе, по радио, по телевидению всюду бушевала юбилейная истерия, у нас это случается перед каждым праздником. Происходит великий перебор, который доводит людей до того, что они начинают тихо ненавидеть даже святые даты.

17 октября 1977 года.

ГЕРАСИМОВ: Если объединять, то возникла идея присоединить Куравлева и Мягкова. Но в других секциях против объединения. (Очевидно, за это время происходило прощупывание мнений других секций.)

ЕРМАШ: Что-то похожее на бутерброд здесь есть.

ЖДАНОВА: Давайте конкретно. Режиссеров за две хорошие комедии.

ГЕРАСИМОВ: Это упирается в стену нежелания других секций.

ЕРМАШ: Нет оснований, что секции поддержат “Иронию судьбы”. Говорят “хи” да “ха”.

ГЕРАСИМОВ: А по-моему, она нравится.

ЖДАН: Не пройдет!

ГЕРАСИМОВ: Нам придется отстаивать одну комедию. “Афоня” по художественным достоинствам и социальному звучанию сильнее.

ЕРМАШ: Перенести и ту, и другую. У Данелии в “Мимино” весь коллектив другой. А у Рязанова в “Служебном романе” играет тот же Мягков. И Брагинский тоже есть.

ГЕРАСИМОВ: Может быть, все-таки перенести Данелию. Надо его сохранить обязательно.

РОСТОЦКИЙ: На двух комедиях настаивать нельзя.

ЖДАНОВА: Но выбор одной будет субъективным. Это трудно.

ЕРМАШ: Для меня нетрудно. “Афоня” выше по искусству.

ЖДАНОВА: А по-моему, “Ирония судьбы”.

ЖДАН: У Рязанова хорошая комедия, но по стилю Данелия выше.

ГЕРАСИМОВ: Когда речь идет о трагедиях, решать легче. Хорошо бы соединить.

КУЛИДЖАНОВ: Но Брагинского нельзя отрывать от Рязанова.

ГЕРАСИМОВ: Да, их надо рассматривать вместе. Еще раз предлагаю Данелию перенести.

КАРМЕН: Успех новой работы – не аргумент для переноса.

ГЕРАСИМОВ: Если хотим сохранить, выхода нет.

ЕРМАШ: Если уж переносить, то я за перенос “Иронии судьбы”. В “Служебном романе” тот же состав плюс Фрейндлих. А у Данелии в “Мимино” другой состав.

ГЕРАСИМОВ: Хорошая мысль.

ЖДАНОВА: Но у “Иронии судьбы” есть преимущество в массовости, в тиражности картины. По ТВ ее показывали три раза.

КИРИЛЛОВ: “Афоня” пользовался большим успехом в Гане.

ЕРМАШ: И в Англии, в США, во всех социалистических странах. Данелия всегда социальную проблему решает.

ГЕРАСИМОВ: Наведем справки, что пользуется у членов комитета большей популярностью, и решим. Для меня вопрос решен в пользу “Афони”. Это решение более стабильно у нас в секции. Голосуем список: “Белый пароход”, “Выбор цели”, “Афоня”, программа “Время”, “100 дней после детства” (эта лента шла на премию как произведение для детей).

Секция кино и телевидения проголосовала единогласно. Лишь один человек воздержался. Это была С. И. Жданова.

ГЕРАСИМОВ: А “Иронию судьбы” переносим на будущий год.

Так “Ирония судьбы” выпала из списка. Песенка ее была спета. Казалось, марафон фильма кончился. В это время в помещении, где заседала секция, вошел Игорь Иванович, ученый секретарь комитета.

ГЕРАСИМОВ (Васильеву): Как в секциях относятся к комедиям?

ВАСИЛЬЕВ: Окончательного решения нет, но предпочтительнее “Ирония судьбы”.

ГЕРАСИМОВ: А объединение двух комедий поддерживают?

ВАСИЛЬЕВ: Считают nonsensом.

РОСТОЦКИЙ: Мы хотим Рязанова перенести с присоединением “Служебного романа”.

Через три дня предстояли последние заседания по секциям, после чего должен был состояться пленум, где происходило общее голосование.

Выяснилось, что в секциях, особенно у художников и архитекторов, “Ирония судьбы” пользовалась безоговорочным признанием. Немало поклонников ленты имелось среди писателей и музыкантов.

По предварительным обсуждениям, которые я привел выше, соотношение сил в секции было понятно. Ермаш был активно против нашей картины. Он считал мой уход на телевидение чем-то вроде измены, не выносил Лапина, кино соперничало с телевидением и так далее. А следовательно, Ждан, Кармен, Кулиджанов, Ростоцкий и другие кинематографисты шли за ним в фарватере (Ермаш очень не любил, когда выступали против него). Герасимов занимался балансировкой, что называется, “и нашим и вашим”, а может быть, был искренен в своих бесконечных влияниях. Единственным человеком, который последовательно выступал за нашу ленту, была Жданова.

Заключительное заседание, 20 октября 1977 года.

ГЕРАСИМОВ: “Иронию судьбы” поддерживают другие секции. Значит, “Афонию” переносим. “Афоня” поддержки вообще не встречает. Что-то переменялось! Если дадут дополнительную премию, то мы вставим из комедий “Иронию судьбы”.

РОСТОЦКИЙ: Надо отстаивать документальный фильм “Голодная степь”. Если нам дадут еще одну премию, то не для комедии, а для документального фильма.

ГЕРАСИМОВ: Есть в этом резон. Тогда уступим “Иронию судьбы”.

ВАСИЛЬЕВ: Изобразительная секция горячо поддерживает “Иронию судьбы” и отдает вашей секции свою премию.

И вот наступил пленум. Все секции собрались вместе, чтобы вынести свое окончательное решение.

Заседание пленума, 21 октября 1977 года.

ГЕРАСИМОВ: Горячо поддерживаем “Иронию судьбы”. Ее конкурент – “Афоня”. Чтобы сохранить обе комедии, Данелия и другие переносятся на будущий год, чтобы присоединить “Мимино” и укрепить кандидатуру. (Ибо “Афоня” не всем нравится, а Данелия – большой и достойный художник.) Так что преимущество на стороне Рязанова.

МАРКОВ (литературная секция): “Ирония судьбы” вызывает единодушную поддержку, что бывает в нашей секции редко.

ХРЕННИКОВ (музыкальная секция): “Ирония судьбы” вызывает большие симпатии, и члены секции просили это передать на пленуме.

ЧИРКОВ (театральная секция): Нам хотелось оставить обе комедии. Но так как Данелия сохраняется на будущий год, мы за Рязанова.

ТОМСКИЙ (изобразительная секция): Единодушно поддерживаем “Иронию судьбы”.

ОРЛОВ (архитектурная секция): Секция единодушно за “Иронию судьбы”.

Голосование. “Ирония судьбы” единогласно вставляется в окончательный список. А затем, так же единогласно, проходит в лауреаты за 1977 год. Надо сказать, что хлопоты по поводу лишней премии оказались ненужными. Ибо члены комитета забаллотировали ермашовского фаворита “Выбор цели”: картина не собрала нужного числа голосов и не получила Государственной премии СССР. Так что ради нашей ленты не понадобилось выбивать премиальную единицу.

Лауреатами стали также “Белый пароход”, “Бегство мистера Мак-Кинли” и программа “Время”. И еще “100 дней после детства”, но она шла параллельно как произведение, созданное для детей.

Прошло пять дней с того момента, как пленум комитета вынес свое решение о том, кому быть лауреатами. Из Вашингтона, со взлетной дорожки аэропорта имени Джона Кеннеди взлетел ИЛ-86 с нарисованным красным флагом на хвосте. Мы с Ниной сидели рядышком. Постепенно Америка отдалялась, как географически, так и в нашем сознании. И тут мы впервые вспомнили, что в дни, пока мы знакомились с США, в Москве проходила решающая осенняя сессия и, вероятно, уже состоялся итоговый тур голосования. Естественно, мы ничего не знали о том, как это кончилось.

Наконец, после изнурительного бесконечного перелета над Атлантикой наш самолет пошел на снижение. Колеса коснулись земли, и коллективный вздох облегчения дружно пронесся в салоне воздушного корабля.

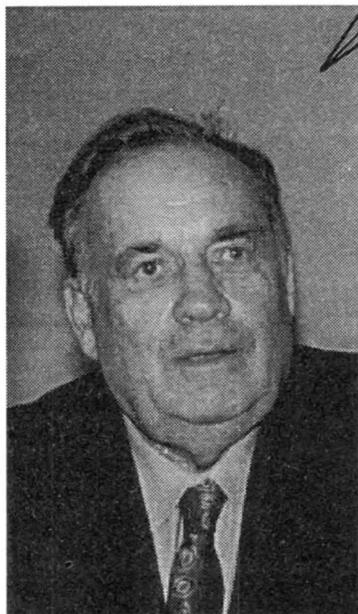
Пройдя процедуру паспортного контроля, мы с Ниной оказались в таможенном зале. Мы не думали, что нас кто-нибудь будет встречать. И вдруг за барьером, где толпились встречающие, увидели наших близких друзей Василия и Инну Катанянов. Вася, мой самый дорогой друг еще с институтских годов, размахивал руками и орал на весь зал аэропорта Шереметьево:

– Единогласно, единогласно! Поздравляю! Ни одного голоса против!..

Голосование было тайным. Каждый член комитета, голосуя за “Иронию судьбы”, понимал, что кто-то будет против. Поэтому знал – его не удастся уличить в том, что он предпочел безыдейную пустышку произведениям магистрального направления. Никто не хотел выдвигать нашу ленту, но при тайном голосовании выяснилось, что члены комитета в глубине души оказались нормальными зрителями. И все они, включая тех, кто при обсуждении выступал против, отдали свои голоса нашей комедии. Все-таки род человеческий, освобожденный от страха, догм и заклятий, не так-то уж плох!..

Отец итальянского неореализма

и я

Эльдар Рязанов

Имя кинорежиссера Марка Семеновича Донского было мне знакомо с детства. Еще до войны, мальчишкой, я видел его кинотрилогию, снятую по автобиографическим книгам Максима Горького – “Детство”, “В людях”, “Мои университеты”. Осваивая курс истории советского кино в институте, мы изучали фильмы Донского, сдавали “по нему” экзамены.

Когда же я начал работать в художественном кинематографе, выяснилось, что Донской жив и всю продолжает действовать, снимает фильмы, что он еще совсем не старый человек. Это было удивительное чувство... Ведь изучая историю ли-

Марк Донской
на съемках фильма
“Алитет уходит в горы”

тературы, мы имели дело с классиками – давно умершими писателями – от Аристофана до, скажем, Чехова. По истории искусств мы знакомились тоже с весьма почтенными художниками и скульпторами – такими, как Андрей Рублев или Ван Гог, которых уже порядком как не было на свете. То же самое происходило на лекциях по истории театра или музыки. Параллельно же шел курс истории советского кино, где мы познавали творчество Сергея Эйзенштейна, Александра Довженко, Всеволода Пудовкина, Дзиги Вертова, Михаила Ромма, Григория Козинцева и Леонида Трауберга, братьев Васильевых, Юлия Райзмана, Сергея Герасимова, Марка Донского. Все эти кинорежиссеры были не только живы, но продолжали активно ставить фильмы. Голсуорси сказал про какого-то персонажа в одном из своих романов: “Для того чтобы стать классиком, ему осталось только умереть”. Наши старшие товарищи, режиссеры, создавшие советский кинематограф, стали классиками при жизни и ясно почему. Искусство, в котором мы все работаем, еще слишком молодо. И сейчас практически любой талантливый режиссер охотно зачисляется в “классики”. Как говорится, не жалко!

Полки с классиками еще не забыты, еще есть вакансии. Но пройдет время, и жизнь сама поставит все на места, рассортирует всех по полочкам. Я думаю, время будет руководствоваться более “жесткими” критериями, нежели современники нынешних

корифеев. И тогда полетят с “классических” полок многие. Но это вопрос будущего.

Итак, вскоре после того как я поставил “Карнавальную ночь”, произошло мое знакомство с Марком Семеновичем Донским. Я не помню, где и как оно случилось. Важно другое – у нас установились отношения взаимной симпатии. При коротких случайных встречах – в Доме кино ли, на каком-нибудь пленуме или в Болшевском доме творчества – мы перебрасывались несколькими шуточными, ироническими, иногда колкими репликами, за которыми угадывались добрые, теплые чувства друг к другу. Марк Семенович никогда не держался напыщенно и величественно. Наоборот, скорее он панибратствовал с молодыми режиссерами, стараясь не показать своего старшинства.

Он в те годы частенько выступал с трибун. Практически каждое совещание – тогда я их еще посещал – не обходилось без речи Донского. Мягко говоря, умение логически мыслить не было сильной стороной Марка Семеновича. Его выступления представляли собой невообразимую путаницу, неразбериху, заносы в разные стороны. Но все это подкреплялось страстным темпераментом, немислимой жестикуляцией, громким голосом. Казалось, всей своей манерой оратора, трибуна, жоака он стремился компенсировать бессодержательность речей. Брызгая слюной и размахивая руками, он перескакивал с одной, так сказать, мысли, на, так сказать, другую. Темперамент захлестывал его, как штормовое море. Одна волна набегала на другую и потопляла предыдущую, не дав ей разгуляться. “Вулкан, извергающий вату”, – было замечено С. М. Эйзенштейном про Григория Рошалья. Это высказывание можно было смело применить и к Донскому. Правда, иногда он извергал и кое-что другое, не столь безобидное.

При каждом контакте Марк Семенович любил намекнуть, что именно он является духовным отцом итальянского неореализма. Что, мол, его трилогия по Горькому и фильм “Радуга” оказали сильное воздействие на послевоенное итальянское кино. Что неореализм вышел непосредственно из его, Донского, творчества. Мы посмеивались над этой, как нам казалось, буйной фантазией маленького человека, относили к его любви приврать, считали манией величия. Но вот в середине пятидесятых годов, когда увеличились контакты с Западом, каждый крупный итальянский режиссер, приезжающий к нам в страну, первым делом требовал встречи с Марком Донским. И выяснилось, что претензии Марка Семеновича – не выдумка, а святая правда. Замечательные мастера итальянского кино своим учителем действительно считали нашего режиссера Марка Донского...

Но все это – затянувшаяся прелюдия к истории, которая случилась в 1972 году. Как-то вечером в Доме кино я увидел Марка Семеновича, подошел к нему с шуткой, но тот, вместо обычного балагурства со мной, буркнул что-то невнятное, отвел глаза и быстренько скрылся в “домкиновской” толпе. Я тогда не придал его поведению никакого значения. А на утро следующего дня мне рассказали, что накануне, то есть в тот день, когда Донской юркнул от меня в публику, было совещание в Госкино СССР. Я на нем не присутствовал. Так вот, на том совещании выступил, среди прочих, и Марк Семенович. Он покритиковал мою только что законченную картину “Старики-разбойники”. Для придания своим аргументам убедительности он сказал следующее:

– Картина не нравится и самому Рязанову. Перед началом совещания он мне сам сказал об этом, – и Донской добавил, обращаясь в зал: – Верно, Эльдар?!

Ответа от меня он, разумеется, не дождался. Меня не было в зале, и Донской это отлично знал, иначе он не прибежал бы к такому рискованному способу. Ведь если бы я находился на собрании, я изобличил бы его немедленно. То, что я будто бы говорил Донскому о своей комедии, является чистым, вернее, грязным враньем. Мы не встречались друг с другом уже несколько месяцев. То, что ему не понравилась моя лента, его дело, его право. Насильно мил не будешь, но зачем в виде доказательства, подтверждающего мнение, надо было прибегать к фальшивке? Тем более, что его непосредственное обращение ко мне, якобы сидящему в зале, делало эту напраслину весьма убедительной в глазах собравшихся. Народу в зале находилось порядочно – больше двухсот человек. Так что мое отсутствие не бросалось в глаза. Оно прошло незамеченным. А то, что я не возразил Донскому, когда он с трибуны обратился напрямую ко мне

за подтверждением, превратило его фразу в неопровержимый факт. Если называть вещи своими именами, почтенный классик совершил по отношению ко мне весьма некрасивый поступок. Причем это не было спровоцировано. Донского очередной раз “занесло”. Но почему на такое странное, малопочтенное попрание? Картина “Старики-разбойники” была только что завершена. Ей еще не присудили категорию, не определили тиража. И на этом этапе критическая дубинка была не столь полезна режиссеру, сколь могла принести вред фильму, дать карты в бюрократические руки, осложнить его выпуск на экран. И не понимать этого такой искушенный кинематографист, конечно, не мог. Он совершил в мой адрес недружественную и, главное, несвоевременную акцию, да еще в такой непривлекательной форме. Оставить подобный выпад без внимания я не мог. Просто я был бы не я! Узнав о случившемся, я, разумеется, взбесился! Я стал думать, что предпринять, тем более, повторяю, надо было заслонить картину от нападок. Лучший способ, конечно, – заставить подтасовщика Донского выступить в ближайшем совещании или пленуме, чтобы он публично признался в передергивании и извинился бы передо мной. Но когда теперь будет следующее многолюдное собрание? Возможно, через два-три месяца, а тогда может оказаться поздно, станет выглядеть смешным и нелепым, ведь другие люди не восприняли этого так остро. Кроме того, было неясно, как поведет себя “отец итальянского неореализма” на трибуне в решающий момент. Может, он и не пожелает поступать так, как я считаю нужным. Или же согласится, а потом его опять “занесет”. Донской – человек непредсказуемый...

Итак, я позвонил по телефону на квартиру Донским и сообщил, что немедленно приеду. Я не спросил, удобно ли, не нарушу ли я чего-нибудь, – в общем, не миндальничал и к политесу не прибегнул. Прежде я никогда не бывал в их доме и явился сюда впервые.

Ирина, жена Донского, – славная, доброжелательная женщина, – встретила меня очень радушно. Она либо не знала об очередной выходке мужа, либо не придавала ей никакого значения. Классик чуял свой грех, догадывался, зачем я приехал, но хорохорился, делая вид, что все в порядке, шутил. Еще пока я ехал, я решил, что мне нужно позабыть разницу в возрасте, в положении, быть безжалостным, короче, спуску не давать. И я пошел в атаку. Не очень-то стесняясь в выражениях, я выпалил все, что думаю о поступке Донского, о нем самом, и потребовал от него признания вины. Глазки Марка Семеновича бегали по сторонам. Под градом обвинений он выглядел весьма пришибленным. Мне не возражал и не отпирался.

– Не придавай этому значения! – посоветовал он примирительно. – Мало ли что бывает...

– Может, ты пообедаешь? – предложила Ирина.

– В доме врага я не ем! – отрезал я.

– Ну, меня занесло, – покладисто сказал Донской. Он чувствовал, что рыльце у него в пушку. – Ты меня извини... Действительно, зачем я это брякнул?..

– Ну нет... Оскорбили вы меня при всех, а извинения просите наедине. Не выйдет! Сумели публично напакостить, при всех и прощения просить придется...

– Ну хорошо, – покорно сказал Марк Семенович. Боевитости, всегда присущей Донскому, не было. – Если ты настаиваешь... Я согласен... Я пожалуйста... В следующий раз...

– Ну нет, – взвился я. – Когда еще будет следующий раз... Придется писать публичное извинение...

– В газету, что ли? – спросил Донской.

– В газету бессмысленно, газета ни при чем, – размышлял я вслух. – Они этого печатать не станут...

– Может, ты чаю попьешь? – снова вмешалась Ирина.

– В доме врага я не пью! Значит так: напишите сейчас заявление на имя министра.

– Зачем? – изумился Донской.

– Совещание вел министр? – уточнил я.

– Да, – подтвердил Марк Семенович.

– Ну, вот ему и напишите... Мол, Рязанов мне ничего не говорил... Просто я старый болтун и враль...

– Зачем ты так, Эльдар? – сказала Ирина укоризненно.

– Чтоб в следующий раз не молот невесть что, а думал бы прежде, – жестоко сказал я. – Марк Семенович, пишите заявление.

– Я же старше тебя, что же ты ругаешься?

– Возраст не оправдание для подлости, – высказал я мысль в общем-то весьма верную.

– Я не знаю, что писать, – вяло произнес классик.

– Не бойтесь, я продиктую, – умолимо сказал я. – Действительно, седой весь, и как не стыдно? Врать-то нехорошо! Или в детстве вас этому не учили?

Донской послушно уселся за письменный стол и взял авторучку.

– Чего писать?! – спросил он. Честно говоря, я предпочел бы, чтобы он сопротивлялся.

– “Уважаемый Алексей Владимирович!” – продиктовал я. Это было единственное, что я знал из будущего письма Донского нашему министру Романову, который руководил тогда Госкино. Наступила пауза. Ирина молчала. Донской, держа в руках стило, ждал, а я думал, подыскивая формулировки.

– “Поскольку я старый маразматик”, – предложил я начало заявления...

– Как тебе не совестно, Эльдар! – обиделся Донской.

– Не вам говорить о совести! – ответил я.

– Да ты присядь, – сказала Ирина. – Что ты все носишься по квартире!

– В доме врага я не сижу! – отрубил я, понимая, что становлюсь смешным. – Ладно, пишите!

И Донской под мою диктовку настроил такой текст:

“Уважаемый Алексей Владимирович! В моем выступлении на совещании от такого числа я заявил с трибуны, будто Рязанов сказал мне, что ему не нравится его собственная картина “Старики-разбойники”. Так вот, я не беседовал перед совещанием с Рязановым, ничего подобного он мне никогда не высказывал. Я увлекся и произнес неправду. Приношу извинения собранию, Вам и Э. Рязанову”.

Честно говоря, злость моя, по мере того как Марк Семенович старательно, высунув кончик языка, писал, постепенно проходила. Кончив диктовать, я неожиданно спросил у Донского:

– Ну как? Так ничего?

– Вроде нормально, – сказал Марк Семенович, как будто оценивая сцену из сценария.

– Тогда подписывайте! – приказал я.

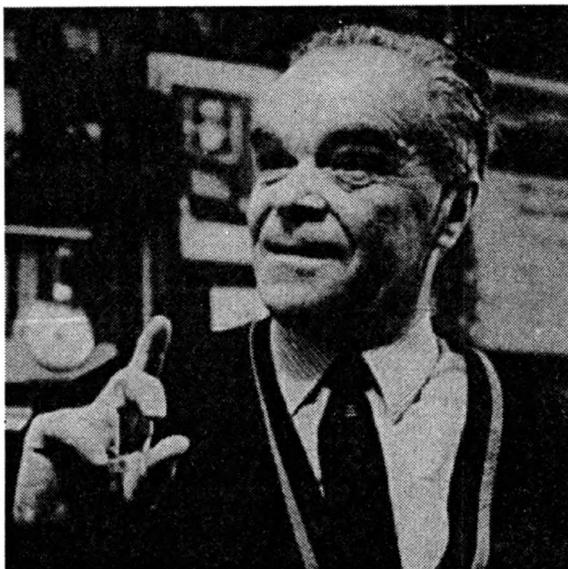
Донской поставил на документе автограф. Я схватил бумагу, боясь, что Марк Семенович еще может передумать, и спрятал ее в карман.

– Ну, я пойду... – неуверенно сказал я, направляясь к выходу.

– Может, перекусишь? – спросила Ирина.

– Да нет. Спасибо. Не хочется. Я сыт. До свидания, Марк Семенович. Вы уж извините, если что не так...

Донской понуро сидел за письменным столом и только кивнул головой в знак прощания. О чем-то думал. Видно, о чем-то невеселом.

Ирина проводила меня до дверей, я оделся и, буркнув слова расставания, выскочил на лестницу. Победа оказалась слишком легкой и не доставила мне удовлетворения. Я чувствовал, что в применении напора, силы и непримиримости где-то переборщил. Я ведь настроился на сопротивление Донского, на его ершистость, на привычное. И хотя оскорбили меня, я испытывал жалость к нашему кинематографическому корифею. Потом я вспомнил, как несколько лет назад, на ноябрьские праздники, мы встретились с Донским в Доме творчества "Болшево". Я уже месяц сильно кашлял, испытывал слабость, меня прошибал пот, но я не обращался к врачам, а продолжал снимать картину. Воспитан был определенным образом: мол, "первым делом самолеты..." Не понимал еще, что здоровье – одно! Донской тогда накричал на меня, усадил в свою машину и отвез к знакомому рентгенологу, который обнаружил в моих легких двустороннее воспаление. Донской проявил ко мне в том случае подлинное, а не показное внимание и заботу, хлопотал, тратил свое время...

На лестничной клетке я остановился и задумался, повертел в руках бумагу с каракулями Донского. Что же с ней теперь делать, с этой бумагой? Порвать? Нет! Дело должно быть доведено до конца: элементарная справедливость этого требует. И я поехал в Гнездииковский переулок, где расположено здание Госкино. Поначалу, пока я ехал, я думал, что добьюсь аудиенции у министра, расскажу ему о недостойном поведении старого режиссера и вручу министру саморазоблачение, написанное и подписанное рукой Донского. Надо же восстановить картину! Но пока я двигался от Дорогомиловки к Гнездииковскому переулку, мой пыл угасал. Дорога заняла всего четверть часа, но к зданию Госкино я подъехал совсем в другом состоянии. Мою ярость потушила безропотность Донского. Анализируя по пути его поступок, я стал понимать, что в актерском порыве старик ляпнул с трибуны ерундовину. Причем в тот момент ему казалось, что он говорит правду, что так и было. Это как вера актера, когда он играет. Если вдуматься, произошла типичная иллюстрация к поговорке: "Ради красного словца не пожалеет и отца!" И тем не менее зло мне было причинено, обида нанесена. Причем публичная. Но идти к министру почему-то уже не хотелось. Желание копаться в этой грязи увядало с каждой минутой. Я припарковал машину. И еще не зная, как поступить, поднялся на второй этаж в приемную Председателя Госкино. Я вручил секретарше Председателя извинительное письмо Донского и попросил передать послание министру. После чего я попрощался и ушел.

Я не звонил потом секретарше и не спрашивал, выполнила ли она мою просьбу. Думаю, что выполнила. Я никогда не наводил справок у самого Романова, получил ли он эту странную бумагу и что он при этом думал. Жалко, конечно, что я не видел его лица, когда он читал это загадочное письмо. Вручив письмо секретарю министра, я как бы поставил точку на этой истории. Вернее, многоточие... Я удовлетворил потребность собственного морального кодекса, но довольства своей персоной я не испытывал. В данном случае, скорее всего, надо было проявить великодушие и терпимость, сделать вид, что ничего не случилось! Но характер порой сильнее человека. Характер часто заставляет совершать такие поступки, которые человек, по зрелому размышлению, может быть, и не совершил бы.

Подписаться на наш журнал можно начиная с любого номера
на почте или в редакции журнала.
Индекс по каталогу ЦРПА – 70434.

АЛЕКСАНДР МИТТА

Стереотипы

СТЕРЕОТИПЫ ДРАМАТУРГИИ

Станиславский и мы.

Глава 3. КОНФЛИКТ

Есть понятия, которые вам настолько хорошо знакомы по жизни, что в них, кажется, и разбираться незачем – и так все ясно. Каждый знает, что такое конфликт. Это когда две стороны спорят, дерутся, воюют, убивают. Всю свою жизнь мы вокруг себя встречаем тысячи конфликтов, узнаем о них из личного опыта, видим по телевизору, читаем в газетах. Но профессиональный интерес заставляет внимательно присмотреться к этому термину.

Конфликт – это ключевое слово драмы. Драма занимается только действиями людей по отношению друг к другу, поэтому конфликт всегда оказывается в центре нашего внимания. Поступки людей в драме обычно по своей сути конфликтны. А если кажется, что конфликт скрыт или слаб, мы его находим и развиваем. Как это сделать – наша профессия.

И, как часто бывает в профессии, здравый смысл дилетанта вступает в столкновение с опытом профессионала. Для того, чтобы на экране было все, как в жизни, но увлекательно, в структуре драмы каркасы конфликтов выстраиваются вопреки обывательской логике обыденной жизни. Только отметим – каркасы, а не поведение персонажей. В обыденной жизни вы почти никогда не догадаетесь о намерениях человека по его лицу и внешнему виду. Убийца будет сидеть перед вами, пить водку, чокаться, улыбаться. И в реальной жизни нет такой гениальной проницательности, которая могла бы проникнуть в мозг убийцы и определить, что в этот миг он в своем воображении режет ваше горло. А в драме – должны и можем. В искусстве драмы мы балансируем между явным и загадочным, обыденным и спектакулярным. Мы хотим раскрыть тайны людей, но так, чтобы это происходило естественно, как будто само собой. Для этого есть только один путь – действия людей в конфликте. В этом случае они сами раскрываются. Причем не в словах, а в действиях. Слова, как правило, обманывают и прячут истинные намерения. Только действия срывают с людей маски и обнажают их подлинную сущность. Эти действия должны исходить из потребности самих людей. Они должны выражать их эгоизм, а не эгоизм автора. И только сталкивая людей в конфликтах, мы можем так глубоко спрятать свои намерения, что о них никто не догадается.

Марио Пьюзо, известный американский романист и сценарист, сказал как-то: "Мы, драматурги, подобны регулировщикам уличного движения. Только с одной разницей: мы сумасшедшие регулировщики. В жизни регулировщики обеспечивают безопасность, а в драме мы думаем только о том, чтобы столкнуть встречные машины. Мы создатели катастроф".

Действительно, реальная жизнь полна усилий избежать ссор, споров, драк. Она состоит из компромиссов и привычных ритуалов. 10 минут в драме показывает нам больше конфликтов, чем содержит иная человеческая жизнь. Смотреть на эти конфликты, подключаться к ним, сопереживать и обноваться – вот зачем мы ходим в кино. Но мы

Продолжение. Начало см. в № 5, 1995 г.

хотим, чтобы довольно условная структура выглядела как абсолютно естественная, жизненная. Как этого добиваться? Есть правила, которые помогают развитию конфликта и эмоциональному подключению к нему.

Первое правило: **в конфликте борются ясные, четко выраженные силы.** Добро борется со злом. Плохие парни дерутся с хорошими парнями. Самые яркие искры конфликтов высекаются из столкновения крайних сил, когда Черт вступает в схватку с Ангелом. Чем яснее противники, тем доступнее и эмоциональнее драма. В сложных формах зло прячется под маской доброты. Ангел хорошо укутан и угадывается не в первый момент. Но в самой сердцевине конфликта можно найти и распознать двух непримиримых противников – протагониста и антагониста. Наша задача – столкнуть их как две автомашины в уличной катастрофе. Наша проблема – придать столкновению сложных и многозначных персонажей ясность, которая будет лишена тривиальности.

Некоторые формулы конфликта найдены удачно и тиражируются бесконечно:

- полиция и преступники;
- ковбои и индейцы;
- беззащитная красавица и похотливый насильник.

В низших формах драмы эти противники стереотипны. Взыскательный художник постарается избежать клишированных фигур.

Жизненный опыт каждого молодого художника подбрасывает множество увиденных или рожденных воображением персонажей и ситуаций, еще никем не описанных, никак не опознанных. **Персонажи – это ваше уникальное богатство, а способ их опознания в конфликте вполне универсален.**

Чем сильнее различие персонажей, тем лучше развивается конфликт. Найти различие – задача художника, а столкнуть эти различия в конфликте – технология профессионала.

Посмотрим на различия персонажей Чехова. Можно брать наугад любую новеллу, и вы найдете необычные и доведенные до крайности различия.

"Верочка" А. Чехова

Иван Алексеевич Огнев и Верочка – молодые люди, одинокие, одного социального уровня. Что мешает их любви? Ей 21 год, ему 29. Чем не пара? Верочка стройная, красивая. И она объясняется Огневу в любви, самозабвенной, сжигающей ее. Она пылает. А он абсолютно мертвый, холодный душой, бездарный к эмоциональным проявлениям статистик. Верочка трепещет и пылает. А душа Огнева – кусок даже не льда, а камня. Верочка сквозь слезы признается ему: "Я... я люблю вас". У Огнева это признание вызывает смущение и испуг... И он четко понимает, что не способен любить: "Лучше Веры я никогда не встречал женщин и никогда не встречу. О собачья старость! Старость в 30 лет..."

Чехов открыл нам удивительное столкновение двух крайностей – беззащитной страстной натуры, богатой любовью, жаждущей отдать себя любимому. И непробиваемого как инопланетянин, сердечного нищего. Как видите, крайности – это не только люди закона и преступники, богачи и воры, ковбои и индейцы.

Вооружимся простой рабочей формулой: в конфликте полезно искать столкновение крайностей, таких, как Ангел и Дьявол. Все, что выражает любовь и душевную чистоту, – это ангельское, оно способно родить жизнь. А все, что выражает злобу, несет ненависть, равнодушие, смерть, – это дьявольское. Неспособность к любви – это смерть. Это диагноз: "Старость в 30 лет". В художественной ткани два удивительно жизненных и нетривиальных характера. А в каркасе Ангел столкнулся с Дьяволом.

А вот шутка, юмореска "Зиночка" – тут Ангел столкнулся с Дьяволенком. Молоденькая гувернантка Зиночка, беззащитная в первой любви, и шпионящий за ней ее ученик, восьмилетний шалопай, сын хозяев. Чехов описывает феномен рождения ненависти, такой же сильной, как любовь. Это парадоксально, удивительно, свежо даже сегодня, через 100 лет. В основе – резкий контраст персонажей. Беззащитное существо, охваченное огнем любви, и тупой, не понимающий, что такое любовь, маленький мерзавец, сильный властью, которую он вдруг получил.

"Когда я ложился спать, Зиночка, по обыкновению зашла в детскую узнать, не уснул ли я в одежде и молился ли Богу? Я посмотрел на ее хорошенькое счастливое лицо и ухмыльнулся. Тайна распирала меня и просилась наружу. Нужно было намекнуть и насладиться эффектом.

– А я знаю! – сказал я, ухмыляясь.

– Что Вы знаете?

– Ы-ы! Я видел, как около верб вы целовались с Сашей. Я пошел за вами и все видел...

Зиночка вздрогнула, вся покраснела и, пораженная моим намеком, опустила на стул, на котором стояли стакан с водой и подсвечник.

– Я видел, как вы... целовались... – повторил я, хихикая и наслаждаясь ее смущением. – Ага! Вот я скажу маме".

Конфликт возник и стремительно мчится к катастрофе.

Мы уже поняли, что конфликт – основной способ развития драматической ситуации. У каждого персонажа своя драматическая ситуация, и они сталкиваются в конфликте. Жизнь драмы – это борьба в конфликте, борьба двух драматических ситуаций.

Драматическая ситуация создает напряжение на старте. Герой в безвыходном положении. Как он будет из него выбираться? Нетрудно представить себе героя

РАЗВИТИЕ ДРАМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В КОНФЛИКТЕ

в разрушенном доме, где стены качаются и грозят ему смертью каждый миг. Воображение легко рисует нам картины борьбы с бурной рекой или горящим лесом. Но наш конкретный жизненный опыт вырос среди людей, а не среди стихий. Мы больше всего сопереживаем герою, когда испытанию на прочность подвергается его любовь, честность, храбрость, доброта, ум. Живой противник в драматической ситуации – самое большое испытание для героя. Каждый противник несет в себе угрозу огня и катастрофы, он может обрушить их на героя.

Американские правила говорят: зло в драматическом конфликте не может быть выражено в социальном или экологическом явлении. Оно не может выступать в виде философской категории. **Зло обязательно должно концентрироваться в облике конкретного антагониста, который борется с героем здесь и сейчас.** Такое зло сильнее всего привлекает зрителей в эмоциональное сопереживание, оно полно неожиданностей в развитии.

Персонаж, носитель зла, может выражать любые философские идеи, но не словами, а действиями в конфликте. Если он расист, он не произносит речи, а убивает негров или евреев. Зло в конфликте должно иметь вид конкретного человека с персональным характером и личными интересами – антагониста. Своими действиями противник задает герою вопросы. Герой действиями дает ответы. Так развивается из драматической ситуации конфликт. Вопрос – ответ – вопрос – ответ. Так рассказывается любая история, ее рассказывают двое: герой и его антагонист.

В конфликте всегда сталкиваются две стороны: два лица, две

группы, две армии или один против всех, но эти "все" для конфликта одно лицо – антагонист. В любом случае – два лица. Даже если в сцене действует один человек, он является участником конфликта. Его воля может сталкиваться с отсутствующим противником. Наконец, он может развивать внутренний конфликт – Черт в душе героя воюет с Ангелом его души. Всюду, где есть волевое действие "я хочу", оно становится видимым и понятным, только натолкнувшись на барьер в конфликте.

Не в каждой сцене конфликт выходит наружу, но существует и развивается он всегда. Некоторые сцены готовят конфликты, другие осмысляют его. Но они всегда связаны с конфликтом. Все, что не связано с конфликтом, для драмы лишнее.

В фильмах действия Дьявол и Ангел легко узнаются. Но в жизни Дьявол не узнается в первый момент и Ангел прячется под защитной маской характеров. Дьявол и Ангел – персонажи мелодрамы, где все конфликты предельно ясны. В драме Дьявол и Ангел борются в душе каждого персонажа. Они создают внутренний конфликт. Разобраться в нем не всегда просто.

Протагонист и антагонист часто борются в конфликте не потому, что один плохой, а другой хороший. Нет. Просто оба они вовлечены в драматическую ситуацию из-за общей проблемы, в которой столкнулись их судьбы, и компромисс невозможен.

Муж и жена развелись и не могут поделить ребенка. Они оба хорошие люди, оба любят ребенка. И ребенок любит их. Вспомните фильм "Крамер против Крамера". Там сильный, развитый конфликт, а люди все хорошие. Но их цели в борьбе не совместимы.

В центре конфликта должно находиться что-то конкретное, что глубоко затрагивает самые важные жизненные интересы. С самого начала мы должны четко определить, из-за какой конкретной вещи сталкиваются интересы персонажей.

- В "Вишневом саде" – продажа имения.
- В "Гамлете" – убийство короля.
- В "Ромео и Джульетте" – вражда двух семей.

Конкретные проблемы обычно окружены чувственными деталями. Они делают зримым и объемным энергетическое ядро конфликта, и это помогает эмоционально войти в мир враждующих персонажей.

А абстракции – любовь, фашизм, ложь – не вызывают таких эмоций. Они проходят сквозь нас, как радиоволны сквозь стены. Когда такое понятие обрастает деталями и свойствами конкретного лица, тогда у него больше шансов прилипнуть к нашему сознанию.

1. Он хочет есть, а она хочет спать. Пока они не столкнули свои простые желания, конфликта нет. Он пришел с работы и хочет есть на кухне у пустого холодильника. А она устала и хочет спать на диване около телевизора. Конфликт назревает. Но вот мы сталкиваем персонажей. Он подходит и говорит:

– Эй, я устал и хочу есть.

А она отвечает:

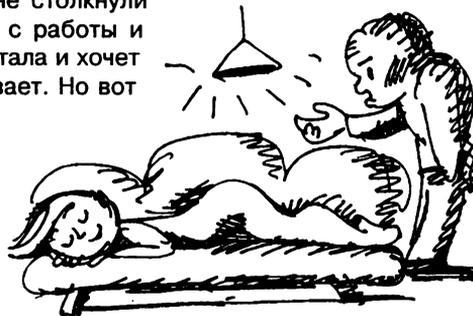
– А я устала и хочу спать.

Одно "я хочу" столкнулось с другим "я хочу" лицом к лицу. Если эти "я хочу" имеют разные цели, конфликт развивается.

Наша задача – не примирить персонажей, а подтолкнуть развитие конфликта к катастрофе.

2. Он думает: "Я работаю как вол, я устаю, а дома ко мне нет никакого внимания! Она меня не уважает. Я заставлю ее уважать себя".

Она думает: "Он груб, он не считается со мной. Наверное, он меня не любит. Вот что значит это его "я хочу есть", когда он видит, что я хочу спать. Он меня не любит – мне это ясно".

Эти мысли мотивируют действия персонажей. Он стучит кулаком по столу, она плачет – это катастрофа.

Когда в конфликте возникает катастрофа, происходит непредвиденное развитие действий.

3. Он хватается за куртку и выбегает на улицу. Он остается один, и она остается одна. Конфликт исчерпан? Как бы не так. Теперь они оба в драматической ситуации. Конфликт развивается. Теперь "он" стал полем внутреннего конфликта. Дьявол шепчет ему в одно ухо: "Она о тебе не заботится, брось ее. Вокруг тысячи девушек красивее и заботливее, иди к ним. Они тебя накормят кое-чем".

А в другое ухо поет Ангел: "Вернись! Ты же ее любишь. Обними ее. Скажи, что ты пошутил."

Он колеблется, но в итоге верит Ангелу и выбрасывает Черта. Внутренний конфликт разрешен. Он возвращается домой. А ее там нет.

Конфликт резко ухудшает ситуацию или создает непредвиденные последствия.

4. "Где она? Куда ушла? Что с ней будет ночью? Что будет без нее со мной?" – встревожен он.

Конфликт создает интригующие вопросы: какое будущее ожидает персонажей?

5. Он снова бросается на улицу. В этот миг красная машина отъезжает от дома. Кажется, она в ней. И не одна! Он бежит за машиной. Но разве ее догнать? Он потерял ее.

Конфликт развивается, когда извне угрожает альтернативный фактор.

Конфликт – это живой импровизационный путь, которым развивается событие.

Конфликт – это как сценарий, который импровизируют два соавтора. Он пишет свой сценарий. Она пишет свой. Она оскорблена и готова делать что-то катастрофическое в своей жизни.

6. Он кидается к своей машине и мчится, преследуя красную машину с опасностью для жизни.

Конфликт надо решать здесь и сейчас. Давление времени хорошо работает.

7. Он объехал полгорода. Нигде нет красной машины. И он возвращается домой. Его положение резко ухудшилось. В начале конфликта он хотел есть, теперь он одинок.

И он сам погубил свое счастье. Он полностью несчастен. Как вдруг он видит в доме свет, а в комнате – она. Она вернулась. Ангел в ее душе победил Дьявола. Влюбленные кидаются друг к другу, целуются и плачут от счастья.

Без конфликта ни мы, ни вы, ни актеры, ни зрители не поняли бы, что они сильно любят друг друга.

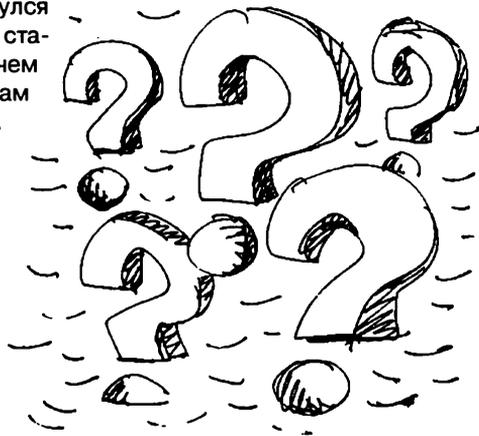
Конфликт помогает нам пережить чувства героев как свой эмоциональный опыт.

В конфликте всегда действует уже разобранный нами простейшая, но очень важная структура – **драматическая перипетия**.

В начале сцены, усталый и голодный, он вернулся домой – к счастью. И вдруг стал несчастен. Он становился все несчастнее и вдруг стал счастливее, чем раньше. Чем больше этих перепадов, тем яснее нам характеры, тем ярче они раскрываются визуально.

Эти вопросы не возникают в конфликтах в какой-то последовательности. Дело не выглядит так, что, ответив на один вопрос, мы открываем путь к следующему.

Нет. Эти вопросы как бы одновременно вибрируют в теле конфликта. Они постоянно возникают все вместе и каждый в отдельности. Ответы на эти вопросы помогают нам понять, правильно ли развивается конфликт. Исчерпываем ли мы до конца потенциал конфликта в своей истории.

Посмотрим, как работают эти вопросы в драмах с хорошо развитыми конфликтами.

1. Наша задача не примирить персонажей, а подтолкнуть развитие конфликта к катастрофе.

"Крестный отец"

Враги дона Карлеоне пытались его убить, но он выжил. Убийцы хотели бы примириться, прекратить вражду, но сын дона Карлеоне, Майкл, решает убить убийц отца. Конфликт развивается к катастрофе.

"Ромео и Джульетта"

Ромео счастлив, он полюбил Джульетту и вместе с ней всех бывших врагов из клана Капулетти. Но брат Джульетты Тибальд убивает друга Ромео Меркуцио. Ромео должен мстить. И он убивает Тибальда. Конфликт вспыхнул и мчится к катастрофе.

В большом и малом конфликт развивается действиями людей по отношению друг к другу **здесь и сейчас**.

2. Когда в конфликте возникает катастрофа, происходит непредвиденное развитие действий.

Ромео наказан за убийство Тибальда тем, что изгнан из города. Это катастрофа для его любви. Но происходит непредвиденное развитие действий – он и Джульетта тайно женятся. И это развитие действий создает катастрофу для Джульетты. У нее уже давно есть жених Парис, и он намерен жениться немедленно "здесь и сейчас". Что сделает Джульетта?

"Крестный отец"

Дон Карлеоне убит. Его враги спешат закрепить свою победу. Но вдруг они узнают, что Карлеоне еще жив. Это для них катастрофа. Жертву надо добить. Приходится импровизировать, а в это время дети дона Карлеоне готовят защиту отца. Никто не знает, что случится в следующий миг.

"Вишневый сад"

Назревшая катастрофа неотвратимо должна разразиться: сад будет продан. Но кто

его купил? Друг семьи – Лопахин! Это непредвиденное развитие действий срывает с Лопахина все маски. Открылся дикий зверь.

3. Конфликт резко ухудшает ситуацию или создает непредвиденные последствия.

"Крестный отец"

Майкл Карлеоне отомстил за покушение на отца. Он убил убийцу, но следствием этого было развитие войны гангстерских семей и убийство старшего сына. Никто не думал о том, что за месть придется заплатить такую цену.

"Ромео и Джульетта"

Джульетта наверняка не хотела бы никаких конфликтов со своей семьей. Но ее ситуация катастрофична. Она не может выполнить волю отца и выйти замуж за официального жениха Париса, потому что тайный брак с Ромео создал непредвиденные последствия. Только мнимая смерть может спасти Джульетту.

4. Конфликт создает интригующие вопросы. Какое будущее ожидает персонажей?

"Ромео и Джульетта"

Ромео полюбил девушку из вражеской семьи. Что ждет эту любовь?

Джульетта ответила ему любовью. Что теперь с ними будет? Эти вопросы перед героями Шекспира стоят всегда. Как только один ответ получен, возникает следующий вопрос.

"Вишневый сад"

Сад будет продан. Лопахин не может помочь спасению Раневской. Какое будущее ее ожидает? Очевидно, нищета и смерть. Вопрос поставлен так, что об ответе можно догадаться. Это и есть искусство.

"Крестный отец"

Майкл вступил в конфликт, он бился по максимуму и победил врагов. Но какое будущее ожидает его самого? Он станет дьяволом во плоти. Это заявлено предельно четко.

Это и есть массовое искусство.

5. Конфликт – это живой импровизационный путь, которым развивается событие.

"Ромео и Джульетта"

Мог ли Ромео представить себе, что убьет Тибальда за минуту до их ужасной схватки? Могла ли Джульетта, ласковая и послушная дочь, вообразить, что нарушит приказ отца и нормы поведения благовоспитанной девушки?

"Вишневый сад"

Могла ли Раневская вообразить, что убийцей сада и ее самой станет нежный обожатель Лопахин?

"Крестный отец"

Могли ли братья Майкла и подручные отца подумать, что ласковый сынок Майкл станет беспощадным мстителем и хладнокровным убийцей?

Все эти вопросы неожиданно возникают как бы сами собой в процессе развития конфликтов.

Нет ничего страшнее для развития конфликта, чем предсказуемость. Если зритель угадывает, что его ждет, то "и красивы вы некстати, и умны вы невпопад".

Вы умнее зрителя ровно настолько, насколько неожидан следующий поворот в развитии вашего конфликта.

Конфликт – питательный раствор, в котором созревают неожиданности. Потому что конфликт это Борьба. Когда герои сталкиваются, возникает что-то непредвиденное. В тупых боевиках это прямой обмен ударами. В историях потоньше и драки поизящней.

"Страх" А. Чехова

Муж героини "достает" рассказчика своими откровениями о страхе перед загадками жизни. И вдруг в потоке излияний испуганной души Герой узнает, что жена совершенно равнодушна к мужу. Ага! Путь к телу свободен. Рассказчик начинает вялую атаку, и вдруг оказывается, что она уже полтора года как влюблена в него. Стремительный роман мгновенно достигает кульминации. Как вдруг среди жарких объятий героя охватывает тоска и неудобство. Жена под рассказчиком плачет и клянется в верной любви, просит увести к себе, а рассказчику хочется короткого "светлого восторга", как он сам говорит. Мерзавец, конечно, но кто бросит в него камень? Выпроводил он жену друга, как вдруг в три часа ночи муж появился. Говорит – забыл фуражку. В три часа ночи? Что, гений не мог придумать мотивировку покладней? А лучше этой и не выдумать. Муж появился на сломе драматической перипетии. А в этом месте, как мы помним, зритель всегда верит. Но Чехов потому и гений, что ничего не оставляет на веру. Он дает всему объяснение. Жизнь странная штука, и все тут... Живое и импровизационное развитие конфликта, нелепые на первый взгляд детали с железной крепостью строят структуру для философского итога.

"Зачем я это сделал? – спрашивал я себя в недоумении и отчаянии. – Почему это вышло именно так, а не иначе? Кому и для чего нужно было, чтобы она любила меня серьезно и чтобы он явился в комнату за фуражкой. Причем тут фуражка?"

Ну как не вспомнить мысль Ницше о том, что построение драмы передает мудрость более глубокую, чем можно выразить в словах и понятиях. Кажущаяся импровизационность конфликта – необходимое условие его развития в структуре драмы. Философия жизни возникает не в словах, а в действиях конфликта.

6. Конфликт надо решать здесь и сейчас. Давление времени хорошо работает.

"Крестный отец"

Тяжело раненный Дон Карлеоне остался в больнице без охраны. Сейчас придут его убийцы. Майкл должен немедленно принять решение: что делать? И он не совершает ошибок.

Действие движется к финалу. Дон Карлеоне умер. Но накануне смерти он предсказал сыну новый виток кланов и дал совет: Майкл должен опередить своих врагов. И сын делает это кроваво и беспощадно.

"Ромео и Джульетта"

Завтра свадьба. Джульетта должна немедленно решить, что делать? И она принимает ложный яд.

"Вишневый сад"

"Решайте! Сад будет продан!" – взывает Лопухин. А Гаев и Раневская никак не могут решить. Что это – бездействие? Только для дурака и непрофессионала. Отказ – это

такая же активная форма развития конфликта, как и решительный поступок. В принципе все формы активности хороши для развития конфликта. Когда Черт и Ангел схватились в смертельной схватке в душе героя, внешние проявления его активности – это проблема режиссера. Решайте ее! Ищите внешние выражения для внутренних катастроф.

Беспомощную режиссуру всегда отличает ложная многозначительность при внешней вялости. Наша главная проблема – всегда находить, как "здесь и сейчас" внутренний конфликт проявляется в видимом действии. Наш постоянный вопрос: как проблемы получают рисунок поведения? Как они претворяются в действиях героев?

7. Конфликт помогает нам пережить чувства героев как свой эмоциональный опыт.

"Крестный отец"

Как бы мы поняли, что творится в душе Майкла, если бы он не вступил в конфликты и не победил всех врагов?

Конфликт – это и есть рассказ о чувствах. Выражать чувства внешне помимо действий в конфликте совсем не обязательно. Чувства надо иметь. Доносят их конфликты, когда они визуально грамотно рассказаны вами.

Посмотрите вразнобой несколько сцен из "Крестного отца". Вы увидите, что Майкл Карлеоне во всех ситуациях прячет свои чувства так, что о них не может догадаться никто.

Вам кажется, что вы такой проницательный зритель, что вы-то о них догадались. Это вы себе льстите. Грамотный рассказ и развитие конфликта ведут вас за руку, как ребенка, по темному лесу истории.

Умение рассказывать истории в картинках – это не что иное, как умение превратить взрослых в доверчивых детей. Вы полностью манипулируете эмоциями зрителей. В кино это так. Известный сценарист и кинорежиссер Дэвид Маммет в первой своей лекции студентам-режиссерам сказал: "Актер не должен своими эмоциями определять развитие истории. Делать это – все равно что помогать движению поезда по рельсам тем, что вы машете руками из окна вагона".

Действуйте в конфликте в полном соответствии с правдой жизни и предлагаемых обстоятельств – и вы попадете в точку. Об этом говорил человек поважнее всех остальных – Станиславский.

Подытожим.

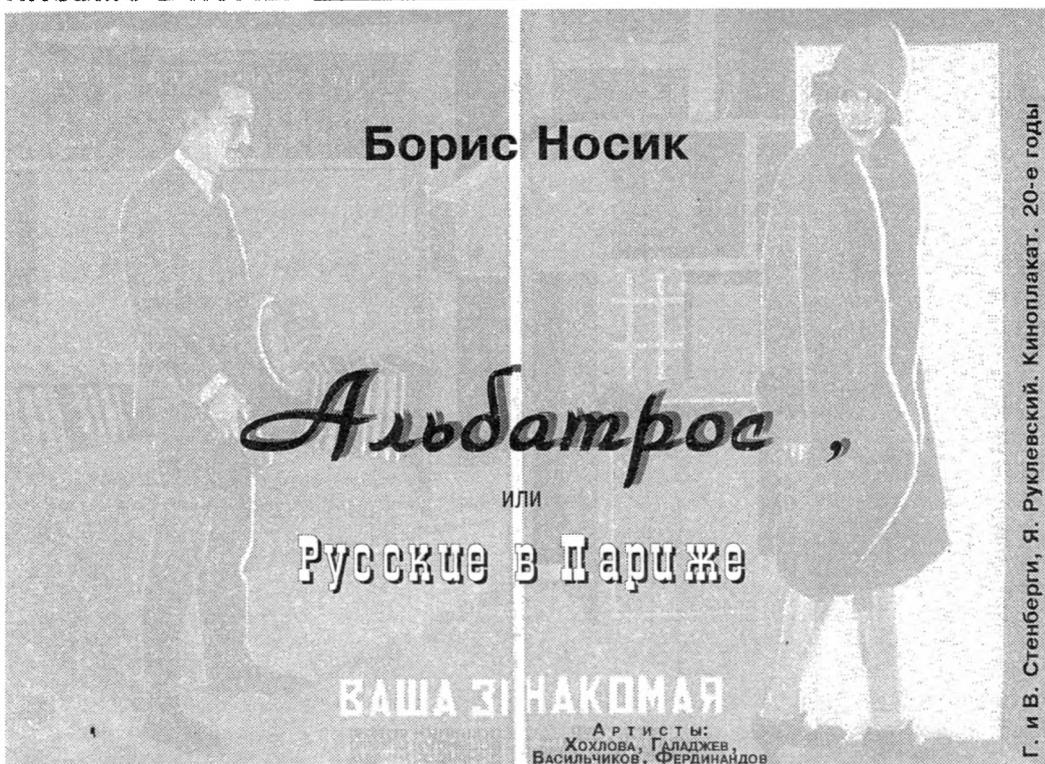
Правила, помогающие развитию конфликта:

1. В начале сцены общая цель несовместима и недостижима.
2. Извне угрожает альтернативный фактор.
3. Есть давление времени. Проблему надо решать здесь и сейчас.
4. Мы должны подталкивать персонажей к катастрофе.
5. Мы следим, чтобы зритель спрашивал себя: что будет делать персонаж?
6. Конфликт развивается как эмоциональный опыт персонажей, который мы можем почувствовать вместе с ними.

Чтобы выявить этот эмоциональный опыт, конфликт надо развить в драматическом исполнении актеров.

(Продолжение в следующем номере.)

В январе 1996 года на Высших режиссерских курсах в Москве АЛЕКСАНДР МИТТА будет вести семинар "Драматургия для режиссеров" по своей книге, главы из которой печатаются в нашем журнале.

В восточном предместье Парижа, городке Монтрёй, в чудом уцелевшем стеклянном павильоне бывшей киностудии открыта нынче выставка, название которой мало что скажет тем, кто не интересовался специально ни историей французского кино, ни историей того уникального явления мировой культуры, которое мы условно называем Первой русской эмиграцией. Название выставки "Альбатрос, русская школа Монтрёй". Речь идет о целой школе русского кинематографа, а заодно и о развитии кинематографа французского, и посетитель этой выставки узнает и о том и другом любопытные и неожиданные подробности. Еще в начале века знаменитая фирма "Патэ" (ее столетие с помпой было недавно отмечено в Париже) размещает в этом восточном пригороде Парижа свою студию, которая к началу двадцатых годов переживает, как и вся гордая родина кинематографа – Франция, унижительное поражение, отступая перед напором молодого американского киногиганта, выбросившего на мировой рынок три тысячи увлекательных фильмов по дешевой цене. Фирма "Патэ" уже готова капитулировать, практически она уже сдалась на милость победителя, и спасти ее могло только чудо. И чудо свершилось. Напомним о нем словами неистового, рано облысевшего человека, которого окружающие подобострастно звали "Ильич": "Революция, о которой твердили большевики, совершилась". Она совершилась и выбросила за пределы великой страны ее элиту – толпы ученых, литераторов, художников, среди которых были и талантливые, высокопрофессиональные мастера молодого русского кинематографа. Сотрудничавший некогда с "Патэ" Ермолев и его соратники берут студию Монтрёй в свои руки. Они очень скоро доказывают,

что они умеют работать и по-американски тоже. Новая студийная машина приходит в движение. Уже в 1921 году Туржанский ставит здесь "Тысячу и одну ночь" с удивительным Мозжухиным, и французская кинопресса изумленно пишет, что за киноэкзотикой больше не нужно ехать в Лос-Анджелес. Ориентальная русская экзотика, вкус к которой привил здесь еще бешеный успех русского балета наводняет экраны и спасает французский кинематограф. "Что было бы с кинематографом во Франции, если б не русские?" – вопрошает корреспондент влиятельной парижской газеты "Монд". Вопрос риторический и ответ ясен: было бы явно "не то". Впрочем некоторых в ту пору смущало, что французы требуют от талантливого русско-французского кинематографа бесконечного воспроизведения полюбившегося Франции русского мифа. Опасения были напрасны. Талантливые русские мастера – режиссеры, операторы, сценаристы, художники-декораторы, мастера костюма, имя им легион – не останавливаются на простых профессиональных победах. Их влекут новаторство, творчество, открытия, и они вовсе не склонны потакать публике. На студии, где собралось такое созвездие талантов, начинают создавать фильмы, определившие дальнейшее движение и французского и мирового кино. Знаменитый режиссер Жан Ренуар, сын Огюста Ренуара, вспоминает, как он молодой художник-керамист вдруг обратился в один прекрасный день к кинематографу. В парижском кинотеатре он увидел фильм Волкова и Мозжухина "Пылающий костер". "Зал вопил, шикал, свистел, шокированный зрелищем столь непохожим на обычную киножвачку, – вспоминает Ренуар. – Я был в восторге. Наконец-то я увидел настоящий фильм, поставленный во Франции. Конечно, он был поставлен русскими, но он был поставлен в Монтрэй. Я решил забросить свой промысел керамиста и делать кино". Добавлю, что уже через два года Ренуар снимал на русской студии "На дне" по пьесе Горького. Так начинались карьера большого режиссера, и большой французский кинематограф (как другие русские завоевания обогащали в ту пору немецкий и американский кинематограф). На "Альбатросе" предпочитали в ту пору снимать многие западные мастера (вроде Фейдера, Рене Клера и того же Ренуара). Кинематографисты, связанные с "Альбатросом", работали позднее у Отана Лара и Кайятта, у Сёдмака и Абея Ганса, у Любича и Сидни Люмета. Но начинали чаще всего в почти однородно русских (с иных точек зрения в русско-еврейско-украинско-армянско-грузинских) съемочных группах. Самым блистательным периодом русской кинематографической эмиграции во Франции был, конечно, период немого кино. Тогда снимали Мозжухин, Волков, Протазанов и гений тогдашнего авторского кинематографа Дмитрий Кирсанов. Как некогда в балете у Дягилева, истинную революцию осуществили в ту пору во французском и европейском кинематографе русские художники – декораторы, художники по костюмам, гримеры: Бакст и Бенуа, Андреев и Добужинский, Анненков и Барсак, Шильдкнехт и Лошаков, Вильке и Минин, Шахатуни и Аракелян, Бруни и Келдыш... Русские пошивочные мастерские впервые прилично приодели здешний кинематограф. Вообще мастера такого класса работали, вероятно, в "киношке" впервые. Оттого именами русских кинематографистов той поры и пестрят ныне киноэнциклопедии всего мира. Оттого и говорят сегодня в Париже с придыханием о "русской школе Монтрэй".

Ноябрь 1995, Париж.

"С благодарностью — были..."

Составляя план номера, мы оставили эту полосу для материала, посвященного памяти Вадима Трунина. В этом году ему должно было исполниться 60. Это значит, что 22 года назад, когда начал издаваться наш журнал (тогда он был альманахом — ежегодником), Вадиму еще не было сорока. В свои "тридцать с хвостиком" знаменитый автор "Белорусского вокзала", драматург и выпускник Литинститута как нельзя лучше подходил для работы в редколлегии нового издания, как раз и находящегося на стыке литературы и драматургии...

Двадцать лет совместной деятельности — это много, за двадцать лет целое поколение вырастает, столько всякого "прошлого" образуется, что либо книгу писать, которую, как известно, "каждый человек может о своей жизни", либо стихи, но тогда уж гениальные, которые вмещают все: "...Бога, в пространствах идущего, лицо умасшедшее... Боже, сожги настоящее, во имя будущего! Но помилуй прошедшее..."

Мы готовили номер, и страница эта была, что называется, в чернильнице

как пришла страшная весть — убили Артура Макарова.

Они были почти ровесниками с Вадимом, непохожие — похожи широтой какой-то, настоящей, мальчишеством. Они были взрослые мальчишки, которые очень хотели быть большими мужиками и это, оказывается, и делало их настоящими мужчинами. В самом высоком — жертвенном — смысле этого слова.

А потом умер Алеша Габрилович... Кажется, недавно совсем пришел в редакцию, принес отцовские архивы. Сам не мог разобрать — плакал...

Посмотрите на дату подписания номера в печать. Это день похорон Александра Кайдановского. Мы готовили к печати его последний сценарий, последний... Мы напечатаем.

Ребята. Наши авторы. Кончайте помирать. Мы вас любим.

От тех, кто ушел, остались сценарии. Напечатанные и нет. Непоставленные.

Дэвид Робинсон

ХРОНИКА КИНЕМАТОГРАФА

1934

СОБЫТИЯ
МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

23 мая. В перестрелке с полицией погибают Бонни Паркер (23) и Клайд Бэрроу (25) – Бонни и Клайд.

30 июня. Расправа Гитлера со штурмовыми отрядами ("Ночь длинных ножей").

10 сентября. Вступление СССР в Лигу наций.

– Сальвадор Дали "Вильгельм Телль".

– Сергей Рахманинов "Рапсодия на тему Паганини", Артур Онеггер "Семирамида".

– Ф. С. Фицджеральд "Ночь нежна", Артур Миллер "Тропик Рака", Жан Кокто "Адская машина".

Родился Ю. А. Гагарин (9 марта).

Скончалась Мари Кюри (4 июля, 66).

Франция

"Аталанта" (Жан Виго)

"Большая игра" (Жак Фейдер)

"Мадам Бовари", "Тони" (Жан Ренуар)

Япония

"Повесть о плавучей траве" (Ясудзиро Одзу)

Великобритания

"Человек из Арана" (Роберт Дж. Флаэрти)

"Человек, который слишком много знал" (Альфред Хичкок)

США

"Клеопатра" (Сесиль Б. Де Милль)

"Это случилось однажды ночью" (Фрэнк Капра)

"Хлеб наш насущный" (Кинг Видор)

СССР

"Пышка" (Михаил Ромм)

"Чапаев" (Георгий и Сергей Васильевы)

"Веселые ребята" (Григорий Александров)

"Юность Максима" (Григорий Козинцев, Леонид Трауберг)

"Это случилось однажды ночью"

"Чапаев"

ФИЛЬМЫ

Продолжение. Начало см. №1–4, 1995 г.

Родились: Майкл Кейн (14 марта), Ширли Маклейн (24 апреля), Татьяна Самойлова (4 мая), Сидни Поллак (1 июля), Софи Лорен (20 сентября), Бриджит Бардо (28 сентября).

Скончался Жан Виго (5 октября, 29).

1935

23 апреля. Открытие московского метро.

3 октября. Вторжение итальянской армии в Абиссинию.

– Сальвадор Дали “Пылающий жираф”, Эдвард Мунк “Современный Фауст”.
– Джордж Гершвин “Порги и Бесс”, Сергей Прокофьев “Ромео и Джульетта”.
– А. Дж. Кронин “Звезды смотрят вниз”, Т. С. Элиот “Убийство в соборе”.
Родилась Франсуаза Саган (21 июня).

21 февраля. I Московский кинофестиваль.

27 апреля. Открытие в Риме киношколы “Сентро Спериментале” под руководством Луиджи Кьярини.

25 мая. Образование корпорации “XX век – Фокс”.

Франция

“Преступление господина Ланжа” (Жан Ренуар)

“Последний миллиардер” (Рене Клер)

“Героическая кермесса”, “Пансион “Мимоза” (Жак Фейдер)

Великобритания

“Лицо, покрытое углем” (Альберто Кавальканти)

“Песнь о Цейлоне” (Бэзил Райт)

“39 шагов” (Альфред Хичкок)

США

“Бекки Шарп” (Рубен Мамулян)

“Дама с камелиями” (Джордж Кьюкор)

“Сон в летнюю ночь” (Макс Рейнхардт, Уильям Дитерле)

“Мятеж на “Баунти” (Фрэнк Ллойд)

“Цилиндр” (Марк Сандрич)

СССР

“Аэроград” (Александр Довженко)

“Новый Гулливер” (Александр Птушко)

“Цилиндр”

Родились: Джули Эндрюс (1 октября), Ален Делон (8 ноября), Биби Андерсон (11 ноября), Вуди Аллен (1 декабря).

1936

1 августа. Открытие Берлинской Олимпиады.

– Сергей Прокофьев “Петя и волк”.

– Жорж Бернанос “Дневник сельского священника”, Маргарет Митчелл “Унесенные ветром”.

Скончались: Редьярд Киплинг (18 января, 70), Александр Глазунов (21 марта, 71), Освальд Шпенглер (8 мая, 55), Максим Горький (14 июня, 68), Федерико Гарсия Лорка (19 августа, 37), Луиджи Пиранделло (10 декабря, 69).

16 января. В Голливуде образована Гильдия кинорежиссеров.

17 июля. Группой французских кинокритиков учреждена премия Луи Деллюка в честь основоположника французской кинокритики. Первым лауреатом этой премии стал фильм Жана Ренуара "На дне".

23 июля. В Голливуде основана антинацистская лига. Среди ее учредителей Дороти Паркер, Фриц Ланг и Фредерик Марч.

9 сентября. Создание Французской синематеки Анри Ланглуа, Жоржем Франжо и Жаном Митри.

Франция

"Жизнь принадлежит нам", "На дне" (Жан Ренуар)

"Дружная компания" (Жюльен Дювилье)

"Женни" (Марсель Карне)

Германия

"Триумф воли" (Лени Рифеншталь)

Япония

"Гионские сестры" (Кендзи Мидзогути)

Швеция

"Интермеццо" (Густав Муландер)

Великобритания

"Призрак едет на Запад" (Рене Клер)

"Ночная почта" (Хэрри Уотт, Бэлиз Райт)

"Рембрандт" (Александр Корда)

"Саботаж" (Альфред Хичкок)

США

"Ярость" (Фриц Ланг)

"Мистер Дидс переезжает в город" (Фрэнк Капра)

"Новые времена" (Чарльз Чаплин)

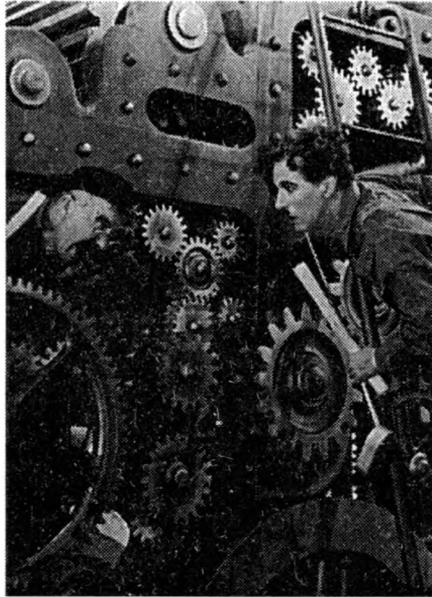
"Повесть о Луи Пастере" (Уильям Дитерле)

СССР

"Депутат Балтики" (Иосиф Хейфец, Александр Зархи)

"Цирк" (Григорий Александров)

"Мы из Кронштадта" (Ефим Дзиган)

"Новые времена"

Родились: Лилиана Кавани (12 января), Альберт Финни (9 мая), Денис Хоппер (17 мая).

Скончался Джон Гилберт (9 января, 40).

1937

27 апреля. Разрушительная бомбардировка немецкой авиацией испанского города Герника.

8 августа. Оккупация Пекина японскими войсками.

– Открытие моста "Золотые ворота" в Сан-Франциско, самого длинного подвесного моста в мире.

– Жорж Брак "Женщина с мандолиной", Пабло Пикассо "Герника".

– Эрнест Хемингуэй "Иметь и не иметь", Джон Э. Стейнбек "О мышах и людях", Джон Дос Пассос "США", Карен Бликсен "Из Африки", Одетс "Золотой мальчик", Дж. Толкиен "Хоббит", Джон Б. Пристли "Время и семья Конвей".

Скончались: Джордж Гершвин (11 июля, 38), Гульельмо Маркони (19 июля, 63), Морис Равель (28 декабря, 62).

ФИЛЬМЫ

17 марта. Советские власти запрещают Сергею Эйзенштейну продолжать работу над фильмом "Бежин луг".

23 апреля. Компания "Сонор Тоби фильм" подает в суд на Чарльза Чаплина, утверждая, что его "Новые времена" – это плагиат фильма Рене Клера "Свободу нам!"

Франция

"Пепе ле Моко", "Бальная записная книжка" (Жюльен Дювивье)

"Странная драма" (Марсель Карне)

"Великая иллюзия" (Жан Ренуар)

Великобритания

"Маленький погонщик слонов" (Роберт Дж. Флаэрти, Золтан Корда)

"Янки в Оксфорде" (Джек Конвей)

"Молодой и невинный"

(Альфред Хичкок)

США

"Тупик" (Уильям Уайлер)

"В старом Чикаго" (Генри Кинг)

"Жизнь Эмиля Золя" (Уильям Дитерле)

"Потерянный горизонт" (Фрэнк Капра)

"Белоснежка и семь гномов" (Уолт Дисней)

"Испанская земля" (Йорис Ивенс)

СССР

"Последняя ночь" (Юрий Райзман)

"Ленин в Октябре" (Михаил Ромм)

"Возвращение Максима" (Григорий Козинцев, Леонид Трауберг)

"Великие иллюзии"

"Белоснежка и семь гномов"

Родились: Ванесса Редгрейв (30 января), Уоррен Битти (30 марта), Джек Николсон (22 апреля), Дастин Хоффман (8 августа), Роберт Редфорд (18 августа), Клод Лелуш (30 октября), Роберт Оссейн (30 декабря), Энтони Хопкинс (31 декабря).

1938

13 марта. Германия аннексирует Австрию.

Май. В США образована Комиссия Палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности под руководством конгрессмена Мартина Дिसа.

1 октября. Немецкие войска вступают в Чехословакию.

– Жорж Руо "Се Человек"

– Грэм Грин "Брайтон-Рок", Дафни дю Морие "Ребекка", Торнтон Уайлдер "Наш городок", Жан Кокто "Ужасные родители".

Родились: Рудольф Нуриев (17 марта), Фредерик Форсайт (15 августа).

Скончались: Габриеле Д'Аннунцио (1 марта, 75), Федор Шаляпин (12 апреля, 65), К. С. Станиславский (7 августа, 75), Карел Чапек (25 декабря, 48).

17 июля. В Париже создана Международная Федерация киноархивов (ФИАФ), в которую вошли киноархивы Великобритании, Германии, Франции и США.

Франция

"Марсельеза", "Человек-зверь" (Жан Ренуар)

"Жена булочника" (Марсель Паньоль)

"Набережная туманов", "Северный отель" (Марсель Карне)

Германия

"Олимпия" (Лени Рифеншталь)

Великобритания

"Отдых банковских служащих" (Кэрол Рид)

"Цитадель" (Кинг Видор)

"Леди исчезает" (Альфред Хичкок)

"Пигмалион" (Энтони Асквит, Лесли Хоуард)

США

"Ангелы с грязными лицами" (Майкл Кертиц)

"Большой вальс" (Жюльен Дювивье)

"Иезавель" (Уильям Уайлер)

СССР

"Александр Невский" (Сергей Эйзенштейн)

"Детство Горького" (Марк Донской)

"Волга-Волга" (Григорий Александров)

"Выборгская сторона" (Григорий Козинцев, Леонид Трауберг)

Родились: Иржи Менцель (23 февраля), Марина Влади (10 марта), Глаубер Роша (14 марта), Ежи Сколимовский (5 мая), Роми Шнайдер (23 сентября), Джон Войт (29 декабря).

Скончались: Жорж Мельес (21 января, 76), Роберт Вине (17 июля 57).

"Человек-зверь"

1939

25 марта. Поражение испанских республиканцев. Окончание гражданской войны.

7 апреля. Вторжение армии Муссолини в Албанию.

1 сентября. Вторжение гитлеровской армии в Польшу.

3 сентября. Великобритания и Франция объявляют войну Германии.

28 сентября. Договор между Германией и СССР о разделе Польши.

30 ноября. Начало войны между СССР и Финляндией.

– Отто Ган и Фриц Штрасман открывают деление ядер урана. Фредерик Жолио-Кюри демонстрирует возможность расщепления атомного ядра.

– Джеймс Джойс "Поминки по Финнегану", Томас Манн "Лотта в Веймаре", Джон Стейнбек "Гроздь гнева".

Скончался Зигмунд Фрейд (23 сентября, 83).

1 сентября. Каннский фестиваль, проведение которого было запланировано на 1–2 сентября, отменен в связи с началом войны.

14 сентября. Премьера в г. Атланта фильма "Унесенные ветром", на которой присутствовали исполнители главных ролей и автор романа Маргарет Митчелл. Впоследствии этот фильм получил 8 премий "Оскар", установив тем самым своеобразный рекорд. Хэтти Макдэниел была первой чернокожей актрисой, получившей "Оскар".

Франция

"День начинается" (Марсель Карне)

КИНО

ФИЛЬМЫ

СОБЫТИЯ
МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

КИНО

ФИЛЬМЫ

КИНО

ФИЛЬМЫ

"Правило игры" (Жан Ренуар)

Япония

"Повесть о поздней хризантеме" (Кендзи Мидзогути)

Великобритания

"До свидания, мистер Чипс" (Сэм Вуд)

"Таверна "Ямайка" (Альфред Хичкок)

"Звезды смотрят вниз" (Кэрол Рид)

США

"Волшебник из страны Оз" (Виктор Флеминг)

"Унесенные ветром" (Виктор Флеминг)

"Хуарес" (Уильям Дитерле)

"Мистер Смит едет в Вашингтон" (Фрэнк Капра)

"Бурные двадцатые годы" (Рауль Уолш)

"Дилижанс" (Джон Форд)

"Грозовой перевал" (Уильям Уайлер)

"Ниночка" (Эрнст Любич)

СССР

"Великий гражданин" (Фридрих Эрмлер)

"Петр Первый" (Владимир Петров)

"Щорс" (Александр Довженко)

"Учитель" (Сергей Герасимов)

Родились: Бертран Блие (14 марта),
Фолькер Шлендорф (31 марта), Фрэнсис
Форд Коппола (7 апреля), Клаудиа Кар-
динале (15 апреля), Питер Богданович (30
июля), Уильям Фридкин (29 августа), Мар-
ко Беллокио (9 ноября).

Скончались: Иван Мозжухин (18 ноября, 50), Карл Лемле (24 сентября, 72),
Дуглас Фербенкс (12 декабря, 56).

1940

9 апр. к. л. Вторжение Германии в Данию и Норвегию.

10 мая. Вторжение Германии в Голландию и Бельгию.

30 мая. Окружение британских войск под Дюнкерком.

10 июля. Италия объявляет войну Великобритании и Франции.

14 июля. Немецкие войска входят в Париж.

21 августа. Убийство в Мехико Л. Д. Троцкого.

— Эрнест Хемингуэй "По ком звонит колокол".

Родились: Ринго Старр (7 июля), Джон Леннон (9 октября), Пеле (23 октября).

1 сентября. Во время войны на Венецианском кинофестивале демонстрирова-
лись только фильмы гитлеровской Германии и ее союзников. Кубок Муссоли-
ни на фестивале 1940 года был присужден фильмам "Почтмейстер" Густава
Усицкого (Германия) и "Осада Алькасара" Аугусто Дженины.

29 сентября. Правительство Виши лишает Рене Клера французского гражданст-
ва по причине его отъезда в США. Однако пять месяцев спустя ему возвраще-
но гражданство.

Франция

"Дочь землекопа" (Марсель Паньоль)

"Потерянный рай" (Абель Ганс)

Германия

"Еврей Зюсс" (Файт Харман)

США

"Фантазия" (Уолт Дисней)

"Правило игры"

"Волшебник из страны Оз"

"Ребекка", "Иностраннный корреспондент" (Альфред Хичкок)

"Гроздь гнева", "Долгий путь домой" (Джон Форд)

"Великий диктатор" (Чарльз Чаплин)

"Мост Ватерлоо" (Мелвин Ле Рой)

"Его девушка Пятница" (Хоуард Хоукс)

СССР

"Большая жизнь" (Леонид Луков)

"Мои университеты" (Марк Донской)

"Яков Свердлов" (Сергей Юткевич)

Родились: Эль Пачино (24 апреля), Виктор Эрисе (июнь), Витторио Стараро (26 июня), Брайен Де Пальма (11 сентября), Терри Гиллиам (22 ноября), Брюс Ли (27 ноября).

"Его девушка Пятница"

1941

Апр. 10. Вторжение немецких войск в Югославию и Грецию.

22 июня. Нападение Германии, при поддержке Финляндии и Румынии, на Советский Союз. Начало Великой Отечественной войны.

7 декабря. Нападение Японии на американскую военно-морскую базу в Пирл-Харбор (Гавайи). США объявляет войну Японии.

8 декабря. Великобритания объявляет войну Японии, Финляндии, Румынии и Венгрии.

12 декабря. Начало разгрома немецких войск под Москвой.

Родились: Плачидо Доминго (21 января), Боб Дилан (24 мая).

Скончались: Анри Бергсон (4 января 81), Джеймс Джойс (13 января, 58), Шервуд Андерсон (8 марта, 65), Вирджиния Вульф (28 марта, 59), Рабиндранат Тагор (7 августа, 80).

30 августа. Открытие II Венецианского кинофестиваля военного периода. Кубок Муссолини получили фильмы "Железная корона" Алессандро Блазетти и "Ом Крюгер" Ганса Штайнхоффа, а приз фашистской партии был присужден фильму Роберто Росселлини "Белый корабль".

16 сентября. Эвакуация киностудий из Москвы.

Декабрь. Создание киноотдела Британской армии.

– Первая публичная демонстрация стереоскопического кино, изобретенного в СССР Семеном Ивановым, первый фильм, снятый по этой системе, – "Земля молодости".

Франция

"Убийство Рождественского деда" (Кристиан-Жак)

"Мы – мальчишки" (Луи Дакен)

"Буксиры" (Жан Гремийон)

Германия

"Ом Крюгер" (Ганс Штайнхоф)

Италия

"Железная корона" (Алессандро Блазетти)

"Белый корабль" (Роберто Росселлини)

"Тереза-Пятница" (Витторио Де Сика)

США

"Кровь и песок" (Рубен Мамулян)

"Гражданин Кейн" (Орсон Уэллс)

"Табачная дорога", "Как зелена была моя долина" (Джон Форд)

СОБЫТИЯ
МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

КИНО

ФИЛЬМЫ

"Лисички" (Уильям Уайлер)
"Мальтийский сокол" (Джон Хьюстон)
"Подозрение" (Альфред Хичкок)
СССР
"Дело Артамоновых" (Григорий Рошаль)
"Маскарад" (Сергей Герасимов)

Родились: Фей Данауэй (14 января),
Бернардо Бертолуччи (16 марта), Бруно Ганц (22 марта), Роман Балаян (5 апреля), Бертран Тавернье (25 апреля), Кшиштоф Кислевский (27 июня), Рауль Руис (25 июля), Анна Карина (22 сентября), Даниэль Шмид (26 декабря), Сара Майлз (31 декабря).

Скончались: Вальтер Рутман, Эдвин С. Портер.

"Мальтийский сокол"

1942

СОБЫТИЯ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

18 апр. м. Первый налет американской военной авиации на Токио.

31 мая. Бомбардировки Кельна британскими военно-воздушными силами.

7 июля. Высадка американских войск в Северной Африке.

– Арам Хачатурян "Гаянэ", Сергей Прокофьев "Иван Грозный"

– Альбер Камю "Посторонний", Ивлин Во "Не жалейте флагов", Жан Ануи "Антигона".

Родился Пол Маккартни (18 июня).

Скончались: Стефан Цвейг (23 февраля, 60), Михаил Фокин (23 августа, 62).

КИНО

3 января. Правительство генерала Франко объявляет о реорганизации киноиндустрии с целью стимулирования производства испанских фильмов.

4 марта. Американская киноакадемия учреждает премию за лучший документальный фильм.

25 марта. Даниэль Дарье, Вивиан Роман и Альбер Прежан в составе делегации французских кинематографистов посещают Берлин по приглашению Й. Гебельса. Впоследствии этот визит получит скандальную известность.

Май. В американской армии создается киноотдел под руководством Фрэнка Капры.

ФИЛЬМЫ

Франция

"Убийца живет в номере 21" (Анри-Жорж Клузо)

"Вечерние посетители" (Марсель Карне)

Италия

"Выстрел" (Ренато Кастеллани)

"Пилот возвращается" (Роберто Росселлини)

Швеция

"Дорога в рай" (Альф Шеберг)

Великобритания

"В котором мы служим" (Нозль Кауард, Дэвид Лин)

"Слушайте Британию" (Хамфри Дженнингс, Стюарт Макалистер)

"Молодой мистер Питт" (Кэрол Рид)

США

"Касабланка" (Майкл Кертиц)

"Я женился на ведьме" (Рене Клер)

"Могущественные Эмберсоны" (Орсон Уэллс)

"Миссис Минивер" (Уильям Уайлер)

"Янки дудль дэнди" (Майкл Кертиц)

СССР

"Как закалялась сталь" (Марк Донской)

"Машенька" (Юлий Райзман)

Родились: Дерек Джарман (31 января), Маргарете фон Тротта (21 февраля), Барбра Стрейзанд (24 апреля), Харрисон Форд (13 июля), Джанкарло Джаннини (1 августа), Мигель Литтин (9 августа), Вернер Херцог (5 сентября), Мартин Скорсезе (17 ноября), Питер Гринуэй.

1943

28 января. Гитлер отдает приказ о мобилизации всех немцев от 16 до 65 лет.

31 января. Разгром немцев под Сталинградом.

19 апреля. Подавление восстания Варшавского гетто.

26 апреля. Обнаружение немцами в Катynie, под Смоленском, массового захоронения 14000 польских офицеров. Впоследствии Россия взяла на себя ответственность за это массовое убийство.

25 мая. Отстранение от власти диктатора Муссолини.

14 июля. Рим объявлен открытым городом.

Родились: Дженис Джоплин (19 января), Джордж Харрисон (25 февраля), Мик Джагер (26 июля), Лех Валенса (29 сентября).

Скончался Сергей Рахманинов (28 марта, 69).

6 января. Открытие в Париже Высшей школы кинематографии (ИДЭК).

1 июля. Гибель английского актера и режиссера Лесли Хоурда при крушении самолета, сбитого немцами над Бискайским заливом.

Великобритания

"Слабый пол" (Лесли Хоурд)

"Эта счастливая семья" (Дэвид Лин)

"Мы погружаемся на заре" (Энтони Асквит)

Германия

"Парацельс" (Георг Вильгельм Пабст)

"Романс в миноре" (Хельмут Койтнер)

Дания

"День гнева" (Карл Теодор Дрейер)

Италия

"Дети смотрят на нас" (Витторио Де Сика)

"Люди с реки По" (Микеланджело Антониони, 1943–1947)

"Одержимость" (Лукино Висконти)

"Человек с крестом" (Роберто Росселлини)

Мексика

"Мария Канделария" (Эмилио Фернандес)

СССР

"Битва за нашу Советскую Украину" (Александр Довженко)

"Она защищает Родину" (Фридрих Эрмлер)

США

"Палачи тоже умирают" (Фриц Ланг)

"Небеса могут подождать" (Эрнст Любич)

"Спасательная шляпка" (Альфред Хичкок)

СОБЫТИЯ
МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

КИНО

ФИЛЬМЫ

"Чудо залива Моргана"

"Инцидент в Окс-Боу (Уильям Уэлман)
"Военно-воздушные силы" (Хоуард Хоукс)
"Чудо залива Моргана" (Престон Стёрджес)

Франция

"Ангелы греха" (Робер Брессон)
"Ворон" (Анри-Жорж Клузо)
"Вечное возвращение" (Жан Деланнуа)
"Гупи-Красные руки" (Жак Беккер)

Япония

"Сугата Сансиро" (Акира Куросава)

Родились: Андре Тешине (13 марта), Малколм макдауэлл (15 июня), Роберт Де Ниро (17 августа), Катрин Денев (22 октября), Сэм Шэпарт (5 ноября), Ханна Шигулла (25 декабря), Бен Кингсли (31 декабря).

Скончались: Лесли Хоуард, Макс Рейнхардт, Конрад Фейдт.

1944

1 января. Гитлер отдает приказ о мобилизации детей старше 10 лет.

19 января. Снятие блокады Ленинграда Советской Армией.

1 июля. Взятие Рима войсками союзников.

8 августа. Подавление немцами Варшавского восстания. Разрушение города.

25 августа. Освобождение Парижа войсками союзников.

18 сентября. Советская Армия входит в Чехословакию.

20 октября. Взятие Белграда советскими войсками и партизанами Тито.

Скончались: Люсьен Писсарро (11 июля, 81), Антуан Де Сент-Экзюпери (31 июля, 44), Василий Кандинский (13 декабря, 78), Гленн Миллер (16 декабря, 40).

КИНО

22 апреля. Во Франции запрещены фильмы с участием Жана Габена, вступившего в движение "Свободная Франция".

19 августа. Французский комитет по освобождению кино под руководством Жака Беккера, Луи Дакена и Пьера Бланшара создает коллективный фильм "Освобождение Парижа".

1 сентября. Французский комитет по освобождению кино публикует список режиссеров, отстраненных от работы, среди которых Марсель Карне, Анри-Жорж Клузо, Андре Кайат, Анри Декуэн и Лео Жоаннон.

ФИЛЬМЫ

СССР

"Иван Грозный", I серия (Сергей Эйзенштейн)

"Небо Москвы" (Юлий Райзман)

"Радуга" (Марк Донской)

США

"Двойная страховка" (Билли Уайлдер)

"Газовый свет" (Джордж Кьюкор)

"Это случилось завтра" (Рене Клер)

"Встретимся в Сент-Луисе" (Винсенте Миннелли)

"Седьмой крест" (Фред Циннеман)

"Иметь и не иметь" (Хоуард Хоукс)

"Женщина в окне" (Фриц Ланг)

Франция

"Небо принадлежит вам" (Жан Гремийон)

"Освобождение Парижа" (Коллективная работа)

"Иван Грозный"

Родились: Алан Паркер (14 февраля), Джонатан Демми (22 февраля), Жак Дуайон (15 марта), Жан-Пьер Лео (5 мая), Джордж Лукас (14 мая), Клаус-Мария Брандауэр (22 июня), Джеральдина Чаплин (31 июля), Питер Уэйр (21 августа), Майкл Дуглас (25 сентября), Дэни де Вито (17 ноября).

1945

17 января. Взятие Варшавы советскими и польскими войсками.
1-12 февраля. Ялтинская конференция, на которой У. Черчилль, Ф. Рузвельт и И. Сталин договариваются о послевоенном разделе Германии.
28 апреля. Казнь Муссолини, произведенная итальянскими партизанами.
30 апреля. Встреча советских и американских частей в Берлине. Самоубийство А. Гитлера.
5 мая. Капитуляция Германии.
6 августа. Атомная бомбардировка Хиросимы.
9 августа. Атомная бомбардировка Нагасаки.
14 августа. Капитуляция Японии.
13 ноября. Шарль Де Голль становится президентом Франции.
Скончались: Анна Франк (12 марта, 15), Поль Валери (20 июля, 74), Бела Барток (26 сентября, 64), Теодор Драйзер (28 декабря, 74).

Август. Национализация чешской кинематографии. Организация киношколы (ФАМУ) и киноархива. В это же время становятся государственными кинематографии Польши и Югославии.

13 ноября. Создание государственного предприятия "Фильм польский".

17 ноября. Основание в восточной Германии киностудии ДЕФА при материальной поддержке СССР.

Великобритания

"Глубокой ночью" (Альберто Кавальканти, Чарльз Крайтон, Роберт Неймер, Бэзил Дирден)

"Генрих V" (Лоуренс Оливье)

"Дорога к звездам" (Энтони Асквит)

Италия

"Рим-открытый город" (Роберто Росселлини)

СССР

"Простые люди" (Григорий Козинцев, Леонид Трауберг, выпуск на экраны - 1956)

США

"Потерянный уик-энд" (Билли Уайлдер)

"Милдред Пирс" (Майкл Кертиц)

"Завороженный" (Альфред Хичкок)

"Винтовая лестница" (Роберт Сьодмак)

"В Бруклине растет дерево" (Элиа Казан)

Франция

"Дамы Булонского леса" (Робер Брессон)

"Дети райка" (Марсель Карне)

"Дамские тряпки" (Жак Беккер)

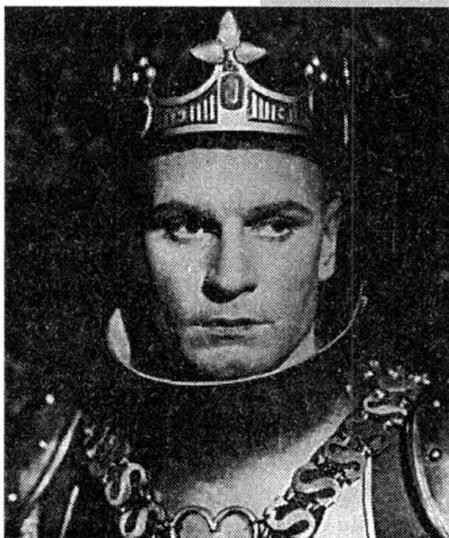
Родились: Вадим Абдрашитов (19 января), Шарлотта Рэмплинг (5 февраля), Даниэль Ольбрыхский (27 февраля), Вим Вендерс (14 августа), Никита Михалков (21 октября).

Скончался Яков Протазанов (8 августа, 64).

СОБЫТИЯ
МИРОВОЙ
ИСТОРИИ

КИНО

ФИЛЬМЫ

"Генрих V"

СОДЕРЖАНИЕ

- 2 Интервью
Интервью с Александром Червинским
- 8 Непоставленное кино
Александр Червинский "Королевство у моря"
- 40 Зарубежное кино
Алан Беннетт "Безумие короля Георга"
- 80 Кинокомедия
Чарлз Бреккет, Билли Уайлдер, Уолтер Рейш "Ниночка"
- 129 Конкурс "Зеркало"
Алла Сурина "Импровизация"
- 133 Петр Луцик, Алексей Саморядов
"Сказка о том, что мы можем, а чего нет"
- 138 Валентин Черных "Женщин обижать не рекомендуется"
- 144 Прибытие поезда
Аркадий Тигай "Жизнь прекрасна"
- 155 Мемуары
Эльдар Рязанов "Никто не хотел выдвигать"
"Отец итальянского неореализма и я"
- 169 Секреты мастерства
Александр Митта "Стереотипы драматургии" (продолжение)
- 178 Письмо в номер
Борис Носик "Альбатрос, или Русские в Париже"
- 180 Памяти товарища
"С благодарностию – были..."
- 181 К 100-летию кинематографа
Дэвид Робинсон "Хроника кинематографа" (продолжение)

Главный редактор Н.Рюрикова

Ответственный секретарь М.Сергиенко. Выпускающий редактор Ю.Гирба.
Компьютерная верстка О.Дорофеевой.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Сдано в набор 20.11.95. Подписано к печати 07.12.95. Формат 70x100/16. Усл.печ.л. 14,5. Усл.кр.отт. 14,5. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура "прагматика". Тираж 12000 экз. Заказ № 3913

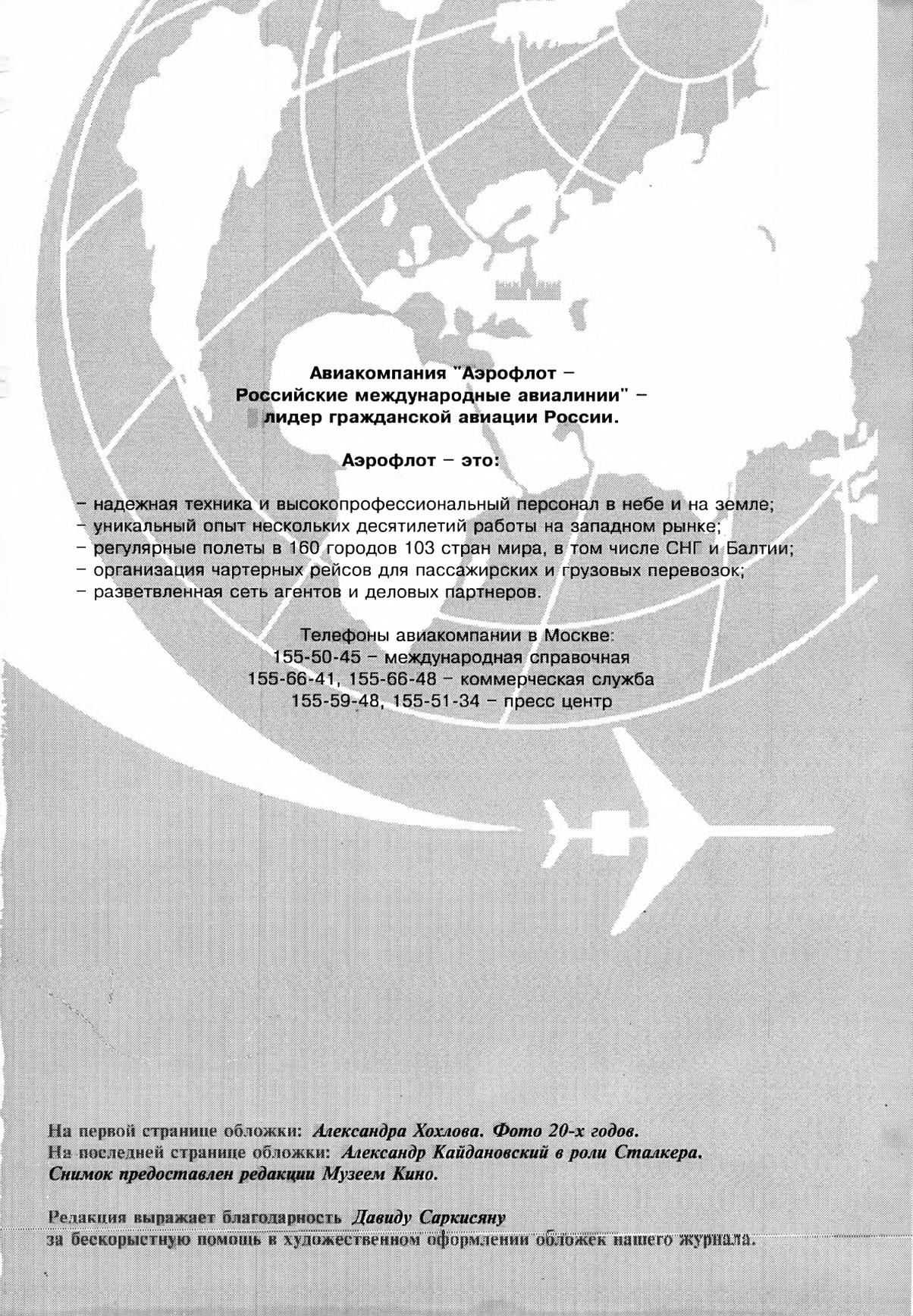
Издание осуществлено совместно с Издательско-полиграфическим центром Аэрофлота "ПАНАС-АЭРО"

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени ПО "Детская книга" Роскомпечати. Адрес 127018, Москва, Сущевский вал, 49

Адрес редакции: 103006, Москва, Воротниковский пер., 12
Телефоны: 299-11-78, 299-47-74, 209-60-23

В оформлении рубрики "Памяти товарища" использована работа Дмитрия Краснопевцева "Свечи".

**Авиакомпания "Аэрофлот –
Российские международные авиалинии" –
лидер гражданской авиации России.**

Аэрофлот – это:

- надежная техника и высокопрофессиональный персонал в небе и на земле;
- уникальный опыт нескольких десятилетий работы на западном рынке;
- регулярные полеты в 160 городов 103 стран мира, в том числе СНГ и Балтии;
- организация чартерных рейсов для пассажирских и грузовых перевозок;
- разветвленная сеть агентов и деловых партнеров.

Телефоны авиакомпании в Москве:

155-50-45 – международная справочная
155-66-41, 155-66-48 – коммерческая служба
155-59-48, 155-51-34 – пресс центр

На первой странице обложки: *Александра Хохлова. Фото 20-х годов.*

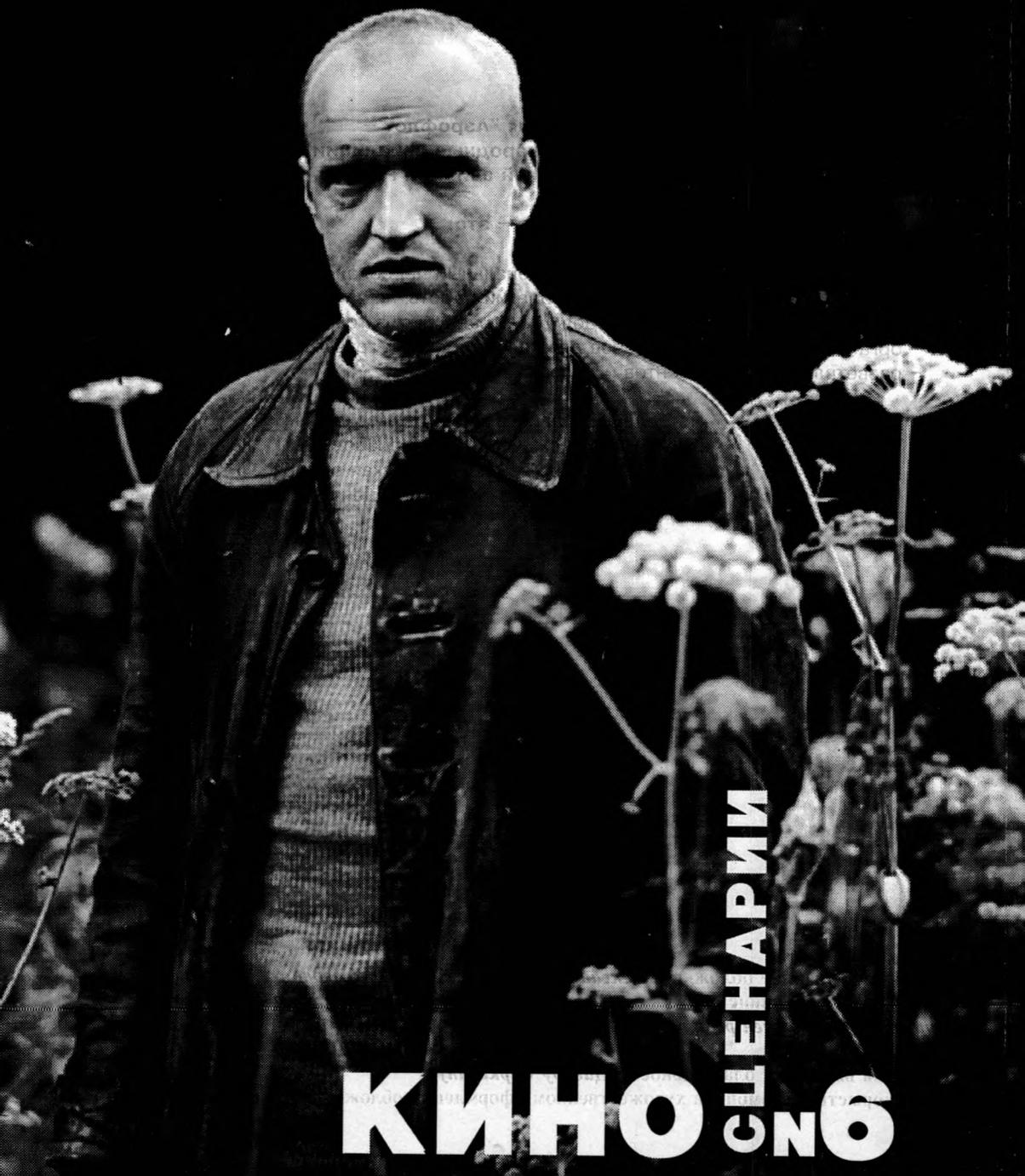
На последней странице обложки: *Александр Кайдановский в роли Сталкера.*

Снимок предоставлен редакции Музеем Кино.

Редакция выражает благодарность *Давиду Саркисяну*

за бескорыстную помощь в художественном оформлении обложек нашего журнала.

Читайте в следующем номере
сценарий Александра Кайдановского
"Восхождение к Экхарту"

КИНО СЦЕНАРИИ №6